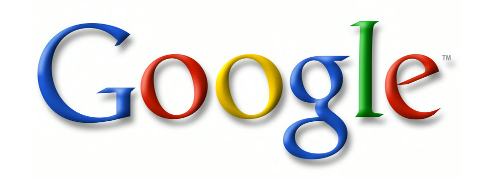

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817

В. Д. КУЗЬМИНЪ-КАРАВАЕВЪ

Изъ эпохи освободительнаго движенія

II

17 октября 1905 г. — 8 іюля 1906 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Военно-уголовное право. Вып. I. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к

Характеристика общей части улож. и воинск. уст. о на
Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Предѣльность земскихъ расходовъ и обложенія. Спб. 1900
Ц. 50 к.

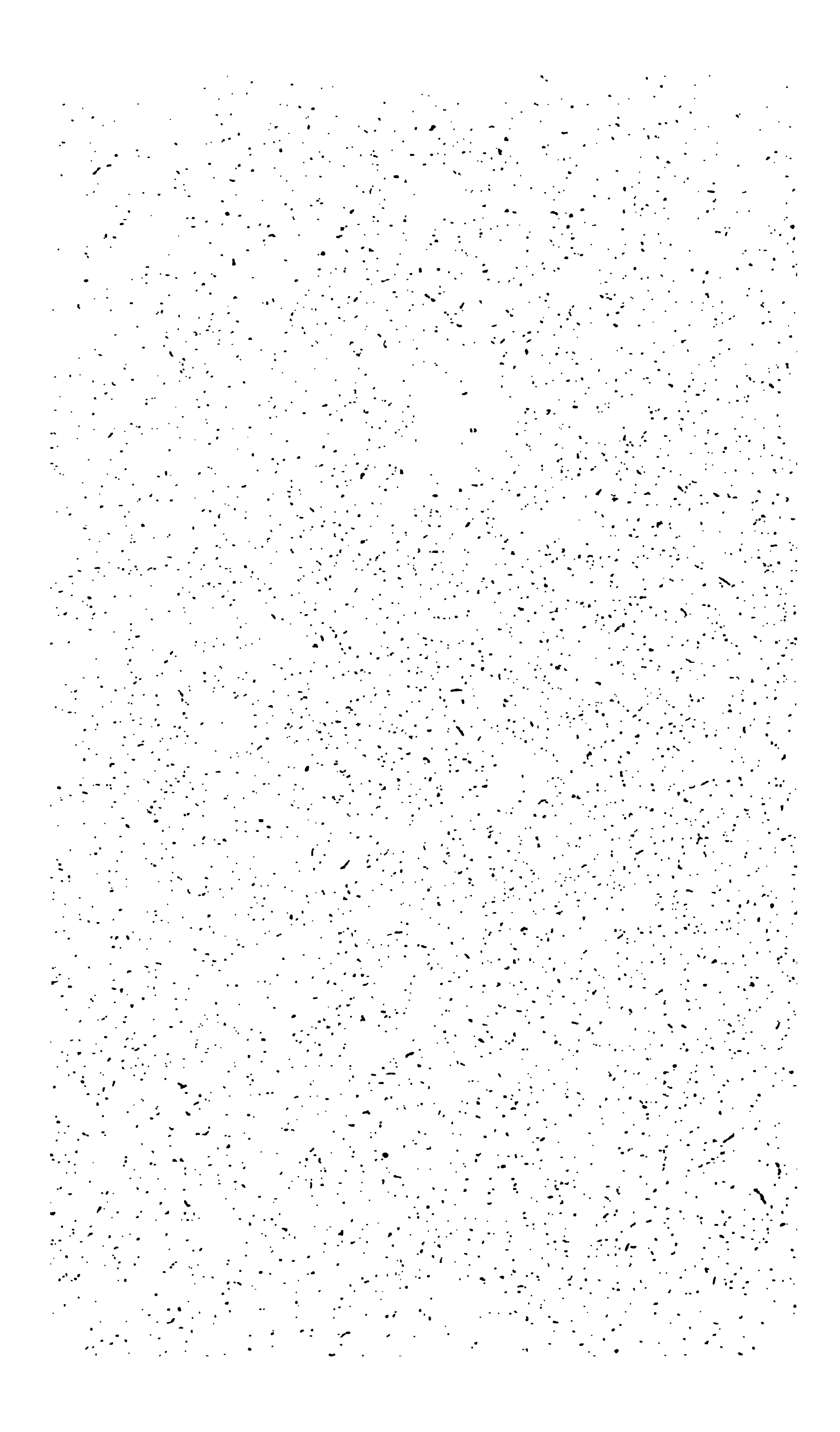
Пресѣченіе способовъ уклоненія отъ слѣдствія и суд
Спб. 1902 г. Ц. 40 к.

Земство и деревня. Спб. 1904 г. Ц. 2 р.

„Революціонное выступленіе" Думы и земельный вопрос
Спб. 1907 г. Изд. 2-е. Ц. 25 к.

Цѣна 1 рубль.

Изданіе находится въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевич
(С.-Петербургъ, Вас. остр., 5 л., д. 28).

В. Д. КУЗЬМИНЪ-КАРАВАЕВЪ

Изъ эпохи освободительнаго движенія

II

17 октября 1905 г.—8 іюля 1906 г.

Право обязываетъ!—Дума или учредительное собраніе?—Амнистія.—Революціоннымъ путемъ.—Академическому союзу.—Разстрѣляніе безъ суда.—Вопіющее беззаконіе.—Судебные скорпіоны.—Преступно и подло!—Раздвоившаяся правда закона.—Крестьянскій вопросъ.—27-ое Апрѣля.—Гдѣ правда?—Надо же кончить! и др.—Ежемѣсячная хроника.—Рѣчи въ Государственной Думѣ:—За немедленную отмѣну смертной казни.—Вопросы наказа.—Обращеніе отъ Государственной Думы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

8612

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Во второй выпускъ «Изъ эпохи освободительнаго движенія» вошли статьи, написанныя мною въ періодъ съ 17 октября 1905 г. до роспуска первой Государственной Думы. Кромѣ отдѣльныхъ статей, я включилъ сюда, подъ заглавіемъ «За мѣсяцъ», ежемѣсячную общественную хронику изъ «Вѣстника Европы». А также болѣе значительныя мои рѣчи въ Государственной Думѣ.

Какъ и въ первомъ выпускѣ, статьи расположены въ хронологическомъ порядкѣ.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

10 февраля 1907 года.

Право обязываетъ!

Манифестъ 19 февраля 1861 г. провозгласилъ свободу человѣка. Манифестъ 17 октября 1905 г. провозгласилъ свободу гражданина...

19 февраля пали оковы личнаго рабства и раздался призывъ къ свободному личному труду.

17 октября пало безправіе общественное. Передъ русскимъ народомъ раскрылось новое поприще свободнаго общественнаго служенія — труда въ обществѣ и во имя общества.

Нѣтъ болѣе обывателя: его смѣнилъ гражданинъ...

Царь раздѣлилъ съ народомъ бремя власти. На народъ перешло бремя отвѣтственности...

Неестественныя условія государственнаго бытія разрушены. Форма не будетъ подавлять содержанія жизни. Древняя, какъ человѣкъ, безсмертная идея свободнаго человѣческаго духа получила признаніе. Власть и народъ, разбившіеся на два вражескихъ стана, слились въ общности задачъ, правъ и обязанностей.

Моментъ не повторяющійся! Моментъ перелома...

Безправный предметъ стороннихъ начальственныхъ воздѣйствій вѣка рвался къ свободѣ и праву. Онъ рвался скинуть съ себя раба власти и сдѣлаться гражданиномъ, дабы открыто, свободно, по совѣсти и убѣжденію работать на благо родины. Онъ

былъ политическимъ преступникомъ. Онъ рвался стать политическимъ дѣятелемъ.

Онъ имъ сталъ. Онъ имъ признанъ...

Въ первую минуту нѣтъ силъ охватить всю огромность представшей передъ русскимъ гражданиномъ работы. Она рисуется какъ что-то необъятное, колоссальное...

Произволъ перемѣшался съ закономъ. Законъ возвелъ произволъ въ правовой принципъ. Законъ не столько созидалъ, сколько боролся. Назрѣвшія реальныя потребности жизни встрѣчали въ законѣ преграду. Онѣ нагромоздились, онѣ давятъ одна другую, или — онѣ нашли удовлетвореніе внѣ нормъ закона и вопреки имъ.

Произволъ проникъ въ нравы, привычки. Произволъ царитъ въ городѣ и въ деревнѣ, въ семьѣ и въ школѣ, въ войскѣ, въ канцеляріи, въ церкви, въ судѣ...

Страна разорена. Крестьянство голодаетъ. Наука забыта. Просвѣщеніе терпится, какъ зло.

Съ глубинъ фундамента все надо пересоздать. Работу эту долженъ исполнить отнынѣ за нее отвѣтственный народъ!...

И обыватель не молчалъ. Онъ говорилъ и кричалъ — пока стѣны тюрьмы не заглушали его крика. Онъ убѣждалъ, просилъ, требовалъ. Онъ только не рѣшалъ. Онъ не имѣлъ правъ — на немъ не лежало обязанностей. Его обязанность была одна: пассивно, безропотно повиноваться.

Гражданинъ долженъ рѣшать, дѣйствовать, творить. Всевластнаго начальства надъ нимъ нѣтъ.

Свобода совѣсти обязываетъ безбоязненно исповѣдывать свою вѣру. Свобода слова и печати обязываетъ говорить искренно и прямо. Свобода собраній и союзовъ обязываетъ жить въ постоянномъ общеніи съ людьми. Свобода личности обязываетъ вырабатывать въ себѣ человѣка самодѣятельнаго, активнаго, уважающаго свободу и право другихъ.

Право народа на самоопредѣленіе обязываетъ быть столь же спокойно сдержаннымъ въ отрицаніи сложившагося и окрѣпшаго, сколь чуткимъ въ созиданіи новаго...

Готовы ли мы творить правду жизни?

Да, русское общество готово. Но еще нѣтъ увѣренности, что 17 октября наступилъ переломъ въ его работѣ. Слишкомъ часто

въ эти годы довѣріе было обмануто. Правительство — мы надѣемся—дастъ несомнѣнныя доказательства искренности своихъ намѣреній.

Страстность борьбы тогда наконецъ уступитъ мѣсто вдумчивому творчеству...

«Русь» 22 октября 1905 г.,
№ 1.

За мѣсяцъ.

1 ноября 1905 г.

Подъ первыми впечатлѣніями манифеста 17 октября.—Забастовки. — Митинги.—Какъ назвать забастовочные дни: преддверіе революціи или революція въ настоящемъ?—Опасная сторона политическихъ забастовокъ въ интересахъ освободительнаго движенія.—Что означаютъ погромы черной сотни?—Новыя задачи общества и печати.

Манифестъ о дарованіи населенію незыблемыхъ основъ гражданской свободы, о расширеніи избирательныхъ правъ и объ обращеніи Государственной Думы въ представительное учрежденіе конституціоннаго типа—сталъ извѣстенъ въ Петербургѣ вечеромъ 17-го октября, часа черезъ три послѣ подписанія. Едва ли не первымъ общественнымъ собраніемъ, гдѣ онъ былъ прочитанъ, явилось засѣданіе представителей ежедневной и еженедѣльной политической прессы. Засѣданіе происходило въ редакціи «Слова». Собрались для окончательнаго установленія единства дѣйствій въ цѣляхъ фактическаго достиженія, если не свободы печати, то освобожденія отъ административно-цензурныхъ путъ. Уже при входѣ всѣмъ сообщалось, что сейчасъ будетъ привезенъ оффиціальный текстъ манифеста. Въ томительномъ ожиданіи прошло около получаса. Наконецъ, манифестъ привезли. Мигомъ онъ былъ прочтенъ.

Послѣ ужаснаго нервнаго напряженія забастовочныхъ дней у всѣхъ присутствующихъ вырвался вздохъ облегченія. Гражданская

свобода въ Россіи и конституціонное правленіе—отнынѣ фактъ. Да, было отчего придти въ повышенное настроеніе!.. Достигнуто давно жданное, давно желанное. Достигнуто необходимое. Достигнуто то, чтò одно можетъ спасти страну, доведенную пережившимъ себя режимомъ до исторической пропасти. И характерно: особенно бурно выражали радостныя чувства представители тѣхъ òргановъ, которые до послѣднихъ дней отстаивали принципъ абсолютизма и совѣщательное представительство. Не для упрека имъ мы это отмѣчаемъ. Ихъ первое впечатлѣніе о манифестѣ важно, какъ показатель неизмѣримо болѣе широкаго проникновенія въ общество идеаловъ истинной обезпеченной гражданской свободы, нежели это отражала на себѣ придавленная цензурою печать.

Представители радикальныхъ òргановъ были гораздо сдержаннѣе. Прошлое — и отдаленное, и недавнее — сдѣлало ихъ крайними скептиками. Оно разучило ихъ вѣрить словамъ, хотя бы слова заключали въ себѣ торжественное признаніе дорогихъ имъ началъ. Начала эти они выстрадали долгой, неравной борьбой недоговоренной и намѣренно затемненной мысли съ грубой силой запрещеній и каръ. Въ первую минуту естественно было усомниться. Раздались голоса: не рано ли радоваться, надо вчитаться въ текстъ манифеста, надо подождать, чтò скажутъ не слова, а дѣйствія принявшаго новый курсъ правительства.

На вопросъ: какъ отнестись къ манифесту?—всѣ единодушно рѣшили настойчиво требовать въ первомъ же номерѣ газетъ амнистіи для пострадавшихъ во имя идей, ставшихъ основой государственнаго строя. Дѣйствительно, манифестъ съ логической неизбѣжностью наводилъ мысль на амнистію. Болѣе чѣмъ странно оставлять въ тюрьмахъ, послѣ признанія религіозной и гражданской свободы и послѣ дарованія населенію права участія въ законодательной власти, тѣхъ, чьи поступки и дѣйствія манифестъ обратилъ изъ политическихъ преступленій въ политическій долгъ. Столь же единодушно представители печати рѣшили принять всѣ мѣры къ тому, чтобы наборщики прекратили забастовку, и чтобы на утро газеты могли выйти.

Ночью главныя улицы Петербурга представляли необычное зрѣлище. На полуосвѣщенномъ Невскомъ проспектѣ, съ фонарями, горящими черезъ одинъ, черезъ два или черезъ пять, то тамъ,

то тутъ попадались кучки людей, тѣснымъ кольцомъ охватившихъ читающаго рукопись или печатный оттискъ. Проходили небольшія группы манифестантовъ. Раздавалось «ура». Вмѣстѣ со студентами и рабочими внимательно слушали чтеніе солдаты и городовые. Извозчики спрашивали: «чтó случилось?» — и когда имъ отвѣчали: «объявлена конституція», то оказывалось, что этотъ запретный еще наканунѣ терминъ для нихъ не требуетъ поясненія.

Убѣдить наборщиковъ немедленно приступить къ работѣ издателямъ, редакторамъ и сотрудникамъ газетъ не удалось. Наборщики твердо стояли на томъ, что безъ дозволенія стачечнаго комитета они начать работу не могутъ. Представители же комитета категорично заявили, что они должны предварительно обсудить создавшееся положеніе. Газеты 18-го октября не вышли.

Несмотря на это, къ полудню уже весь городъ зналъ о манифестѣ, который съ ранняго утра былъ расклеенъ на углахъ улицъ. Дома украсились флагами. Двери университа вновь раскрылись, и тысячи людей заполнили актовый залъ и аудиторіи. Прерванные на два дня митинги возобновились. Въ четыре часа вся площадь передъ Казанскимъ соборомъ была сплошь усѣяна народомъ. Глазу, привыкшему видѣть, что едва появится на улицѣ два-три десятка людей съ краснымъ флагомъ,—на нихъ въ ту же минуту бросается пѣшая и конная полиція, было дико смотрѣть на сотни не флаговъ, а знаменъ ярко-краснаго цвѣта съ «преступными» надписями. Сознаніе отказывалось вѣрить въ реальность картины, которая наканунѣ была абсолютно невозможна. Не вѣрилось, видимо, и самимъ демонстрантамъ. Чувствовалось, что они пришли, принесли такую массу флаговъ и говорятъ рѣчи именно для того, чтобы убѣдиться въ своемъ правѣ собираться и открыто обнаруживать свои политическія симпатіи и убѣжденія. Такъ выпущенный изъ тюрьмы не вѣритъ своей свободѣ и ходитъ безъ цѣли, безъ надобности, дабы испытать и убѣдиться, что онъ дѣйствительно свободенъ. Мысль и слово русскаго обывателя и его влеченіе къ общенію съ себѣ подобными вѣка томились за тюремной стѣной. Наконецъ-то стѣна рухнула. Наконецъ-то разсѣялся миражъ, изъ-за котораго людей давили и мучили...

На Невскомъ войска отсутствовали, полиція не вмѣшивалась,

и грандіозная первая манифестація прошла безъ жертвъ. Но на Гороховой, Загородномъ и въ другихъ мѣстахъ попрежнему били, рубили и стрѣляли. Опять была кровь. Опять были раненые, убитые...

Въ Москвѣ всеобщая забастовка немедленно по опубликованіи манифеста стала прекращаться. Въ Петербургѣ же она продолжалась до 24 октября. Такъ же точно и повсемѣстная забастовка желѣзныхъ дорогъ еще затянулась на нѣсколько дней.

Забастовка, подобная той, которую мы пережили, представляетъ собою несомнѣнно явленіе новое не только для Россіи, но и для Европы. Никакихъ экономическихъ требованій забастовавшіе рабочіе не предъявляли—это первая ея характерная черта. Она охватила всѣ отрасли промышленности, значительную часть формъ приложенія интеллигентнаго труда и стала даже захватывать нѣкоторыя области правительственной дѣятельности—это вторая черта, не менѣе характерная. Не преслѣдуя никакихъ непосредственныхъ экономическихъ цѣлей и исключительно въ интересахъ торжества политическихъ идеаловъ, тысячи людей обрекали себя и свои семьи на голодъ и дѣйствительно голодали. Вмѣстѣ съ рабочими фабрикъ и заводовъ бастовали ремесленники, газеты, аптеки, желѣзнодорожные служащіе, адвокаты, мировые судьи, чиновники государственнаго банка, педагоги и гимназисты и, какъ говорили, цѣлые департаменты. Почтовыя сношенія прекратились, товарный обмѣнъ и личное передвиженіе — также, электричество не дѣйствовало, учащіеся не ходили въ школу и т. д. Казалось, что вотъ-вотъ совершится невѣроятное: остановится общественная жизнь, люди лишатся взаимныхъ услугъ и окажутся всѣ въ положеніи Робинзона. Невѣроятное, конечно, наступить не могло, но частичная остановка произошла, біеніе пульса общественной жизни замедлилось.

Еще характерная черта: забастовочные дни протекали совершенно мирно. Если и были эксцессы со стороны забастовщиковъ, то только въ отдѣльныхъ, исключительныхъ случаяхъ. Это дѣлаетъ честь организаціонной сторонѣ дѣла. Но относить мирное теченіе забастовки полностью на счетъ умѣлой и правильно поставленной организаціи было бы ошибочно. Нервное настроеніе

массъ не было лишено исхода — и въ этомъ главная причина. Исходъ давали безчисленныя засѣданія, собранія и митинги, привлекавшіе къ себѣ, въ значительной мѣрѣ ихъ новизною, сотни тысячъ людей. Въ одномъ университетѣ каждый день собиралось болѣе десяти тысячъ человѣкъ, и число приходившихъ все росло и росло. Головы людей были заняты, вниманіе приковано. Идти на митингъ — было дѣломъ, заполнявшимъ пустоту свободнаго времени. И какихъ только не было митинговъ! Въ одинъ и тотъ же вечеръ, помнимъ, въ университетѣ происходили собранія: общедоступное соціалъ-демократическое, желѣзнодорожныхъ служащихъ, часовщиковъ, чиновниковъ, зубныхъ врачей, педагоговъ, воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, предполагалось даже собраніе городовыхъ... Неудержимое стремленіе къ собраніямъ и митингамъ вызывало опасенія. Страшила возможность случайной вспышки инстинктовъ толпы, всегда сопровождаемой паникой и катастрофой.

Какъ назвать забастовочные дни? Что̀ это было: преддверіе революціи или революція въ настоящемъ? По нашему мнѣнію, революція въ полномъ смыслѣ слова. Она не готовилась только, а была.

Идейная революція существуетъ въ Россіи уже цѣлый годъ. Ея показатель — безудержность развитія общественной мысли и безраздѣльное господство яркихъ идей. Сегодня впервые высказанная, та или другая яркая идея завтра дѣлается общимъ достояніемъ и требованіемъ, а еще черезъ два-три дня она уже трактуется какъ нѣчто абсолютно вѣрное, легко и просто осуществимое и необходимое. Такъ было съ теоріей всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, съ восьмичасовымъ рабочимъ днемъ, съ политической равноправностью женщинъ, съ переходомъ отъ автономіи окраинъ къ автономіи провинціальной вообще и еще далѣе—къ федеративному расчлененію всего государства. Такъ происходитъ въ нынѣшнюю минуту съ идеей образованія народной милиціи, при условіи немедленнаго упраздненія полиціи, увода войскъ изъ большихъ городовъ и раздачи оружія населенію. Какъ можно влить идеалъ въ данныя условія времени и пространства, насколько возможно сочетать предлагаемое съ остающимся сейчасъ безъ измѣненія, насколько фактическій результатъ можетъ оказаться обратнымъ ожидае-

мому—все это объявляется подробностью, мелочью, на всестороннюю оцѣнку которой не стоитъ тратить ни труда, ни времени.

При такомъ настроеніи общественной мысли, съ одной стороны, и при стремленіи органовъ власти сохранить изжитое старое во что бы то ни стало, то неумѣло прикрывавшемся готовностью идти на уступки, то обнаруживавшемся во всей наготѣ прежнихъ пріемовъ — съ другой, естественно было задумываться надъ вопросомъ: въ какихъ формахъ революціонная мысль проявитъ себя въ дѣйствіи? Невольно приходило въ голову, что повтореніе событій конца XVIII и первой половины XIX вв. немыслимо. Тогда оружіе было технически просто и несовершенно. Тогда десять гражданъ съ ружьями представляли силу, равную если не десяти, то ужъ навѣрное пяти солдатъ. Тогда въ распоряженіи правительства были только тысячи штыковъ. Теперь — ихъ милліоны. Теперь сто солдатъ сильнѣе многихъ тысячъ гражданъ, хотя бы вооруженныхъ. Теперь мало взять въ руки ружье—надо выучиться имъ дѣйствовать. Теперь никакія баррикады не укроютъ отъ пулемета и шрапнели. Теперь безразсудно вступать въ бой съ войсками. Техника, правда, дала въ руки революціонному движенію иное разрушительное средство—бомбы, террористическая сила которыхъ несомнѣнно громадна. Но мысль не допускала, что бросать бомбы станетъ масса, толпа, всегда ищущая открытыхъ способовъ дѣйствія. Бомба, бросаемая незамѣтно, въ опредѣленное лицо, есть средство убійства, въ этическомъ смыслѣ понятія, а не вооруженной борьбы, при которой убійство, составляя неизбѣжный, но нежелательный и печальный результатъ, никогда не является цѣлью.

Баррикады, ружья и бомбы замѣнила политическая забастовка. Ея внѣшняя пассивность отняла отъ правительства возможность активнаго противодѣйствія и вырвала у него изъ-подъ ногъ почву, на которой оно стояло незыблемо твердо. Противъ ружей оно поставило бы тоже ружья, неизмѣримо сильнѣйшія. Противъ бомбъ—висѣлицу и тюрьму. Но противъ отказа работать поставить нечего. Нельзя усмирять того, кто не нарушаетъ порядка. Отсутствіе актовъ физическаго насилія — вотъ въ чемъ могущество впервые нами пережитой формы революціи. Союзникомъ власти при ней является голодъ. Но ждать, когда въ человѣкѣ заговоритъ голодный звѣрь—какая власть на это рѣшится?

Нельзя во время революціи писать ея исторію. Представляли ли собою октябрьскіе дни общей политической забастовки послѣдній фазисъ движенія, перешедшаго въ дѣйствіе, или только первый— вопросъ открытый. Равнымъ образомъ, лишь въ будущемъ возможно всестороннее освѣщеніе значенія этой новой революціонной формы. Пока что, можно констатировать одно: при извѣстномъ настроеніи общества забастовка является могущественнымъ орудіемъ воздѣйствія на правительство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ можно догадываться, что она есть орудіе обоюдоострое и заключаетъ въ себѣ элементы, для самого общественнаго движенія чрезвычайно опасные.

На кого падаетъ расплата за забастовку? Прежде всего, конечно, на самихъ бастующихъ рабочихъ — людей дневного заработка. Сбереженій и запасовъ они не имѣютъ, а ѣсть, кормить семью и платить за квартиру надо. Нужда для нихъ наступаетъ непосредственно, они неизбѣжно входятъ въ долги и проѣдаютъ скромный инвентарь—одежду, инструменты и проч., надолго разстраивая тѣмъ свое экономическое положеніе. Люди эти, однако, отказываются работать сознательно, цѣль приносимой жертвы имъ понятна, они совершаютъ подвигъ, и психическій подъемъ духа даетъ имъ силы переносить лишенія. Затѣмъ, непосредственно же расплачиваются за забастовку хозяева предпріятій и другіе состоятельные классы забастовавшихъ центровъ. Первые терпятъ убытки. Вторые испытываютъ разнообразныя неудобства въ удовлетвореніи потребностей. Но ни тѣ, ни другіе, въ общемъ правилѣ, до полнаго разоренія не доходятъ. Къ тому же, эти классы населенія, опять-таки въ общемъ правилѣ, не стоятъ въ сторонѣ отъ движенія, а тѣ, кто принципіально его отрицаютъ, вообще мало склонны къ бурному выраженію протеста.

Остаются—въ городахъ — чернорабочіе и, наконецъ, деревенскія массы. Изъ чернорабочихъ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, каменщики, мостовщики, разгрузчики барокъ, дворники и т. п. работъ не прерывали. Забастовка, слѣдовательно, коснулась ихъ не какъ людей труда, а какъ обывателей города. Но другія категоріи чернорабочихъ—ломовые извозчики и вообще всѣ, обслуживающіе своимъ трудомъ желѣзнодорожныя станціи, пригонъ и убой скота, и т. д., и т. д., — оказались помимо воли безъ работы. Забастовка естественно должна была вызывать въ нихъ

чувство озлобленія противъ прямыхъ виновниковъ искусственной безработицы. Идейная сторона политической забастовки имъ мало понятна. По своему культурному уровню они не могутъ отличать слѣдствія отъ причины и всегда готовы реагировать на видимое и реально ощутимое слѣдствіе.

Культурный уровень крестьянъ еще ниже. Деревня живетъ исключительно сегодняшнимъ днемъ. Жертвовать полуголоднымъ «сегодня» во имя лучшаго «завтра» крестьянство абсолютно не можетъ. Оно болѣзненно ждетъ и желаетъ скорѣйшаго наступленія этого «завтра», но жертвовать рѣшительно ничѣмъ не въ состояніи. Крестьянству нечѣмъ жертвовать. А между тѣмъ расплачиваться за забастовку пришлось и ему, и расплачиваться жестоко, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда деревня особенно нуждается въ приливѣ денегъ. Осень—и именно октябрь—время взноса платежей, призыва новобранцевъ и свадебъ. Въ октябрѣ деревня везетъ въ городъ хлѣбъ, ленъ, сѣно, картофель — продукты годового труда. Продать необходимо во что̀ бы то ни стало — гулянье призывныхъ и свадебныя угощенія, въ глазахъ крестьянъ, обычаи ненарушимые и расходы на нихъ безотлагательны. Цѣна же вдругъ упала. Товарный обмѣнъ остановился и стоившее недѣлю назадъ рубль отдается за четвертакъ.

А въ мѣстностяхъ, охваченныхъ неурожаемъ? Тамъ какъ разъ наоборотъ, но опять-таки за счетъ мужика. Въ дни желѣзнодорожной забастовки онъ продавалъ во много разъ дешевле, покупалъ—во много разъ дороже. Было бы странно, если бы въ его головѣ не всталъ роковой вопросъ: изъ-за кого онъ не дополучилъ и изъ-за кого переплатилъ, кто взялъ у него, полуголоднаго, рубль? И нельзя надѣяться, чтобы онъ для отвѣта раскрылъ внутреннюю причину явленія и обнаружилъ реакцію на нее, а не на самое явленіе въ его фактическомъ выраженіи... Движеніе уже и раньше тяжело было переносить крестьянству: за послѣдній годъ сократился итогъ заработка городскихъ рабочихъ, которыхъ крестьяне ни на минуту не перестаютъ считать ушедшими изъ деревни на время, дабы поддерживать «домъ».

Мы отъ всей души желали бы ошибаться. Но опасенія, что октябрьская забастовка создала, частью въ городахъ, главнымъ же образомъ въ деревнѣ, условія, при которыхъ можетъ замедлиться

конечное торжество свободы, права и мирнаго труда,—насъ неотступно преслѣдуютъ.

«Черная сотня» поднялась. На югѣ еврейскіе погромы, въ Твери чернь въ теченіе четырехъ часовъ осаждала земскую управу, подожгла зданіе и избила служащихъ, въ Томскѣ сотни людей погибли въ огнѣ, въ Москвѣ, въ Уфѣ, въ Харьковѣ, въ Минскѣ бьютъ, убиваютъ, топятъ въ водѣ. Въ саратовской губ. опять громятъ помѣщичьи усадьбы...

Что это? Неужели начало ужасовъ пугачевщины? Газеты настойчиво утверждаютъ, что всѣ погромы и возмутительныя насилія—дѣло рукъ черныхъ сотенъ, организованныхъ и поддерживаемыхъ администраціей. Факты, только теперь получившіе возможность быть оглашенными, дѣйствительно показываютъ, что были и циркуляры центральной власти, призывавшіе укрѣплять въ народѣ вѣрность старому режиму, что были и поученія съ церковныхъ каѳедръ, что низшіе агенты полиціи не гнушаются раздавать полтинники, что при возстановленіи порядка усмирители иной разъ переходятъ въ враждующую сторону. Противъ фактовъ не споримъ. Допускаемъ даже, что вездѣ успѣхъ образованія и дѣйствій черныхъ сотенъ обезпечивается полиціей. Остается, все-таки, сомнѣніе: вслѣдствіе чего черныя сотни появились, нѣтъ ли болѣе глубокой причины? Мы скажемъ: дай Богъ, чтобы вся насильственная реакція противъ освободительнаго движенія была дѣломъ рукъ полиціи. Мѣстная администрація и полиція, во всякомъ случаѣ, подлежатъ воздѣйствію. Смѣнилось министерство, въ управленіе вступятъ лица, которыя поставятъ на своемъ знамени: «гражданская свобода и правовой порядокъ»— и нѣсколько энергичныхъ мѣръ—увольненій, преданія суду—быстро измѣнятъ направленіе полицейской дѣятельности. Хорошо, если діагнозъ — по существу возмутительный и безобразный — поставленъ печатью вѣрно...

Какъ уличные демонстранты испытывали, видимо, 18-го октября свое право собираться на площадяхъ съ красными знаменами, такъ и газеты, появившіяся впервые послѣ перерыва 22 октября, испытывали свободу печати. Столбцы, особенно въ первый день, пестрѣли словами, встрѣтить которыя раньше можно было только

въ подпольныхъ прокламаціяхъ: «комитетъ соціально-демократической рабочей партіи», «соціалъ-революціонеры», «стачечный комитетъ», «революція», «демократическая республика» и т. п. Чуть не цѣлыя страницы заполняли собою резолюціи и программы, одно упоминаніе о которыхъ неизбѣжно повлекло бы, по прежнимъ правиламъ, арестъ номера. Газеты, отвергающія принципы соціализма, печатали воззванія и обращенія соціалъ-демократовъ и ихъ пѣсни.

Отмѣчаемое характерно, какъ фактъ, и несомнѣнно стоитъ въ прямой связи съ суровыми запретами, тяготѣвшими до послѣдней минуты надъ печатнымъ словомъ. Съ другой стороны, оно отражаетъ также основной лозунгъ отношенія русскаго общества къ правительству и къ правительственной дѣятельности, воспитаннаго политикою устраненія населенія отъ участія въ направленіи хода государственной жизни. Но заключать отсюда, что вся русская самостоятельная печать сплошь таила до сихъ поръ революціонные въ соціальномъ смыслѣ идеалы — было бы, само собою разумѣется, ошибочно. Уже появились объявленія о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ соціалъ-демократическихъ органовъ. Недалеко время, когда между самостоятельными газетами произойдетъ нормальное размежеваніе.

Пока это время еще не наступило. Во-первыхъ, съ 17-го октября не прошло и двухъ недѣль. Во-вторыхъ, положеніе печати остается неопредѣленнымъ и будетъ такимъ до формальной отмѣны цензурнаго устава и замѣны его другимъ кодексомъ. Въ-третьихъ, нѣтъ увѣренности въ прочности дарованныхъ правъ. Конфискація одного номера «Русской Газеты» и распоряженіе варшавскаго генералъ-губернатора, чтобы всѣ газеты края выходили по прежнему порядку, не могли не произвести впечатлѣнія. Общество вообще и печать въ частности слишкомъ извѣрились и потому не торопятся сойти съ боевой позиціи.

Размежеваніе должно произойти на положительныхъ идеалахъ — политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ, изъ которыхъ яркое выраженіе имѣли до настоящаго времени одни крайніе, поскольку они служили наиболѣе рѣзкимъ отрицаніемъ существующаго—мы хотѣли бы сказать — существовавшаго. Теперь передъ обществомъ встала задача созидательной работы. Обыватель, лишенный правъ, былъ свободенъ отъ обязанности

участвовать въ творческой работѣ государственной жизни. Полноправный гражданинъ, вмѣстѣ съ правами, принялъ на себя эту колоссальную обязанность и отнынѣ сталъ отвѣтственнымъ за судьбы родины. Какъ-никакъ, 17 октября произошелъ историческій переломъ. Режимъ, который довелъ психику мыслящей части общества до послѣдней степени напряженія, а благосостояніе страны до разоренія и нищеты, созналъ свое безсиліе. Справиться съ кризисомъ онъ предоставилъ самому населенію, которое для этого снабдилъ правами гражданской свободы и прямого активнаго участія въ главномъ регуляторѣ жизни государства — въ законодательствѣ. Общество показало себя, въ низверженіи режима, сильнымъ, окрѣпшимъ борцомъ. Готово ли оно для творческой дѣятельности?...

«Вѣстникъ Европы» 1905 г.,
№ 11.

Дума или учредительное собраніе?

I.

Среди отзвуковъ на манифестъ 17 октября съ особой силой вновь раздался призывъ къ требованію учредительнаго собранія.

«Не Государственная Дума должна быть созвана, а учредительное собраніе».—Этотъ лозунгъ съ каждымъ днемъ объединяетъ все болѣе и болѣе значительное число лицъ и партій и готовится стать всеобщимъ. Не говоря уже о соціалъ-демократахъ, его немедленно, по ознакомленіи съ манифестомъ, выставилъ московскій съѣздъ конституціоналистовъ-демократовъ, его приняла только-что народившаяся партія свободомыслящихъ, его отъ лица бюро земско-городскихъ съѣздовъ заявила графу Витте пріѣзжавшая въ Петербургъ депутація.

Правильно ли такъ ставить вопросъ? Дѣйствительно ли Дума и учредительное собраніе, въ томъ значеніи этихъ понятій, которое опредѣляется, съ одной стороны, насущными потребностями минуты и съ другой — манифестомъ 17 октября, взаимно другъ друга исключаютъ? Не является ли возникшій споръ споромъ о терминахъ и словахъ?

По нашему мнѣнію—и да, и нѣтъ. Ибо, во-первыхъ, объединяющіеся на требованіи учредительнаго собранія разумѣютъ подъ нимъ далеко не одно и то же. Ибо, во-вторыхъ — отрицающіе Думу трактуютъ ее и теперь, послѣ 17 октября, въ тѣхъ признакахъ, которыми она была очерчена 6 августа.

Вопросъ объ учредительномъ собраніи всталъ передъ русскимъ обществомъ самъ собою еще годъ назадъ, въ начальный періодъ освободительнаго движенія—въ періодъ банкетовъ, когда вниманіе сосредоточивалось, главнымъ образомъ, на критикѣ бюрократическаго режима. Въ самыхъ общихъ очертаніяхъ тогда раскрывалась картина будущаго и, какъ на способѣ завершенія прошлаго и настоящаго, мысль общества останавливалась на созывѣ свободно избранныхъ представителей народа для рѣшенія: быть или не быть государственному строю, который привелъ къ безграничному самовластію чиновниковъ, къ національной и классовой усобицѣ и ввергъ страну въ ужасы ненужной войны?

«Созывъ свободно избранныхъ представителей» вскорѣ сдѣлался общимъ кличемъ и для конституціоналистовъ, и для абсолютистовъ, т.-е. для тѣхъ двухъ направленій, которыя одни въ то время могли вести, хотя бы полуоткрыто, идейную борьбу. Этотъ кличъ былъ апелляціей къ народу, авторитетомъ котораго, какъ сторонники правовой основы государства, такъ и сторонники основы этико-соціальной, надѣялись сломить упорство бюрократіи, одинаково не допускавшей ни возврата къ русской старинѣ, ни перехода къ западнымъ конституціоннымъ формамъ.

Въ слѣдующій моментъ стали выясняться дальнѣйшія задачи перваго собранія народныхъ представителей послѣ того, какъ оно отвѣтитъ на жгучій, частный вопросъ о войнѣ и на общій вопросъ: неограниченное самодержавіе или конституція.

Къ этому времени уже успѣло обнаружиться безсиліе власти задушить движеніе и появились признаки готовности правительства идти на уступки. Отчасти подъ вліяніемъ нѣсколько измѣнившагося, такимъ образомъ, положенія дѣлъ, главнымъ же образомъ въ виду историческихъ примѣровъ Запада, свидѣтельствующихъ, что выработка конституціи самимъ народомъ не служитъ залогомъ ея совершенства, между конституціоналистами обнаружилось разнорѣчіе. Одни продолжали твердо держаться созыва свободно избранныхъ представителей, какъ собранія учредительнаго, другіе же отдавали предпочтеніе конституціи, дарованной актомъ верховной власти, и соглашались на созывъ представителей сразу въ законодательное собраніе типа постояннаго учрежденія.

Въ доводахъ послѣднихъ слышалось желаніе скорѣйшаго раз-

рѣшенія кризиса въ формѣ непосредственнаго перехода къ новому государственному строю. А въ доводахъ первыхъ—недовѣріе къ способности бюрократіи дать что-либо твердое и опредѣленное, широкое и прочное. «При охватившемъ страну настроеніи, говорили они также, ничто, данное сверху, населенія не удовлетворитъ, а потому обойтись безъ учредительнаго собранія нельзя».

Теперь всѣмъ ясно, какую большую роль играли не только въ дѣйствіи, но и въ идейной борьбѣ, съ самаго начала освободительнаго движенія, соціалистическія партіи. Но годъ назадъ ихъ требованія проникали въ массы лишь въ видѣ краткихъ немотивированныхъ тезисовъ. Извѣстно было, что и соціалисты-революціонеры, и соціалъ-демократы стоятъ за учредительное собраніе, но по какимъ мотивамъ—оставалось въ тѣни. Ни имъ самимъ, ни тѣмъ болѣе уважающимъ себя ихъ противникамъ разъяснять, что именно составляетъ для нихъ соціальный и политическій идеалъ, было невозможно. Рано задаваться разрѣшеніемъ кризиса, надо будить просыпающіяся боевыя силы, нужна борьба, «только въ борьбѣ ты обрѣтешь свое право»—вотъ то немногое, что доходило до слуха изъ программы соціалистовъ-революціонеровъ. Низверженіе капитализма, пріобщеніе пролетаріата къ власти и рядъ спеціальныхъ экономическихъ требованій — въ этомъ казалось состоитъ начало и конецъ программы соціалъ-демократовъ.

Рескриптъ 18 февраля рѣшилъ вопросъ объ учредительномъ собраніи въ отрицательномъ смыслѣ. Разработку закона о представительствѣ верховная власть возложила на совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ А. Г. Булыгина, а утвержденіе—оставила за собой. Начался томительный періодъ ожиданія и репрессій. Сужденія о конституціи опять стали запретными. Война продолжалась. Узелъ неразрѣшимыхъ противорѣчій затягивался. Мысль объ апелляціи къ народу не умерла, но подъ дѣйствіемъ циркуляровъ и цензурныхъ каръ притаилась.

Цусимскій разгромъ разбилъ всѣ внѣшнія препятствія. Майскій земскій съѣздъ въ Москвѣ единодушно опредѣлилъ обратиться къ Престолу о скорѣйшемъ собраніи народныхъ представителей. «Пусть рѣшатъ они, въ согласіи съ Вами, — говорилось въ петиціи Государю — жизненный вопросъ государства, вопросъ о войнѣ и мирѣ, пусть опредѣлятъ они условія мира, или, отверг-

нувъ его, превратятъ эту войну въ войну народную. Пусть явятъ они всѣмъ народамъ Россію не раздѣленную болѣе, не изнемогающую во внутренней борьбѣ, а исцѣленную, могущественную въ своемъ возрожденіи и сплотившуюся вокругъ единаго стяга народнаго. *Пусть установятъ они въ согласіи съ Вами обновленный государственный строй»*.

Это было требованіе о созывѣ земскаго собора или учредительнаго собранія—во всякомъ случаѣ собранія чрезвычайнаго, съ исключительными полномочіями и съ строго ограниченной задачей.

На той же почвѣ стоялъ покойный кн. С. Н. Трубецкой въ своей устной рѣчи. Но въ отвѣтѣ Государя прозвучала иная нота. «Отбросьте ваши сомнѣнія. Моя воля — воля Царская *созывать* выборныхъ отъ народа непреклонна».

Снова наступили томительные два мѣсяца репрессій и ожиданій, ожиданій и репрессій. Предполагавшееся совѣщаніе А. Г. Булыгина образовано не было.

Наконецъ, въ августѣ послѣдовало утвержденіе «Учрежденія Государственной Думы» и «Положенія о выборахъ». Вскорѣ затѣмъ окончилась война. Одно изъ основаній требованія чрезвычайнаго собранія отпало. Другое — осталось въ полной силѣ, но для осуществленія конституціонныхъ идеаловъ раскрылся иной путь—черезъ Думу. Предложеніе бойкота Думы не встрѣтило въ обществѣ сочувствія.

Вопросъ объ учредительномъ собраніи сошелъ съ очереди.

II.

Учредительное собраніе, въ отличіе отъ постояннаго законодательнаго, есть такое собраніе представителей народа, которое созывается для установленія или измѣненія основныхъ законовъ. Отсюда вытекаетъ его временный характеръ и чрезвычайность полномочій. Но порядокъ избранія народныхъ представителей отнюдь понятіемъ учредительнаго собранія не опредѣляется.

Подъ основными законами разумѣются особо выдѣленныя постановленія, касающіяся формы правленія, порядка престолонаслѣдія въ монархіяхъ и избранія главы государства въ республи-

кахъ, условій и способовъ образованія представительныхъ учрежденій, такъ называемыхъ конституціонныхъ гарантій и т. п.— словомъ, всѣхъ главныхъ основаній государственнаго строя. Степень важности основныхъ законовъ весьма различна. А такъ какъ каждое ихъ измѣненіе требуетъ рѣшенія учредительнаго собранія, то понятіе послѣдняго охватываетъ крайне неоднородные, по значительности цѣли и задачъ, случаи такого чрезвычайнаго обращенія къ представителямъ народа.

Напримѣръ: предоставленіе избирательныхъ правъ лицамъ, состоящимъ на дѣйствительной военной службѣ, если основной законъ государства ихъ этого права лишаетъ, не можетъ быть предметомъ разсмотрѣнія и рѣшенія обыкновеннаго законодательнаго собранія, а требуетъ созыва учредительнаго. Въ то же время, учредительнымъ же собраніемъ называется такое, которое собирается для замѣны монархической формы правленія республиканскою или наоборотъ. Въ обоихъ случаяхъ будетъ собраніе, имѣющее цѣлью измѣненіе основныхъ законовъ. Но ясно, что значеніе перваго не можетъ быть даже сравниваемо съ значеніемъ второго.

Въ виду сказаннаго, глухое требованіе созыва учредительнаго собранія означаетъ и много, и мало. Имъ покрываются и самыя рѣшительныя, и самыя скромныя пожеланія.

По обстоятельствамъ, при которыхъ учредительныя собранія созываются, необходимо различать три рода случаевъ. Во-первыхъ, удовлетвореніе той или иной назрѣвшей потребности частичнаго исправленія закона, отнесеннаго къ основнымъ, при продолжающемся нормальномъ ходѣ государственной жизни. Во-вторыхъ, установленіе всей совокупности основныхъ законовъ, при образованіи новаго государственнаго единенія, какъ было, напр., въ 1878 г. въ Болгаріи. Въ-третьихъ, также установленіе всей совокупности основныхъ законовъ, при прекращеніи существованія данной формы государственнаго единенія, т.-е. когда революція имѣла успѣхъ, власть свергнута и страна законной власти не имѣетъ вовсе.

Какія же изъ этихъ обстоятельствъ рисуются передъ глазами требующихъ созвать у насъ вмѣсто Государственной Думы учредительное собраніе? Къ сожалѣнію, не всѣ программы договариваются по этому предмету до конца. Точнѣе сказать, договари-

вается до конца одна программа—россійской соціалъ-демократической рабочей партіи [1]).

Съ программой этой, сплошь построенной на отрицаніи индивидуальной свободы, на борьбѣ и на подавленіи пролетаріатомъ другихъ классовъ, трудно согласиться по существу, но отказать ей въ стройности и логичности конструкціи было бы несправедливо.

Цѣль стремленій международной соціалъ-демократіи—соціальная революція, т.-е. «замѣна капиталистическихъ производственныхъ отношеній соціалистическими». Средство ея достиженія — «диктатура пролетаріата, т.-е. завоеваніе пролетаріатомъ такой политической власти, которая позволитъ ему подавить всякое сопротивленіе эксплоататоровъ». Средства, такъ сказать, промежуточныя: низверженіе монархіи, образованіе демократической республики и установленіе законовъ, обезпечивающихъ развитіе въ рабочемъ классѣ «способности къ освободительной борьбѣ». Ближайшія задачи: свергнуть царскую власть и созвать учредительное собраніе, «свободно избранное всѣмъ народомъ».

Такимъ образомъ, соціалъ-демократы строятъ слѣдующую схему: низверженіе нынѣ существующей власти, учредительное собраніе, образованіе демократической республики на началахъ классоваго безразличія и энергичная затѣмъ борьба въ цѣляхъ ея разрушенія и замѣны диктатурой одного класса — пролетаріата. Тогда, по мысли партіи, получится возможность установленія соціалистическихъ производственныхъ отношеній.

Въ этой схемѣ учредительное собраніе занимаетъ совершенно опредѣленное мѣсто и является звеномъ необходимымъ. Предполагается моментъ утраты силы всѣми законами и формальнаго безвластія, за которымъ не можетъ быть иного исхода, какъ чрезвычайный созывъ народныхъ представителей. Разъ пала власть, все ею санкціонированное повисло въ воздухѣ. Ни чиновники, ни суды, строго говоря, не могутъ дѣйствовать. Временное правительство есть правительство факта, а не права.

Посмотримъ теперь на учредительное собраніе въ конструкціи конституціонно-демократической партіи.

Программа, выработанная 12—18 октября, ни объ учредитель-

[1]) Мы пользуемся текстомъ, напечатаннымъ въ приложеніи къ № 1 газеты «Новая Жизнь».

номъ собраніи, ни вообще о порядкѣ перехода отъ строя, существовавшаго до 17 октября, къ проектируемому, не упоминаетъ. Требованіе учредительнаго собранія внесено не въ программу, а въ резолюцію, начинающуюся словами: «Ознакомившись съ Высочайшимъ манифестомъ 17 октября и съ всеподданнѣйшимъ докладомъ гр. Витте» и т. д.

Выводъ объ учредительномъ собраніи сдѣланъ на основаніи слѣдующихъ посылокъ. «Основные принципы политической свободы, равноправности и всеобщаго избирательнаго права... получили въ опубликованныхъ документахъ далеко не полное признаніе». «Осуществленіе признанныхъ манифестомъ началъ новой политической жизни поставлено въ такія условія, при которыхъ не можетъ быть никакой увѣренности въ полнотѣ и послѣдовательности этого осуществленія». «Расширеніе законодательныхъ правъ Думы сдѣлано въ такихъ выраженіяхъ, которыя все еще допускаютъ возможность ограниченія ихъ несогласіемъ государственнаго совѣта». «Дѣйствіе усиленной охраны и другихъ исключительныхъ законовъ не отмѣняется манифестомъ». Посему задачей партіи «остается достиженіе поставленной раньше цѣли — учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія, при чемъ реформированная Дума можетъ служить для партіи лишь однимъ изъ средствъ на пути къ осуществленію той же цѣли съ сохраненіемъ постоянной и тѣсной связи съ общимъ ходомъ освободительнаго движенія внѣ Думы».

Далѣе однимъ изъ наиболѣе цѣлесообразныхъ выходовъ изъ настоящаго положенія признается: «Немедленное введеніе избирательнаго закона на основаніи всеобщаго голосованія для непосредственнаго созыва, вмѣсто Государственной Думы по закону 6 августа, учредительнаго собранія для составленія основного закона».

Приведенныя выписки показываютъ только, что партія конституціоналистовъ-демократовъ предполагаетъ созывъ учредительнаго собранія въ силу невозможности, по ея мнѣнію, ожидать ни отъ Думы, ни тѣмъ болѣе отъ бюрократіи созданія достаточно полныхъ и совершенныхъ основныхъ законовъ. Партія желала бы непосредственнаго созыва учредительнаго собранія, но соглашается и на созывъ его по рѣшенію Думы.

Центръ вопроса для конституціоналистовъ-демократовъ, во-первыхъ, въ способѣ образованія представительства, т.-е. въ томъ, что манифестъ лишь въ будущемъ предполагаетъ полное «развитіе начала общаго избирательнаго права». Во-вторыхъ — въ недостаткахъ учрежденія 6 августа. Въ-третьихъ — въ неясности и неполнотѣ опредѣленій манифеста 17 октября.

Но въ формулѣ партіи стоитъ: «для составленія основного закона», безъ всякаго ближайшаго поясненія. А потому резолюція не устраняетъ сомнѣнія, что, быть можетъ, и конституціоналисты-демократы предполагаютъ предшествующее учредительному собранію низверженіе монархіи и послѣдующее образованіе демократической республики.

Не устраняетъ также этого сомнѣнія программа. Глава вторая, носящая названіе «Государственный строй», трактуетъ о представительствѣ, законахъ, росписи, объ отвѣтственности министровъ и ни одного слова не посвящаетъ главному: чего желаетъ партія для Россіи — ограниченной монархіи или республики. Въ то же время, однако, §§ 10 и 11 главы первой говорятъ объ «основномъ законѣ Россійской *Имперіи*».

Получается такое впечатлѣніе, что какъ будто программа написана намѣренно на двое: годится для конституціонной монархіи, годится и для республики. Партія какъ будто слагаетъ съ себя обязанность отвѣтить на основной вопросъ и всецѣло предоставляетъ рѣшеніе его ходу событій, заранѣе соглашаясь идти по ихъ теченію.

Если такъ, то, само самою разумѣется, говорить серьезно о конституціонно-демократической партіи, ея программѣ и резолюціи не стоило бы. Мы не вѣримъ впечатлѣнію и, уважая участниковъ съѣзда, считаемъ, что если бы они признавали назрѣвшей потребностью Россіи замѣну монархіи республикой, то такъ бы это прямо и сказали. Они сумѣли бы обойти цензурныя препятствія и навѣрное бы предпочли программы не печатать вовсе, нежели печатать съ пропускомъ главнаго. Отсутствіе категорическаго упоминанія въ главѣ второй о республиканской формѣ правленія даетъ полное право полагать, что партія имѣетъ въ виду форму правленія конституціонно-монархическую.

По ошибкѣ или недосмотру можно не сказать о сохраняемомъ существующемъ, но не сказать о созидаемомъ новомъ нельзя.

Въ томъ же убѣждаютъ всѣ разсужденія резолюціи. Къ чему оцѣнка манифеста 17 октября, разъ партія отвергаетъ въ принципѣ конституціонную монархію?

Если же конституціоналисты-демократы не задаются образованіемъ республики, то изъ ихъ схемы выпадаетъ низверженіе существующей власти, и учредительное собраніе получаетъ характеръ такого представительства, которое должно быть созвано для детальной разработки конституціи на основаніи принциповъ, возвѣщенныхъ въ манифестѣ.

III.

А что представляетъ собою Государственная Дума—не прежняя, просуществовавшая на бумагѣ два мѣсяца, а та, о которой говоритъ манифестъ 17 октября? —Ничто иное, какъ учредительное собраніе, обязанное выработать основные законы при единственномъ предуказаніи монархическаго ограниченнаго образа правленія.

Отъ «Учрежденія» 6 августа манифестъ не оставилъ камня на камнѣ. Ни одна статья, имѣющая сколько-нибудь важное значеніе, не сохранила силы.

Была Дума совѣщательная — она получила рѣшающій голосъ. Была Дума инстанціонно подчиненная государственному совѣту— она стала самостоятельною и независимою отъ совѣта, поскольку неодобреніе закона совѣтомъ безразлично для воспріятія имъ силы. Была Дума, заявлявшая министрамъ о сообщеніи свѣдѣній и разъясненій — она стала наблюдающею за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ монарха властей.

Уже одна новая роль Думы требуетъ не редакціонныхъ измѣненій закона 6 августа, а созданія особаго новаго статута. И создать его должна Дума, ибо правительству повелѣно «установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы». Съ этого неизбѣжно начнутся занятія Думы.

Далѣе манифестъ прямо признаетъ тотъ порядокъ выборовъ, по которому будетъ образована Дума перваго созыва, подлежащимъ переработкѣ, въ смыслѣ развитія начала общаго избирательнаго права, и возлагаетъ эту переработку на Думу, какъ на

одинъ изъ двухъ главныхъ органовъ—монархъ и представительство—«вновь установленнаго законодательнаго порядка».

Наконецъ, согласно точному смыслу манифеста, Думѣ предстоитъ влить въ формулы закона «незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ»; рѣшить вопросъ объ однопалатной или двухпалатной системѣ представительства — такъ какъ нынѣшній государственный совѣтъ отъ совмѣстнаго съ Думой участія въ законодательной дѣятельности и въ надзорѣ за дѣйствіями администраціи пунктомъ третьимъ манифеста устраненъ; установить средства, способы и предѣлы надзора за закономѣрностью дѣйствій министровъ, вложивъ при этомъ опредѣленное содержаніе въ понятіе «закономѣрность», и составить новые законы о правахъ и прерогативахъ верховной власти, отнынѣ раздѣлившей свои функціи съ народомъ.

Дума перваго созыва, правда, не лишена права одновременно заниматься дѣлами текущаго законодательства и не подлежитъ обязательному распущенію по окончаніи «учредительной» работы, а можетъ быть оставлена, какъ постоянное представительное учрежденіе—и этимъ она отличается отъ учредительнаго собранія. Но если даже стремиться къ устраненію такого двоякаго характера перваго представительства, то зачѣмъ такъ настойчиво отрицать то, что создалось, дабы предотвратить лишь возможное? Не лучше ли прямо направить усилія къ цѣли и сказать: мы требуемъ, чтобы впервые созванная Дума, по окончаніи «учредительной» работы, была распущена и чтобы немедленно затѣмъ были назначены выборы въ Думу законодательную, на основаніи правилъ, которыя будутъ разработаны? Зачѣмъ вносить путаницу понятій, принимая терминъ и завѣдомо зная, что другіе вкладываютъ въ него иное содержаніе?

Партіи конституціоналистовъ разныхъ оттѣнковъ какъ будто не рѣшаются размежеваться съ тѣми, съ кѣмъ онѣ до сихъ поръ шли вмѣстѣ, а нынѣ должны разойтись.

У нихъ былъ общій врагъ — бюрократическій режимъ, который ихъ сближалъ одинаковымъ преслѣдованіемъ и одинаковымъ отрицаніемъ. Онѣ вмѣстѣ боролись за обезпеченную свободу. Теперь свобода и средства ея обезпеченія дарованы. Задача минуты—оформить пріобрѣтенное и провести въ жизнь.

За данной минутой — для конституціоналистовъ мирный прогрессъ; для соціаль-демократовъ—начало энергичной борьбы. Соціалъ-демократы шли рука объ руку съ конституціоналистами, дабы уничтожить первую преграду. Она уничтожена, пала—и они не замедлятъ напрячь всѣ силы, чтобы начать созданіе условій для подавленія свободы и равенства — тѣхъ самыхъ началъ, во имя которыхъ они боролись и будутъ бороться, но лишь до тѣхъ поръ, пока диктатура не будетъ принадлежать имъ, пока давятъ не они.

Конституціоналисты добились того, къ чему стремились. Соціалъ-демократы добились возможности начать борьбу со своими союзниками, съ тѣми, кого они презрительно называютъ либеральной буржуазіей.

И они этого не скрываютъ. Упоенные сознаніемъ могущества, они съ надменной рѣзкостью каждый день твердятъ, что готовы бросить своихъ союзниковъ, которымъ именно они — по ихъ утвержденію — отвоевали свободу.

Послушайте чтó говоритъ либеральнымъ буржуа отъ лица соціалъ-демократовъ «честно, откровенно и во всеуслышаніе» газета «Новая Жизнь» (№ 5).

— «Мы не вѣримъ больше вашимъ изжеваннымъ словамъ о внѣклассовыхъ цѣляхъ и задачахъ. Мы по опыту знаемъ, мы на собственной шкурѣ убѣдились, какъ противоположны ваши и наши интересы. Мы допускаемъ, что въ настоящій моментъ у насъ и у васъ одинъ общій врагъ—съ той, впрочемъ, разницей, что этотъ *врагъ васъ презираетъ, а насъ боится*. Мы будемъ вмѣстѣ бить этого врага, но мы заранѣе знаемъ, что дальше наши дороги пойдутъ по разнымъ направленіямъ».

— «Позвольте вамъ, господа хорошіе, напомнить слова поэта: «Въ одну телѣгу впречь не можно коня и трепетную лань!» Какой толкъ будетъ, если мы начнемъ становиться съ вами въ одну упряжку? *Либо намъ васъ на себѣ тащить придется, либо вы намъ подъ ноги будете соваться!* Лучше ужъ повеземъ отдѣльно— мы свою пролетарскую телѣгу, а вы свою либеральную таратайку. Для васъ же выгоднѣе: можете впередъ забѣжать и уговориться съ нашимъ «общимъ врагомъ», какъ вы его именуете, насчетъ устройства совмѣстной засады противъ насъ, пролетаріевъ. Отъѣзжайте, господа хорошіе!».

А конституціоналисты не отмежевываются. Они не говорятъ соціалъ-демократамъ: того учредительнаго собранія, которое вы имѣете въ виду, намъ не нужно. Они не говорятъ прямо: наша главнѣйшая забота — скорѣйшее разрѣшеніе кризиса...

Конституціоналисты оставляютъ безъ категоричнаго отвѣта: ограниченная монархія или республика.

Для такого отвѣта настало время. Для отвѣта не теоретически-отвлеченнаго, конечно. Нужно отвѣтить въ условіяхъ даннаго момента.

Мы говоримъ: ограниченная монархія...

«Русь» 9 ноября 1905 г.,
№ 14.

Отъ словъ къ дѣлу!

Проектъ резолюціи, который былъ предложенъ мною московскому земско-городскому съѣзду 9 ноября. Проектъ не встрѣтилъ сочувствія среди большинства членовъ съѣзда и бюро и потому былъ снятъ съ баллотировки. *Авторъ.*

Страна охвачена пожаромъ усобицы, вражды и злобы. Пламя бушуетъ и стелется отъ Петербурга до Кавказа, отъ Варшавы до Владивостока.

Страна готова впасть въ анархію.

Одинъ якорь спасенія, одна надежда—созывъ представителей народа. Отовсюду несется кличъ: скорѣй, скорѣй придите вы, свободно избранные представители! Только вашъ мощный авторитетъ въ силахъ остановить потоки крови и вернуть родинѣ мирный трудъ!..

Но чтобы вы могли придти—вы, сотни изъ многихъ милліоновъ—терзающаяся и терзаемая родина должна пережить мѣсяцы ожиданія. Мѣсяцы—когда время приходится считать минутами!..

И въ эти мѣсяцы родина должна еще быть ввергнута въ новую бурю—бурю выборовъ.

Какъ осуществить выборы, какъ пережить предстоящіе мѣсяцы—вотъ роковая задача момента.

Задача общества. Не время обращать всѣ взоры къ правящей власти. Не время требовать, просить, совѣтовать. Настало время дѣйствовать.

Общество должно сознать, что обязанность выйти изъ моря огня лежитъ на немъ самомъ. Общество должно сознать свою отвѣтственность за пробужденіе народа. Въ этомъ—его заслуга передъ будущимъ. Въ этомъ—его вина передъ настоящимъ.

Неизмѣримо болѣе виновато въ бурномъ пробужденіи народныхъ массъ правительство, сорокъ лѣтъ закрывавшее глаза на нужды и потребности страны и только все и вся давившее. Но прочь счеты! Забыть ихъ надо...

Общество должно принять протянутую ему 17 октября руку и оказать правительству поддержку...

Съѣздъ призываетъ земства и города проникнуться сознаніемъ долга и отвѣтственности.

Съѣздъ не страшится укоровъ въ самовольномъ вступленіи на путь активныхъ дѣйствій. Не время провѣрять полномочія! Дорогъ каждый день...

Съѣздъ почерпаетъ полномочія въ принятой имъ на себя годъ назадъ обязанности и въ своемъ вѣрномъ служеніи праву, правдѣ и свободѣ.

Съѣздъ объявляетъ всѣмъ союзамъ и обществамъ готовность вмѣстѣ работать для разрѣшенія кризиса.

Съѣздъ объявляетъ правительству, что участники его рѣшили положить всѣ силы на спасеніе отечества и отдать ихъ знанія, опытъ и самую жизнь.

Съѣздъ выбираетъ комитетъ для непосредственнаго содѣйствія центральной власти въ умиротвореніи страны на началахъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября.

Немедленное изданіе закона о выборахъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права, облеченіе въ законныя формы гражданской свободы, повсемѣстное снятіе военнаго положенія и положенія усиленной охраны, прекращеніе преступнаго разжиганія страстей органами мѣстной власти, распространеніе амнистіи на лицъ, которыхъ не коснулся указъ 21 октября—составятъ цѣль ближайшей дѣятельности комитета.

За работу! Къ дѣлу!..

«Русь», 15 ноября 1905 г.,
№ 19.

Кризисъ земскаго хозяйства.

Изъ всѣхъ програмныхъ указаній, обращаемыхъ къ крестьянству, на самую благопріятную почву упало указаніе прекратить уплату всякихъ сборовъ.

Крестьянство истощено, платить ему трудно. Желѣзнодорожная забастовка въ осеннее время, когда крестьяне обращаютъ въ деньги результатъ лѣтняго труда, вынула изъ кармана послѣдніе рубли. Какъ устоять противъ искушенія?

Примѣру крестьянъ послѣдовали частные землевладѣльцы. Они и раньше не отличались аккуратностью въ уплатѣ повинностей. А теперь, если еще у немногихъ изъ нихъ благосостояніе подорвано въ конецъ, то всѣ испытываютъ, выражаясь банковымъ языкомъ, кассовое затрудненіе.

Для земства создалось положеніе критическое.

Государство живетъ преимущественно косвенными налогами. Государственный поземельный сборъ составляетъ ничтожный процентъ бюджета. Даже десятки милліоновъ выкупныхъ платежей не являются его существенной частью.

А земство живетъ почти исключительно сборомъ съ недвижимыхъ имуществъ—главнымъ образомъ сборомъ съ земель и лѣсовъ.

Никакихъ запасныхъ капиталовъ у земства нѣтъ. Капиталъ оборотный — цѣликомъ въ недоимкахъ. Лишенное съ 1900 г. возможности увеличивать обложеніе соразмѣрно росту потребно-

стей, земство вынуждено было вступить на путь займовъ, и потому теперь, съ прекращеніемъ поступленій, въ земской кассѣ образовался даже не ноль, а минусъ—на ней лежатъ срочные платежи.

Исходовъ можетъ быть два: или немедленная широкая помощь государственнаго казначейства, или пріостановленіе земской дѣятельности. Послѣдній исходъ неизбѣжно долженъ выразиться въ закрытіи школъ и больницъ и въ увольненіи учащихъ, врачей и фельдшеровъ.

Безъ опасенія впасть въ грубую ошибку можно сказать, что общій итогъ уѣздныхъ земскихъ расходовъ, если изъ него вычесть разнообразныя отчисленія, слагается изъ трехъ приблизительно равныхъ частей: расходы на народное образованіе, на медицинскую часть и всѣ остальные. Уже одно это показываетъ, что сохранить при отсутствіи поступленій существующую организацію учебнаго и врачебнаго дѣла—невозможно.

Но кромѣ того, всѣ эти «остальные» расходы земства чрезвычайно трудно поддаются сокращенію, ибо весьма многіе изъ нихъ обусловлены контрактами и обязательствами. Нельзя сразу закрыть такъ называемыя стойки земскихъ лошадей, потому что стоечники не замедлятъ исковымъ порядкомъ возстановить свои права. Нельзя въ одинъ день ликвидировать операціи сельско-хозяйственныхъ складовъ, основанныя на кредитѣ не только по отпуску, но и по пріобрѣтенію товара. Можно остановить всякаго рода предположенныя строительныя и дорожныя работы, но произвести обыкновенно откладываемые на ноябрь и декабрь платежи за работы произведенныя необходимо.

Въ бюджетѣ на народное образованіе стоятъ, правда, кромѣ начальныхъ народныхъ училищъ библіотеки, читальни и другія мѣры содѣйствія внѣшкольному образованію, субсидіи правительственнымъ учебнымъ заведеніямъ и т. п. Поэтому на нѣкоторое время закрытіе собственно школъ еще можетъ быть отсрочено. Однако весьма не надолго; подавляющая своей цифрой статья расхода—жалованье учащимъ.

Въ бюджетѣ по медицинской части главные предметы расхода также однородны и тѣсно связаны между собой: содержаніе персонала и медикаменты. Закрытіе пріема больныхъ для коечнаго леченія большого сбереженія не дастъ. Къ тому же въ нѣкото-

рыхъ случаяхъ—напр., въ отношеніи больницъ городскихъ и особенно психіатрическихъ—этой мѣрой развѣ только закончить можно полный крахъ земскаго хозяйства.

Можно ли разсчитывать на помощь изъ казны? Можно ли разсчитывать, что истощенная государственная касса найдетъ сто милліоновъ рублей? Не будемъ поднимать спора, по чьей винѣ и почему она истощена. Не время теперь для споровъ и укоровъ. Надо дѣйствовать.

Она «должна» найти деньги и дать земству. Она «должна» отъ всего отказаться, дабы не лишать деревенскаго населенія тѣхъ крохъ, которыя падаютъ на его долю черезъ земство отъ тщетной погони за внѣшнимъ могуществомъ, величіемъ и блескомъ.

Неужели придется закрыть земскія школы и больницы?..

«Русь» 16 ноября 1905 г.,
№ 21.

Амнистія.

При каждомъ государственномъ переворотѣ прежде всего неизбѣжно возникаетъ вопросъ о политической амнистіи.

И понятіе преступнаго дѣянія противъ правъ личности или имущества не заключаетъ въ себѣ чего-либо абсолютнаго или безусловно неподвижнаго. Понятіе же государственнаго преступленія, имѣющаго своимъ главнымъ объектомъ данный государственный строй, цѣликомъ покоится на относительной основѣ.

Строй существующій обратился въ существовавшій,—нѣтъ смысла держать въ тюрьмахъ тѣхъ, которые несутъ кару за дѣйствія, утратившія свой преступный характеръ. Не одно чувство справедливости заставляетъ требовать для нихъ освобожденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ такое требованіе получаетъ и твердую объективную опору. Участіе въ сообществѣ, поставившемъ цѣлью своей дѣятельности замѣну въ Россіи неограниченной монархической формы правленія конституціонною, вызвавшее совершеніе тѣхъ или иныхъ дѣйствій,—послѣ 17 октября, какъ уголовно-наказуемое дѣяніе, не только повисло въ воздухѣ, но стало правомѣрнымъ. Законодатель оказался бы въ противорѣчіи съ самимъ собою, если бы немедленно же не выпустилъ изъ тюремъ осужденныхъ за такое участіе.

Манифестъ 17 октября, кромѣ перемѣны формы правленія и возглашенія гражданской свободы, возгласилъ также свободу совѣсти, т.-е. призналъ религіозныя убѣжденія не подлежащими кон-

тролю и свободными отъ уголовнаго воздѣйствія. Поэтому столь же естественно сдѣлалась необходимою амнистія для лицъ, томящихся въ тюрьмахъ или несущихъ правоограниченія за совершеніе посягательствъ на «ограждающія вѣру постановленія».

Указъ 21 октября даровалъ амнистію. Но общества онъ не удовлетворилъ, ибо коснулся не всѣхъ подлежавшихъ сужденію и осужденныхъ за государственныя и религіозныя посягательства— и въ отношеніи нѣкоторыхъ категорій лицъ и дѣлъ принялъ начало помилованія частичнаго.

Общество отвѣтило требованіемъ, вылившимся въ краткую формулу: «Полная амнистія по такъ называемымъ политическимъ и религіознымъ преступленіямъ».

Формула эта сдѣлалась ходячей и принимается всѣми собраніями, митингами и съѣздами. Она принимается безъ всякой оцѣнки, какъ нѣчто безспорно ясное и не возбуждающее сомнѣній. Ее горячо повторяютъ даже юристы-адвокаты. Между тѣмъ, въ сущности, она выражаетъ лишь отвлеченное очертаніе желанія, но отнюдь не требованіе, которое возможно привести въ исполненіе.

Весьма характерна включаемая въ формулу оговорка: «такъ называемыя». Въ ней слышится не одно отрицаніе приложимости термина «преступленіе» къ дѣйствіямъ, совершаемымъ въ силу политическихъ и религіозныхъ убѣжденій. Въ ней слышится также безсиліе точно выразить мысль. Послѣднее потому, что эпитеты «политическія» и «религіозныя», стоящіе около слова «преступленія», суть разговорные термины, а не юридическіе.

Законъ нашъ не знаетъ «политическихъ» преступленій въ смыслѣ опредѣленнаго круга преступныхъ дѣяній. Старое уложеніе о наказаніяхъ обобщало преступленія противъ особы Государя Императора и членовъ Императорскаго Дома, бунтъ и измѣну — понятіемъ государственныхъ преступленій. Новому же уголовному уложенію и этотъ терминъ неизвѣстенъ. Онъ употребленъ былъ только въ законѣ 1904 г. о введеніи въ дѣйствіе нѣкоторыхъ главъ и отдѣльныхъ статей новаго уложенія и объ измѣненіи процессуальныхъ правилъ при сужденіи за дѣянія, предусмотрѣнныя этими главами и статьями.

Но если въ формулѣ объ амнистіи подъ терминомъ «политическія» преступленія разумѣть преступленія «государственныя»,

то придется признать, что требованіе общества распространяется на такія дѣянія, которыя и при измѣнившемся государственномъ строѣ сохраняютъ полностью свой преступный характеръ. Придется признать, что общество требуетъ освобожденія отъ отвѣтственности шпіоновъ и лицъ, совершившихъ государственную измѣну.

Съ другой стороны, понятіе государственныхъ преступленій слишкомъ тѣсно и далеко не охватываетъ всѣхъ несущихъ наказанія, на которыхъ было бы справедливо распространить амнистію.

Главнымъ признакомъ, по которымъ квалифицируются преступныя дѣянія въ кодексѣ, служитъ, въ общемъ правилѣ, не побужденіе, руководившее виновнымъ, а преступное дѣйствіе, т.-е. объективный фактъ. Побужденіе является въ однихъ случаяхъ моментомъ, увеличивающимъ размѣръ наказанія, въ другихъ — уменьшающимъ, въ третьихъ — безразличнымъ. Во всѣхъ этихъ послѣднихъ случаяхъ мотивъ, вызвавшій совершеніе дѣянія, не получаетъ отраженія въ приговорѣ, и выдѣлить, на основаніи приговора, изъ общей массы отбывающихъ наказаніе за данное дѣяніе лицъ, совершившихъ его по политическому побужденію, не представляется никакой возможности.

Такой характеръ имѣетъ, напримѣръ, по дѣйствующему закону «явное возстаніе противъ властей» или вооруженное сопротивленіе. И если строго держаться формулы полной амнистіи по политическимъ преступленіямъ, то окажется внѣ ея весьма значительная категорія даже громкихъ дѣлъ о массовыхъ сопротивленіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Сибири со стороны политическихъ ссыльныхъ, не говоря уже о невѣдомыхъ отдѣльныхъ случаяхъ.

Далѣе нельзя забывать, что когда состоялись судебные приговоры надъ лицами, объ амнистіи которыхъ теперь идетъ рѣчь, въ интересахъ подсудимыхъ не только не было надобности раскрывать истинные мотивы, но, напротивъ, представлялось существенно важнымъ ихъ сокрытіе. Во-первыхъ, дабы избѣжать повышенія наказанія. Во-вторыхъ, дабы устранить обнаруженіе соучастниковъ. Нерѣдко цѣль достигалась, и судъ по недоказанности политическій мотивъ отвергалъ.

Администрація, случалось, въ нарушеніе приговора, продолжала считать такихъ лицъ политическими преступниками, и были

примѣры ихъ заключенія даже въ Шлиссельбургскую крѣпость. Общество тогда протестовало противъ подобнаго произвола, опираясь на букву судебнаго приговора. Теперь роли перемѣнились. Теперь общество требуетъ для нихъ амнистіи, т.-е. нарушенія буквы приговора.

Вопросъ не въ томъ, конечно, какая сторона была формально права прежде и какая формально права теперь. Вопросъ въ томъ, какъ найти въ настоящее время этихъ лицъ среди уголовныхъ арестантовъ? Какъ возстановить истинный составъ совершенныхъ ими дѣяній? Содержавшіеся и содержащіеся въ Шлиссельбургѣ— всѣ наперечетъ. Но вѣдь не всегда же администрація нарушала приговоры суда.

Еще труднѣе разобраться въ приговорахъ, состоявшихся на основаніи положеній объ усиленной охранѣ и о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи.

Статья 18 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія есть самостоятельный уголовный законъ, облагающій смертною казнью: вооруженное сопротивленіе властямъ и нападеніе на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ при исполненіи ими обязанностей службы, или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджогомъ. Аналогичный характеръ имѣютъ правила о военномъ положеніи.

Изъ выписаннаго текста видно, что мотивъ дѣянія не играетъ никакой роли. Вмѣстѣ съ тѣмъ исключительная тяжесть наказанія покрываетъ собою всѣ тѣ дѣйствія, которыя обусловили нападеніе или сопротивленіе, имѣвшія указанныя въ этомъ спеціальномъ законѣ послѣдствія. А потому ни преданіе военному суду, ни осужденіе по 18 ст. положенія объ усиленной охранѣ отнюдь не свидѣтельствуютъ о политическомъ характерѣ совершеннаго лицомъ дѣянія.

Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Лицо, замыслившее изъ политическихъ видовъ лишить жизни генералъ-губернатора и совершившее съ этой цѣлью нападеніе на него, окончившееся убійствомъ, — отвѣтствуетъ въ мѣстностяхъ, гдѣ введено положеніе объ усиленной охранѣ, на основаніи ст. 18. Съ другой стороны,

по тому же самому закону отвѣтствуетъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ лицо, замыслившее совершить кражу и нанесшее ударъ городовому, препятствовавшему приведенію задуманнаго въ исполненіе. Какъ въ первомъ случаѣ мотивъ убійства не отражается на размѣрѣ наказанія, ибо законъ, кромѣ смертной казни, не устанавливаетъ никакой иной кары, такъ во второмъ—внѣшній фактъ полностью покрываетъ отсутствіе намека даже на политическія побужденія виновнаго. Если оба смертной казни подвергнуты не будутъ, то различить ихъ дѣянія не представится никакой возможности.

А между тѣмъ при возбужденіи вопроса о политической амнистіи различить ихъ необходимо. Ибо насколько несправедливо отказать въ полной ихъ частичной амнистіи первому, настолько же нѣтъ основанія амнистировать второго. Единственный выходъ—пересмотрѣть дѣла.

Изложенное показываетъ, что формула: «Полная амнистія по такъ называемымъ политическимъ преступленіямъ», въ виду конструкціи нашего уголовнаго законодательства, ничего опредѣленнаго не говоритъ. Особенно настойчиво выражается требованіе, чтобы получили полную свободу оставшіеся въ Шлиссельбургской крѣпости или отправленные оттуда на поселеніе. Формула же далеко не всѣхъ ихъ покрываетъ.

Но шлиссельбуржцы, повторяемъ, наперечетъ. А сколько за послѣдній годъ осуждено военными судами въ Петербургѣ, въ Одессѣ, въ Варшавѣ политическихъ по побужденіямъ и цѣли преступниковъ и сколько неполитическихъ—неизвѣстно.

Такъ же неопредѣленна формула въ отношеніи преступленій религіозныхъ. Подъ категорію ихъ уложеніе о наказаніяхъ относитъ, напримѣръ: святотатство, разрытіе могилъ и лжеприсягу—дѣянія, распространять на которыя амнистію нѣтъ никакого логическаго основанія.

Вопросъ объ амнистіи не такъ простъ, какъ кажется по первому впечатлѣнію. Ея предѣлы могутъ быть обозначены указаніемъ на лицъ, но не на характеръ и свойство преступныхъ дѣяній.

Указъ 21 октября легко разрѣшилъ вопросъ по отношенію къ численно главной массѣ отбывавшихъ наказаніе, которымъ оно было назначено въ административномъ порядкѣ. Гораздо

труднѣе рѣшеніе вопроса по отношенію къ тѣмъ, которые несутъ наказаніе по судебному приговору. Всякое колебаніе судебныхъ приговоровъ требуетъ крайней осторожности и тщательной оцѣнки основаній примѣненія амнистіи.

Указъ избралъ правильный путь, раздѣливъ всѣхъ осужденныхъ за «преступныя дѣянія государственныя и тѣ преступныя дѣянія иного рода, за кои виновные были преданы военному суду», на двѣ категоріи сообразно давностному сроку. Но мы не видимъ основаній, почему былъ принятъ десятилѣтній срокъ, а не меньшій, хотя бы наполовину. И мы тѣмъ менѣе видимъ основаній для перевода ссыльно-каторжныхъ этой категоріи на поселеніе вмѣсто полнаго освобожденія и возстановленія въ правахъ.

Что же касается второй категоріи, то пересмотръ дѣлъ по возможности въ судебномъ порядкѣ представляется, по нашему мнѣнію, единственно правильнымъ способомъ освобожденія отъ наказанія политическихъ по цѣли и мотивамъ совершенія содѣяннаго преступниковъ. Уставъ уголовнаго судопроизводства допускаетъ пересмотръ дѣлъ по вновь открывшимся обстоятельствамъ. Измѣненіе государственнаго строя по отношенію къ совершенному при отошедшихъ въ прошлое условіяхъ не есть новое обстоятельство—фактическое, но не менѣе важное—юридическое.

«Русь» 21 ноября 1905 г.,
№ 26.

Самозванство.

Какъ полтора года войны съ Японіей не создали у насъ ни одного имени, такъ не создалъ именъ и годъ—сначала подготовлявшейся, затѣмъ совершающейся — революціи.

Имена создаетъ успѣхъ. Во всю долгую и ужасную войну на нашей сторонѣ ни разу не было крупнаго успѣха. Естественно, что не могло создаться и именъ.

Но революція успѣхъ имѣла и успѣхъ огромный. Ея реальный результатъ—манифестъ 17 октября. Ея результатъ идейный, неизмѣримо болѣе важный — абсолютная невозможность сколько-нибудь прочнаго поворота назадъ. За годъ русскій обыватель выросъ въ гражданина, если не въ сознаніи своихъ обязанностей — это дается только опытомъ мирной политической практики, — то въ сознаніи своихъ правъ. Ихъ отъ него уже не отнять. Возвратъ къ режиму безправія немыслимъ.

Почему же революція не создала именъ?

Что именъ нѣтъ — фактъ безспорный. Ихъ нѣтъ ни справа, ни слѣва, ни въ центрѣ. Имена справа революціей низвергнуты, изъ центра—дискредитированы, слѣва—не выставлены. Люди самаго различнаго политическаго міросозерцанія сходятса на требованіи образовать новое министерство. Но на вопросъ: изъ кого? — отвѣчаютъ общей фразой: какъ не найти энергичныхъ,

способныхъ, умѣлыхъ, преданныхъ освободительному движенію дѣятелей — они есть, ихъ много. Когда же ставится вопросъ въ упоръ: называйте фамиліи? — оказывается — фамилій нѣтъ.

И мы глубоко убѣждены, что въ стотридцати милліонномъ населеніи болѣе чѣмъ достаточно личныхъ силъ, способныхъ съ честью стоять у власти. Какъ ихъ только найти? Гдѣ искать?

Совершающаяся русская революція представляетъ собою явленіе въ исторіи новое — и по теченію, и по цѣлямъ, и, главное, по средствамъ дѣйствія. Начавшаяся въ тотъ моментъ, когда соціалистическіе идеалы не могли ясно и открыто обнаруживаться, она, однако, сразу весьма широко ихъ усвоила. Сразу же задачи политическаго переворота переплелись съ стремленіями къ перевороту соціально-экономическому. А когда революція перешла къ дѣйствіямъ, она выразилась не въ баррикадахъ, не въ стрѣльбѣ, не въ открытомъ насиліи возставшаго противъ власти народа — она выразилась въ забастовкахъ.

По самому свойству забастовочнаго способа борьбы, руководительство не имѣетъ случаевъ для своего яркаго обнаруженія. Сила забастовки лежитъ исключительно въ пассивной стойкости бастующихъ массъ, и степень успѣха политической забастовки обратно пропорціональна, въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ, сопровождающимъ забастовку насильственнымъ эксцессамъ. Ибо противъ эксцессовъ у власти есть вѣрное средство — пули и штыки; противъ спокойнаго же упорства въ бездѣйствіи — власть безсильна.

А разъ нѣтъ нападенія, разъ воюющій бездѣйствуетъ, роль руководителя затушевывается. Для отваги, рѣшительности, смѣлости отдѣльныхъ лицъ — для всего того, что дѣлаетъ героевъ — тутъ нѣтъ почвы.

Другая причина коренится глубже. Все движеніе ведется на строгихъ коллективныхъ началахъ. Правда, рядомъ съ принципомъ «равенства» все время выставлялись и выставляются «свобода» и «право», но не они для наиболѣе самостоятельной и энергичной части борющихся составляютъ цѣль стремленій. Ихъ держатъ на своемъ знамени соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры, какъ средства борьбы, какъ средства ниспроверженія режима, одинаково враждебнаго и индивидуализму, и коллекти-

визму. Какъ положительные же идеалы, личная свобода и построенное на ней право имъ чужды.

Идеей коллегіальности русская революція проникнута до самыхъ глубинъ. «Всеобщая, прямая, равная и тайная»—недаромъ стала ея основнымъ символомъ. Все обсуждается и рѣшается сообща, по большинству голосовъ. Этимъ достигается справедливость, осторожность и обдуманность рѣшеній. Но этимъ же устраняется изъ рѣшеній опредѣленность и яркость. Коллегія нивеллируетъ и обезличиваетъ своихъ членовъ и приводитъ къ анониму неопредѣленной середины.

Не создала революція именъ личныхъ, не создала и именъ коллективныхъ. Какая партія, какая общественная группа, какая организація руководитъ революціей? Всѣ и ни одна—иного отвѣта нельзя дать.

Коллективизмъ обезличилъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всѣ партіи, организаціи и группы. Въ борьбѣ съ режимомъ все объединилось и расплылось. Индивидуальность стерта со всего. Характерный фактъ — союзъ союзовъ, гдѣ совмѣстно баллотируютъ представители группъ профессіональныхъ и политическихъ, промышленно-торговыхъ и національныхъ: профессора, земцы, сторонники женскаго равноправія, фармацевты, инженеры, книгоиздатели, защитники равноправія евреевъ, чиновники и т. д., и т. д.

Всепроникающій коллективизмъ въ работѣ разрушительной оказался могущественнымъ. Но когда разрушено, надо созидать, творить. Гдѣ же носители реальныхъ положительныхъ идеаловъ—люди и партіи? Не станемъ спорить: быть можетъ, творить еще рано. Во всякомъ случаѣ, скоро будетъ пора. Гдѣ носители тѣхъ положительныхъ идеаловъ, которые рисуются не въ туманной дали, и которые имѣютъ готовыя конкретныя формы, возможныя для осуществленія, если не сегодня, то завтра?

Вмѣсто политическихъ лозунговъ—расплывчатыя диссертаціи, именуемыя партійными программами. Вмѣсто готовности работать, трусливое: «я не уполномоченъ».

Прямой путь къ анархіи...

Никто не хочетъ познать на себѣ отвѣтственности. Да, легче, неизмѣримо легче требовать, указывать, ставить условія и прятать свою совѣсть, какъ за щитъ, за невыполнимыя условія...

Безъ самозванства Россіи не спастить. Не къ самозванству Пугачева мы конечно взываемъ. Пугачевщина придетъ неизбѣжно изъ омута анархіи. Ее предотвратитъ лишь самозванство Минина.

Кто Минина выбиралъ, кто уполномочивалъ?

Коллективный Mининъ нуженъ до боли. Гдѣ онъ?

«Русь» 29 ноября 1905 г.,
№ 32.

За мѣсяцъ.

1 декабря 1905.

Ноябрьскія забастовки.—Забастовка почты и телеграфа.—Равноправны ли чиновники съ обывателями?—«Революціонное» движеніе въ средней школѣ.—События въ арміи и во флотѣ.—Земскій и крестьянскій съѣзды въ Москвѣ.—Курьезы изъ газетъ.

Русская революція растетъ неудержимо. Растетъ вширь и вглубь. Революція захватила такіе слои, которые всегда были несокрушимымъ оплотомъ павшаго, 17-го октября, режима. Она захватила чиновниковъ—и не чиновниковъ либеральнаго новаго суда, даже не акцизныхъ, а почтово-телеграфныхъ. Революціонерами стали не судьи, не инженеры, не врачи. Ими стали классическіе почтмейстеры и иного ранга чиновники телеграфа и почты, коллежскіе регистраторы, секретари и ассесоры, гордившіеся «благородіемъ», мундиромъ, орденами въ петличкахъ и медалями. Двадцать лѣтъ назадъ, когда отъ чиновниковъ были отняты погоны (потомъ они снова были даны), въ губернскихъ и уѣздныхъ захолустьяхъ чувствовалось, что вотъ-вотъ поколеблются устои. На этотъ разъ не боязнь потерять погоны, чины или мундиръ и другія привилегіи создала въ чиновникахъ революціонное настроеніе, нѣтъ—они примкнули къ активному освободительному движенію... Чиновники полиціи еще не бастовали. Но среди околоточныхъ и городовыхъ уже кое-гдѣ образуются союзы, они собираются на митинги, пишутъ резолюціи и предъявляютъ требованія.

Начало ноября ознаменовалось въ Петербургѣ попыткой повторить всероссійскую политическую забастовку. Съ 2-го по 7-ое бастовали заводы и фабрики, желѣзныя дороги и газеты. Но того успѣха, какой имѣла забастовка въ октябрѣ, ноябрьская не получила. Она не была общей—Москва, напримѣръ, къ ней вовсе не примкнула — и сочувствія широкихъ слоевъ публики на сторонѣ бастовавшихъ не было. Причинъ неудачи—сказать точнѣе, неполной удачи—много. Главная изъ нихъ — частный характеръ мотивовъ. Ихъ было два: протестъ противъ введенія военнаго положенія въ царствѣ польскомъ и оказаніе поддержки кронштадтскимъ матросамъ, дабы не допустить примѣненія къ нимъ смертной казни. Забастовкѣ предшествовали невѣроятные слухи, повторявшіеся въ газетахъ, что будто бы сотни матросовъ уже приговорены къ разстрѣлянію; наканунѣ говорили даже, что они уже разстрѣлены.

Во всякомъ случаѣ, снова не горѣли фонари на улицахъ и электричество въ домахъ, не дѣйствовали телефоны, газетчики продавали одинъ «Правительственный Вѣстникъ». Снова люди голодали. Снова одни отсиживались въ Лугѣ, во Псковѣ, въ Нарвѣ, другіе не могли двинуться изъ Петербурга. Намъ лично пришлось испытать своеобразный способъ путешествія въ Москву. Первый поѣздъ послѣ перерыва былъ отправленъ 4-го ноября. На другой день отошло три—утромъ, днемъ и вечеромъ. Дневной поѣздъ, составленный изъ восемнадцати пассажирскихъ вагоновъ, шелъ до Колпина четыре часа и затѣмъ разорвался; часть пассажировъ изъ оторвавшихся заднихъ вагоновъ вынуждена была пересѣсть въ передніе, часть возвратилась обратно. Вечернему поѣзду болѣе посчастливилось; онъ не разрывался, но шелъ до Москвы двадцать часовъ и останавливался на станціяхъ какъ-то такъ, что приходилось до платформы долго идти по шпаламъ. Отъѣздъ изъ Петербурга совершался поворовски. На вокзалъ впускали черезъ узенькую дверь изъ-подъ воротъ — и поѣзда отходили не отъ обычнаго мѣста отправленія. Сопровождала поѣздъ, въ которомъ мы ѣхали, постоянная кондукторская бригада. Почему она согласилась нарушить забастовку—мы не знаемъ, но ясно было, что она это сдѣлала не безъ смущенія и боязни за судьбу. Главный кондукторъ въ сильномъ волненіи говорилъ, что его только-что

записали. На вопросъ: «кто, за что»?—онъ отвѣчалъ: «не знаю, какіе-то люди подошли, спросили фамилію и записали».

Мелочь—чрезвычайно характерная. Власть, безъ которой государственное общеніе не можетъ существовать ни одного часа, перемѣстилась. «Какіе-то люди», особенно страшные своей личной неизвѣстностью, а еще болѣе анонимностью стоящаго за ними чего-то огромнаго и сильнаго, въ сознаніи и въ глазахъ низшихъ служащихъ заняли то самое мѣсто, на которомъ они привыкли видѣть оффиціальное начальство. Это начальство пріучило ихъ къ произвольности распоряженій и къ безпрекословности исполненія. Тѣмъ легче оказалось возможнымъ направлять ихъ мысли и дѣйствія «какимъ-то людямъ»... Нѣсколько дней спустя намъ случайно довелось присутствовать и видѣть въ Москвѣ, какъ «закрывали» ресторанъ и «снимали» оффиціантовъ въ одной изъ самыхъ большихъ гостинницъ. Въ швейцарскую вошли двое молодыхъ людей и потребовали, чтобы къ нимъ вышли оффиціанты. Управляющій самолично побѣжалъ наверхъ. Черезъ минуту съ нимъ спустились нѣсколько оффиціантовъ. Молодые люди имъ сказали: «закрыть» ресторанъ. Моментально было потушено электричество, вся прислуга ушла, двери въ обѣденную залу были заперты. Не раздалось ни одного протеста, ни со стороны прислуги, обрекавшейся на лишеніе на неопредѣленное время заработка, ни со стороны управляющаго гостинницей, которая обрекалась на громадные убытки... Столь же покорно отнеслись къ своей участи — потихоньку обѣдать въ душныхъ номерахъ—постояльцы. Организаторы забастовокъ сумѣли вкоренить въ массы сознаніе ихъ властнаго авторитета—и въ этомъ ихъ сила.

Но если такъ, то организаторы забастовокъ должны сами проникнуться сознаніемъ отвѣтственности за совершаемое и строго взвѣшивать цѣль и средства прежде, чѣмъ рѣшаться на забастовку. Съ этой точки зрѣнія обращаетъ на себя особенное вниманіе начавшаяся 15-го ноября забастовка почты и телеграфа. Поводомъ для нея послужилъ отказъ графа Витте принять депутацію и отмѣнить распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ Дурново, воспрепятствовавшаго образованію союза почтово-телеграфныхъ служащихъ, воспретившаго делегатамъ ихъ собраться въ Москвѣ и уволившаго нѣсколькихъ чиновниковъ. Причины болѣе глубокія, какъ онѣ формулированы въ цѣломъ рядѣ воз-

званій и обращеній бастующихъ, заключаются въ безправномъ положеніи служащихъ почтово-телеграфнаго вѣдомства, въ нищенскомъ жалованьи и въ томъ, что «бываетъ предѣлъ всякому терпѣнію». «Мы терпѣли—говорится въ обращеніи, напечатанномъ въ газетахъ 20-го ноября,—мы просили, мы ходатайствовали, всѣ наши голоса глохли гдѣ-то въ министерскихъ канцеляріяхъ». Допустимъ, что отказъ перваго министра принять депутацію отъ почтово-телеграфныхъ служащихъ дѣйствительно былъ «вызовомъ» и что въ немъ выразилась солидарность гр. Витте съ П. Н. Дурново; допустимъ, что распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ были неправильны, а увольненіе чиновниковъ незаконно и несправедливо; допустимъ, что чиновники въ осуществленіи права союзовъ и собраній не должны ничѣмъ отличаться отъ обывателей; не допустимъ, а признаемъ, какъ несомнѣнный фактъ, что положеніе почтово-телеграфныхъ служащихъ безправно и что ихъ оклады содержанія ограждаютъ лишь отъ голодной смерти. Согласимся, наконецъ, что «истинный» виновникъ забастовки не служащіе, а правительство, какъ это сказано въ томъ же обращеніи. Но что же изъ всего этого слѣдуетъ? Неужели можно оправдать возвращеніе, хотя бы на нѣсколько дней, современной общественной и государственной жизни къ условіямъ глубокой древности? Неужели причина равноцѣнна принятой мѣрѣ? Современная лихорадочная жизнь требуетъ непрерывныхъ сношеній. На быстротѣ и педантичной точности почты и телеграфа основана вся торговля, управленіе государствомъ, управленіе каждымъ дѣломъ. Прямо или косвенно, но въ непрерывности почтово-телеграфныхъ сношеній заинтересовано все населеніе. Каждый день забастовки причиняетъ ему неисчислимый ущербъ матеріальный и моральный. Такая забастовка разрушаетъ благосостояніе страны на многіе годы.

Представимъ себѣ, что цѣль забастовки будетъ достигнута. Представимъ себѣ, что министръ внутреннихъ дѣлъ будетъ уволенъ, а уволенные имъ чиновники будутъ возвращены на службу, что безпрепятственно образуется союзъ почтово-телеграфныхъ служащихъ и что содержаніе ихъ будетъ увеличено. Развѣ это искупитъ тѣ жертвы, которыя понесла страна въ лицѣ всего населенія? Развѣ это искупитъ утрату довѣрія и кредита на международномъ рынкѣ? Что значатъ четыре-пять чиновниковъ, что

значитъ министръ, что значитъ улучшеніе быта служащихъ въ одномъ изъ вѣдомствъ—сравнительно съ насущными и реальными интересами необъятной страны и стомилліоннаго населенія? Только въ состояніи психическаго гипноза возможно до такой степени потерять масштабъ. Отправляясь отъ интереса общественнаго, наша революція, въ практическомъ примѣненіи идеаловъ, выдвинула интересъ частный, если не личный, то групповой, и на алтарь этого группового интереса безжалостно несетъ общій, всенародный. Пониманіе мѣры исчезло. Получилось нѣчто подобное тому, когда человѣкъ срубаетъ вѣковую сосну, чтобы воспользоваться шишкой, висящей на вершинѣ, или устраиваетъ крушеніе поѣзда, чтобы похитить товару на нѣсколько рублей. Какъ бы человѣкъ ни былъ обиженъ судьбой, несправедливыми дѣйствіями начальства, какъ бы глубоко ни было нарушено его правосознаніе, но если онъ начнетъ жечь городъ и добиваться возстановленія своихъ правъ путемъ разоренія и разрушенія моральныхъ интересовъ жителей, кто не скажетъ, что онъ или преступникъ, или душевно-больной?.. Въ одной типографіи, когда наборщики потребовали платы за забастовочные дни, и хозяинъ сказалъ имъ, что онъ этого сдѣлать не можетъ и вынужденъ будетъ типографію закрыть, наборщики ему отвѣтили: «это насъ не касается, мы для себя работу найдемъ». Такъ отвѣтили и могли отвѣтить лица, противопоставлявшія два частныхъ интереса. А имѣли ли хотя крупицу нравственнаго права чиновники почты и телеграфа сказать забастовкою всему населенію Россіи: «это насъ не касается, всякому терпѣнію бываетъ предѣлъ». И сказать, когда—наканунѣ реализаціи обновленія государственнаго строя.

Мы допускали выше, что чиновники въ осуществленіи права союзовъ и собраній не должны ничѣмъ отличаться отъ обывателей. Мы это сдѣлали потому, что для хода дальнѣйшаго разсужденія было безразлично, должны ли они быть равноправны съ обывателями или нѣтъ. Но въ сущности этотъ тезисъ вызываетъ большія сомнѣнія. Между чиновниками и гражданами государства — огромная разница. Чиновникъ, какъ бы скромно ни было его служебное положеніе, есть органъ власти. Въ гигант-

скомъ деревѣ системы управленія государствомъ всѣ вѣтви, вѣточки, отростки и листья находятся въ неразрывной преемственной связи, и въ силу того—въ неразрывномъ же и преемственномъ соподчиненіи. Отъ центра на периферію передается власть. Отъ периферіи къ центру должно идти повиновеніе. Подчиненіе низшаго чиновника высшему вытекаетъ не изъ договора, какъ подчиненіе приказчика хозяину, а изъ того сложнаго понятія, которое обозначается малоопредѣленнымъ терминомъ служебнаго долга. И гражданинъ обязанъ повиновеніемъ власти, но между его повиновеніемъ и повиновеніемъ служебнымъ нѣтъ ничего общаго. Служба создаетъ для чиновника право на власть, и отсюда вытекаютъ ограниченія его правъ, какъ гражданина. Въ частности — ограниченіе, по цѣли и задачамъ, права союзовъ и собраній.

Было бы неправильно полагать, что государственная служба, въ идейномъ о ней представленіи, убиваетъ въ чиновникѣ гражданина. Отнюдь нѣтъ. А потому, поскольку то или иное дѣйствіе чиновникъ совершаетъ какъ гражданинъ, никакія ограниченія въ отношеніи его не должны имѣть мѣста. Онъ можетъ входить во всякаго рода общественныя или политическія организаціи и партіи, участвовать въ соотвѣтствующихъ его политическому міросозерцанію союзахъ и собраніяхъ и т. д. Но какъ чиновникъ, онъ, во имя своей власти, долженъ подлежать ограниченіямъ. Въ благоустроенномъ государствѣ вполнѣ мыслима твердая профессіональная группировка сапожниковъ, писателей, наборщиковъ, фабрикантовъ. Для нея есть логическое основаніе—экономическая борьба въ области отношеній, обусловливаемыхъ свободною взаимностью услугъ. Для профессіональной же группировки чиновниковъ казначейства, почты и телеграфа, акцизныхъ или вообще любого вѣдомства—такого основанія нѣтъ. Ихъ борьба за увеличеніе жалованья есть борьба съ государствомъ, а не соціально-экономическая. Ихъ борьба, на почвѣ силы вмѣсто закона, съ начальствомъ—съ государственно-правовой точки зрѣнія, составляетъ явленіе нетерпимое. Если сапожникъ отказываетъ мнѣ сшить сапоги, я могу обратиться къ другому мастеру, или попробовать такъ или иначе обойтись безъ сапогъ. Но когда казначей отказываетъ выдать слѣдуемыя мнѣ изъ казны деньги, или нотаріусъ отказываетъ засвидѣтельствовать довѣренность,

или телеграфистъ не принимаетъ отъ меня депеши, и когда всѣ они ссылаются на несправедливость ихъ начальства или на недостаточный размѣръ получаемаго ими содержанія, для меня нѣтъ выбора. Неужели я, какъ гражданинъ, не въ правѣ сказать: «ваши счеты съ тѣми, кто поставилъ васъ управлять обывательскими интересами, меня не касаются?» Гражданинъ для чиновника—не работодатель, и чиновникъ для гражданина—не рабочій. Между ними не можетъ существовать экономической борьбы. Забастовка же чиновниковъ причиняетъ вредъ прежде всего и главнымъ образомъ гражданамъ. И такой вредъ, сравнительно съ которымъ забастовки на фабрикахъ и заводахъ имѣютъ ничтожное значеніе.

Только крайней степенью раздраженія противъ отжившаго, но еще не погребеннаго режима можно объяснить сочувственное отношеніе къ почтово-телеграфной забастовкѣ тѣхъ слоевъ общества, для которыхъ анархія не составляетъ цѣли стремленій. Перенесемся мысленно въ будущее и перемѣнимъ роли... Образовалась Дума. Большинство радикальное. Энергичное министерство изъ большинства. Дума приняла законъ объ отмѣнѣ чиновъ и орденовъ и о сокращеніи штатовъ людей «двадцатаго числа». Крѣпко сплоченный союзъ полиціи, земскихъ начальниковъ и губернаторовъ рѣшилъ противодѣйствовать закону и объявилъ забастовку, пока не будетъ свергнуто министерство и не будетъ распущена Дума. Среди чиновниковъ почты и телеграфа произошелъ поворотъ настроенія. Они примкнули къ забастовкѣ. Какъ къ ней отнесется радикально настроенное общество?..

Въ воззваніи, опубликованномъ 22-го ноября, почтово-телеграфные чиновники, протестуя противъ добровольцевъ, ставшихъ на работу въ почтамтѣ, говорятъ: «Они идутъ на помощь правительству, они поддерживаютъ гнилое зданіе самодержавія, они становятся въ ряды черной сотни! Что дѣлать съ этими преступниками, такъ какъ они совершаютъ политическое преступленіе противъ *народа, борющагося за свои основныя гражданскія права.* Общество должно дать отпоръ этимъ людямъ, не знающимъ чувства порядочности и нравственности. На свѣтъ ихъ!» Въ томъ-то и дѣло, что чиновники выступили въ данномъ случаѣ не какъ народъ, не какъ граждане, а именно какъ чиновники, въ защиту своихъ служебно-вѣдомственныхъ интересовъ. Въ письмѣ на имя графа Витте «отъ депутатовъ перваго всероссій-

скаго делегатскаго съѣзда почтово-телеграфныхъ работниковъ» высказано рѣшеніе «продолжать забастовку до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены слѣдующія наши требованія: 1) отмѣна всякихъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ въ цѣляхъ противодѣйствія организаціи и дѣятельности нашего союза и съѣзда, и 2) прекращеніе всякихъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ отдѣльнымъ членамъ союза и немедленное возвращеніе товарищей, уволенныхъ за принадлежность къ союзу». Газеты сообщали, что среди гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства также возникла мысль объ объединеніи на почвѣ различныхъ требованій. Между прочимъ, на требованіи, кромѣ увеличенія жалованья и образованія корпоративнаго суда и т. п., уравненія ихъ въ правахъ съ офицерами. Военные чиновники желаютъ, чтобы нижніе чины отдавали имъ честь, какъ офицерамъ, и чтобы за оскорбленіе ихъ несли тѣ же невѣроятно суровыя кары, какъ за оскорбленіе офицеровъ. Что это — также элементъ борьбы народа за «свои основныя гражданскія права»?..

Еще раньше, чѣмъ чиновниковъ, революція захватила среднія учебныя заведенія. Выразилась она въ ученическихъ сходкахъ, резолюціяхъ и забастовкахъ. Кое-гдѣ иниціатива прекращенія занятій принадлежала преподавателямъ. Во всякомъ случаѣ, и дѣти оказались вовлеченными въ политическое движеніе.

Явленіе—глубоко печальное. Его корни несомнѣнно въ ужасномъ, по своей ненормальности, строѣ и положеніи средней школы. Тридцать лѣтъ не только игнорировалась азбука педагогики, но все дѣлалось прямо вопреки ея аксіомамъ. Политику ввело въ школу само правительство. Реформа печальной памяти гр. Д. А. Толстого имѣла главной цѣлью оградить гимназистовъ отъ всего свѣжаго, живого, ибо оно несло съ собой «тлетворное» вліяніе и «вольный духъ». Не принято было во вниманіе лишь немногое: безсиліе грамматическихъ упражненій въ борьбѣ съ дѣйствительной жизнью и съ внѣшкольными впечатлѣніями. Эти впечатлѣнія стремились регулировать очерками исторіи Иловайскаго, гдѣ безталанно и грубо выдавалась за правду нелѣпая ложь, гдѣ походя опорочивались судъ присяжныхъ, земство и лучшіе авторы, гдѣ историческіе факты оцѣнивались подъ угломъ зрѣнія передовицъ

«Московскихъ Вѣдомостей». Система развитія квасного патріотизма называлась «воспитаніемъ въ духѣ истинныхъ русскихъ началъ». Между школой и жизнью естественно произошелъ разладъ, и жизнь столь же естественно, въ сознаніи даже дѣтей, побѣдила школу. Первый проблескъ революціоннаго взрыва пробудилъ въ дѣтяхъ желаніе свергнуть ненавистный своей безсмысленностью школьный режимъ. Скачки послѣднихъ лѣтъ, отъ строгаго классицизма къ фактическому упраздненію изученія древнихъ языковъ и обратно, отъ внѣшней распущенности къ солдатской дисциплинѣ и тоже обратно, внесли въ режимъ полный сумбуръ, окончательно отучили учащихся отъ труда и усилили тонъ ихъ отрицательнаго отношенія къ школѣ.

Развившееся на этой почвѣ движеніе воспитанниковъ, имѣя за собою фонъ общаго освободительнаго движенія, вылилось въ самыя сложныя формы, въ которыхъ дѣтское перемѣшалось съ недѣтскимъ, серьезное съ вызывающимъ грустную улыбку. Изъ гимназій раздались требованія свободы сходокъ и немедленнаго созыва народныхъ представителей всеобщей, равной и т. д. подачей голосовъ, неприкосновенности личности и увольненія такого-то учителя, отмѣны положенія усиленной охраны и разрѣшенія носить гимназистамъ неформенное платье, политической амнистіи и предоставленія старостамъ-ученикамъ контролировать оцѣнку преподавателями знанія заданнаго урока. Раздалось: «впредь до удовлетворенія нашихъ требованій мы не считаемъ возможнымъ» и т. д. Растерявшееся начальство стало обращаться къ полиціи!..

Какъ относятся къ ученическому движенію тѣ, кого оно всего больнѣе затрагиваетъ—родители? Въ газетахъ писали, что одни родительскія собранія приняли сторону протестующихъ дѣтей, другія—наоборотъ. То собраніе, на которомъ намъ лично случилось присутствовать, принадлежало къ числу послѣднихъ. На приглашеніе обсудить, совмѣстно съ преподавательскимъ персоналомъ, положеніе, создавшееся въ закрытой болѣе недѣли гимназіи, отозвалось свыше двухсотъ отцовъ и матерей, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ слоямъ общества. Были и чиновники, и торговцы, крупные и мелкіе, и священники, и лица такъ называемыхъ свободныхъ профессій. Сыновья, зная о родительскомъ собраніи, пришли просить, чтобы были допущены

и выслушаны ихъ депутаты. Когда директоръ объ этомъ сообщилъ, въ отвѣтъ послѣдовало негодующее и шумное: «не пускать, не надо». Немногимъ отдѣльнымъ лицамъ и въ числѣ ихъ нѣкоторымъ педагогамъ, пытавшимся поддержать просьбу воспитанниковъ, не давали говорить. При баллотировкѣ подавляющее большинство просьбу отвергло. Затѣмъ приступили къ обсужденію вопроса по существу. Общій характеръ рѣчей былъ чрезвычайно суровый: дѣти должны учиться и не смѣютъ вмѣшиваться въ политику; язва, которая завелась въ гимназіи, должна быть съ корнемъ вырвана, а для этого надо немедленно исключить бунтовщиковъ. Указанія на то, что причина явленія лежитъ слишкомъ глубоко, чтобы возможно было бороться съ нимъ исключеніемъ воспитанниковъ, звучали слабо и не вызывали сочувствія. Рѣшеніе педагогическаго совѣта возобновить занятія съ предоставленіемъ ученикамъ старшихъ четырехъ классовъ собираться на сходки—во внѣклассное время, безъ допуска постороннихъ и подъ наблюденіемъ преподавателей, было принято съ одобреніемъ только половиной собранія. Со стороны другой половины и эта скромная уступка встрѣтила рѣзкое осужденіе.

Мы далеки отъ мысли обобщать личныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ одного родительскаго собранія. Мы отмѣчаемъ ихъ, какъ фактъ. Родители—люди эгоистичные, не склонные отрѣшаться отъ непосредственныхъ интересовъ ихъ собственныхъ дѣтей. Въ словахъ наиболѣе горячихъ ораторовъ слышалась нота личнаго недовольства и раздраженія: «я» отдалъ сына въ гимназію, «я» плачу деньги, «мой» сынъ примѣрный мальчикъ, какіе-то невѣдомые бунтари, которыхъ «я» не знаю и знать не хочу, мѣшаютъ ему учиться и готовятъ изъ него такого же бунтаря. Выводъ ясный и простой: бунтарей выгнать. А гдѣ же отцы этихъ бунтарей? Ихъ не было. Они навѣрное въ залѣ были, и весьма вѣроятно, что именно изъ ихъ устъ выходили наболѣе энергичныя и прямолинейныя требованія. Они только не знали, что ихъ «примѣрные мальчики» дома—въ гимназіи имѣютъ совсѣмъ иную репутацію. Разладъ у дѣтей произошелъ не съ одной школой, но и съ семьей—и въ этомъ трагизмъ положенія. Повторилась старая исторія: въ сутолокѣ жизни отцы проглядѣли сыновей... Но мы не хотѣли бы обобщать и этого впечатлѣнія. Многіе отцы, очевидно, имѣли въ виду такихъ сыновей, которые по

возрасту не могутъ быть активными бунтарями, и ихъ горячее желаніе оставить дѣтей, въ буквальномъ смыслѣ слова, въ сторонѣ отъ политическаго движенія нельзя не признать совершенно основательнымъ. Дѣйствительно, гимназія объединяетъ десятилѣтнихъ мальчиковъ и почти взрослыхъ людей. Объединяетъ единствомъ режима, системы преподаванія и воспитанія, единствомъ помѣщенія. Классы распредѣляются по корридорамъ случайно: восьмой рядомъ со вторымъ, седьмой рядомъ съ первымъ. Въ перерывахъ между уроками въ одной залѣ гуляютъ воспитанники восьмого класса и второго, а воспитанники седьмого и перваго гуляютъ въ другомъ концѣ зданія. Въ билетахъ, съ напечатанными на нихъ правилами, выдаваемыхъ десятилѣтнимъ дѣтямъ, говорится, что имъ воспрещается носить бороду и усы и курить. Ясно, что все это—ненужный и легко устранимый вздоръ, порождающій, однако, далеко не вздорные результаты. Какъ не устроить сходки дѣтямъ перваго или второго класса, не выбрать старостъ, не сдѣлать скандала учителю, когда на ихъ глазахъ, рядомъ, за стѣной, обсуждаютъ гимназическія нужды, въ связи съ нуждами народа и государства?! Запретное особенно манитъ къ себѣ.

Практическое слѣдствіе движенія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—перерывы занятій, то на три дня, то на недѣлю, то на двѣ недѣли. Полугодіе для воспитанниковъ потеряно. Они провели его въ праздности. Многіе десятки дѣтей узнали казацкія нагайки. Для многихъ завершеніе образованія надолго отсрочено, для иныхъ прекращено навсегда. Грустно и печально...

Не менѣе печально непрерывное продолженіе занятій въ одномъ изъ привилегированныхъ заведеній—въ училищѣ правовѣдѣнія, купленное цѣною увольненія, по иниціативѣ товарищей, около двадцати воспитанниковъ и ухода нѣсколькихъ лучшихъ профессоровъ. Товарищи потребовали, чтобы «либеральные» воспитанники оставили училище, и начальство восхвалило ихъ за это требованіе. Частный самъ по себѣ эпизодъ, но характерный. Неужели начальство думаетъ, что оно сдѣлало благо для вѣрныхъ «долгу» и «традиціямъ училища» воспитанниковъ, удовлетворивъ ихъ анти-товарищеское требованіе?

выводовъ и заключеній изъ того, что въ Кронштадтѣ и въ Севастополѣ нѣкоторые отдѣльные нижніе чины и мелкія войсковыя соединенія дѣйствовали вмѣстѣ съ матросами, ибо на соединенія крупныя движеніе не распространялось. Въ-третьихъ, надо рѣзко различать волненія запасныхъ и состоящихъ на срочной службѣ. Запасные имѣютъ совершенно особый обликъ и не ими опредѣляется физіономія арміи. Война окончилась, они рвутся домой, а ихъ увольненіе замедливается—вотъ доминирующая причина ихъ недовольства. Считая виновникомъ неудовольствія начальство, запасные готовы на самыя рѣзкія противъ него дѣйствія. Если же они увидятъ виновника въ бастующихъ рабочихъ, то направятъ свою силу на нихъ. Въ началѣ ноября, въ Самарѣ, пришлось экстренно демобилизировать восемь тысячъ запасныхъ, дабы предотвратить еврейскій погромъ и избіеніе рабочихъ и студентовъ. Запаснымъ почему-то пришло въ голову, что ихъ не отпускаютъ вслѣдствіе того, что готовится погромъ со стороны черной сотни, и что ихъ оставляютъ на службѣ для защиты студентовъ, рабочихъ и евреевъ. Тогда они собрались, рѣшили уничтожить виновниковъ своего неудовольствія и назначили для того день. Въ-четвертыхъ, слѣдуетъ имѣть въ виду отличіе строевыхъ воинскихъ командъ и частей отъ нестроевыхъ и исключительность нѣкоторыхъ изъ нихъ, главнымъ образомъ, по комплектованію. Къ числу такихъ исключительныхъ частей относится и рота военной электротехнической школы, сплошь пополняемая слесарями, монтерами и техниками различныхъ спеціальностей.

Если принять въ соображеніе всѣ приведенныя оговорки, то окажется, что въ сухопутныхъ войскахъ общаго типа крупныхъ случаевъ проявленія революціоннаго настроенія еще не было. Исключеніе, быть можетъ, составляетъ событіе 17-го ноября въ Кіевѣ, но судить о немъ по одной телеграммѣ было бы рискованно. Мы отнюдь не отвергаемъ возможности развитія и бурнаго проявленія революціи въ сухопутныхъ войскахъ; мы только констатируемъ фактъ. И не скроемъ, что констатируемъ его съ чувствомъ удовлетворенія, ибо войско, захваченное въ водоворотъ революціи, столь же опасно для нея самой, сколь опасно оно для строя, на ниспроверженіе котораго революція направляетъ свои усилія. Всякая государственная организація и всякое право, *въ концѣ концовъ*, опираются на матеріальную силу. Эту конечную

силу въ государствѣ представляетъ войско, которое потому должно быть построено на началахъ, соотвѣтствующихъ условіямъ успѣшнаго дѣйствія матеріальныхъ силъ вообще. Войско должно управляться и опредѣляться къ дѣйствію волею, внѣ его стоящею и отъ него независимою. Функція войска есть исключительно служебная. Войско самоопредѣляющееся не только составляетъ теоретическій абсурдъ, но оно немыслимо ни при какомъ строѣ— ни при самодержавіи монарха, ни при самодержавіи народа, ни при любой смѣшанной формѣ. Способъ комплектованія арміи тутъ не играетъ никакой роли. Смыслъ милиціи, также точно какъ и постоянной регулярной арміи, въ томъ, что она—сила. Пока эта сила послушна управляющей ею волѣ, она—положительный факторъ въ государствѣ. Съ того же момента, когда она вступила на путь самоопредѣленія, она становится факторомъ отрицательнымъ. Государство теряетъ опору. Опора обращается въ самодовлѣющій организмъ. Получается государство въ государствѣ. И что побѣдитъ: организованная ли сила, или лишенное силы право — сомнѣній быть не можетъ. А куда направитъ судьбы государства диктатура войска—исторія говоритъ краснорѣчиво. Войску свойственны принципы абсолютизма, подавленія личности и свободы; ему, какъ грубой фактической силѣ, свойственъ произволъ. Горе тому народу, который путемъ военныхъ возстаній мечтаетъ добиться свободы, равенства и права. Гораздо легче снять узду съ сильной и своенравной лошади, нежели ее снова взнуздать...

Съ 6-го по 13-ое ноября происходили въ Москвѣ засѣданія шестого съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей. День открытія съѣзда совпалъ съ годовщиной начала занятій въ Петербургѣ частнаго совѣщанія предсѣдателей губернскихъ и земскихъ управъ и нѣкоторыхъ земскихъ гласныхъ.

Мы живо помнимъ 6-ое ноября прошлаго года. Послѣ долгихъ переговоровъ съ княземъ Святополкъ-Мирскимъ, Д. Н. Шипову удалось получить не разрѣшеніе собраться въ частной квартирѣ, безъ допуска публики и представителей печати, а обѣщаніе, что если земцы соберутся, то полиція ихъ не разгонитъ. Къ назначенному часу въ квартиру И. А. Корсакова стали собираться

другъ другу мало извѣстные случайные представители земскихъ губерній. Каждый торопился отпустить извозчика, чтобы не обратить на себя вниманія и незамѣтно войти въ подъѣздъ. Д. Н. Шиповъ открылъ совѣщаніе и, будучи избранъ предсѣдателемъ, изложилъ цѣль созыва и исторію образованія совѣщанія. Собраніе приступило къ обсужденію проекта получившихъ затѣмъ такую широкую извѣстность резолюцій. Резолюціи обсуждались три дня—каждый день въ разныхъ помѣщеніяхъ, дабы не обнаружить существованіе совѣщанія. 8-го ноября резолюціи были подписаны въ квартирѣ В. Д. Набокова ста двумя лицами. Въ преніяхъ шла рѣчь о гражданской свободѣ, о равноправности сословій и національностей, о правовой основѣ государственнаго бытія или этико-соціальной. Слово «конституція», если и употреблялось, то вскользь; ораторы предпочитали его замѣнять описательными выраженіями. Словъ «республика», «революція» и въ поминѣ не было. Принятыя резолюціи были разосланы по земствамъ въ рукописныхъ копіяхъ; одна-двѣ типографіи ихъ отпечатали, тщательно скрывъ мѣсто печанія...

Прошелъ всего годъ—и какъ мы безконечно далеки отъ этой картины! Она рисуется, какъ что-то давнымъ-давно прошлое, какъ что-то, чему свидѣтелями были не мы сами, а наши отцы и дѣды. О созывѣ съѣзда на 6-ое ноября 1905 г. было извѣстно задолго до его открытія не только всей Россіи, но Европѣ и Америкѣ. Его ждалъ и въ немъ желалъ найти поддержку предсѣдатель совѣта министровъ. За протекшій годъ съѣздъ изъ земскаго преобразился въ земско-городской. Многіе земства и города имѣли въ немъ оффиціально, въ законныхъ засѣданіяхъ, выбранныхъ представителей. Царство польское прислало делегатовъ отъ политическихъ партій. Представлены были западныя губерніи, области казачьихъ войскъ, Кавказъ и Сибирь. Присутствовавшей въ засѣданіяхъ публики было больше, чѣмъ членовъ съѣзда. Едва ли не всѣ большія газеты и телеграфныя агентства имѣли спеціальныхъ корреспондентовъ, разсылавшихъ по телеграфу и телефону отчеты о преніяхъ и воспроизводившихъ даже отдѣльныя рѣчи. Главный предметъ сужденій составляли: опредѣленіе отношеній съѣзда къ министерству графа Витте и къ манифесту 17-го октября, вопросъ объ учредительномъ собраніи и

объ автономіи Польши. Оспаривалась конституціонная монархія. Говорили не скрывая: «я соціалъ-демократъ», «я республиканецъ».

На содержаніи рѣшеній съѣзда отразилась, съ одной стороны, неопредѣленность положенія, занятаго правительствомъ, съ другой—невыясненность степени развитія активной революціи. Всѣ рѣшенія полны поэтому условныхъ оговорокъ и не исключаютъ различныхъ толкованій. Какъ отнестись къ растущему аграрному и черносотенному движенію—осталось безъ отвѣта. Въ немъ желали скорѣе видѣть искусственную руку реакціи, поддержанной мѣстной администраціей, чѣмъ признаки контръ-революціи. Вступить на путь дѣйствій съѣздъ не рискнулъ.

Одновременно съ земско-городскимъ, въ Москвѣ же засѣдалъ съѣздъ крестьянскій. Объ образованіи всероссійскаго союза крестьянъ кое-какія свѣдѣнія проникали въ печать еще съ лѣта. Но цензурныя условія препятствовали полнотѣ свѣдѣній, и что это за союзъ—дѣйствительно ли обще-крестьянскій, или партійно-политическій—оставалось загадкой.

Между тѣмъ, естественно, что крестьянство—его настроеніе и идеалы—всего болѣе интересуетъ въ переживаемый моментъ мыслящее общество. Крестьянъ болѣе 80% населенія Россіи. Какіе бы выборы въ Думу ни были, они представятъ собою наибольшую численную силу, и, слѣдовательно, прямо или косвенно опредѣленіе судебъ конституціонной Россіи будетъ принадлежать именно имъ. А кто они—общество не знаетъ. Партіи, занимающія самые крайніе полюсы, видятъ въ нихъ своихъ союзниковъ и одинаково утверждаютъ, что идутъ съ крестьянствомъ и во имя его идеаловъ. Такъ говорятъ сторонники трехчленной формулы: православіе, самодержавіе и народность—и такъ же точно говорятъ соціалисты-революціонеры. Иниціатива созыва ноябрьскаго съѣзда принадлежала послѣднимъ и выработанныя съѣздомъ постановленія весьма близки къ ихъ партійной программѣ. Высказать, однако, о крестьянскомъ союзѣ наше окончательное сужденіе мы пока воздерживаемся.

Два курьеза изъ газетъ.

Одна газета занесла на свои страницы слѣдующую сценку, происходившую въ Петербургѣ, на Садовой улицѣ.

«Вокругъ посыльнаго собралась толпа хулигановъ, оживленно о чемъ-то бесѣдовавшихъ. По временамъ изъ толпы раздавался голосъ посыльнаго:

— Господа православные, соединяйтесь, организуйтесь и тому подобное, объединяйтесь, кто какъ можетъ, ибо необходимо вырѣзать всѣхъ студентовъ, курсистокъ и жидовъ. Въ противномъ случаѣ они захватятъ власть и устранятъ православную вѣру.

Объ ораторскихъ талантахъ посыльнаго однимъ изъ свидѣтелей доведено до свѣдѣнія прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда».

Какъ назвала бы газета свидѣтеля и его поступокъ, если бы посыльный говорилъ наоборотъ?

Въ другой газетѣ, отъ 16 ноября, на первой страницѣ (не въ отдѣлѣ объявленій) было напечатано крупнымъ шрифтомъ: «Группа сознательныхъ матросовъ всѣхъ экипажей, расположенныхъ въ Петербургѣ, объявляетъ бойкотъ кондуктору Шарову». На слѣдующій день газета сообщила, что кондукторъ Шаровъ состоитъ рулевымъ на какомъ-то военномъ суднѣ.

Итакъ, читатель, знайте: есть на свѣтѣ кондукторъ Шаровъ (немного больше матроса и много меньше мичмана) и помните, что онъ долженъ почитаться «яко же умре»—группа «сознательныхъ» матросовъ этого отъ васъ требуетъ... Изъ всего серьезнаго можно сдѣлать смѣшное!

«Вѣстникъ Европы», 1905 г., № 12.

Предѣлы полномочій и отвѣтственности министерства графа Витте.

Необходимое и неизбѣжное слѣдствіе конституціонной формы правленія—отвѣтственное министерство.

Такое же слѣдствіе отвѣтственности министерства—скрѣпленіе министромъ каждаго закона или издаваемаго въ порядкѣ верховнаго управленія распоряженія.

Въ виду исключительности, съ юридической точки зрѣнія, положенія, созданнаго манифестомъ 17 октября, возникаетъ существенно важный вопросъ: обязаны ли министры нынѣ, до образованія Думы, контрасигнировать законы, Высочайшіе указы и повелѣнія? А въ связи съ этимъ вопросомъ и другой: подлежитъ ли нынѣшнее министерство отвѣтственности передъ Государственной Думой за всякаго рода законодательныя постановленія, изданныя и введенныя въ дѣйствіе за время съ 17-го октября по день перваго засѣданія Думы?

На оба вопроса дѣйствующее право прямыхъ отвѣтовъ не даетъ. Не даетъ ихъ, между прочимъ, и указъ 19-го октября о преобразованіи совѣта министровъ. Но цѣлый рядъ соображеній логическихъ, подкрѣпляемыхъ догматическимъ разборомъ манифеста 17-го октября, приводитъ къ безспорному, по нашему мнѣнію, выводу въ пользу отвѣтовъ утвердительныхъ.

Исходнымъ положеніемъ для всѣхъ разсужденій о роли и характерѣ министерства гр. Витте должно служить рѣшеніе корен-

ного вопроса: какая форма правленія существуетъ въ настоящій моментъ въ Россіи — неограниченно-монархическая или конституціонная?

Переходнымъ можетъ быть время или порядокъ управленія страной. Но образъ правленія въ государствѣ, въ которомъ фактъ существованія законной власти не разрушенъ и стоитъ внѣ сомнѣнія, ни на одну минуту переходнымъ быть не можетъ. Сказать, что Россія переходитъ отъ неограниченно-монархическаго строя къ представительно-ограниченному, нельзя. Она или еще не перешла — тогда всѣ государственные институты должны оцѣниваться на основаніи формально неотмѣненныхъ нормъ свода законовъ,—или уже перешла—тогда ссылка на эти нормы не можетъ имѣть никакого значенія.

До сихъ поръ исторія знала два способа перехода къ конституціонному строю. Революціонный — когда послѣ низверженія верховной власти монарха на ея мѣсто немедленно вступаетъ власть народа, и народъ самъ облекаетъ свою волю о политическомъ будущемъ страны въ опредѣленныя юридическія формулы. Мирный — когда носитель власти добровольно отказывается отъ части прерогативъ, выражая это въ законченномъ октроируемомъ актѣ.

Во второмъ случаѣ ни о какомъ длящемся переходномъ моментѣ не можетъ быть рѣчи, ибо переходъ наступаетъ съ подписаніемъ акта. Только въ первомъ получается нѣкоторый длительный періодъ юридическаго безвластія и фактической власти временнаго правительства—пока представители народа не соберутся и не санкціонируютъ новаго основного закона.

Манифестъ 17-го октября показалъ, что возможенъ третій способъ: «даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы» и установить, «какъ незыблемое правило», главные признаки конституціонализма, съ распространеніемъ конституціоннаго порядка осуществленія законодательной дѣятельности и на самый актъ, формулирующій учрежденіе новаго строя.

Послѣднее съ полной ясностью вытекаетъ изъ словъ манифеста: «установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы». «Никакой»—значитъ и тотъ законъ, который будетъ *служитъ учрежденіемъ* Государственной Думы, взамѣнъ утратив-

шаго силу учрежденія 6 августа. «Установить»—значитъ ввести въ дѣйствіе «незыблемое правило» отнынѣ, т.-е. съ 17 октября.

Текстъ манифеста не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что монархъ отъ неограниченной власти уже отказался и раздѣлилъ ее съ выборными отъ народа. Во-первыхъ—въ отношеніи изданія законовъ. Во-вторыхъ—въ отношеніи надзора за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ монарха властей. Манифестъ заключаетъ въ себѣ не обѣщаніе замѣнить неограниченно-монархическій образъ правленія конституціоннымъ, онъ закрѣпляетъ таковую замѣну, какъ событіе совершившееся.

Такимъ образомъ, неограниченная монархія въ Россіи 17-го октября отошла въ прошлое. Ея мѣсто заняла монархія ограниченная. Единственно нормальной формой осуществленія законодательной дѣятельности съ 17-го октября служитъ совмѣстное участіе въ ней монарха и народныхъ представителей. Министерство, отвѣтственное только передъ монархомъ, уже обратилось въ отвѣтственное и передъ выборными отъ народа. Этихъ выборныхъ пока нѣтъ. Нѣтъ органа, который въ данный моментъ могъ бы раздѣлять законодательную власть съ монархомъ и участвовать въ надзорѣ за дѣйствіями министровъ. Но такой органъ будетъ: это рѣшено безповоротно. А когда онъ соберется—черезъ день, черезъ мѣсяцъ или черезъ годъ—при принципіальной постановкѣ вопроса представляется безразличнымъ.

Создавшееся положеніе совершенно аналогично тому, въ которомъ періодически оказывается каждое конституціонное государство во время выборовъ—между роспускомъ палатъ и образованіемъ новыхъ. Ни законодательная дѣятельность, ни тѣмъ болѣе управленіе въ эти неизбѣжные перерывы не останавливается и не можетъ останавливаться. Правительство неизбѣжно принимаетъ на себя чрезвычайныя полномочія, но самодержавнымъ на время такихъ перерывовъ отнюдь не дѣлается. Оно продолжаетъ быть конституціоннымъ и вслѣдствіе того отвѣтственнымъ передъ представителями, если не передъ настоящими, которыхъ нѣтъ, то передъ будущими.

Та же самая отвѣтственность передъ Думой перваго созыва должна лежать за управленіе и за всѣ нынѣ издаваемые законы, указы и распоряженія на министерствѣ графа Витте. Если же такъ, то министерству должно принадлежать право входить въ

оцѣнку существа каждаго принимаемаго монархомъ мѣропріятія. А отсюда вытекаетъ обязанность министровъ скрѣплять подпись монарха.

Приведенныя соображенія, какъ логическія, говорятъ, что̀ должно быть, но не говорятъ, что̀ есть, ибо догма можетъ стоять съ логикой въ противорѣчіи. Что̀ же говоритъ единственно авторитетная догма—манифестъ 17 октября?

Конструкція этого манифеста рѣзко отлична отъ всѣхъ прежнихъ волеизъявленій монарха. Такъ, напримѣръ, манифестъ 6 августа начинался словами: «объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ». Затѣмъ, послѣ изложенія мотивовъ слѣдовалъ рядъ императивныхъ формулъ, обращенныхъ непосредственно къ поданнымъ: «признали Мы за благо учредить Государственную Думу и утвердили Положеніе о выборахъ»; «вмѣстѣ съ симъ повелѣли Мы министру внутреннихъ дѣлъ» и т. д.; «Мы сохраняемъ всецѣло за собою заботу» и т. д. Въ манифестѣ же 17-го октября подобный характеръ приданъ только повелѣнію «принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій» и «объединить дѣятельность высшаго правительства». Все остальное содержаніе стоитъ подъ заголовкомъ: «на обязанность правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной нашей воли».

Волеизъявленіе монарха о дарованіи основъ гражданской свободы, о расширеніи избирательнаго права и о конституціонныхъ основахъ дѣятельности Государственной Думы обращено не къ подданнымъ, а къ правительству, какъ обязательное для него предуказаніе. Непреклонную свою волю монархъ самъ въ исполненіе не привелъ. Ея выполненіе возложено на обязанность правительства. И въ то же время условіемъ дѣятельности правительства поставлено, «чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ насъ властей», т.-е. въ надзорѣ за дѣйствіями и того объединеннаго правительства, на которое возложено выполненіе монаршей воли.

Ясно отсюда, что манифестомъ 17-го октября монархъ, въ виду провозглашеннаго отказа отъ нѣкоторыхъ его прерогативъ въ пользу будущаго народнаго представительства, для настоящаго момента создалъ конституціонное министерство, съ со-

отвѣтственными обязанностями и необходимо предполагаемыми ими правами.

Съ другой стороны, особенное вниманіе обращаетъ въ манифестѣ впервые получившій 17-го октября точное опредѣленіе терминъ «правительство». Этотъ терминъ охватывалъ ранѣе всю систему органовъ верховнаго управленія, въ томъ числѣ, прежде всего, особу монарха, воплощавшаго въ своемъ лицѣ всю полноту законодательной, судебной и исполнительной власти и являвшагося единственнымъ объединяющимъ верховное управленіе началомъ. Въ манифестѣ же монархъ обособилъ правительство отъ себя и себѣ противопоставилъ. Правительство по манифесту—особый органъ верховнаго управленія съ самостоятельными задачами и полномочіями и съ самостоятельной отвѣтственностью. Это—совокупность министровъ и именно въ смыслѣ западнаго конституціоннаго министерства.

Еще съ большей опредѣленностью вырисовывается новое содержаніе понятія «правительство» изъ всеподданнѣйшаго доклада графа Витте, получившаго одновременно съ манифестомъ Высочайшую санкцію: «принять къ руководству».

Итакъ, мы имѣемъ въ настоящее время обособленное отъ монарха правительство, отвѣтственное передъ будущей Думой за закономѣрность своихъ дѣйствій. Оно отвѣтственно за сохраненіе и надлежащее развитіе конституціонныхъ гарантій. Оно отвѣтственно за всякое нарушеніе основъ гражданской свободы, совершенное въ предстоящій до созыва Думы періодъ. Оно отвѣтственно за тотъ порядокъ избранія народныхъ представителей, который будетъ установленъ. Оно отвѣтственно за принятіе законовъ, изданіе которыхъ до созыва Думы не представляется безотлагательно необходимымъ. Скрѣпа министра на каждомъ законодательномъ актѣ нынѣ, послѣ 17-го октября, — основное условіе дѣйствительности акта.

«Молва» 8 декабря 1905 г.,
№ 4.

Революціоннымъ путемъ.

6-го декабря опубликованъ приказъ по военному вѣдомству объ увеличеніи размѣра жалованья и другихъ денежныхъ отпусковъ нижнимъ чинамъ, о повышеніи приварочнаго оклада и суточной дачи мяса, объ установленіи новыхъ нормъ вещевого довольствія и т. д.

Нѣсколькими днями раньше правительственное сообщеніе оповѣстило, что министръ путей сообщенія, а вслѣдъ за нимъ и совѣтъ министровъ признали неотложнымъ немедленно увеличить оклады жалованья низшихъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, улучшить ихъ квартирное довольствіе, развить на желѣзныхъ дорогахъ школьное дѣло и средства медицинской помощи и принять еще нѣкоторыя другія мѣропріятія по улученію быта желѣзнодорожныхъ служащихъ.

Отъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ, «въ виду сужденій въ обществѣ и печати о необходимости улучшить матеріальное обезпеченіе почтово-телеграфныхъ чиновниковъ», тогда же было объявлено, что съ 1-го января 1906 г. вступаютъ въ дѣйствіе новыя повышенныя табели жалованья и послѣдуетъ перечисленіе нѣкоторыхъ учрежденій и должностей въ высшіе классы и разряды. Кромѣ того, главнымъ управленіемъ испрошенъ уже особый кредитъ на пособія за усиленныя занятія во время октябрьской забастовки и въ возмѣщеніе расходовъ, вызванныхъ возвышеніемъ цѣнъ на предметы первой необходи-

мости. А «въ близкомъ будущемъ будутъ внесены на законодательное разсмотрѣніе составленные проекты новаго штатнаго расписанія должностей почтово-телеграфныхъ учрежденій и особыхъ прибавокъ къ содержанію за каждое пятилѣтіе тѣмъ чиновникамъ, которые, по прослуженіи въ одной и той же должности пяти лѣтъ, не получили бы повышенія по службѣ».

Насколько принятіе мѣръ, объявленныхъ 6-го декабря по войскамъ, уже въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ было настоятельно необходимымъ, нѣтъ нужды долго доказывать. На приклалъ, шитье и смазку сапогъ, отпускавшихся въ товарѣ, полагалось 55 коп. На приварокъ (сверхъ стоимости мяса) въ день $1^3/_4$ коп. Отпуска на постельныя принадлежности не было вовсе. На мыло—также. Безъ получекъ изъ дому солдату поэтому существовать было невозможно. Отрывая отъ семьи натурою ея лучшую рабочую силу, государство еще облагало ту же семью денежной повинностью.

Насколько дарованная войскамъ милость болѣе чѣмъ скромно удовлетворяетъ насущныя потребности солдата, доказываетъ хотя бы то, что и по новымъ окладамъ рядовой въ арміи будетъ получать жалованья шесть рублей въ годъ.

То же самое должно сказать про увеличеніе жалованья и другія мѣры улучшенія матеріальныхъ условій службы на желѣзныхъ дорогахъ и въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ. Положеніе стрѣлочниковъ, сцѣпщиковъ и даже высшихъ станціонныхъ агентовъ поистинѣ нищенское. Начальники почтовыхъ и телеграфныхъ отдѣленій внѣ городовъ получали 30 руб. въ мѣсяцъ; будутъ получать 37 руб. 50 коп.

Но... въ результатѣ военный бюджетъ увеличенъ на 37 милліоновъ (такъ, по крайней мѣрѣ, сообщалось въ газетахъ), министерства путей сообщенія, по исчисленію совѣта министровъ—на 16 милліоновъ, главнаго управленія почтъ и телеграфовъ—тоже на нѣсколько милліоновъ. Передъ Государственной Думой предстанетъ, такимъ образомъ, какъ совершившійся фактъ, вырванное революціоннымъ путемъ увеличеніе расходовъ безъ малаго на 60 милліоновъ рублей въ годъ.

Не только безправіе и произволъ, сами по себѣ, служили основаніемъ единодушнаго требованія замѣнить бюрократическій строй представительнымъ правленіемъ. Еще болѣе требованіе

опиралось на реальныя слѣдствія всевластія безотвѣтственнаго чиновничества. Въ частности — на полное отсутствіе равномѣрности въ распредѣленіи по государственнымъ нуждамъ и потребностямъ собираемыхъ съ народа денегъ. Добиться права народныхъ представителей составлять роспись доходовъ и расходовъ было такой же цѣлью стремленій, какъ и полученіе ими права активнаго участія въ регулированіи правоотношеній.

Цѣль еще не реализована, но достигнута. 17-го октября повелѣно «установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы». Казалось бы, что общество, впредь до созыва Думы, положитъ всѣ заботы на защиту этого драгоцѣннаго для него «незыблемаго правила». Казалось бы, что «конституціонное» министерство, написавшее на своемъ знамени искренность и прямоту служенія обновляющемуся строю, будетъ ревниво оберегать право народа на законодательную дѣятельность, пока не наступитъ возможность начать осуществленіе этого права.

Слышать же и видѣть на каждомъ шагу приходится обратное. Со всѣхъ сторонъ раздаются самыя настойчивыя заявленія немедленнаго и безотлагательнаго проведенія коренныхъ реформъ, захватывающихъ глубины государственно-общественной жизни. Поляки требуютъ, чтобы до созыва Думы были разрѣшены вопросы о польской автономіи, о введеніи польскаго языка въ мѣстное дѣлопроизводство и о реорганизаціи школы. Соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры, требуя скорѣйшаго созыва учредительнаго собранія съ полнотой учредительной власти, въ то же время добиваются предварительнаго разрѣшенія рабочаго и аграрнаго вопросовъ. Ноябрьскій земскій съѣздъ въ Москвѣ призналъ необходимымъ немедленно, «не дожидаясь созыва народныхъ представителей», обновить личный составъ всей арміи администраторовъ. Организаціи, объявившія декабрьскую политическую забастовку, заявили, что онѣ не сложатъ оружія, пока, на ряду съ требованіями всякаго рода отмѣнъ и прекращеній, не будутъ обезпечены: «переходъ земли къ народу» и «признаніе восьмичасового рабочаго дня основнымъ политическимъ правомъ народа, наравнѣ съ свободой слова, совѣсти и другими основными политическими правами».

Параллельно каждая профессіональная или національная орга-

низація требуетъ также безотлагательнаго осуществленія наиболѣе близкихъ ей частныхъ интересовъ. Солдаты — сокращенія сроковъ службы, улучшенія матеріальныхъ условій и облегченія стѣснительности казарменнаго быта. Чиновники вообще — права образовывать союзы. Учителя среднихъ учебныхъ заведеній — автономіи средней школы. Учителя низшихъ школъ—измѣненія ихъ правового положенія и установленія minimum'а вознагражденія за трудъ. Евреи—равноправія во всѣхъ областяхъ жизни, гдѣ они равноправія съ христіанами лишены. Чиновники военнаго вѣдомства—уравненія съ офицерами и т. д., и т. д.

Словомъ, если сложить вмѣстѣ все, что требуютъ осуществить и обратить изъ пожеланія въ фактъ «немедленно» и «безотлагательно» различныя партіи, союзы, митинги и т. п., то окажется, что до созыва народныхъ представителей—учредительнаго собранія или думы—нужно и возможно обновить, вплоть до деталей, не только весь политическій строй, но и все то, что составляетъ содержаніе государственно-общественной жизни.

Невольно напрашивается вопросъ: да зачѣмъ же тогда народные представители? Зачѣмъ налаживать эту тяжелую сложную машину? Если легко и просто покончить со всѣмъ старымъ и сразу перейти къ новому — а каждая организація утверждаетъ, что ея требованія можно разрѣшить однимъ росчеркомъ пера,— то зачѣмъ долгіе выборы, зачѣмъ бросаться въ неизвѣстное, зачѣмъ отвлекать населеніе отъ производительнаго труда и призывать его къ избирательнымъ урнамъ? Не лучше ли остаться при прежнемъ абсолютизмѣ?..

Безконечно непослѣдовательны, какъ тѣ, кто направляютъ свои «безотлагательныя» требованія къ существующей государственной власти, такъ и тѣ, кто обращаются съ ними къ революціоннымъ силамъ.

Первые забываютъ столь горячо и убѣдительно аргументировавшіяся ими безсиліе и одряхлѣніе бюрократіи, ея неспособность и неумѣніе справляться съ дѣломъ государственнаго строительства и управленія. Вторые разрушаютъ свой основной тезисъ о самодержавіи народа въ лицѣ ничѣмъ и ни въ чемъ неограниченнаго учредительнаго собранія, избраннаго всеобщимъ, равнымъ и прямымъ голосованіемъ. Не допуская никакихъ ограниченій полной свободы сужденій и рѣшеній этого единственно вѣрнаго.

по ихъ мысли, выразителя народной воли, они стремятся предвосхитить его рѣшенія, помимо учредительнаго собранія доставить торжество своимъ идеаламъ и тѣмъ его свободу ограничить.

Борьба съ правительственнымъ абсолютизмомъ привела къ борьбѣ за абсолютное властвованіе. Одни не разсчитываютъ на свои силы и домогаются отъ правительства, чтобы оно абсолютическимъ способомъ исполнило ихъ желанія. Другіе полагаются на свое фактическое могущество и стремятся тѣмъ же способомъ достичь того, что, по ихъ воззрѣніямъ, составляетъ главную задачу минуты. Пусть — говорятъ своими дѣйствіями и заявленіями и тѣ, и другіе—народные представители будутъ свободны во всемъ, но кромѣ того, что «намъ» особенно дорого. Этого «намъ» дорогого мы не хотимъ подвергать риску. Это дорогое должно быть намъ заранѣе обезпечено безсильнымъ правительствомъ, которое, мы требуемъ, должно «намъ» подчиниться, или мы его обезпечимъ сами, своими собственными силами.

Въ обоихъ случаяхъ принимается путь революціонный—не по отношенію къ существующей власти, а по отношенію къ народу и его будущимъ представителямъ. Партіи, боровшіяся и еще борющіяся за права народа, сами же ихъ разрушаютъ, стремясь каждая закрѣпить помимо народныхъ представителей свои партійные идеалы.

Поскольку такія стремленія касаются основныхъ соціальныхъ и политическихъ принциповъ, они выражаютъ борьбу за абсолютизмъ во властвованіи. Поскольку же они касаются прибавки государствомъ жалованья и улучшенія за государственный счетъ матеріальнаго положенія отдѣльныхъ группъ, особенно чиновниковъ, въ нихъ чувствуется иное—желаніе урвать, пользуясь общей суматохой. Пусть будетъ что будетъ, а «я» вмѣсто 30 руб. въ мѣсяцъ стану получать 37 руб. 50 коп. Низменные эгоистическіе инстинкты человѣка сказались...

Всѣ требованія этого послѣдняго рода оправдываются обыкновенно справедливостью. Конечно несправедливо, что низшіе чиновники живутъ впроголодь, а министры получаютъ десятки тысячъ рублей на переѣздъ съ квартиры на квартиру. Конечно несправедливо, что ни одинъ членъ государственнаго совѣта не получаетъ штатнаго оклада содержанія, а всѣ—въ двойномъ или тройномъ размѣрѣ. Конечно несправедливо, что желѣзнодорож-

ные служащіе ютятся въ землянкахъ и что дѣти ихъ лишены школы. Но развѣ вся наша жизнь, поскольку она отражается въ государственныхъ институтахъ, не есть одна сплошная несправедливость? Развѣ не представляетъ такой же сплошной несправедливости весь нашъ бюджетъ, въ которомъ расходы на народное образованіе составляютъ только два процента итога обыкновенныхъ расходовъ?

Одинъ изъ лозунговъ декабрьской забастовки: «выполненіе особыхъ требованій, поставленныхъ арміей, флотомъ, желѣзнодорожными служащими и служащими почтъ и телеграфовъ». А почему забыты нужды служащихъ въ казенныхъ палатахъ, въ казначействахъ и на водяныхъ путяхъ сообщенія? Потому ли, что они о своихъ нуждахъ не кричатъ, или потому, что ихъ услуги революціи не нужны? Но развѣ это справедливо?..

Съ одной стороны—желаніе урвать. Съ другой — готовность дать подачку тѣмъ, кто нуженъ.

И правительство встало на этотъ скользкій путь. «Не слѣдуетъ упускать изъ виду—говорилъ въ государственномъ совѣтѣ военный министръ—что въ переживаемое нами тревожное время армія является оплотомъ почти повсемѣстно расшатаннаго порядка и общественнаго спокойствія. Въ войскахъ также начинается броженіе; поэтому необходимо какъ можно скорѣе принять мѣры, чтобы устранить всякіе поводы къ справедливому недовольству нижнихъ чиновъ, устранить всѣ недостатки и недочеты въ современныхъ условіяхъ службы, такъ какъ разнаго рода лишенія создаютъ благопріятную почву для революціонной агитаціи».

Нельзя минуты сомнѣваться въ томъ, что народные представители, какъ одинъ человѣкъ, вотировали бы отпускъ солдатамъ 2 р. 50 к. на шитье сапогъ вмѣсто 55 к., установленіе чайнаго довольствія, увеличеніе жалованья нижнимъ чинамъ, отпускъ отъ казны одѣялъ и пр. Но едва ли также можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что народные представители столь же единодушно отказали бы въ увеличеніи военнаго бюджета на 37 милліоновъ. Они навѣрное нашли бы эти милліоны въ самомъ военномъ бюджетѣ—въ безконечномъ множествѣ непроизводительныхъ тратъ, въ дорого обходящемся казнѣ содержаніи командъ и учрежденій, не *составляющихъ, по* роду дѣятельности, войска и т. д. А сво-

бѣднымъ 37 милліонамъ они конечно дали бы иное назначеніе. Они не закрыли бы глазъ на вопіющую, хотя и не кричащую нужду народа въ просвѣщеніи.

Равнымъ образомъ не отказали бы навѣрное народные представители въ улучшеніи матеріальныхъ условій быта служащихъ въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ и на желѣзныхъ дорогахъ. Но одновременно они вспомнили бы и о служащихъ въ другихъ вѣдомствахъ — чиновникахъ и вольнонаемныхъ. Они вспомнили бы о синекурахъ, о томъ, что въ департаментахъ количество людей двадцатаго числа переросло потребность, что масса такихъ людей или откровенно ничего не дѣлаетъ, или дѣлаетъ никому ненужное канцелярское дѣло. Они не отняли бы отъ народа лишнихъ два десятка милліоновъ.

Легко сказать: шестьдесятъ милліоновъ рублей въ годъ! Да вѣдь этого достаточно для проведенія всеобщаго начальнаго обученія! А революція ихъ вырвала отъ народа на ея собственное подавленіе... Войска, желѣзнодорожники, чиновники почты и телеграфа въ ихъ эгоистическихъ стремленіяхъ удовлетворены. Не нужно быть тонкимъ психологомъ, чтобы разгадать, повысится или понизится ихъ революціонное настроеніе...

Единственный кличъ момента: скорѣй, скорѣй придите вы, свободно избранные представители народа!..

«Молва» 17-го декабря 1905 г., № 9.

Государственная Дума и министерство.

По положенію о выборахъ 6-го августа существуютъ двоякаго рода ограниченія для лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Не могутъ быть ни избирателями, ни избираемыми: воинскіе чины арміи и флота—повсемѣстно (ст. 6), губернаторы и вице-губернаторы, равно градоначальники и ихъ помощники—въ предѣлахъ подвѣдомственныхъ имъ мѣстностей, и лица, занимающія полицейскія должности—въ губерніи или городѣ, по которымъ производятся выборы (ст. 8). Всѣ прочія должностныя лица не ограничены въ правѣ избирать и быть избираемыми во всѣхъ стадіяхъ выборовъ, но въ случаѣ избранія въ члены Думы тѣ изъ нихъ, которые занимаютъ въ гражданской государственной службѣ должность съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія, обязаны должность свою оставить (ст. 53) [1].

Съ другой стороны, учрежденіе Государственной Думы опредѣляетъ, что члены ея выбываютъ изъ состава Думы: при назначеніи по гражданской государственной службѣ на должность, соединенную съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія (ст. 17).

Такимъ образомъ, принципъ несовмѣстимости обязанностей

[1]) Кстати курьезъ. По буквальному смыслу закона, гражданскіе чиновники военнаго и морского вѣдомствъ (врачи и т. п.) въ случаѣ избранія въ члены Думы, оставлять свои должности не обязаны, ибо они состоятъ на государственной военной или морской, а не на гражданской службѣ. Къ *категоріи* же воинскихъ чиновъ они не принадлежатъ.

членовъ Государственной Думы съ занятіемъ платной должности по государственному управленію проведенъ съ полной послѣдовательностью. Никакихъ изъятій законъ не знаетъ. А потому появились уже толкованія,—съ формальной точки зрѣнія совершенно вѣрныя,—что, напр., городскіе головы и предсѣдатели и члены городскихъ и земскихъ управъ не могутъ оставаться въ своихъ должностяхъ, если примутъ по избранію обязанности члена Думы.

О министрахъ и главноуправляющихъ не можетъ быть и сомнѣнія: занимаемыя ими должности суть должности по государственной гражданской службѣ съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія. Они слѣдовательно могутъ на общемъ основаніи баллотироваться въ Думу, но въ случаѣ избранія должны выйти въ отставку. Обратно: членъ Думы, назначенный министромъ или главноуправляющимъ, тѣмъ самымъ изъ состава Думы выбываетъ и получаетъ право лишь присутствовать въ ея собраніяхъ и давать разъясненія (ст. 24).

Вопросъ о правѣ участія чиновниковъ государственной службы въ народномъ представительствѣ различно рѣшается въ теоріи и въ западныхъ конституціяхъ. Принимая во вниманіе наши спеціальныя русскія условія, нельзя не считаться съ тѣмъ, что у насъ главныя массы наиболѣе образованныхъ элементовъ общества такъ или иначе прикосновенны къ государственной службѣ, ибо въ громадномъ большинствѣ случаевъ за окончаніемъ высшаго, пожалуй и средняго, учебнаго заведенія неизбѣжно слѣдуетъ поступленіе на службу. Это объясняется ограниченностью частныхъ сферъ примѣненія интеллектуальнаго труда, во-первыхъ, и невѣроятно разросшейся бюрократической системой государственнаго управленія—во-вторыхъ. А потому устраненіе чиновниковъ отъ участія въ Думѣ дастъ несомнѣнно нѣкоторое пониженіе общаго образовательнаго уровня ея членовъ. Едва ли, несмотря на всю почетность званія члена Думы, значительная часть чиновниковъ, въ случаѣ избранія, будетъ имѣть возможность отказаться отъ вѣрнаго матеріальнаго обезпеченія на постоянной должности и промѣнять его на невѣрное и временное положеніе, связанное съ ничтожнымъ вознагражденіемъ.

Въ то же время, однако, при нашемъ слабомъ развитіи право*сознанія, особенно* въ высшемъ чиновничествѣ, было бы крайне

рискованно допускать въ Думу въ роль контролера министровъ ихъ вчерашнихъ и завтрашнихъ подчиненныхъ, освобождаемыхъ отъ подчиненія только на сегодня, т.-е. на время думской сессіи. При всей безукоризненности членовъ Думы, сохраняющихъ свою чиновническую должность, они такими бы не казались. Надъ ними всегда висѣло бы подозрѣніе. Да и самимъ имъ было бы чрезвычайно трудно отрѣшиться отъ возможности будущихъ служебныхъ непріятностей или будущаго начальственнаго благоволенія. Эти соображенія «противъ» перевѣшиваютъ соображенія «за» и заставляютъ признать принятое 6 августа рѣшеніе правильнымъ—конечно не въ отношеніи лицъ, занимающихъ выборныя должности по земскому и городскому самоуправленію.

Но съ отсутствіемъ особаго изъятія для министровъ, главноуправляющихъ и ихъ товарищей—насколько товарищъ министра замѣняетъ его въ собраніяхъ Думы—согласиться нельзя никакимъ образомъ. Министерство должно быть органически связано съ представительствомъ. Въ этомъ заключается одно изъ основныхъ условій успѣшной дѣятельности парламентарнаго правленія.

Власть рѣшающая — въ конституціонной монархіи распредѣляется между двумя самостоятельными ея органами: монархомъ и народнымъ представительствомъ. Власть, приводящая рѣшенія въ дѣйствіе, сосредоточивается въ одномъ органѣ: въ министерствѣ. Необходимо обезпечить связь министерства съ монархомъ, и поэтому вездѣ и всегда министерство формально получаетъ полномочія отъ главы государства. Столь же необходимо обезпечить внутреннюю солидарность министерства съ представительствомъ. Лучшее для этого средство—обязательное образованіе кабинета изъ членовъ палатъ, притомъ принадлежащихъ къ главенствующему въ данный моментъ большинству. Если же нѣкоторыя конституціи, напр. германская, и допускаютъ отступленіе отъ этого начала, какъ обязательнаго, то во всякомъ случаѣ не имѣетъ никакого ни логическаго, ни юридическаго оправданія возведеніе въ принципъ начала обратнаго.

При условіяхъ, созданныхъ законами 6 августа и до сихъ поръ не измѣненныхъ, министерство будетъ для Государственной Думы чужимъ. Основнымъ тономъ отношенія выборныхъ отъ населенія къ министерству неизбѣжно явится недовѣріе. Каждый законопроектъ будетъ встрѣчать гораздо болѣе критики, чѣмъ под-

держки. Спокойная и плодотворная работа станетъ абсолютно невозможной. Въ маломъ масштабѣ обо всемъ этомъ прекрасно свидѣтельствуетъ опытъ дѣятельности земскихъ собранiй при назначенной управѣ.

Нельзя не считаться съ человѣческой психологiей. Въ каждомъ энергичномъ человѣкѣ естественно стремленiе къ активному проявленiю своего «я». Въ принявшемъ на себя долгъ народнаго представителя такое стремленiе естественно вдвойнѣ. Между тѣмъ, что раскрывается передъ членомъ Думы по закону 6 августа и даже по манифесту 17 октября? Право произносить болѣе или менѣе краснорѣчивыя рѣчи и право на кропотливую работу по составленiю, измѣненiю и редактированiю законовъ—и только. Въ области проведенiя законовъ въ жизнь онъ можетъ лишь убѣждать, требовать, давать указанiя, т.-е. оказывать одно пассивное воздѣйствiе. Получается несомнѣнное противорѣчiе между стремленiемъ и возможностью его осуществленiя. Какъ неизбѣжный результатъ — пониженiе сознанiя отвѣтственности за практическiя слѣдствiя даваемыхъ указанiй, предъявляемыхъ требованiй и принимаемыхъ рѣшенiй.

Если совѣщательный голосъ народнаго представительства не ведетъ ни къ чему иному, какъ къ безудержному критицизму въ сферѣ законодательной, то отсутствiе личной связи министерства съ представительнымъ учрежденiемъ—къ такому же критицизму въ сферѣ управленiя. Изъ сотенъ представителей лишь единицы конечно могутъ обладать всѣми данными для вступленiя въ министерство. Но государственная мудрость заставляетъ желать, чтобы сознанiемъ права и юридической возможности взять въ свои руки министерскiй портфель были проникнуты вожди всѣхъ парламентскихъ группъ.

Эта возможность—намъ, пожалуй, возразятъ—существуетъ. Монархъ не лишенъ права поручить образованiе кабинета любому члену Думы. Законъ, однако, ни для кого не дѣлаетъ изъятiя изъ общаго правила, что при «назначенiи по гражданской государственной службѣ на должность, соединенную съ опредѣленнымъ окладомъ содержанiя», членъ Думы выбываетъ изъ ея состава.

Подобная ненормальная постановка вопроса въ ненормальной конструкцiи актовъ 6 августа еще находила, если не оправданiе,

то объясненіе. Послѣ же манифеста 17 октября она потеряла всякую почву. Поскольку дѣло касается учрежденія Думы, всякое измѣненіе его предстоитъ въ будущемъ. Положеніе же о выборахъ 11 декабря уже измѣнено, и почему не введено изъятія для министровъ и ихъ товарищей въ общее правило для чиновниковъ, какъ это, судя по газетнымъ сообщеніямъ, предполагалось,— совершенно непонятно.

«Молва» 28 декабря 1905 г., № 20.

За мѣсяцъ.

1 января 1906.

Ходъ развитія революціоннаго настроенія. — Слова и дѣйствія министерства гр. Витте.—Декабрьская политическая забастовка въ Петербургѣ. — Забастовка ресторанной прислуги. — Итоги вооруженнаго возстанія въ Москвѣ. — Ожидаемое возстаніе въ Петербургѣ. — Событія въ Прибалтійскомъ краѣ.—Характерныя мелочи.

Политическая революція есть взрывъ народнаго протеста противъ пережившаго себя государственнаго строя. Государства слагаются исторически при различныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Но идея государственной организаціи всегда неизмѣнно одна: установленіе и поддержаніе правовыхъ отношеній, какъ необходимаго условія обезпеченія моральныхъ и матеріальныхъ благъ жизни. Блага моральныя состоятъ въ безпрепятственномъ поступательномъ развитіи свободнаго по природѣ человѣческаго духа. Блага матеріальныя — въ удовлетвореніи запросовъ физическаго существованія. И тѣ, и другія требуютъ обращенія естественной свободы лица въ свободу гражданскую, регулируемую объективными нормами права. Ибо разъ за каждымъ человѣкомъ признается свобода на самоопредѣленіе въ области духовной и матеріальной, то она въ безграничномъ объемѣ не можетъ принадлежать никому. Фактическимъ регуляторомъ отношеній станетъ сила — или физическая, или экономическая. Стремясь къ *торжеству своего «я»*, сильный неизбѣжно подавитъ слабаго.

Сила, какъ факторъ человѣческихъ отношеній, должна быть отнята отъ отдѣльныхъ людей и должна быть поставлена внѣ ихъ. Она должна быть сосредоточена въ рукахъ власти, достаточно удаленной отъ личныхъ индивидуальныхъ интересовъ, дабы тѣмъ вѣрнѣе обезпечивать интересъ общій, но въ то же время сохраняющей неразрывную постоянную связь съ гражданами — дабы ея дѣйствія не оказались въ противорѣчіи съ начальнымъ общимъ интересомъ. Такъ, во имя свободы, создается право. Во имя права — государство съ его основными элементами: власть, населеніе и территорія. Вмѣстѣ съ тѣмъ исторически вырабатываются формы правленія и общественнаго строя. Но такова ужъ судьба всѣхъ учрежденій человѣческихъ: форма отрывается отъ содержанія, и по мѣрѣ того, какъ формы отливаются и крѣпнутъ, онѣ обращаются въ самостоятельное и самодовлѣющее явленіе жизни. Содержаніе, обусловившее образованіе формъ, уходитъ куда-то назадъ. Во всей мощи выступаютъ однѣ формы, и содержаніе начинаетъ оцѣниваться, какъ явленіе служебное, какъ ихъ результатъ. Въ государствѣ исключительно быстро наступаетъ торжество факта надъ идеей. Право получаетъ оцѣнку постольку, поскольку оно охраняетъ данный строй и данный способъ управленія. Свобода—поскольку она совмѣстима съ такимъ искусственно построеннымъ правомъ... Идея, однако, никогда не умираетъ. Если фактъ своей реальной силой не даетъ ей горѣть во всемъ блескѣ, она теплится, какъ раскаленный уголь въ грудѣ золы. Повѣетъ вѣтромъ—уголь вспыхнетъ яркимъ пламенемъ. Пойдетъ дождь—онъ снова будетъ мерцать едва замѣтно до новой вспышки...

Съ 1881 г. въ Россіи шелъ сплошной дождь. Событіе перваго марта подавляющимъ образомъ подѣйствовало на общественную мысль. Идея свободы притаилась. Казалось, что она замерла. Болѣе чѣмъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ вставшее на путь реакціи, правительство уловило смѣну настроенія и формулировало его въ извѣстномъ апрѣльскомъ манифестѣ. Черезъ годъ у власти оказался графъ Д. А. Толстой, начавшій постепенное и неумолимо послѣдовательное возведеніе въ принципъ служенія государственной формѣ. «Зачѣмъ намъ права?—возглашалъ Катковъ— у насъ есть больше: обязанности». «Зачѣмъ намъ правовой порядокъ? — *у насъ* есть Государь Императоръ». Общество, едва

освобожденное отъ оковъ рабства, съ тѣмъ большей готовностью внимало этимъ словамъ, что лишено было возможности слышать иныя. Мысль, однако, работала. Впечатлѣнія наростали; гипнозъ распоряженій и циркуляровъ, несмотря на поддержку уголовныхъ и административныхъ каръ, слабѣлъ. Въ концѣ 1894 г. изъ среды общества раздались голоса, въ которыхъ звучала нота протеста,—протеста робкаго и слабаго, но единодушнаго. Общество просило власть спуститься съ недосягаемаго пьедестала и снизойти къ духовнымъ идеаламъ и реальнымъ нуждамъ народа, задавленнымъ во имя торжества власти. Правительство не сумѣло или не захотѣло понять момента. Послѣдовалъ рѣзкій отказъ. Курсъ не былъ измѣненъ. Но того настроенія, которое въ теченіе предшествующихъ тринадцати лѣтъ питало правительственную реакцію, уже не было. Въ передовой части общества созрѣло сознаніе глубокаго противорѣчія между государственной идеей и фактомъ служенія,—взамѣнъ государства и блага народа,—власти, въ лицѣ ея представителей. По нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ обнаружилось, что это сознаніе проникло и въ пассивные слои. Напомнимъ, какъ всѣ земскія собранія, за немногими исключеніями, отнеслись тогда къ вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній... Наступили годы шатанія. Шатаясь, власть неудержимо покатилась по наклонной плоскости къ безграничному произволу своихъ агентовъ. Сѣмена, заложенныя гр. Д. А. Толстымъ на благодарную почву человѣческаго властолюбія и тщеславія, дали уродливый плодъ: самодержавіе царя окончательно выродилось въ самовластіе чиновниковъ—отъ министровъ до урядниковъ.

Война воочію показала всю глубину той бездны, въ которую ввергъ страну режимъ безправія и произвола, режимъ подавленія всего, что составляетъ идейную сущность государства. Смерть В. К. Плеве — послѣдняго сильнаго человѣка реакціи—облегчила обществу возможность проявить свое негодованіе. Проявилось оно въ критикѣ режима. Готовыхъ же положительныхъ идеаловъ у общества не оказалось. Идеалы соціалистическіе составляли всего годъ назадъ достояніе весьма немногихъ. Годъ назадъ, деревнѣ, помѣщичьей и крестьянской, они были чужды; даже на фабрикахъ и заводахъ они въ массахъ только бродили, но отъ опредѣленной формулировки были очень далеки. Такъ называемая интеллигенція не шла далѣе перенесенія къ намъ скромныхъ

формъ прусской конституціи. И то ей приходилось бороться съ славянофильскимъ теченіемъ въ пользу сохраненія самодержавія и совѣщательнаго голоса представителей народа.

Моментъ опять оказался непонятымъ. Требованіямъ общества былъ противопоставленъ указъ 12 декабря. Правительство сдѣлало попытку разрѣшить кризисъ, не затрогивая формъ государственнаго строя. Въ результатѣ получились вороха бумаги—безконечное множество словъ, намѣреній и обѣщаній, и никакого дѣла. Но для общественнаго сознанія эта попытка не прошла безслѣдно. Она окончательно убѣдила, что форма правленія себя пережила и что о ея сохраненіи не можетъ быть рѣчи. Событія кончающагося года и то, чѣмъ отвѣчало на нихъ правительство, настолько близки и памятны, что перечислять ихъ нѣтъ надобности. Каждый день росло революціонное настроеніе и слабѣла надежда на мирный исходъ борьбы. Страной весь годъ управляла не власть, а управляли ею событія. Власть постепенно удовлетворяла требованія, но въ тотъ моментъ, когда мысль о требованіи дальнѣйшемъ уже получала законченную формулировку.

---

17 октября былъ объявленъ переломъ. Въ Россіи впервые образовалось «правительство» въ техническомъ смыслѣ понятія—правительство съ политической программой, не исчерпывающейся «преданностью», «вѣрностью» и «повиновеніемъ», идейно-объединенное и солидарно-отвѣтственное. Верховная власть возложила на обязанность новаго правительства выполнить ея «непреклонную» волю: даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы, привлечь къ участію въ Думѣ тѣ классы населенія, которые закономъ 6 августа были лишены избирательныхъ правъ, и установить право рѣшающаго голоса народныхъ представителей, вмѣстѣ съ правомъ надзора за дѣйствіями администраціи.

Одновременно опубликованный, докладъ графа Витте давалъ полное основаніе думать, что переломъ не только объявленъ, но и произошелъ. «Волненіе — писалъ предсѣдатель совѣта министровъ,—охватившее разнообразные слои русскаго общества, не можетъ быть разсматриваемо какъ слѣдствіе частичныхъ несовершенствъ государственнаго и соціальнаго устроенія, или только какъ результатъ организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій.

Корни этого волненія несомнѣнно лежатъ глубже. Они — въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Россія переросла форму существующаго строя. Она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы». Далѣе была выражена глубоко вѣрная мысль: «принципы правового порядка воплощаются лишь постольку, поскольку населеніе получаетъ къ нимъ привычку—гражданскій навыкъ. Сразу пріуготовить страну съ 135-милліоннымъ населеніемъ и обширнѣйшей администраціей, воспитанными на иныхъ началахъ, къ воспріятію, и усвоенію нормъ правового порядка не по силамъ никакому правительству. Вотъ почему не достаточно власти выступить съ лозунгомъ гражданской свободы. Чтобы водворить въ странѣ порядокъ, нужны трудъ, неослабѣвающая твердость и послѣдовательность». Наконецъ, во главѣ руководящихъ принциповъ дѣятельности власти «на всѣхъ ступеняхъ» гр. Витте ставилъ: «прямоту и искренность въ утвержденіи на всѣхъ поприщахъ даруемыхъ населенію благъ гражданской свободы и установленіе гарантій сей свободы».

Всего два мѣсяца прошло съ памятнаго дня 17 октября, когда общество прочло эти новыя для него слова и манифеста, и правительственной деклараціи, а какъ они кажутся гдѣ-то далеко позади! Въ тюрьмѣ время бѣжитъ незамѣтно. Каждый день тянется томительно долго, а если мысленно перенестись на мѣсяцъ или на два назадъ, то надо убѣждать себя, что отъ прошлаго отдѣляетъ не недѣля. Такъ было въ Россіи, жившей за стѣной запретовъ и каръ, крѣпче тюремной ограды сковывавшихъ работу мысли. Теперь же мы не живемъ, а горимъ. Революція ежеминутно приноситъ новыя впечатлѣнія. Реагируя на нихъ, общественное сознаніе кипитъ, какъ въ котлѣ, и безудержно несется отъ одного идеала къ другому. Вчера неизвѣстное—сегодня становится признаннымъ, а завтра люди уже готовы за него жертвовать жизнью... Если общество горѣло и до перехода революціи въ дѣйствіе, то съ октября оно запылало. Стоитъ лишь сопоставить лозунги октябрьской и декабрьской забастовокъ.

Перелома 17 октября въ общественномъ настроеніи не произошло, ибо его не произошло и въ правительственной дѣятельности. За объявленными словами дѣйствій—немедленныхъ и энергичныхъ—не послѣдовало. Или, вѣрнѣе, дѣйствія послѣдовали, но

по старому шаблону: рѣшительныя въ «прекращеніи» и «пресѣченіи»—и робкія, неувѣренныя, а главное съ постояннымъ опозданіемъ, во всемъ, что должно созидать. «Гражданская свобода» съ 17 октября повисла въ воздухѣ и продолжаетъ висѣть безъ всякой опоры, качаясь изъ стороны въ сторону. Правительство объявило себя новымъ, но старая канцелярія, оторванная отъ жизни, осталась. Канцелярія—лукавая, готовая на подачки. Канцелярія—неспособная, вѣчно колеблющаяся и думающая, думающая безъ конца. Канцелярія, которая и во время революціи продолжаетъ говорить: «сперва успокоеніе—потомъ реформы».

А моментъ былъ благопріятный. Послѣ невѣроятныхъ цензурныхъ репрессій, свобода печати, влитая въ формы хотя бы закона 24-го ноября, была бы признана свободой. Послѣ полутора мѣсяца свободы, абсолютно безформенной, когда успѣла образоваться цензура революціонная, это уже — отнятіе, ограниченіе. За полтора мѣсяца сложилась привычка сообразовываться только съ нормами, идущими отъ наборщиковъ или отъ совѣта рабочихъ депутатовъ. Подчиненіе нормамъ, охраняемымъ судомъ, какія бы это нормы ни были, не могло быть принято иначе, какъ тягота. Еще лучшую иллюстрацію представляетъ разрѣшеніе задачи о расширеніи избирательнаго права. Система всеобщаго голосованія, такъ недавно не отличавшаяся отъ системы представительства всѣхъ классовъ и сословій, ко дню манифеста уже была, правда, общепризнанной, но это ея признаніе имѣло, такъ сказать, теоретическій характеръ. Способы осуществленія мало кому ясно и опредѣленно рисовались. Съ другой стороны, и печать, и общество, вплоть до значительной части соціалъ-демократовъ, только что передъ тѣмъ отвергли бойкотъ выборовъ по положенію 6-го августа. А потому буквальное приведеніе въ исполненіе словъ манифеста о привлеченіи къ участію въ выборахъ, «въ мѣрѣ возможности», тѣхъ классовъ, «которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ», имѣло всѣ шансы быть встрѣченнымъ сочувственно и внести существенное умиротвореніе тѣмъ болѣе, что оно мотивировалось соотвѣтствующимъ общему желанію недопущеніемъ отсрочки созыва Думы въ январѣ и «краткостью остающагося срока». Такъ буквально вопросъ и оказался разрѣшеннымъ, но когда? — 11-го декабря! Правительству понадобилось безъ малаго два мѣсяца для того, чтобы обра-

тить въ законъ тотъ самый проектъ, который, по сообщеніямъ газетъ, въ главныхъ чертахъ, былъ готовъ черезъ два-три дня послѣ изданія манифеста. Тогда предпосылка указа сенату: «Манифестомъ, 17-го октября 1905 г. изданнымъ, Мы возвѣстили о непреклонной волѣ Нашей, не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу», и т. д. — дѣйствительно была бы въ логической связи съ стоящимъ подъ ней текстомъ. Теперь же она оказывается иною: выборы остановлены, и непреклонная воля фактически уже неосуществима. А что произошло въ общественномъ сознаніи за эти два мѣсяца? Четырехчленная формула или «четырехвостка» стала достояніемъ гимназистовъ и проникла въ деревню. Прибавился пятый хвостъ: безъ различія пола. Бюро земскаго съѣзда, а затѣмъ союзъ союзовъ детально разработали основанный на всеобщемъ голосованіи избирательный законъ. Требуютъ допущенія къ урнамъ чуть не каторжниковъ. Съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все большую популярность мысль произвести выборы—не въ Думу, а въ учредительное собраніе, облеченное всей полнотой неограниченной власти— «явочнымъ» порядкомъ.

Нельзя не согласиться съ постановленіемъ московской городской думы, принятымъ 15-го декабря послѣ ужасовъ только-что пережитаго вооруженнаго возстанія: «признать, что событія, имѣвшія мѣсто въ Москвѣ за послѣдніе дни, нашли себѣ, къ сожалѣнію, благопріятную почву въ отсутствіи законовъ, регулирующихъ свободы, возвѣщенныя манифестомъ 17-го октября, и въ чувствѣ недоброжелательности и недовѣрія къ дѣйствіямъ правительства, каковое создано въ населеніи замедленіемъ выполненія обѣщаній, возвѣщенныхъ правительствомъ. Дума выражаетъ твердую увѣренность, что эти событія не задержатъ и не помѣшаютъ проведенію либеральныхъ реформъ, которыя однѣ въ состояніи вывести страну на путь мирнаго развитія».

Да, только руководительство движеніемъ со стороны власти, послѣдовательной не на словахъ, но и на дѣлѣ, можетъ ввести страну въ русло разумныхъ и осуществимыхъ желаній и предотвратить анархію. Революція не создала именъ, ни личныхъ, ни коллективныхъ, и въ этомъ—трагизмъ положенія. Руководительства общественное сознаніе ищетъ. Оно мечется, оно истомилось и готово подчиняться совѣту рабочихъ депутатовъ. Пра-

вительство дало обѣтъ повести за собой «благоразумное большинство общества». Дѣйствіями же своими оно лишило себя довѣрія, какъ въ смыслѣ способности руководить, такъ и въ смыслѣ прямоты и искренности «въ утвержденіи благъ гражданской свободы». Вторымъ изъ основныхъ принциповъ дѣятельности правительства графъ Витте ставилъ: «стремленіе къ устраненію исключительныхъ законоположеній». Въ чемъ это стремленіе выразилось? Къ положеніямъ усиленной и чрезвычайной охраны и къ военному положенію, нигдѣ не отмѣненнымъ и почти на всю Россію распространеннымъ, 14-го декабря прибавились правила чрезвычайной охраны на желѣзныхъ дорогахъ...

Не успѣли улечься впечатлѣнія революціоннаго «манифеста», призывавшаго къ борьбѣ съ правительствомъ путемъ разрушенія государственнаго кредита и полнаго разоренія благосостоянія страны, какъ появилось воззваніе, назначавшее на 8-е декабря всеобщую политическую забастовку. Воззваніе—крикливое и грубое въ вступительной части и безконечно самонадѣянное — въ резолютивной. Совѣтъ депутатовъ петербургскихъ рабочихъ, россійская соціалъ-демократическая рабочая партія, партія соціалистовъ-революціонеровъ и еврейскій бундъ объявляли:

«Въ четвергъ, 8-го декабря, въ 12 часовъ дня, во всѣхъ заводахъ, фабрикахъ, мастерскихъ, во всѣхъ торговыхъ предпріятіяхъ, конторахъ, банкахъ, лавкахъ, складахъ, по всѣмъ путямъ сообщенія самого Петербурга и соединяющимъ Петербургъ съ остальной Россіей должна быть пріостановлена работа. Борьба начата, она будетъ стоить великихъ жертвъ, быть можетъ, многихъ жизней, но что бы ни было, мы не сложимъ оружія, пока не будетъ обезпечено слѣдующее: Учредительное собраніе на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго, тайнаго избирательнаго права. Уничтоженіе всѣхъ временныхъ правилъ. Уничтоженіе военнаго и осаднаго положенія, чрезвычайной и усиленной охраны, уничтоженіе всѣхъ другихъ чрезвычайныхъ мѣръ. Отмѣна военныхъ судовъ и смертной казни. Полная гарантія неприкосновенности личности, свободы слова, печати, сходокъ, союзовъ, стачекъ и распространеніе этихъ правъ также и на армію и флотъ, прекращеніе политическихъ процессовъ, включая сюда также

процессы по печати. Освобожденіе всѣхъ политическихъ заключенныхъ. Выполненіе особыхъ требованій, поставленныхъ арміей, флотомъ, желѣзнодорожными служащими и служащими почтъ и телеграфовъ. Переходъ земли къ народу. Признаніе восьмичасового рабочаго дня основнымъ политическимъ правомъ народа, на ряду съ свободой слова, совѣсти и другими основными политическими правами. Немедленная отмѣна всѣхъ исключительныхъ законовъ противъ отдѣльныхъ націй и вѣроисповѣданій».

Забастовка въ Петербургѣ не удалась, ни въ отношеніи исполненія призыва оставить трудовую жизнь, ни въ отношеніи возвѣщенныхъ условій, когда «мы сложимъ оружіе». Да и могла ли она удаться? Можно ли было бастовать до достиженія того, что недостижимо вовсе, или достижимо путемъ долгихъ лѣтъ соціальной эволюціи? Въ какомъ государствѣ мыслимо распространеніе на армію и флотъ права стачекъ? Возможно ли произвести соціальный переворотъ по мановенію власти или насильственно? Наивно полагать, что объявленіе формулы: «вся земля переходитъ къ народу» дѣйствительно обезпечитъ упраздненіе частной земельной собственности. Не менѣе наивно думать, что за формулой: «восьми-часовой рабочій день есть основное политическое право народа» — дѣйствителвно послѣдуетъ установленіе этой нормы во всѣхъ областяхъ приложенія труда. Только въ упоеніи славой прошлаго успѣха можно было до такой степени переоцѣнить свои силы, чтобы рискнуть на изданіе подобнаго воззванія. Или — это былъ рискъ отчаянія. Для отчаянія, намъ думается, революціонныя организаціи не имѣли достаточныхъ основаній. Революціонное настроеніе слишкомъ глубоко заложено, слишкомъ разрослось и слишкомъ послѣдовательно поддерживается правительственными мѣропріятіями въ одномъ направленіи и бездѣйствіемъ — въ другомъ, чтобы аресты отдѣльныхъ лицъ, хотя бы массовые, могли сколько-нибудь прочно задавить движеніе. Неудавшаяся же забастовка, послѣ такого широковѣщательнаго и самонадѣяннаго воззванія, причинила движенію неисчислимый вредъ. Въ политикѣ внутренней, какъ и въ дипломатіи, прощается неуспѣхъ, даже прямое пораженіе, но смѣшное положеніе — никогда.

А смѣшное положеніе декабрьская забастовка въ Петербургѣ *имѣла несомнѣнно.* Во имя учредительнаго собранія, отмѣны воен-

ныхъ судовъ, восьмичасового рабочаго дня, выполненія требованій солдатъ и почтово-телеграфныхъ чиновниковъ и т. д. Дружно бастовали гимназисты, наборщики либеральныхъ газетъ всѣхъ оттѣнковъ и зубные врачи. Послѣдніе изъ-за забастовки объявили даже бойкотъ одному дантисту, о чемъ оповѣстили всему міру. На фабрикахъ и заводахъ—гдѣ бастовали, гдѣ нѣтъ. Магазины и лавки торговали. Присутственныя мѣста, банки и почта не прерывали занятій. При такихъ обстоятельствахъ совѣту рабочихъ депутатовъ едва ли не лучше было промолчать, нежели публиковать постановленіе: «объявить 19-го декабря забастовку прекращенной».

Въ сознаніи всей важности лежащаго на нихъ долга и, очевидно, не подозрѣвая какую медвѣжью услугу они оказываютъ дѣлу революціи, «старосты-гимназисты» тоже выпустили 20-го декабря слѣдующее объявленіе: «Отъ организаціоннаго бюро объединеннаго совѣта старостъ средне-учебныхъ заведеній въ Петербургѣ. Въ своемъ воззваніи отъ 10-го декабря организаціонное бюро приглашало всѣхъ учащихся присоединиться къ политической забастовкѣ, выражая этимъ свою солидарность съ возставшимъ народомъ. Теперь, когда совѣтъ рабочихъ депутатовъ постановилъ прекратить забастовку, организаціонное бюро, оставаясь вполнѣ солидарнымъ съ нимъ, предлагаетъ учащимся, не распущеннымъ на рождественскія каникулы, приступить къ занятіямъ». Итакъ, будь спокоенъ «возставшій народъ»,—съ тобою солидарны учащіеся юноши и дѣти. Не хлопочи искать союзниковъ, совѣтъ рабочихъ депутатовъ,—съ тобою остаются вполнѣ солидарными старосты-гимназисты. Нѣтъ, горе тому народу, который бросаетъ въ водоворотъ революціи подростающее поколѣніе. Онъ готовитъ себѣ печальное будущее. «Въ моей практикѣ — пишетъ дѣтскій врачъ, проф. Гундобинъ («Новое Время», № 10685)—все чаще начинаютъ встрѣчаться въ послѣднее время случаи остраго бреда у дѣтей школьнаго возраста, 12—16 лѣтъ. Мальчики вскакиваютъ ночью, воображая себя на баррикадѣ, среди вооруженнаго возстанія. Въ другихъ семьяхъ дѣти, прежде добрыя и воспитанныя, стали грубыми и дерзкими, явно обнаруживая болѣзненное разстройство нервной системы. Приведенные случаи грозятъ въ будущемъ вырожденіемъ молодого поколѣнія и *ослабленіемъ его умственныхъ способностей*. Я вполнѣ при-

знаю, что при настоящемъ положеніи, въ наше время, каждый мыслящій гражданинъ обязанъ присоединиться къ той или другой политической партіи, по собственному убѣжденію; согласенъ, что возрастаніе числа душевныхъ разстройствъ среди лицъ взрослыхъ составляетъ при современномъ положеніи дѣлъ неизбѣжное зло. Но участіе дѣтей въ политической борьбѣ представляется мнѣ безусловно вреднымъ и свидѣтельствуетъ лишь о слабости той партіи, которая допускаетъ школьниковъ». Прочтите эти строки, родители! Прочтите ихъ, гг. бастующіе педагоги! Идите сами на баррикады, если ваши убѣжденія того требуютъ, говорите на митингахъ, призывайте къ борьбѣ—ваше дѣло. Но не ведите за собой дѣтей, не посылайте ихъ впередъ себя...

Полная нецѣлесообразность газетныхъ забастовокъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Успѣхъ забастовки создаетъ настроеніе. Настроеніе, если не создаетъ, то поддерживаетъ на извѣстной высотѣ всего сильнѣе газета—освѣщеніемъ событій и еще болѣе сообщеніемъ фактовъ. При отсутствіи газетъ, правда, начинаютъ господствовать слухи, но ни по способности распространенія, ни по авторитетности слухи, само собою разумѣется, никогда не могутъ конкуррировать съ газетами. Печатное слово въ сознаніи обывателя имѣетъ презумпцію достовѣрности, слухъ—вымысла. Поэтому вѣрнѣйшее средство понизить напряженіе общественнаго настроенія — прекратить газеты. Никакіе летучіе листки ихъ замѣнить не могутъ, ибо, во-первыхъ, авторитетность летучаго листка, сравнительно съ газетной, ничтожна, ибо, во-вторыхъ, равная степень распространенія недостижима. Эти безспорныя соображенія заставляли и въ октябрѣ, и въ ноябрѣ, и теперь въ декабрѣ, поголовно всѣхъ издателей, редакторовъ и сотрудниковъ газетъ, особенно радикальныхъ, добиваться возможности писать и печатать. Наборщики же, печатники и вообще всѣ механическіе работники печати всякій разъ отвѣчали рѣшительнымъ и упорнымъ отказомъ. А потомъ они требовали и получали плату за забастовочные дни, заявляя—въ октябрѣ, что ими для газетъ завоевана свобода печатнаго слова, а въ ноябрѣ—ничего не заявляя, просто подъ угрозой прекратить работу. «Новому Времени» и «Свѣту» въ декабрьскую забастовку какъ-то удалось сломить упорство своихъ наборщиковъ, и обѣ газеты аккуратно выходили. Въ результатѣ, въ теченіе нѣсколькихъ

дней публика воспринимала впечатлѣнія о событіяхъ въ Москвѣ, въ прибалтійскомъ краѣ, да и въ Петербургѣ тоже, подъ угломъ зрѣнія консервативной прессы. Этого ли хотѣли достичь въ интересахъ успѣха политической забастовки совѣтъ рабочихъ депутатовъ и союзъ типографскихъ рабочихъ?

Одновременно съ гимназистами и газетами бастовала въ Петербургѣ прислуга въ трактирахъ и ресторанахъ. Бастовала она не по политическимъ мотивамъ, а исключительно въ цѣляхъ упорядоченія своихъ отношеній къ хозяевамъ и улучшенія матеріальнаго быта. Положеніе ресторанной прислуги и отношеніе ея къ хозяевамъ заведеній болѣе, чѣмъ оригинальны. Особенно рѣзко эта оригинальность выражена въ такъ называемыхъ первоклассныхъ ресторанахъ. Въ основѣ всего лежатъ ничѣмъ не регулированныя и по размѣру совершенно случайныя подачки отъ посѣтителей «на чай». Офиціанты и швейцары, въ сущности, не наемные служащіе хозяина, а арендаторы. Они арендуютъ право получать «на чай» и за это принимаютъ на себя рядъ обязанностей. Первые—имущественную отвѣтственность за цѣлость посуды, въ иныхъ случаяхъ стирку бѣлья и т. п. Было время, когда офиціанты, сверхъ того, платили хозяину до 25 руб. въ мѣсяцъ съ человѣка. Теперь этой платы, кажется, нѣтъ, и, напротивъ, они сами нерѣдко получаютъ жалованье, но такое ничтожное, что оно скорѣе является субсидіей, нежели вознагражденіемъ за трудъ. Вторые, швейцары, принимаютъ обязанность содержать вѣшалки и потребное число помощниковъ, въ то же время обязательно уплачивая хозяину никогда не малыя, а всегда весьма и весьма крупныя суммы. Но будучи, такимъ образомъ, самостоятельными арендаторами, и офиціанты, и швейцары, формально остаются прислугой, находящейся въ безотчетномъ распоряженіи у хозяина, который можетъ ихъ въ любую минуту прогнать. Подобное ненормальное положеніе, создавшееся давно, до настоящаго времени, если и вызывало протесты, то въ отдѣльныхъ рѣдкихъ случаяхъ. «На-чаи» давали, хотя и случайный, но очень хорошій заработокъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, помнится, на какомъ-то судебномъ процессѣ обнаружилось, что швейцаръ одного изъ бойкихъ ресторановъ на Невскомъ отъ гривенниковъ и пятиалтынныхъ за сбереженіе платья сколотилъ капиталъ въ десятки тысячъ рублей. Подъ вліяніемъ всеобщаго кризиса щедрость по-

дачекъ, очевидно, сократилась, и этимъ, надо думать, объясняется забастовка. Для посѣтителей ресторановъ урегулированіе платы «на-чай»—мѣра чрезвычайно желательная. Только при ней установится нормальное отношеніе посѣтителей къ прислугѣ и прислуги къ посѣтителямъ. Только при ней исчезнетъ отвратительное низкопоклонство передъ тароватыми и грубая пренебрежительность въ отношеніи бережливыхъ на накладныя траты.

Въ Москвѣ декабрьская забастовка съ перваго же дня перешла въ открытое вооруженное возстаніе. Болѣе недѣли Москва была объята ужасомъ уличной войны — револьверныхъ выстрѣловъ, ружейныхъ залповъ и пушечной канонады. Гранаты и шрапнели разбивали дома; пулеметы выпускали рои пуль. Воздвигались и разрушались грандіозныя баррикады. Ручьями лилась кровь... Погибли многія сотни людей...

Безумное самоистребленіе! Безумное уничтоженіе народныхъ силъ! Два мѣсяца назадъ мы писали, что повтореніе революціонныхъ актовъ конца XVIII и первой половины XIX в., при современномъ развитіи и состояніи средствъ активной борьбы, которыми располагаетъ государственная власть, немыслимо, и что теперь въ цѣляхъ революціи вступать въ бой съ войсками безразсудно. Московскія событія только утвердили насъ въ этомъ убѣжденіи. Конечно, смѣшно читать въ объявленіи саратовскаго губернатора, что «древняя столица осталась вѣрна Царю». Фактъ возстанія, охватившаго значительную часть населенія Москвы, стоитъ внѣ сомнѣнія. Это были не отдѣльные случаи хотя бы массоваго сопротивленія или буйства безформенной толпы. Это было именно возстаніе — организованное, державшее въ своихъ рукахъ иниціативу, нападавшее, а не защищавшееся. Но какой оно имѣло результатъ? Можно ли его считать въ какомъ бы то ни было отношеніи достигшимъ цѣли?

Степень напряженія революціонныхъ силъ была, между тѣмъ, наивысшею, на какую только можно въ данный моментъ разсчитывать. Планомѣрность въ сооруженіи баррикадъ и быстрота замѣны разрушенныхъ новыми показываютъ прямо недюжинную организацію и умѣлое руководительство повстанцами. Отвага *боевыхъ дружинъ*, упорство въ нападеніи и стойкость въ отра-

женіи показываютъ чрезвычайный подъемъ духа среди рядовыхъ борцовъ. Устройство отрядовъ медицинской помощи и частныхъ временныхъ лазаретовъ—широкое сочувствіе къ возстанію. Отсутствіе противодѣйствія со стороны пассивныхъ элементовъ населенія и особенно анти-революціонныхъ доказывало, если не вѣру въ силы и грядущій успѣхъ возставшихъ, то недовѣріе къ силамъ правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нерѣшительность въ дѣйствіяхъ въ первые дни полиціи и войскъ обнаружили большую долю растерянности власти. Оружія возставшіе имѣли мало, и мало въ рядахъ ихъ было лицъ, искусившихся въ употребленіи оружія, но этотъ дефектъ могъ быть устраненъ лишь при одномъ условіи, если бы на сторону возставшихъ передались войсковыя части. Можно думать, что организаторы и имѣли въ виду, что къ возстанію присоединятся солдаты. Бунтъ въ ростовскомъ гренадерскомъ полку, гдѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ было низложено начальство въ лицѣ всѣхъ офицеровъ, и броженіе въ другихъ полкахъ давали право на это надѣяться. Но развѣ много выиграло бы дѣло, если бы надежда оправдалась? Передавшаяся на сторону возставшихъ воинская часть въ составѣ ея готовой организаціи, т.-е. съ младшими и старшими офицерами во главѣ, съ опорнымъ пунктомъ въ казармахъ и т. д., дѣйствительно была бы способна, если не опрокинуть и низвергнуть правительственную власть, то, во всякомъ случаѣ, создать для нея самое тяжелое положеніе. Одинъ полкъ, охваченный и проникнутый идеей, въ союзѣ съ народомъ, при партизанской войнѣ на кривыхъ и узкихъ улицахъ, представилъ бы силу громадную, и неизвѣстно еще, кто бы побѣдилъ: этотъ одинъ полкъ или пять выставленныхъ противъ него, по приказу начальства, полковъ. Солдаты же, сколько бы ихъ числомъ ни было, разрушившіе полковую организацію, не принесли бы никакой пользы. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ Кронштадтъ, Кіевъ, Харьковъ, Севастополь. Выборный комитетъ, руководимый посторонними войску людьми, не знающими и не понимающими солдатской психологіи, не въ состояніи замѣнить ту спайку, которая дѣлаетъ изъ тысячи различно думающихъ и различно чувствующихъ людей одно компактное и грозное цѣлое. Эта спайка—сложная система команднаго управленія, покоящаяся на еще болѣе *сложной системѣ* военнаго воспитанія. Большее, на что спо-

собны толпы солдатъ, предводительствуемыя комитетомъ—устройство шествій, импонирующихъ манифестацій или церковныхъ парадовъ, какъ было въ Севастополѣ. Къ повиновенію же, точному исполненію распоряженій и ко всему тому, что необходимо для боевого успѣха, онѣ органически неспособны. Ихъ дѣйствія неизбѣжно обращаются въ безпорядочную стрѣльбу, пьяный разгулъ и грабежъ. Неужели «Потемкинъ», кіевскіе саперы, кронштадтскіе и севастопольскіе матросы и ростовскіе гренадеры не доказали, какъ непрочна энергія самоуправляющихся солдатъ!

И такая степень крайняго напряженія, въ отношеніи фактическомъ, не привела ни къ чему. Лозунгъ возстанія: учредительное собраніе, образованное всеобщимъ голосованіемъ,—сталъ даже менѣе близокъ къ осуществленію, чѣмъ былъ ранѣе. Погибъ начальникъ сыскной полиціи, разстрѣленный на глазахъ молившихъ о пощадѣ дѣтей, убито нѣсколько офицеровъ и, быть можетъ, не одна сотня солдатъ и городовыхъ. А правительство окрѣпло. Вооруженное открытое возстаніе развязало ему руки. Противъ мирнаго отказа работать оно было безсильно. Оружію же оно могло противопоставить и противопоставило тоже оружіе, только неизмѣримо сильнѣйшее: револьверамъ—ружья и пулеметы, ружьямъ—пушки. Въ Москву приведены войска изъ Петербурга и изъ-подъ Варшавы. Двухсторонняя борьба перешла въ одностороннее подавленіе. Разгромлены остатки боевыхъ дружинъ, засѣвшіе на Прѣснѣ. Экспедиціонные отряды двинулись по линіямъ желѣзныхъ дорогъ. Началось жестокое истребленіе «крамолы»... На какой-то станціи разстрѣлено триста человѣкъ... Предстоятъ судъ и казни... Опять убійства, опять смерть. Смерть за прошлое, убійство властное, по закону... Въ отношеніи идейномъ, едва ли можно ожидать отъ московскаго возстанія успѣха. Авторитетъ правительства, получившаго поводъ и возможность стать на путь террора, въ глазахъ массъ скорѣе для даннаго момента усилится, чѣмъ ослабѣетъ. Озлобленіе, быть можетъ, увеличится, но оно притаится. Зато озлобленіе лицъ, революціи не сочувствующихъ, уже таиться перестанетъ. Реакціонеры поднимутъ голову. Да они ее уже и подняли. «Кіевлянинъ» устами г. Пихно требуетъ отмѣны манифеста 17 октября. За нимъ заговорятъ «Московскія Вѣдомости», русское собраніе... Поднимать тонъ революціоннаго настроенія городской интеллигенціи и фабричныхъ рабочихъ не

было надобности—онъ и такъ высоко поднятъ. Въ крестьянствѣ же идетъ свое движеніе, чуждое городу. Движеніе—въ идейной глубинѣ—отрицающее идеалы «господъ» и «мастеровыхъ»... Съ другой стороны, погибли сотни жизней, фабрики обращены въ развалины, боевыя революціонныя силы или перебиты, или посажены по тюрьмамъ, рабочіе за дни возстанія потеряли два милліона рублей заработной платы. Гдѣ равновѣсіе, если даже считать, что московское возстаніе показало возможность вооруженной борьбы въ теченіе недѣли?..

Вооруженное возстаніе въ Москвѣ не было неожиданнымъ. Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ онѣ получили право открыто говорить, революціонныя организаціи не скрывали, что систематическія забастовки должны закончиться рѣшительнымъ ударомъ—возстаніемъ. Дѣятельно шли сборы денегъ на вооруженіе. Образовывались дружины и легіоны. Послѣ октябрьскихъ погромовъ усиленно пропагандировалась мысль о немедленномъ формированіи народной милиціи и даже просто о раздачѣ оружія населенію въ цѣляхъ самообороны. Ожидалось возстаніе и въ Петербургѣ, даже назначались дни, когда оно вспыхнетъ. И сейчасъ это намѣреніе не оставлено. Одновременно съ объявленіемъ декабрьской забастовки прекращенною, совѣтъ рабочихъ депутатовъ «рѣшилъ приступить къ организаціи вооруженнаго возстанія». Вѣроятно, въ отвѣтъ, правительство, конкуррируя по тону съ революціонными воззваніями, распубликовало слѣдующее сообщеніе: «Нѣкоторыя революціонныя общества объявляютъ въ находящихся у нихъ на служеніи органахъ печати, что они рѣшили, въ виду неудачи нынѣ поднятыхъ въ столицахъ и другихъ городахъ смуты и мятежа, временно таковые прекратить съ тѣмъ, чтобы въ началѣ будущаго года поднять общее возстаніе. Такъ какъ подобныя дерзкія сообщенія, разсчитанныя на легковѣрную трусливость и малодушіе, имѣютъ вліяніе на мало освѣдомленные круги, то правительство съ своей стороны считаетъ нужнымъ заявить, что оно не допуститъ мятежа и смуты и будетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ устранять всякія революціонныя приготовленія, а въ случаѣ мятежа раздавитъ его въ зародышѣ всѣми имѣющимися у него средствами. При вышеизложенномъ застращиваніи общимъ возстаніемъ указывается прежде всего на Петербургъ, куда, будто бы, направились остатки революціонныхъ

бандъ, потерпѣвшихъ пораженіе въ Москвѣ; правительство, въ частности по отношенію къ Петербургу, считаетъ необходимымъ, въ видахъ успокоенія населенія столицы, заявить, что оно можетъ быть совершенно спокойно — никакихъ безпорядковъ въ столицѣ допущено не будетъ». Мы не знаемъ, сумѣетъ ли правительство не допустить мятежа и смуты въ Петербургѣ и можетъ ли оно съ такой увѣренностью писать заключительную фразу сообщенія. Но едва ли можно сомнѣваться, что въ Петербургѣ вооруженное возстаніе никогда не разгорится до тѣхъ размѣровъ, какіе оно имѣло въ Москвѣ. И войскъ неизмѣримо больше, и улицы прямыя, и населеніе не то.

Иной характеръ имѣетъ возстаніе, охватившее прибалтійскій край. Тамъ оно возникло не на отвлеченной почвѣ недоговариваемыхъ соціалистическихъ идеаловъ и теоретическихъ сужденій объ объемѣ полномочій и способѣ образованія народнаго представительства. Тамъ оно возникло на строго реальной національно-аграрной почвѣ. Латыши-крестьяне поднялись противъ нѣмецкихъ бароновъ. Исконные туземцы-батраки—противъ пришлыхъ завоевателей, монопольныхъ собственниковъ и угнетателей. Сотни лѣтъ тамъ подготовлялся чисто мѣстный и тѣмъ болѣе неизбѣжный и опустошительный пожаръ. Кто и подъ какимъ знаменемъ принесъ взрывательный составъ—соціалисты-революціонеры или соціалъ-демократы, поляки, финны или еврейскій бундъ—все равно. Взрывъ произошелъ и загорѣлся самостоятельный пожаръ. Вооруженные латыши двинулись на вѣковые замки, выгоняютъ бароновъ, разрушаютъ желѣзную дорогу, рубятъ парки, уничтожаютъ мѣстное нѣмецко-баронское управленіе, захватываютъ въ свою власть цѣлые города. Въ прибалтійскомъ краѣ, какъ и на Кавказѣ, идетъ борьба не съ правительствомъ, не съ самодержавнымъ строемъ, а національная, самая интенсивная по заложенной въ нее идеѣ. Численно могущественная угнетаемая національность возстала противъ угнетающей, численно ничтожной, но сильной по формальному праву. Латыши объявили войну правительству лишь поскольку оно, въ ихъ глазахъ, источникъ силы бароновъ. И это возстаніе, однако, ждетъ та же участь! За предательское избіеніе восемнадцати драгунъ въ Туккумѣ уже свалилась сотня

жертвъ. За вандализмъ, за уничтоженіе старинныхъ замковъ съ ихъ роскошной обстановкой и цѣнными библіотеками погибнутъ тысячи убогихъ хижинъ. За провозглашеніе латышской республики много прибавится если не казненныхъ, то сосланныхъ... Временный военный генералъ-губернаторъ—уже въ Валкѣ. Особый отрядъ изъ Петербурга уже приступилъ къ дѣйствіямъ...

Такъ не должно быть — быть можетъ, да. Но таковъ фактъ въ его роковой неизбѣжности. Государство живетъ началами права, а не внутренней справедливости. И современное государство обладаетъ слишкомъ большой силой, чтобы склониться передъ насильственнымъ отрицаніемъ права, хотя бы справедливымъ... Примѣръ Финляндіи ничего не говоритъ. Финляндцы побѣдили въ борьбѣ потому, что боролись за право, неправомѣрно нарушенное. Латыши терпѣли столѣтія и не выждали мѣсяцевъ. Передъ ними, какъ и передъ всей Россіей, раскрылся широкій горизонтъ, за которымъ виднѣется новое право, построенное на истинно справедливой основѣ. Ужели можно сомнѣваться въ томъ, что ихъ нужда, ихъ горе не нашли бы живого отклика въ всенародномъ представительствѣ?..

Въ заключеніе—характерныя для нашего времени мелочи.

Долгіе годы вынужденнаго преклоненія передъ властью привели, между прочимъ, къ тому, что въ нарушеніе правилъ русской грамматики вошло въ обычай, тщательно поддерживавшійся провинціальной цензурой, писать и печатать съ прописныхъ буквъ наименованія правительственныхъ учрежденій, высшихъ должностныхъ лицъ и вообще «важныя» слова. Напримѣръ: Правительствующій Сенатъ, Господинъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Господинъ Министръ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Отечество, Сводъ Законовъ, Манифестъ и т. п. Въ одномъ земствѣ вышелъ разъ серьезный конфликтъ съ губернаторомъ изъ-за преступнаго и упорнаго нежеланія управы писать въ заголовкѣ адресуемыхъ ему бумагъ: «Его Превосходительству Господину Начальнику такой-то Губерніи». Управа вмѣсто этихъ шести словъ писала два: «такому-то губернатору», и за это была обвинена въ неуваженіи власти и потрясеніи основъ. Въ другомъ земствѣ былъ недопущенъ къ печати журналъ собранія, въ которомъ было

написано «богъ», а не «Богъ», хотя произнесшій это слово ораторъ и утверждалъ, что употребилъ его въ смыслѣ божества языческаго.

Теперь обстоятельства измѣнились и — измѣнилось правописаніе. Передъ нами газета, въ которой рядомъ напечатано: царскій манифестъ, царское самодержавіе, государственная дума, высочайшій укалъ, министръ и—Манифестъ (о требованіи золота), Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, Союзъ Союзовъ, Учредительное Собраніе. Изъ-за желанія видѣть въ своей собственной статьѣ учредительное собраніе напечатаннымъ съ строчныхъ буквъ намъ едва не пришлось отказаться отъ удовольствія вообще увидѣть статью въ газетѣ, для которой она предназначалась. Вмѣсто строчныхъ «у», какъ было въ рукописи, въ корректурѣ вездѣ оказались прописныя. По исправленіи оттиснули другой разъ— то же самое. Понадобилось настойчивое заступничество редактора-издателя, чтобы типографія согласилась поколебать свое уваженіе къ учредительному собранію...

Отрывокъ изъ воззванія союза чиновниковъ, отъ 5 декабря: «...И вотъ рыцари грабежа и насилій съ (двѣ фамиліи) во главѣ, открыто выступая передъ Россіей въ роли преступниковъ, предприняли походъ въ направленіи къ ограниченію отвоеванныхъ населеніемъ правъ. На первый разъ тактика реакціонеровъ, призванная высасывать соки изъ населенія, безъ какихъ бы то ни было соображеній о его нуждахъ, правахъ и благосостояніи, свелась къ схоластическимъ изворотамъ, по силѣ коихъ труженики государственной службы исключались изъ разряда населенія и пріобщались къ той преступной опричинѣ, къ которой принадлежатъ сами (опять фамиліи). Съ точки зрѣнія этой схоластики чиновники не могутъ входить ни въ какой другой союзъ, кромѣ опричины. Труженики государственной службы, однако, не обольстились такой паразитной логикой и, когда самозванные собственники государства, въ лицѣ . . . . . ., измѣннически потрясая бутафорскимъ декретомъ сквернаго французскаго рыночника, кавалера отъ Панамы, Рувье, стали угрожать репрессіями чиновникамъ почтово-телеграфнаго вѣдомства за принадлежность ихъ къ союзу, послѣдніе отвѣтили имъ забастовкой; всѣ остальные служащіе въ государственныхъ учрежденіяхъ Петербурга открыто заклеймили преступниковъ презрѣніемъ и припечатали это клеймо къ наглымъ

физіономіямъ узурпаторовъ въ формѣ резолюціи за своими подписями» и т. д.

Недурной образчикъ новаго чиновничьяго стиля! Какъ жаль, что составленія этого воззванія не подглядѣлъ Рѣпинъ! Онъ написалъ бы великолѣпнѣйшій pendant къ своимъ запорожцамъ.

Давно сказано: у насъ всякаго можно обидѣть — дворянина, купца, крестьянина, учителя, бѣднаго, богатаго—кого угодно. Но петербургскаго чиновника нельзя обидѣть: этотъ до всего дойдетъ, этотъ самъ всѣхъ обидитъ...

«Вѣстникъ Европы» 1906 г.,
№ 1.

Милиція, постоянная армія и милитаризмъ.

инъ изъ лозунговъ совершающейся русской революціи— а постоянной регулярной арміи милиціей. Внесенный въ іммы соціалистическихъ партій, лозунгъ этотъ постоянно ѣтаетъ все большую популярность и среди другихъ лѣвыхъ ическихъ группъ.

требованіи перехода къ милиціонной военной системѣ одимо различать два основанія: революціонное и организа-е. Одно преслѣдуетъ цѣль момента—разрушить существую- (ругое — цѣль отдаленную: обезпечить условія созданія но-осударственнаго и общественнаго строя.

мія составляетъ главную фактическую опору государствен-ласти. Опору, при современной численности войскъ и техни-ъ свойствахъ вооруженія, если не абсолютно несокру-), то, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно могущественную. тое ратоборство возставшаго народа съ арміей могло имѣть ь сто лѣтъ назадъ. Серьезно разсчитывать нынѣ на по-ѣ успѣхъ не приходится.

сюда естественно стремленіе революціонныхъ элементовъ ся распущенія постоянной арміи. Но не полнаго уничто-вооруженной силы въ государствѣ они желаютъ. Революція, движеніе боевое, сама отъ обладанія силой не отказывается. ладаніи вооруженной силой революція желаетъ

же исключительности, какая принадлежитъ низвергаемому его данному государственному строю. А потому за распущеніемъ арміи должна слѣдовать, какъ это и высказывалось въ многочисленныхъ резолюціяхъ, раздача оружія населенію, что, по понятіямъ мало освѣдомленныхъ въ военныхъ вопросахъ лицъ, составляетъ первый шагъ къ образованію народной милиціи.

Для соціалистическихъ партій—соціалъ-демократовъ и соціалистовъ революціонеревъ—революція въ смыслѣ разрушенія есть моментъ длящійся. Ихъ задача—переворотъ соціально-экономическій: установленіе соціалистическихъ производственныхъ отношеній на началахъ обобществленія орудій прозводства. Соціалъ-демократы отлично сознаютъ, что такой переворотъ требуетъ долгой и упорной борьбы и потому намѣчаютъ для нея весьма сложную схему, въ которой политическая революція — низверженіе существующей власти, учредительное собраніе и внѣклассовая демократическая республика — является не болѣе, какъ однимъ изъ средствъ. За образованіемъ внѣклассовой республики должно послѣдовать воспитаніе «боевыхъ силъ» народа и постепенное подавленіе капитала. Далѣе — торжество пролетаріата и неограниченная диктатура рабочаго класса. Наконецъ, окончательное разрушеніе капиталистическаго соціальнаго строя, и созданіе на развалинахъ его иного невѣдомаго еще міру строя—соціалистическаго.

По этой схемѣ уничтоженіе постоянной арміи необходимо въ цѣляхъ ослабленія внѣклассовой государственной организаціи: монархіи или республики—все равно. Вооруженіе народныхъ массъ—столь же необходимо въ цѣляхъ облегченія и ускоренія процесса подавленія классомъ, численно сильнымъ, численно слабѣйшихъ.

Объяснить явленіе или требованіе не значитъ, конечно, его оправдать. Характерная черта революціоннаго настроенія—односторонность сужденій. Острота момента цѣликомъ приковываетъ мысль къ одной идеѣ. Все подвергается оцѣнкѣ лишь подъ однимъ угломъ зрѣнія. Расчищая себѣ путь, революція не останавливается передъ разрушеніемъ всего, что составляетъ для нея фактическое препятствіе. Внутреннее значеніе разрушаемаго забывается. Все приносится въ жертву интересу минуты. Такъ, на войнѣ уничтожается городъ и разоряется, вѣками слагавшееся, духовное и

іальное благосостояніе тысячъ гражданъ, чтобы выбить за-
іго въ городѣ врага. Такъ революція сметаетъ учрежденія,
одимыя странѣ при каждомъ образѣ правленія, при всякихъ
ахъ общественнаго строя.
остоянная армія есть могучая сила въ рукахъ власти, про-
оставляемая революціонному движенію. Этого достаточно,
і требовать ея распущенія. А что армія существуетъ для
ы внѣшней цѣлости и безопасности государства, что упо-
еніе ея, какъ силы, внутри государства есть болѣе фактъ,
логическое слѣдствіе изъ заложенной въ армію идеи — все
абывается. Захватить въ свои руки вооруженную силу и
о въ цѣляхъ внутригосударственной борьбы—вотъ истинный
ъ революціоннаго требованія замѣны постоянной арміи ми-
й. Для дѣятелей политической революціи это нужно на
ій моментъ—до низверженія власти. Для соціалистовъ—на
і періодъ борьбы труда съ капиталомъ.
раздо глубже лежитъ второе обоснованіе. Въ немъ слы-
і протестъ противъ милитаризма, составляющаго язву, ко-
разъѣдаетъ современный экономическій бытъ всей Европы.
юкоится на признаніи невозможности никакихъ широкихъ
ьныхъ реформъ, пока государство отрываетъ на много
отъ производительнаго труда весь цвѣтъ населенія. Пока
ые расходы поглощаютъ чуть не половину сбираемыхъ
селенія налоговъ и сборовъ. Примѣръ Америки невольно
авливаетъ вниманіе. Тамъ нѣтъ постоянной арміи, тамъ
чудовищныхъ расходовъ на военное дѣло—тамъ милиція.
ебованіе, чтобы войскомъ будущаго была милиція, въ сущ-
далеко не является идейнымъ новшествомъ. Напротивъ, оно
ачительной мѣрѣ исторически послѣдовательно.
авный боевой контингентъ арміи при системѣ всеобщей
кой повинности составляютъ запасные или резервисты раз-
наименованій, призываемые только на время войны. Служба
знаменами въ мирное время есть предварительная школа.
ціонная система, правда, отвергаетъ подобнаго рода сплош-
лужбу въ теченіе продолжительнаго времени и предпола-
обученіе въ періодическіе кратковременные сборы. Но это
чіе скорѣе фактическое, нежели идейное.
ться сплошь два или три года и затѣмъ

учебные сборы для освѣженія своихъ знаній и навыковъ, или оно будетъ обучаться только въ сборахъ, изъ которыхъ ни одинъ не превышаетъ по продолжительности недѣль или мѣсяцевъ, но всѣ вмѣстѣ, въ совокупности, дадутъ достаточно времени для обученія—съ идейной точки зрѣнія имѣетъ второстепенное значеніе. И по мѣрѣ сокращенія сроковъ дѣйствительной службы въ мирное время, разница между системой всеобщей воинской повинности и милиціонной все болѣе сглаживается. Недаромъ фонъ-деръ-Гольцъ, котораго никто не упрекнетъ въ недостаткѣ сочувствія къ господствующей системѣ комплектованія войскъ и который считаетъ ее «идеаломъ военнаго устройства нашего времени», обозначаетъ понятіе германской арміи словами: «вооруженный народъ».

Рѣзко не отличаясь, такимъ образомъ, отъ системы всеобщей воинской повинности, система милиціонная, сама по себѣ, не разрѣшаетъ больного вопроса.

Не потому американскіе соединенные штаты не знаютъ слѣдствій милитаризма, что у нихъ милиція, а потому, что они отдѣлены отъ Европы океаномъ и держатся въ сторонѣ отъ запутанныхъ интересовъ европейскаго континента.

Причина милитаризма коренится въ безпредѣльной конкурренціи европейскихъ государствъ на почвѣ готовности къ постоянно ожидаемому и всегда вѣроятному вооруженному столкновенію. Единственный ея предѣлъ — фактическая возможность. Отсюда безпрерывные скачки отъ однихъ дорого стоющихъ техническихъ изобрѣтеній и усовершенствованій къ другимъ. Отсюда стремленіе приблизить численный составъ боевыхъ силъ къ составу всей той части населенія, которая способна носить оружіе. Отсюда же стремленіе обратить этотъ количественно колоссальный матеріалъ въ одинаково высокій и по качеству.

Каждое самостоятельное государство есть законченный и обособленный организмъ. Надъ государствомъ нѣтъ власти, велѣнія которой были бы для него авторитетны и обязательны. Государства, поэтому, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, уподобляются лицамъ, находящимся внѣ условій правового общенія. Какъ для такихъ лицъ конечнымъ регуляторомъ отношеній является ихъ физическая сила, такъ и для государствъ сила есть единственное реальное средство разрѣшенія столкновенія интересовъ.

Этихъ немногихъ соображеній достаточно, чтобы заключить о неизбѣжности войнъ. Мысль о вѣчномъ мирѣ, при современномъ юридическомъ обособленіи государствъ—абсолютно несбыточная мечта. Чѣмъ сильнѣе крѣпнетъ внутригосударственная правовая жизнь, тѣмъ далѣе отходитъ возможность устраненія войнъ.

Но смягченіе ужасовъ войны, устраненіе лишней, ненужной жестокости — вполнѣ возможно, какъ уже показалъ опытъ, путемъ добровольныхъ соглашеній. Очередная задача — тѣмъ же путемъ остановить безумное самоистребленіе государствъ безграничнымъ напряженіемъ личныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ на случай войны. Принятіе Россіей конституціоннаго строя увеличило возможность не разоруженія Европы, конечно, а ограниченія вооруженія. Пока среди европейскихъ государствъ было такое, которое могло въ любой моментъ увеличивать число содержимыхъ въ мирное время штыковъ или выбрасывать сотни милліоновъ на флотъ, не считаясь ни съ волей народа, ни съ экономическимъ состояніемъ страны, а соображаясь лишь съ кассовой наличностью или съ возможностью заключенія займа— до тѣхъ поръ народное представительство другихъ государствъ естественно было вынуждено легче соглашаться на увеличеніе контингента новобранцевъ, на образованіе новыхъ войсковыхъ частей и на ростъ военныхъ расходовъ. Теперь вездѣ въ Европѣ однородныя формы государственнаго управленія.

Въ чемъ можетъ и должно выразиться ограниченіе вооруженія—вопросъ чрезвычайно сложный. Между прочимъ и, пожалуй, прежде всего—въ замѣнѣ всеобщей воинской повинности комплектованіемъ войска по доброй волѣ.

Русско-японская война показала, что качественная сила арміи не менѣе важна, чѣмъ количественная, и что, развивая вторую, неизбѣжно приходится жертвовать первой.

«Военный Голосъ» 1 января 1906 г., № 1.

Академическому союзу.

«Совѣтъ министровъ, обсудивъ вопросъ о положеніи въ настоящее время высшихъ учебныхъ заведеній въ Имперіи, положилъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что высшія учебныя заведенія, въ которыхъ прерваны въ настоящее время учебныя занятія, будутъ оставлены закрытыми на второй семестръ 1905/6 г., съ тѣмъ, что, въ случаѣ возбужденія совѣтами оныхъ ходатайствъ о возобновленіи въ нихъ занятій, таковыя ходатайства будутъ подлежать каждый разъ особому обсужденію правительства».

Итакъ, третій семестръ Россія будетъ безъ высшихъ учебныхъ заведеній. Есть надъ чѣмъ очень и очень задуматься...

Графъ Д. А. Толстой, будучи министромъ народнаго просвѣщенія, цинично заявлялъ, что лица, получившія высшее образованіе, «не распредѣляются у насъ въ общественной средѣ», т.-е. что такихъ лицъ слишкомъ много. Онъ радовался бы, предвидя неизбѣжное слѣдствіе столь продолжительнаго перерыва занятій, Кто смотритъ иначе, того этотъ перерывъ наводитъ на безконечно грустныя мысли...

Какія соображенія заставили совѣтъ министровъ принять распубликованное рѣшеніе—мы не знаемъ. Да въ сущности они и не представляютъ интереса. Рѣшеніе не заключаетъ въ себѣ ничего неожиданнаго и не является по отношенію къ учебнымъ занятіямъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ мѣрой внѣшняго насилія. Это не столько мѣропріятіе, сколько констатированіе

факта. *Для учебныхъ занятій* высшія учебныя заведенія открыться не могутъ. Поэтому развѣ въ исключительныхъ случаяхъ возможно ожидать, что совѣты заведеній будутъ возбуждать рекомендуемыя имъ ходатайства.

Пора завершенія своего образованія—лучшая пора жизни человѣка. Пробудившееся сознаніе жадно рвется къ свѣту, къ истинѣ, къ правдѣ. И въ то же время человѣкъ еще принадлежитъ себѣ, если не всегда цѣликомъ, то всегда въ большей мѣрѣ, чѣмъ когда-либо впослѣдствіи. Его не успѣли изломать заботы и условности. На него не наложили руки житейскія мелочи. Онъ бодръ, свѣжъ, здоровъ, полонъ желаній и надеждъ.

Нѣтъ страннаго въ томъ, что во весь мучительно долгій періодъ реакціи сверху и подготовлявшейся революціи снизу слушатели высшихъ учебныхъ заведеній наиболѣе экспансивно и бурно реагировали на совершавшееся. Студенты составляли главный контингентъ «внутреннихъ враговъ». Въ деревнѣ слова: «студентъ», «сицилистъ», «крамольникъ» не различались.

Нѣтъ страннаго въ томъ, что когда стала близиться развязка, движеніе прежде всего окрѣпло и вылилось въ форму массовыхъ дѣйствій именно среди студенчества. Еще чиновники думали только о двадцатомъ числѣ, о наградахъ и орденахъ, еще рабочіе не мечтали выбраться изъ хозяйской кабалы, а студенты уже выступили на путь политическихъ забастовокъ. Какъ ни старались министры и оффиціальная печать убѣдить общество, что событія 1899 и слѣдующихъ годовъ имѣли чисто академическую подкладку, ясно чувствовалось, что это неправда. За неудовольствіемъ противъ распоряженія ректора петербургскаго университета громко слышался политическій протестъ. Не на удары нагаекъ, сами по себѣ, не на атаку отрядомъ конныхъ городовыхъ мирной толпы возстало тогда студенчество, а на безпросвѣтный режимъ безправія, на режимъ полицейскихъ атакъ и нагайки.

Нѣтъ страннаго въ томъ, что открытыя четыре мѣсяца назадъ аудиторіи сразу обратились въ залы для митинговъ. Какъ въ фокусѣ сконцентрировало въ себѣ студенчество настроеніе минуты и отдалось внезапно создавшейся возможности служенія политической пропагандѣ.

Не было бы ничего страннаго въ томъ, что по обстоятельствамъ момента—объявленной и неоформленной, дарованной и

отнятой свободы,—въ раскрытыя сегодня двери аудиторіи, вмѣсто словъ науки, завтра же шумно ворвалась бы горячая рѣчь народнаго трибуна.

Быть можетъ, это и нужно—не станемъ спорить. Не для выясненія роли и значенія университеской аудиторіи въ дѣлѣ революціи мы взялись за перо. Нигдѣ въ Россіи уже ровно годъ не раздается съ каѳедры словъ науки—вотъ къ чему прикована наша мысль. И еще не будетъ раздаваться полгода, а пожалуй больше...

Въ ряду забастовокъ иного рода, учебная забастовка—особенно высшихъ учебныхъ заведеній—представляется исключительно слабымъ средствомъ воздѣйствія на государственную власть. Когда бастуютъ рабочіе фабрикъ и заводовъ, никакая государственная власть, хотя бы ни о чемъ другомъ не думающая, кромѣ какъ о сохраненіи самой себя, не можетъ быть спокойна. Останавливается производство, подрывается кредитъ, подвергается опасности общественное здравіе, разрушается годами упорнаго труда слагавшееся благосостояніе, тысячи людей остаются безъ заработка и вмѣстѣ съ семьями обрекаются на голодъ. Послѣдствія, самыя многообразныя, наступаютъ и даютъ себя чувствовать немедленно. Сказать: «бастуйте, вы сами не хотите работать» и на томъ успокоиться—никакое правительство никогда не можетъ. Еще болѣе критическое положеніе создается для государственной власти при желѣзнодорожной, напримѣръ, забастовкѣ.

Когда же бастуютъ учебныя заведенія, никакихъ реально ощутимыхъ непосредственныхъ послѣдствій въ данный моментъ не наступаетъ. Занятія студентовъ не есть трудъ, въ экономическомъ отношеніи, производительный. Они только готовятся къ будущему производительному труду. Ходятъ ли они на лекціи, или нѣтъ, заняты ли они изученіемъ той или другой спеціальности, или проводятъ время въ праздности—для экономическаго оборота въ данный моментъ безразлично. То же самое для государства, какъ казны или какъ совокупности органовъ власти: его потребность въ образованныхъ людяхъ наличнымъ составомъ служащихъ удовлетворена.

Правда, забастовка студентовъ усиливаетъ тонъ смуты, вызываетъ въ обществѣ раздраженіе противъ правительства и увеличиваетъ ряды активныхъ революціонеровъ. Но все это слѣд-

юсредственныя, ни въ какомъ отношеніи не равняющіяся
імъ призракамъ политической забастовки людей произво-
наго труда.

авительство Боголѣпова, Сипягина и Плеве, жившее инте-
і минуты, такъ и смотрѣло на студенческія забастовки,
на явленіе маловажное. Оно отвѣчало на нихъ просто и
іно: закрытіемъ университетовъ и другихъ высшихъ учеб.
заведеній, а наиболѣе рѣшительнымъ элементамъ, кромѣ
·арестами и ссылкой.

если студенческая забастовка—слабое средство борьбы съ
ѣйскимъ режимомъ, то оно ужасное, губительное средство
раны. Страна, не теряющая многаго въ данный моментъ,
ъ самое для нея цѣнное и дорогое въ будущемъ. Она те-
свою лучшую надежду. Прогрессъ въ поколѣніяхъ смѣняю-
и смѣняющемъ прерывается.

сшія учебныя заведенія бездѣйствуютъ вовсе—одинъ годъ,
дѣйствуютъ нормально, въ сущности говоря, шесть лѣтъ.
возрастныхъ классовъ проходили и проходятъ высшую
въ революціонныхъ условіяхъ политической борьбы. Чего
ъ отъ нихъ ожидать страна для прогресса научныхъ знаній
мирнаго развитія государственно-общественной жизни!..
демъ смѣлы и искренни! Скажемъ вмѣстѣ съ А. Кауфма-
«мы уже сожгли старые кумиры и не возведемъ ихъ вновь—
не должны возводить себѣ и новаго кумира, будетъ ли
кумиръ называться революціей, забастовкой, пролетаріа-
или учащейся молодежью». Признаемъ вмѣстѣ съ нимъ,
юрное желаніе крайнихъ партій видѣть въ университетахъ
арену для митинговъ «есть преступленіе противъ народнаго
зованія и культуры, преступленіе противъ той самой моло-
руками и устами которой эта идея проводится въ жизнь»... [1].
звѣ каждый день не раскрываетъ новыхъ признаковъ па-
въ молодежи интереса къ серьезному знанію? Газеты, про-
ы, популярныя брошюры читаются нарасхватъ. А кто чи-
теперь многотомныя ученыя изслѣдованія? Схваченныя
, яркія мысли воспринимаются безъ малѣйшаго анализа.
зворятъ, всѣ пишутъ, всѣ поучаютъ и убѣждаютъ. А кто

«Полярная Звѣзда», № 2.

изъ учащейся молодежи воспринимаетъ знанія, дабы говорить, писать и имѣть право учить и убѣждать—въ будущемъ?

Поставимъ точку на і, какъ это ни тяжело. Прямолинейность и легкомысліе—основныя черты отношеній студенчества къ наукѣ и къ высшей школѣ. Автономія университета понимается не въ смыслѣ самостоятельности веденія дѣла коллегіей профессоровъ, а въ смыслѣ раздѣленія власти, на одинаковыхъ началахъ, между нею и коллегіей студентовъ. Приступающіе къ изученію науки берутся рѣшать вопросъ о системѣ преподаванія—о преимуществахъ предметной системы передъ курсовой. И рѣшаютъ авторитетно, съ недопускающей возраженій категоричностью. Они же выносятъ безапелляціонные приговоры о пригодности профессоровъ занимать каѳедры. Они не сообщаютъ совѣтамъ о своихъ нуждахъ, желаніяхъ и запросахъ—они требуютъ, они диктуютъ условія. Одинъ высокомѣрный тонъ опредѣленій старостъ и открытыхъ писемъ отдѣльныхъ студентовъ чего стоитъ!

Политика окончательно оторвала студенчество отъ труда, къ которому его не пріучила средняя школа. Агитаціонная дѣятельность—не трудъ. Она требуетъ напряженія нервовъ, а не ума. Она завлекательна и при извѣстномъ настроеніи неизмѣримо легче, чѣмъ усидчивая умственная работа. По злой ироніи судьбы, съ каждымъ днемъ среди учащихся пріобрѣтаютъ все большую популярность трудовыя теоріи. А сами учащіеся съ каждымъ же днемъ все менѣе отдаются труду... Они идутъ на фабрики и заводы, они идутъ въ истомленную непосильнымъ трудомъ деревню, но не для труда, а чтобы говорить о трудѣ.

Однимъ изъ основаній протеста противъ закрытія общежитія студенты петербургскаго университета выставляли то, что прислуга останется безъ заработка. А сами они, что вносятъ сейчасъ въ сокровищницу народнаго богатства? Приблизилъ ли истекшій годъ время расплаты ихъ съ тратящимъ свои кровные на нихъ гроши народомъ?

Мы слышимъ возраженія: все это для даннаго историческаго момента неизбѣжно: пройдетъ моментъ—и свободной университетской наукѣ въ свободной высшей школѣ студенчество станетъ внимать такъ, какъ не внимало никогда.

Будущее студенчество—да. Но нынѣшнее—нѣтъ. Года празд-

ности для него не могутъ пройти безслѣдно. Массы въ школу для науки не вернутся. Быть можетъ, вернутся для экзамена и диплома, но не для научныхъ знаній. Ихъ міровоззрѣніе уже созрѣло помимо истинной, трудной и скучной науки.

Неужели общество, подобно правительственной власти, можетъ оставлять явленіе безъ реакціи? Неужели оно можетъ мириться съ временной смертью высшей школы?

Политическія партіи, пользуясь прекращеніемъ занятій, организуютъ изъ студентовъ кадры партійныхъ агитаторовъ и бросаютъ ихъ въ предвыборную борьбу. Почему вы сами, главари партій и кандидаты въ Думу, не идете туда, гдѣ для васъ нужна агитація? Что держитъ васъ? Привычка къ комфорту и спокойной, удобной жизни? Или необходимость заработка? Или вы слишкомъ великіе для этого люди?..

Студенчество необходимо вернуть къ наукѣ. Эта святая *обязанность* лежитъ на профессорахъ.

Занятія наукой въ казенныхъ аудиторіяхъ невозможны. Невозможны сейчасъ, едва ли будутъ возможны осенью. Для занятій должны быть открыты частныя аудиторіи.

Академическій союзъ образовался во имя борьбы за высшую школу, за ея права, за освобожденіе науки отъ бюрократическихъ путъ. Союзъ обязанъ взять на себя творческую работу по возсозданію высшей школы.

Не все студенчество придетъ въ частную аудиторію. Не всѣ научныя дисциплины можно преподавать внѣ казенныхъ стѣнъ. Неужели же и здѣсь восторжествуетъ принципъ всеобщей нивеллировки? Нельзя привести всѣхъ—не надо звать никого; нельзя преподавать всего—не надо преподавать ничего...

Среди членовъ союза была мысль организовать эпизодическія чтенія по современнымъ политическимъ и соціальнымъ вопросамъ. Не это нужно. Вѣрнѣе: и это нужно, и еще другое. Такія чтенія пусть будутъ передъ случайной общедоступной аудиторіей. Для студентовъ необходимо изложеніе систематическихъ курсовъ. Не исторію французской революціи имъ надо читать, а исторію Франціи. Не теорію народнаго суверенитета, а общія основы государственнаго права. Не о смертной казни имъ должно говорить съ каѳедры а о карательныхъ системахъ.

Не ссылайтесь на то, что вы захвачены движеніемъ и не обладаете необходимымъ для строго научныхъ лекцій спокойствіемъ духа. Вы не имѣете права такъ разсуждать. Вы обязаны возродить школу. Вспомните вашихъ предшественниковъ шестидесятыхъ годовъ...

«Молва» 8 января 1906 г.,
№ 8.

Оставляемъ точность воспроизведенія словъ судей и слѣдователя на совѣсти автора. Допускаемъ, что онъ ихъ воспроизвелъ невѣрно. Намъ важенъ самый фактъ такого «скорорѣшительнаго» суда.

Но менѣе потрясающія вѣсти идутъ изъ Варшавы. Тамъ тоже разстрѣлы и тоже безъ суда.

Напомнимъ двѣ недавнія телеграммы:

«3-го и 4-го января въ Варшавѣ *преданы*, на основаніи 12 статьи военнаго положенія, *смертной казни* черезъ разстрѣляніе одинадцать человѣкъ, принадлежащихъ къ раскрытому полиціей сообществу анархистовъ-коммунистовъ. Всѣ *уличены* въ томъ, что принимали участіе въ изготовленіи и бросаніи бомбъ и въ другихъ дѣйствіяхъ анархическаго террора».

«*Уличенные* въ антиправительственной пропагандѣ, изготовленіи и бросаніи разрывныхъ снарядовъ, въ вымогательствахъ, грабежахъ и насиліяхъ—пятеро разстрѣляны 3-го января въ 7 ч. утра въ Варшавской крѣпости»...

Что же это такое?

II.

По свѣдѣніямъ «Народнаго Хозяйства», случай разстрѣлянія по списку въ Люберцахъ былъ предметомъ сужденія совѣта министровъ въ засѣданіи 3-го января. Министръ внутреннихъ дѣлъ, какъ пишетъ газета, «сообщилъ, что никакихъ распоряженій о разстрѣлахъ по спискамъ онъ не отдавалъ, и что отвѣтъ за это военные начальники должны дать не ему, а военному министру. Сознавая, что со стороны нѣкоторыхъ и были случаи превышенія полномочій, г. Дурново полагаетъ, что предавать суду, однако, теперь этихъ лицъ нельзя, ибо настоящій моментъ слишкомъ серьезный, а преданіе суду можетъ деморализовать армію, которая теперь въ особенности нужна. При этомъ г. Дурново сказалъ, что когда домъ горитъ и надо тушить пожаръ, некогда думать о разбиваемыхъ стеклахъ. Къ мнѣнію г. Дурново присоединился предсѣдатель совѣта».

И такъ разсуждаетъ правительство, поставившее себѣ зада-

чей «устроеніе правоваго порядка» и «практическое водвореніе въ жизнь главныхъ стимуловъ гражданской свободы»!

Военные начальники должны дать отвѣтъ не министру внутреннихъ дѣлъ, а военному министру. Бороться съ чудовищнымъ произволомъ на почвѣ права — несвоевременно. Поддержаніе законнаго порядка въ войскахъ можетъ деморализовать армію. Лишенные возможности сопротивляться, обезоруженные и разстрѣливаемые люди — то же, что разбиваемыя при тушеніи пожара стекла! Поистинѣ изумительная аргументація!

А военный министръ — почему онъ молчалъ въ совѣтѣ? Неужели общество, подобно г. Дурново, можетъ успокоиться на томъ, что вина за производимые разстрѣлы падаетъ не на одно вѣдомство, а на другое? Гдѣ же обѣщанныя всеподданнѣйшимъ докладомъ графа Витте «однородность состава правительства и единство преслѣдуемой имъ цѣли»? Опять старая вѣдомственная обособленность и независимость въ беззаконіи и произволѣ.

Можетъ ли правовое государство хоть на одинъ моментъ отказываться отъ охраны права? Неужели гг. министры не понимаютъ, что, признавая несвоевременнымъ — по какимъ бы то ни было мотивамъ — противодѣйствовать судомъ и наказаніемъ «превышенію полномочій» — на простомъ языкѣ, преступленію — они уподобляются революціонерамъ? Правительство сильно только правомъ и закономъ. Только во имя права оно подавляетъ возстаніе и принуждаетъ возставшихъ покориться. Не на защиту разоряемыхъ бароновъ отправленъ въ Прибалтійскій край отрядъ генерала Орлова, а на защиту права — на возстановленіе нарушенныхъ революціонерами законныхъ отношеній между гражданами. Не въ защиту городовыхъ, драгунъ и казаковъ стрѣляли въ Москвѣ пушки и пулеметы, а для того, чтобы заставить революціонеровъ уважать законъ, чтобы вернуть ихъ къ повиновенію закону и органамъ власти. Какъ же можно для возстановленія силы закона себя отъ закона освобождать?

Прямой путь деморализаціи арміи не требованіе исполненія закона, а именно допущеніе произвольныхъ дѣйствій со стороны начальства. «Начальникъ, — говорилъ покойный М. И. Драгомировъ,—ясно сознающій свое положеніе, заинтересованъ исполнять законъ во всякомъ случаѣ, ибо неисполненіемъ его подрываетъ одно (вѣрнѣе сказать: единственное) изъ основаній своей власти.

Это подтверждаетъ и практика: гдѣ законъ не былъ поставленъ въ сказанное положеніе, начиналось тѣмъ, что начальникъ переставалъ его исполнять въ случаяхъ, его стѣсняющихъ, а кончалось тѣмъ, что и подчиненный дѣлалъ то же». Сегодня начальникъ явно противозаконно приказываетъ разстрѣлять. Завтра — подчиненные по собственному усмотрѣнію станутъ разстрѣливать мирныхъ гражданъ. А послѣзавтра — они же откажутъ начальнику въ повиновеніи... На значеніи примѣра построено все воспитаніе солдата. «Подавать собою примѣръ точнаго соблюденія закона» сводъ военныхъ постановленій (книга V, ст. 339) прямо предписываетъ командиру полка. «Вѣдать всѣ уставы и законы государственные и содержать ихъ въ ненарушимой сохранности» для всѣхъ военнослужащихъ есть «первый и главный предметъ, отъ котораго зависитъ правое и благонамѣренное управленіе всѣхъ дѣлъ» (книга VII, ст. 15).

Когда горитъ домъ и пожарные, при тушеніи, разбиваютъ стекла, выламываютъ дверные косяки или выбрасываютъ изъ верхнихъ этажей мебель — никому и въ голову не придетъ ихъ осуждать. Но если пожаръ въ домѣ прекращенъ, и пожарные послѣ того станутъ разбивать уцѣлѣвшія при тушеніи стекла, то едва ли кто-нибудь ихъ оправдаетъ. Общій пожаръ революціоннаго движенія въ Россіи еще пылаетъ, и жертвы тушенія гибнутъ и будутъ, пожалуй, гибнуть долго. Если, однако, разстрѣливаніе задержанныхъ революціонеровъ министръ внутреннихъ дѣлъ считаетъ средствомъ потушить общій пожаръ, то онъ жестоко ошибается. Каждый разстрѣлъ — не вода, а масло въ огонь всероссійскаго пожара. Спеціальный же декабрьскій пожаръ Москвы окончился и о разбиваемыхъ уцѣлѣвшихъ стеклахъ есть время и должно думать.

Въ объявленіи московскаго генералъ-губернатора, опубликованномъ 8-го января («Молва», № 9), объявлены «злонамѣренной ложью» толки о «варварскомъ обращеніи и жестокихъ расправахъ съ *многочисленными мирными* жителями, *безъ разбора* будто бы *задерживаемыми* усердствующей полиціей», и упорно распространяемые «слухи, будто бы *каждую ночь неповинныя* жертвы такой неразборчивости *выводятся* за городъ на Ходынское поле или къ Москвѣ-рѣкѣ и безпощадно разстрѣливаются войсками и полицейскими чинами».

Замѣчательное объявленіе! Издано оно по поводу волнующаго прошлаго, а всѣ глаголы въ немъ употреблены въ настоящемъ времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявленіе вкладываетъ въ формулируемые имъ толки и слухи такія оговорки, съ помощью которыхъ его, быть можетъ, щепетильная правдивость оказывается, если не неправдой, то пустымъ звукомъ.

Съ готовностью вѣримъ, что толки о варварствѣ и жестокостяхъ съ *многочисленными мирными* жителями, будто бы *задерживаемыми* (теперь, въ январѣ)—сплошной вымыселъ. А были ли жестокія расправы съ *задерживавшимися* (въ декабрѣ) *немногочисленными немирными* (т.-е. принимавшими участіе въ возстаніи) жителями? Что отвѣчаетъ на этотъ вопросъ объявленіе?

Охотно вѣримъ, что *каждую ночь неповинныхъ* жертвъ на Ходынское поле или къ Москвѣ-рѣкѣ *не выводятъ и не разстрѣливаютъ*. А выводили ли, конечно не каждую ночь, и разстрѣливали ли на Ходынскомъ полѣ, послѣ задержанія и обезоруженія, *повинныхъ* въ возстаніи людей? Какія оффиціальныя данныя по этому вопросу имѣетъ въ своемъ распоряженіи генералъ-губернаторъ?

III.

«Врагъ, сдавшійся или захваченный и обезоруженный — не врагъ». Такъ гласитъ одно изъ основныхъ началъ примѣненія силы на войнѣ. Лишеніе жизни въ бою—дѣйствіе неизбѣжное и потому допустимое. Лишеніе жизни послѣ боя — преступленіе, убійство.

Хотя и по другимъ исходнымъ соображеніямъ, но то же начало опредѣляетъ и должно опредѣлять объемъ и условія примѣненія силы внутри государства. Даже болѣе: здѣсь это начало приложимо вдвойнѣ.

На войнѣ внѣшней сила примѣняется, какъ единственно реальный—при данныхъ обстоятельствахъ государственной державности и обособленности—способъ разрѣшенія столкновенія двухъ, одинаково правыхъ въ своемъ сознаніи единицъ. А потому границы примѣненія силы опредѣляются исключительно предѣлами

фактической возможности. Форма примѣненія силы между государствами—бой или, говоря вульгарно, драка.

Однако и тутъ объектомъ насилія долженъ быть врагъ, т.-е. дерущійся или способный къ дракѣ и причиненію вреда. Разъ дерущагося или могущаго въ данный моментъ причинить вредъ нѣтъ, право на примѣненіе силы исчезаетъ. Наступаетъ право взять въ плѣнъ—врага законнаго и открытаго, или право подвергнуть аресту, судебному преслѣдованію и послѣдующему наказанію—врага коварнаго, т.-е. шпіона, измѣнника и т. п.

Нормальныя средства регулированія отношеній внутри государства суть юстиція и полиція, дѣйствующія по равно для всѣхъ гражданъ обязательному закону и въ условіяхъ закона. Только конечной опорой закона служитъ сила, которая, такимъ образомъ, является внутри государства институтомъ правовымъ. Отсюда глубокое различіе границъ и формы примѣненія силы между государствами и внутри государства. Ея границы внутри государства—не фактическая возможность, а предѣлы крайней необходимости. Ея форма—пассивное воздѣйствіе правымъ, т.-е. опирающимся въ своихъ поступкахъ на законъ, противъ неправаго.

Городовой можетъ примѣнить свою физическую силу, поскольку это дѣйствительно необходимо для *прекращенія* сопротивленія, для *возстановленія* порядка, для *усмиренія*. Онъ можетъ схватить за руки ломающаго съ цѣлью кражи ворота, заборъ или замокъ. Онъ можетъ даже нанести ударъ, если, напримѣръ, инымъ способомъ нельзя свалить, въ цѣляхъ обезоруженія, гоняющагося съ ножомъ за убѣгающимъ потерпѣвшимъ. Но наносить побои задержанному вору или покушавшемуся на убійство, хотя бы не изъ злобы или мести, а въ тѣхъ видахъ, чтобы задержанному впредь «неповадно было тако дѣяти», онъ, само собою разумѣется, не имѣетъ ни малѣйшаго права. Предвидѣніе будущаго — дѣло суда, который всесторонне оцѣнитъ прошлый фактъ и согласно закону вынесетъ рѣшеніе. Дѣло городового касается исключительно настоящаго момента; его обязанность прекратить совершающееся и обезпечить наступленіе будущаго карательнаго результата.

Съ формальной юридической точки зрѣнія открытое возстаніе есть такое же преступное дѣяніе, какъ кража или единичное убійство. А вооруженная военная команда—все равно, состоитъ ли она изъ двухъ солдатъ, или изъ роты, или изъ отряда съ

артиллеріей силою въ цѣлый корпусъ, по роду дѣятельности—тотъ же городовой. Войско можетъ вступать въ настоящій бой, оно можетъ стрѣлять изъ пушекъ и пулеметовъ—принципіально этого отвергать нельзя. Но вступать въ бой—поскольку возставшіе сами дерутся; пускать въ ходъ артиллерійскій огонь, поскольку нѣтъ иного средства усмирить или остановить совершающееся сопротивленіе. Какъ только сопротивленіе прекратилось, какъ только активныхъ дѣйствій со стороны возставшихъ нѣтъ—стрѣляющій и убивающій солдатъ становится преступнымъ убійцей, приказывающій ему стрѣлять—подстрекателемъ убійства.

А что́ сказать про разстрѣляніе, производимое не въ минуту поимки или задержанія, а спустя день или два? Что́ сказать про разстрѣляніе людей приведенныхъ для разстрѣлянія изъ тюрьмы?

Пассивный характеръ дѣйствій войска внутри государства создаетъ для него несомнѣнно тяжелое положеніе и ставитъ его въ необычныя условія. При внѣшней войнѣ ни одна сторона не обязана выжидать нападенія и сама всегда можетъ нападать. Основанія тому—равенство сторонъ и одинаковая правомѣрность (въ своемъ сознаніи) и въ то же время одинаковая неправомѣрность (въ сознаніи противника) дѣйствій обѣихъ. Обѣ стороны имѣютъ одинаковую ближайшую цѣль: причинить наибольшую сумму вреда, дабы тѣмъ осилить противника и доставить торжество интересу своего государства.

При употребленіи вооруженной силы внутри государства идейнаго равенства сторонъ не существуетъ. Оно можетъ существовать, если возстаніе разрослось, только фактически. Одинаковой правомѣрности или неправомѣрности — тоже не существуетъ. Дѣйствія одной стороны объективно правомѣрны. Другой — преступны. Отсюда вытекаетъ для первой право захвата, въ видахъ послѣдующей уголовной кары. Но отсюда же вытекаетъ для нея рядъ ограниченій въ способахъ дѣйствій. Поступать такъ, какъ поступаютъ революціонеры, правительственныя войска не имѣютъ права. Начало взаимности здѣсь неприложимо вообще и имъ не можетъ быть оправдываемо ни одно дѣйствіе войскъ. Дѣйствія преступника не могутъ служить примѣромъ дѣйствій органа государственной власти. Въ совершаемомъ имъ насиліи единственное оправданіе—крайняя необходимость.

IV.

Ходили и ходятъ слухи о какихъ-то инструкціяхъ, которыя даны отряду генерала Орлова и были даны войскамъ, дѣйствовавшимъ въ Москвѣ. Разсказываютъ, будто эти инструкціи разрѣшаютъ производить разстрѣляніе по установленіи виновности задержанныхъ особымъ разбирательствомъ.

Корреспонденція г. Москвича подтверждаетъ слухи. Еще большее подтвержденіе даютъ телеграммы изъ Варшавы.

Разстрѣливали ли и разстрѣливаютъ ли войска на основаніи инструкцій или никакихъ инструкцій не имѣя — вопросъ второстепенный. Онъ важенъ для опредѣленія виновности и отвѣтственности тѣхъ, кто разстрѣливаетъ, или тѣхъ, кто разстрѣливать далъ полномочія. Въ обоихъ случаяхъ, фактъ разстрѣла безъ суда остается одинаковымъ вопіющимъ беззаконіемъ.

Правила о мѣстностяхъ, объявляемыхъ состоящими на военномъ положеніи, устанавливаютъ подсудность военному суду, вмѣсто общаго, за точно перечисленныя преступныя дѣянія или за тѣ, изъять которыя изъ общей подсудности признаетъ необходимымъ генералъ-губернаторъ или облеченное его властью лицо. Но военному суду не безформенно произвольному,—въ отношеніи состава или способовъ отправленія дѣятельности,—а образуемому и дѣйствующему на основаніи правилъ четвертаго раздѣла военно-судебнаго устава «О судѣ въ военное время».

Эти правила знаютъ слѣдующіе судебные органы: полковые и этапные суды, военно-окружные, суды армій и кассаціонное присутствіе. Изъ нихъ обладаютъ правомъ сужденія, при введеніи военнаго положенія въ мирное время, лицъ гражданскихъ за дѣянія, влекущія высшія наказанія, исключительно суды военно-окружные. Предсѣдатель суда и прокуроръ—обязательно юристы. Сужденію должно предшествовать предварительное слѣдствіе и привлеченіе лица въ качествѣ обвиняемаго; затѣмъ — заключеніе прокурорскаго надзора о направленіи дѣла; далѣе — преданіе суду властью подлежащаго военнаго начальника. Дѣло вносится въ судъ съ обвинительнымъ актомъ. Подсудимый выбираетъ или ему назначается защитникъ. Дѣло разсматривается въ состязательномъ порядкѣ.

Приговоръ постановляется на точномъ основаніи закона. По протесту или жалобѣ приговоръ подлежитъ кассаціонной провѣркѣ, кромѣ «чрезвычайныхъ случаевъ», когда командующій арміей признаетъ необходимымъ право обжалованія отмѣнить. Вступившій въ законную силу приговоръ о смертной казни поступаетъ на конфирмацію.

Никакой иной военный судъ русскому закону неизвѣстенъ. Во время подавленія боксерскаго возстанія въ Китаѣ, въ 1900 г., одинъ начальникъ отряда нашего экспедиціоннаго корпуса устроилъ импровизированное судбище надъ задержанными китайцами и, согласно рѣшенію этого судбища, задержанныхъ разстрѣлялъ. Начальникъ отряда понесъ наказаніе. И это было въ Китаѣ, въ чужой странѣ, гдѣ ничтожнымъ отрядамъ европейскихъ войскъ приходилось дѣйствовать среди сплошного враждебнаго населенія, гдѣ не было въ распоряженіи войскъ ни тюремъ, ни достаточныхъ личныхъ силъ для окарауливанія захваченныхъ или препровожденія въ мѣста нахожденія судебной власти. Теперь то же повторяется, но безъ карательныхъ послѣдствій, въ Митавѣ, въ Валкѣ, въ Либавѣ; повторялось—въ Москвѣ и подъ Москвою...

Осенью въ газетахъ сообщалось о предположеніяхъ военнаго министерства измѣнить строй военно-судебной организаціи для военнаго времени и создать такіе суды, которые дѣйствовали бы съ какой-то изумительной простотой и быстротой. Такія предположенія, быть можетъ, не оставлены. Быть можетъ, гдѣ-нибудь что-нибудь подобное разрабатывается. Но силы закона никакія измѣненія четвертаго раздѣла военно-судебнаго устава по сегодняшній день не получили.

Ст. 12 правилъ о военномъ положеніи, на основаніи которой, судя по телеграммамъ, разстрѣливаютъ въ Варшавѣ, гласитъ слѣдующее:

«Если въ мѣстности, объявленной на военномъ положеніи, будетъ признано необходимымъ, для охраненія государственнаго порядка или успѣха веденія войны, принять такую чрезвычайную мѣру, которая не предусмотрѣна въ семъ приложеніи, то главнокомандующій, непосредственно, или по представленію командующаго арміей дѣлаетъ распоряженіе о принятіи сей мѣры собственною властью, донося о томъ Государю Императору».

Статья эта, взятая отдѣльно, какъ самостоятельный законъ,

редактирована столь широко, что охватываетъ собою рѣшительно все. По буквальному ея смыслу, главнокомандующій абсолютно ни въ чемъ не ограниченъ и можетъ распорядиться, чтобы войска разстрѣливали лицъ, не бывшихъ ни обвиняемыми, ни подсудимыми, ни осужденными къ смертной казни, а только *уличенными* или *обнаруженными* полиціей. Словомъ, получается какъ будто юридическая возможность разстрѣливанія по списку, сообщаемому полиціей воинской части.

Но такое ея пониманіе безусловно недопустимо. Во-первыхъ, ст. 12 находится въ отдѣлѣ второмъ правилъ, трактующемъ о правахъ военнаго начальства вообще, а о правахъ того же начальства въ области отправленія уголовнаго правосудія трактуется особо—въ отдѣлахъ четвертомъ и пятомъ. Всѣ подробныя опредѣленія этихъ двухъ отдѣловъ были бы совершенно не нужны, если бы ст. 12 имѣла примѣненіе и къ порядку назначенія наказаній. Несомнѣнно, что она имѣетъ въ виду «чрезвычайныя мѣры» административныя или военныя, но отнюдь не судебныя.

Во-вторыхъ, нельзя забывать, что, согласно нашимъ основнымъ законамъ (т. I, ст. 66), «дѣла о лишеніи жизни» никогда и ни въ чемъ не допускаютъ распространительнаго толкованія. Даже объявляемый Высочайшій указъ въ отношеніи ихъ не имѣетъ силы, а необходимъ законъ, «за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ изданный».

Предположимъ, однако, что приведенныя соображенія неубѣдительны. И все-таки разстрѣлы безъ суда въ Варшавѣ и въ Москвѣ вопіюще противозаконны. И тутъ, и тамъ высшая власть—генералъ-губернаторы и командующіе войсками военныхъ округовъ. Главнокомандующаго же, о которомъ одномъ говорится въ ст. 12 правилъ, ни въ Варшавѣ, ни въ Москвѣ нѣтъ. Слѣдовательно, нѣтъ власти, которая можетъ, въ какомъ бы ни было объемѣ, примѣнять эту статью.

Итакъ, десятки, если не сотни, людей разстрѣливаются вопреки смыслу употребленія вооруженной силы, безъ надобности и вопреки формальному разуму закона.

«Молва» 12-го января 1906 г.,
№ 12.

Тоже революціоннымъ путемъ.

Долго и систематично подготовлялась гибель нашего флота—правилами морского ценза, старательнымъ сокрытіемъ злоупотребленій, поддержаніемъ дворянскаго духа въ офицерской средѣ, заботами, чтобы въ каютъ-компаніи никто не ѣлъ съ ножа, тревогами въ двѣ минуты и другими показными фокусами и забавами, многократными преобразованіями центральнаго и мѣстнаго берегового управленія и т. д., и т. д.

И къ моменту осады Артура, а затѣмъ Цусимскаго боя эта гибель оказалась подготовленной настолько, что ни броненосцевъ, ни крейсеровъ не стало. Вспыхнуло революціонное движеніе внутри—не стало морскихъ командъ.

Какое отсюда естественно должно было наступить слѣдствіе? Начать возсозданіе флота — конечно, да. Пока существуютъ государства въ ихъ современной правовой обособленности — неизбѣжна война, неизбѣжна и необходимость боевого флота. Но раньше,—на то долгое время, когда флотъ будетъ возсоздаваться?

Казалось бы, первымъ слѣдствіемъ должно было быть упраздненіе всего того, что безъ броненосцевъ, крейсеровъ и морскихъ командъ повисло въ воздухѣ, какъ нѣчто абсолютно лишнее и ненужное. Казалось бы, что первымъ слѣдствіемъ должно было быть упраздненіе если не всей «адмиральской коллегіи со товарищами», обратившейся въ морское министерство съ его много-

численными развѣтвленіями—ибо все-таки остались кое-какія посудины и кое-какія команды,—то хоть части столоначальниковъ, начальниковъ отдѣленій, дѣлопроизводителей, старшихъ адъютантовъ, членовъ адмиралтействъ-совѣта и другихъ большого и малаго ранга чиновъ и должностей. Человѣку, самому несвѣдущему въ наукѣ и практикѣ государственнаго управленія, ясно, что управляющій безъ управляемаго безсмыслица, что не корабли существуютъ для командировъ, адмираловъ и регулирующихъ ихъ дѣятельность административныхъ органовъ, а наоборотъ; что не подчиненные для начальства, а тоже наоборотъ. И никогда обыватель не согласится съ тѣмъ, что эта ясность — плодъ неосвѣдомленности.

Но такъ можетъ мыслить только грубый невѣжда. Чиновничество же, хотя бы и въ военныхъ эполетахъ, мыслитъ иначе. У него своя логика.

Вопреки точнаго разума п. 3 манифеста 17 октября, морское министерство провело, очевидно какъ совершенно неотложную мѣру, учрежденіе новой должности товарища морского министра и предоставленіе правъ, наравнѣ съ товарищемъ министра, начальнику главнаго морского штаба.

Всеподданнѣйшій докладъ графа Витте съ Высочайшей резолюціей: «принять къ руководству» ставилъ первой задачей правительства, подлежащей осуществленію «теперь же, впредь до законодательной санкціи черезъ Государственную Думу», опредѣленіе закономъ «основныхъ элементовъ правового строя». А второй — «установленіе такихъ учрежденій и такихъ законодательныхъ нормъ, которыя соотвѣтствовали бы выяснившейся политической идеѣ большинства русскаго общества и давали положительную гарантію въ неотъемлемости дарованныхъ благъ гражданской свободы».

Подъ которую изъ этихъ категорій подходитъ законъ 9 января? Новая должность товарища морского министра и увеличеніе служебныхъ правъ начальника главнаго морского штаба (пожалуй и жалованья), что это—тоже основные элементы правового строя? Или — учрежденія, соотвѣтствующія выяснившейся политической идеѣ большинства русскаго общества, гарантирующія неотъемлемость благъ гражданской свободы?!

Мотивы закона не скрыты. Они включены въ самый его текстъ.

«Въ цѣляхъ скорѣйшаго возсозданія боевого флота и образованія надлежащаго личнаго состава представляется совершенно неотложнымъ немедленное принятіе ряда мѣръ къ соотвѣтственной реорганизаціи управленія морскимъ вѣдомствомъ, а потому, впредь до пересмотра и утвержденія въ установленномъ порядкѣ новаго положенія объ управленіи названнымъ вѣдомствомъ», и т. д.

Что нужно «въ цѣляхъ скорѣйшаго возсозданія флота»? Полагаемъ: деньги, постройка заводовъ, устраненіе при отдачѣ заказовъ формализма, отлично учитывающаго копейки и не улавливающаго милліоновъ, пожалуй преобразованіе отдѣла министерства, вѣдающаго кораблестроеніе.

Что нужно «въ цѣляхъ скорѣйшаго образованія надлежащаго личнаго состава»? Полагаемъ: измѣненіе порядка комплектованія корпуса офицеровъ и условій прохожденія офицерами службы и измѣненіе постановки воспитанія и обученія нижнихъ чиновъ.

Допустимъ, что и для того, и для другого нужна также, но какъ потребность второстепенная,—реорганизація всего центральнаго управленія морскимъ вѣдомствомъ. Но чтобы нужно было немедленно учредить должность товарища морского министра и увеличить объемъ правъ начальника главнаго морского штаба— этого обыкновенному смертному не понять.

Мы не видѣли доклада министерства съ подробно развитой мотивировкой, но мысленно могли бы его воспроизвести съ буквальной точностью. Словъ, словъ и словъ въ немъ навѣрное безъ конца. Навѣрное есть и статистика, показывающая безмѣрное обремененіе министерства дѣлами, есть и историческая справка— благо со статистикой и исторіей можно обращаться либерально: поворачивать, куда угодно. Въ немъ навѣрное есть все, кромѣ одного простого и немногосложнаго: всѣ министры имѣютъ товарищей, а у морского министра товарища нѣтъ... Почему такая несправедливость? И исторія со статистикой и красотами канцелярскаго слога только для того и понадобились, чтобы это простое не могло придти въ голову при чтеніи доклада.

Добро бы еще новая должность большого чиновника учреждалась за счетъ упраздняемыхъ должностей чиновниковъ малыхъ— все равно имъ нечего дѣлать. Но нѣтъ, морское министерство испросило право вмѣсто ненужныхъ малыхъ должностей созда-

вать такія же «новыя съ окладами по сравненію съ установленными дѣйствующими штатами».

Итакъ: кораблей нѣтъ; морскихъ командъ тоже — одни матросы въ тюрьмахъ, откуда перейдутъ въ дисциплинарные батальоны, другіе въ составѣ сухопутныхъ войскъ дѣйствуютъ въ Прибалтійскомъ краѣ, новобранцы зачислены въ армейскіе полки. А однимъ адмираломъ стало больше и содержаніе личнаго состава центральнаго управленія кораблями и командами увеличено тысячъ на двадцать рублей въ годъ, считая жалованье, квартиру и прочіе расходы казны на товарища министра. Конечно, что значатъ 20 тысячъ рублей, когда построить броненосецъ стоитъ двѣнадцать милліоновъ. Однако, все-таки хоть что-нибудь. Одинъ жертвователь на флотъ въ минувшую войну, посылая нѣсколько рублей, писалъ, что пусть на его рубли будетъ сдѣлана какая-нибудь заклепка на броненосцѣ, за которую не заплатитъ изнемогающій народъ.

Невольно напрашивается параллель. Бунтовавшіе въ октябрѣ солдаты разсуждали такъ: Дума — Думой, когда-то она еще соберется, а вотъ пусть намъ правительство сейчасъ подастъ одѣяла, мыло и чайное довольствіе. Голодающая почтовая мелкота, получающая 25 р. въ мѣсяцъ жалованья, тоже бастовала по одинаковымъ соображеніямъ: конечно, только свободно избранные представители всего народа могутъ вывести страну изъ критическаго положенія; конечно, только они въ состояніи упорядочить финансы, разрѣшить земельную нужду крестьянъ; конечно, нынѣшнее правительство ни на что не способно,—а вотъ прибавку намъ жалованья подай. Конституціонный путь дліненъ и еще неизвѣстно, къ чему приведетъ. Почему не использовать пути революціоннаго?!.

Подобная нота слышится во многихъ требованіяхъ, идущихъ отъ профессіональныхъ организацій и союзовъ. Нѣтъ силъ убѣдить себя въ томъ, что ея не слышно въ достигнутомъ домогательствѣ морского министерства.

Чтобы получить ассигнованія на постройку кораблей и чтобы дѣйствительно приступить къ возсозданію флота, образованію надлежащаго личнаго состава и къ полной реорганизаціи управленія морскимъ вѣдомствомъ — для этого можно и не нарушать установленнаго 17 октября конституціоннаго пути. А вотъ для

учрежденія должности товарища морского министра—надо пользоваться минутой. Еще, сохрани Богъ, Дума откажетъ...

И она конечно бы отказала. Въ этомъ отношеніи параллели съ «революціонными» требованіями солдатъ, почтовыхъ чиновниковъ, народныхъ учителей, желѣзнодорожныхъ смазчиковъ, сторожей и кондукторовъ и т. д. нѣтъ. Помочь ихъ горю Дума несомнѣнно сочла бы и сочтетъ своей первой обязанностью. Но помочь горю морского министерства, обиженнаго отсутствіемъ товарища министра, Дума очень бы усумнилась: двадцать тысячъ въ годъ обезпечило бы на вѣчныя времена существованіе по меньшей мѣрѣ двадцати начальныхъ школъ, съ двумя учащими и со ста учениками въ каждой. На двѣ тысячи ежегодно стало бы уменьшаться число неграмотныхъ въ деревнѣ...

«Русь» 28 января 1906 г.,
№ 12.

Вопіющее беззаконіе.

Разстрѣлы, разстрѣлы, разстрѣлы...

Разстрѣливаютъ мичманы, лейтенанты, поручики, штабсъ-ротмистры...

Разстрѣливаютъ «агитаторовъ», «мазуриковъ», уличенныхъ въ приготовленіи и храненіи взрывчатыхъ снарядовъ, въ «вымогательствѣ» и «браконьеровъ»...

Разстрѣливаютъ дѣтей за то, что бѣжали и скрылись ихъ отцы...

Разстрѣливаютъ по ошибкѣ и потомъ говорятъ: «печальное недоразумѣніе»...

Разстрѣливаютъ по рѣшеніямъ мифическихъ «полевыхъ» судовъ...

Разстрѣливаютъ ежедневно—въ Прибалтійскомъ краѣ, на Кавказѣ, въ Сибири, въ Варшавѣ... Раньше разстрѣливали въ Москвѣ и подъ Москвой...

Разстрѣливаютъ десятки, сотни людей...

Задержали въ моментъ отъѣзда за границу революціонера. Его повели не въ тюрьму. Его повели не къ слѣдователю и прокурору. Его повели въ отрядъ и тамъ разстрѣляли... Людей, задержанныхъ и посаженныхъ въ каменные мѣшки, выводятъ не на судъ, а на разстрѣлъ безъ суда...

Да что же это такое?

Государство, во имя торжества права и закона, мобилизовало

всю мощь своей силы. Оно это могло и должно было сдѣлать: на то оно союзъ правовой. Государство не можетъ терпѣть произвольнаго нарушенія права. Но попирать право, грубо и безчеловѣчно — для государства во сто кратъ преступнѣе, чѣмъ для революціи. У него есть тюрьмы, суды, уголовный кодексъ. Тутъ нѣтъ никакого оправданія...

Плакать, кричать хочется!..

Но пусть кричитъ безстрастный законъ.

Не всѣ знаютъ, въ какой мѣрѣ онъ нарушается. Считаютъ, что военное положеніе—значитъ конецъ юстиціи: военный судъ для всѣхъ и за все. А военный судъ—значитъ смерть. Смерть—кого угодно, за что угодно, кѣмъ угодно. Смерть—безъ разбора, безъ права протеста.

Это неправда! Это неправда!..

Гдѣ законъ, на основаніи котораго разстрѣливаютъ лейтенанты, поручики, полковники, генералы?

Его нѣтъ.

Никакихъ *полевыхъ* судовъ законодательство Россійской Имперіи не знаетъ. Единственно компетентные органы для смертнаго приговора въ военное время и въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, суды военно-окружные, суды армій и временные военные. Всѣ три органа однородны по составу и дѣйствуютъ съ соблюденіемъ одинаковыхъ процессуальныхъ формъ.

Единственное изъятіе, по тексту военно-судебнаго устава изд. 1900 г. гласитъ буквально слѣдующее:

«Ст. 1301. Коменданту осажденной непріятелемъ крѣпости или укрѣпленнаго мѣста, а равно начальнику отряда, *лишеннаго всякаго сообщенія съ прочими частями арміи*, при неимѣніи военнаго суда, предоставляется *въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства*, учреждать судъ *на общихъ основаніяхъ*, установленныхъ выше для временныхъ судовъ, съ возложеніемъ обязанностей чиновъ военно-судебнаго вѣдомства на офицеровъ отъ войскъ. При неимѣніи же въ отрядѣ или крѣпости достаточнаго числа соотвѣтствующихъ офицеровъ для составленія суда на общихъ основаніяхъ, коменданту или начальнику отряда предоставляется дѣлать отступленіе отъ общихъ правилъ, по своему усмотрѣнію и подъ личною отвѣтственностью».

Согласно этому изъятію, начальниками отрядовъ, допустимъ,

даже поручиками и ротмистрами, въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ, могутъ быть учреждаемы суды безъ участія чиновъ военно-судебнаго вѣдомства и, по второй части ст. 1301, вовсе произвольные по составу. Но, во-первыхъ, для этого отрядъ долженъ быть лишенъ «всякаго сообщенія съ прочими частями арміи»; во-вторыхъ, произвольность можетъ касаться исключительно состава суда, а не условій и порядка производства имъ дѣлъ, ибо цитируемый законъ находится въ отдѣлѣ о судоустройствѣ, *въ отдѣлѣ же о судопроизводствѣ никакихъ особыхъ правилъ для такихъ произвольныхъ судовъ не постановлено.*

21 января 1906 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы ст. 1301 изложить въ измѣненной, слѣдующей редакціи:

«Коменданту осажденной непріятелемъ крѣпости или укрѣпленнаго мѣста, а равно и *начальнику отряда*, при неимѣніи военнаго суда и невозможности командированія таковаго въ отрядъ, *вслѣдствіе перерыва сообщенія съ прочими частями арміи или по инымъ причинамъ,* предоставляется въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, учреждать судъ на общихъ основаніяхъ, установленныхъ выше для временныхъ военныхъ судовъ, съ возложеніемъ обязанностей чиновъ военно-судебнаго вѣдомства на офицеровъ отъ войскъ. При неимѣніи же въ отрядѣ или крѣпости достаточнаго числа соотвѣтствующихъ офицеровъ для составленія суда на общихъ основаніяхъ, коменданту или начальнику отряда предоставляется, *при перерывѣ сообщеній*, дѣлать отступленія отъ общихъ правилъ по своему усмотрѣнію и подъ личною отвѣтственностью.

Такимъ образомъ, условіями предоставленія права начальнику отряда возлагать обязанности чиновъ военно-судебнаго вѣдомства на офицеровъ отъ войскъ съ 21 января служатъ не лишеніе отряда «всякаго сообщенія съ прочими частями арміи, при неимѣніи военнаго суда», а неимѣніе военнаго суда и невозможность командированія таковаго въ отрядъ, «вслѣдствіе перерыва сообщенія съ прочими частями арміи *или по инымъ причинамъ*». Но также, какъ и по отмѣненному тексту, это право оговорено «случаями, не терпящими отлагательства».

«Перерывъ сообщенія» былъ и остается главнымъ основаніемъ примѣненія изъятія. Неопредѣленное условіе: «или по инымъ причинамъ», внесенное въ первую часть, относится исключительно

къ невозможности командированія военнаго суда, т.-е. къ такому обстоятельству, которое до сего времени нигдѣ при разстрѣлахъ не имѣло мѣста. Въ Москвѣ, въ Варшавѣ и Тифлисѣ существуютъ постоянные воннно-окружные суды. Временный военный судъ для Прибалтійскаго края открытъ въ Ригѣ и приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей. Ничто не препятствовало открыть его (выѣздное отдѣленіе виленскаго военно-окружнаго суда) двумя недѣлями раньше.

Всѣ судопроизводственныя правила въ четвертомъ раздѣлѣ военно-судебнаго устава, трактующемъ «о судѣ въ военное время», изложены въ формѣ дополненій къ нормальнымъ правиламъ мирнаго времени, которыя, на основаніи ст. 1279, «сохраняютъ свою силу и для военнаго времени», насколько онѣ не измѣнены.

Сохраняетъ силу поэтому и заглавная ст. 213:

«Никто изъ служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ»—тѣмъ болѣе, слѣдовательно, изъ лицъ частныхъ, подсудныхъ военному суду въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, — «не можетъ подлежать судебному преслѣдованію за преступленіе или проступокъ, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами сего устава».

Суду должно предшествовать если не предварительное слѣдствіе, то во всякомъ случаѣ облеченное въ письменную форму дознаніе (ст. 1334). Затѣмъ — письменное же заключеніе военно-прокурорскаго надзора, преданіе суду (ст. 562 и 1355) и внесеніе въ судъ обвинительнаго акта, въ которомъ должны быть означены: «1) событіе, заключающее въ себѣ признаки преступнаго дѣянія; 2) время и мѣсто совершенія сего дѣянія, насколько это извѣстно; 3) званіе, имя, отчество и фамилія или прозвище обвиняемаго, а равно команда или часть, гдѣ состоитъ онъ на службѣ; 4) сущность доказательствъ и уликъ, собранныхъ по дѣлу противъ обвиняемаго, и 5) опредѣленіе по закону: какому именно преступленію соотвѣтствуютъ признаки разсматриваемаго дѣянія» (ст. 713).

Далѣе слѣдуетъ обязательное врученіе подсудимому обвинительнаго акта и списка вызываемыхъ въ судъ лицъ, судей и прокурора и предоставленіе ему суточнаго срока на заявленіе о выборѣ или назначеніи защитника, о вызовѣ новыхъ свидѣтелей и объ отводѣ судей и прокурора (ст. 1379 и 1380).

Судебное разсмотрѣніе производится на общихъ для мирнаго

времени основаніяхъ, съ ограниченіями только въ отношеніи гласности и устности — и то не обязательными, а факультативными (ст. 1387—1390).

Судомъ немедленно по разсмотрѣніи дѣла должна быть вынесена письменная резолюція, а въ теченіе двухъ сутокъ затѣмъ долженъ быть изготовленъ подробный приговоръ (ст. 922 и 1393).

«Ст. 921. Въ резолюціи суда означаются: 1) годъ, мѣсяцъ и число, когда происходило судебное по дѣлу засѣданіе; 2) составъ присутствія; 3) званіе, имя, отчество, фамилія или прозвище и лѣта подсудимаго, а если ихъ нѣсколько, то каждаго изъ нихъ, и 4) сущность приговора».

«Ст. 931. Въ приговорѣ, сверхъ указаннаго въ резолюціи, означаются: 1) предметы обвиненія, выведенные въ обвинительномъ актѣ и въ жалобѣ частнаго обвинителя и въ заключительныхъ по судебному слѣдствію преніяхъ; 2) соображенія суда по предметамъ, относящимся до примѣненія законовъ, а заключеніе о винѣ или невиновности прописывается безъ указанія его основаній, и 3) подробное изложеніе, согласно съ разумомъ и словами закона, сущности приговора».

Приговоръ къ смертной казни, прежде приведенія въ исполненіе, долженъ быть представленъ на усмотрѣніе главнокомандующаго, или, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, на усмотрѣніе командующаго арміей, а въ случахъ, упомянутыхъ въ приведенной выше ст. 1301, коменданта или начальника отряда (ст. 1409).

Вотъ процессуальныя формы, безъ соблюденія которыхъ ни одно присужденіе къ смерти по закону не можетъ состояться. И нигдѣ въ дебряхъ приложеній къ своду законовъ и къ своду военныхъ постановленій нѣтъ никакихъ хотя бы временныхъ правилъ, допускающихъ отступленія отъ нихъ.

Въ Варшавѣ, какъ видно изъ телеграммъ, ссылаются на ст. 12 положенія о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи. Она гласитъ:

«Если въ мѣстности, объявленной на военномъ положеніи, будетъ признано необходимымъ, для охраненія государственнаго порядка или успѣха веденія войны, принять такую чрезвычайную мѣру, которая не предусмотрѣна въ семъ положеніи, то главнокомандующій, непосредственно или по представленію командую-

щаго арміей, дѣлаетъ распоряженіе о принятіи сей мѣры собственною властью, донося о томъ Государю Императору».

Ни въ Варшавѣ, ни въ Москвѣ, ни въ Сибири, ни въ Прибалтійскомъ краѣ нѣтъ лицъ, въ законномъ порядкѣ облеченныхъ званіемъ и правами главнокомандующаго. Уже одно это обстоятельство дѣлаетъ ссылку абсолютно ничтожной.

Гдѣ законъ, на основаніи котораго разстрѣливаютъ «агитаторовъ», за приготовленіе и храненіе взрывчатыхъ снарядовъ, за браконьерство, за вымогательство?

Его не существуетъ.

Въ мѣстностяхъ, состоящихъ на военномъ положеніи, сохраняютъ силу и дѣйствіе опредѣленія общаго или военнаго уголовныхъ кодексовъ, поскольку они не измѣнены въ спеціальныхъ правилахъ.

Эти спеціальныя правила назначаютъ смертную казнь за слѣдующія преступныя дѣянія:

«1) За бунтъ противъ верховной власти и государственную измѣну; 2) за умышленный поджогъ или иное умышленное истребленіе, либо приведеніе въ негодность предметовъ воинскаго снаряженія и вооруженія и вообще всего принадлежащаго къ средствамъ нападенія или защиты, а также запасовъ продовольствія и фуража; 3) за умышленное истребленіе или важное поврежденіе, въ районѣ театра войны, водопроводовъ, мостовъ, плотинъ, гатей, шлюзовъ, водоспусковъ, колодцевъ, дорогъ, бродовъ или иныхъ средствъ, назначенныхъ для передвиженія, переправы, судоходства, предупрежденія наводненій, или необходимыхъ для снабженія водою; 4) за умышленное истребленіе или важное поврежденіе служащихъ тамъ же для правительственнаго пользованія: а) телеграфнаго, телефоннаго или иного снаряда, употребляемаго для передачи извѣстій, и б) желѣзнодорожнаго пути, подвижного состава онаго или предостерегательныхъ знаковъ, установленныхъ для безопасности желѣзнодорожнаго движенія или судоходства, и 5) за нападеніе на часового или военный караулъ, за вооруженное сопротивленіе военному караулу или чинамъ военной и гражданской полиціи, а равно за убійство часового или чиновъ караула и полиціи» (ст. 17).

Сверхъ того, смертная казнь можетъ быть назначаема:

«Лицамъ, виновнымъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ или нападеніи на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще

должностныхъ лицъ, при исполненіи обязанностей службы или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ, или поджогомъ» (ст. 20).

Во всѣхъ прочихъ случаяхъ назначеніе смертной казни составляетъ преступное убійство.

Статья 90 воинскаго устава о наказаніяхъ предоставляетъ главнокомандующему, лицамъ, пользующимся равною съ нимъ властью, и коменданту или начальнику осажденной крѣпости, укрѣпленія или города, въ военное время, въ случаѣ чрезмѣрнаго увеличенія какихъ-либо преступленій или проступковъ, право усиливать временно строгость наказаній, въ законѣ положенныхъ, — т.-е. самовольно повышать уголовную репрессію дѣяній, объявленныхъ закономъ преступными, но *«не доводя только усиленія до назначенія смертной казни»* (законъ 11 ноября 1899 г.).

Гдѣ законъ, на основаніи котораго разстрѣливаютъ несовершеннолѣтнихъ за государственныя преступленія?

Отвѣтственность за государственныя преступленія съ іюня 1904 года должна опредѣляться по новому уголовному уложенію, согласно ст. 55 и 57 коего никто изъ недостигшихъ совершеннолѣтія не можетъ быть присужденъ къ смертной казни.

Разстрѣлы безъ суда или по приговору фантастичныхъ «полевыхъ» судовъ, разстрѣлы за то, что или непреступно вовсе, или не обложено закономъ смертной казнью, — напрасно называютъ превышеніемъ власти. И формально они не подходятъ подъ это понятіе. Глава пятая воинскаго устава о наказаніяхъ, предусматривая, какъ особые виды превышенія власти: употребленіе, «при исполненіи обязанностей службы», истязаній и жестокостей (ст. 149) и причиненіе, «безъ явной необходимости», ранъ или тяжкихъ побоевъ или увѣчья (ст. 150), и не упоминая вовсе о причиненіи, при исполненіи служебныхъ обязанностей, смерти — тѣмъ самымъ исключаетъ причиненіе смерти военнымъ начальникомъ изъ числа дѣяній, относимыхъ къ превышенію власти.

А потому не можетъ имѣть примѣненія къ разстрѣламъ безъ суда п. 2 ст. 143, гласящій, что не почитается наказуемымъ превышеніемъ власти:

«Когда военный начальникъ, или иное должностное лицо, въ какихъ либо чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, возьметъ на свою

отвѣтственность принятіе также чрезвычайной, болѣе или менѣе рѣшительной, мѣры, и потомъ докажетъ, что оная, въ видахъ государственной пользы, была необходима, или что по настоятельности дѣла онъ не могъ, безъ видимой опасности или вреда для службы, отложить принятіе сей мѣры до высшаго на то разрѣшенія».

Разстрѣлы безъ суда—предумышленныя убійства, за которыя въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, для всѣхъ и каждаго положено: лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертная казнь. А для военнослужащихъ положено, такъ сказать, вдвойнѣ, ибо усиленная репрессія имѣетъ въ виду, чтобы именно они при условіяхъ военной обстановки строго соблюдали законъ. Кто разстрѣливаетъ — убійцы. Кто приказываетъ разстрѣливать — подстрекатели убійства.

Статья 277 воинск. устава устраняетъ отвѣтственность за «смертоубійство», бывшее послѣдствіемъ употребленія оружія воинскими чинами, призванными для содѣйствія гражданскому начальству, лишь тогда, когда смертоубійство совершено «при точномъ исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей и безъ всякаго отступленія отъ установленныхъ на сей предметъ правилъ».

Войска для того и посылаются, чтобы стрѣлять въ революціонеровъ. Стрѣлять — слѣдовательно, и лишать жизни. Но роль палача надъ обезоруженнымъ — бывшимъ революціонеромъ и съ момента захвата ставшимъ простымъ преступникомъ—роль палача, который самъ же приговариваетъ къ смерти, недостойна войска.

Въ смертной казни всего ужаснѣе ея безповоротность и непоправимость ошибки.

Въ Голутвинѣ искали, нашли, арестовали и разстрѣляли Стопчука. Да, задержанный и разстрѣлянный былъ Стопчукъ... только не тотъ, а другой. Тоже — Сапожкова: искали Николая, разстрѣляли Александра...

«Печальное недоразумѣніе»! Нѣтъ, преступное убійство безъ разбора—тѣмъ, кто не имѣетъ права ни судить, ни наказывать смертью...

Нѐ каръ на головы убивающихъ мы требуемъ. Мы требуемъ не мести, не крови. Общество въ правѣ требовать торжества закона и прекращенія беззаконія...

«Русь» 29 января 1906 г., № 13.

За мѣсяцъ.

1 февраля 1906.

Памятная годовщина. — Идейное значеніе событій 9-го января 1905 г. въ Петербургѣ.—Личныя воспоминанія.—Петиція рабочихъ.—Георгій Гапонъ.— Арестъ «временнаго правительства».—Смѣна общественнаго настроенія.— Характерные показатели. — Что поддерживаетъ революціонное настроеніе въ обществѣ?—Несостоявшееся тверское земское собраніе.—Новая народная газета.

---

9 января 1905 года — день для Россіи историческій. Мало равныхъ ему по значенію дней было въ прошломъ; немного будетъ, навѣрное, и въ будущемъ. Не пролитой кровью онъ будетъ долго памятенъ. Не числомъ жертвъ—убитыхъ, раненыхъ и избитыхъ. Не тѣмъ даже, что войска стрѣляли въ безоружныхъ. Кровавыхъ дней минувшій годъ подарилъ намъ множество. Число жертвъ бакинскихъ событій, октябрьскихъ дней въ Одессѣ, Томскѣ и въ рядѣ другихъ городовъ—и декабрьской недѣли въ Москвѣ, не говоря уже о Прибалтійскомъ краѣ, далеко превзошло количество погибшихъ и пострадавшихъ 9-го января на улицахъ Петербурга. Стрѣльба въ безоружныхъ много разъ потомъ повторялась.

9-ое января — это былъ день критическій. Критическій — для пережившей себя формы государственнаго строя. Еще болѣе критическій для политическаго сознанія и вѣры народа въ лицѣ всего городского рабочаго класса. Въ этотъ день реально обнаружилось, что идея самодержавія порабощена полицейско-бюро-

кратическимъ режимомъ, что она въ немъ растворилась и исчезла. Въ этотъ день сотни тысячъ мистически настроенныхъ рабочихъ воочію убѣдились, что ихъ представленіе о царѣ, какъ полновластномъ источникѣ правды на землѣ и любви къ народу, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Ихъ вѣра въ царя—отца угнетенныхъ и обиженныхъ—поколебалась. Ихъ послѣдняя надежда—пробить непосредственнымъ обращеніемъ стѣну, вѣками выросшую между верховной властью и народомъ—рухнула. Въ ихъ сознаніи раскрылась вся безжизненность стародавняго противоположенія: царь и народъ—чиновники и «господа». 9-ое января оторвало рабочій классъ отъ царя и сблизило съ «господами»—не хозяевами фабрикъ и заводовъ, а съ такими же, какъ они, представителями труда, только труда интеллектуальнаго.

Въ первыхъ числахъ января прошлаго года Петербургъ узналъ впервые, что такое всеобщая забастовка. Одинъ за другимъ стали останавливаться заводы. Публика съ жадностью бросилась читать газеты, сообщавшія, что дѣлается на окраинахъ и какъ протекаетъ новое—теперь уже такое привычное—явленіе. На газетныхъ столбцахъ общество увидѣло мало кому извѣстное имя священника Георгія Гапона. Оно узнало, что въ Петербургѣ существуетъ крѣпко сплоченная рабочая организація—«общество фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ», имѣющее въ разныхъ частяхъ города одиннадцать отдѣленій. Оно съ удивленіемъ читало о собраніяхъ въ этихъ клубахъ для рабочихъ. Общее впечатлѣніе было самаго крайняго недоумѣнія. Было очевидно, что народилось что-то большое, грозное и важное. Но что именно и какъ—разобраться сразу было невозможно. Народилось—не въ студенчествѣ, не въ кругахъ интеллигенціи и вообще лицъ свободныхъ профессій—словомъ, не тамъ, откуда вышли въ свое время Крапоткинъ, Рысаковъ, Перовская, Каракозовъ и позже—Карповичъ, Сазоновъ, Балмашевъ. Народилось—въ той сѣрой массѣ окраиннаго городского населенія, отдѣльные лишь представители которой принимали участіе въ революціонныхъ вспышкахъ и иногда въ демонстраціяхъ—и то больше какъ любопытствующіе зрители, чѣмъ какъ активные дѣятели. Народилось—самостоятельно, безъ сторонней «преступной агитаціи»,—напротивъ, не то подъ покровительствомъ, не то съ вѣдома полицейскихъ агентовъ. Народилось—*и охватило многія* тысячи людей физическаго труда...

Кто слыхалъ про организацію среди рабочихъ, тотъ зналъ, что она—дѣло рукъ Зубатова и департамента полиціи. Извѣстно было, какъ въ Москвѣ, въ цѣляхъ борьбы съ революціей, устраивались собранія рабочихъ, на которыхъ имъ читались «благонамѣренныя» лекціи. Извѣстно было, что, переведенный въ Петербургъ, Зубатовъ энергично дѣйствовалъ въ томъ же направленіи и здѣсь, пока не попался въ какомъ-то злоупотребленіи. Въ памяти оставались депутаціи отъ рабочихъ, являвшіяся въ «Русское собраніе», и случаи обнаруженія между наиболѣе активными рабочими переодѣтыхъ полицейскихъ. Кто слыхалъ про священника Гапона, тотъ зналъ, что онъ — ставленникъ Зубатова, служилъ священникомъ въ пересыльной тюрьмѣ и имѣлъ близкія сношенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве. Невольно вставалъ неразрѣшимый вопросъ: какъ при всемогуществѣ полиціи и при ея руководительствѣ рабочія организаціи могли сдѣлаться революціонными, какъ могло революціонное въ нихъ движеніе развиться до полуполитической, полуэкономической всеобщей забастовки?.. Также какъ широкіе слои общества, недоумѣвали и газетные репортеры. По крайней мѣрѣ, недоумѣніе было общимъ тономъ ихъ отчетовъ. Рабочіе видимо всѣхъ постороннихъ чуждались, неохотно давали свѣдѣнія о своихъ желаніяхъ и намѣреніяхъ, неохотно пускали на свои собранія. Стремленія Зубатова и его вдохновителей отдѣлить рабочихъ отъ «крамолы» упали на благопріятную почву вѣкового недовѣрія къ «господамъ», и въ этомъ отношеніи имѣли очевидный успѣхъ.

Недолго обществу пришлось читать о ходѣ забастовки. Черезъ день или два послѣдовало циркулярное запрещеніе печатать о ней что бы то ни было. Еще черезъ день или два забастовали и газеты. 8-го января стало извѣстно, что на другой день, въ воскресенье, рабочіе всѣхъ фабрикъ собираются идти къ Зимнему дворцу, чтобы лично вручить Государю петицію о своихъ нуждахъ. Неопредѣленныя объявленія отъ градоначальника, появившіяся на углахъ улицъ, подтверждали, что дѣйствительно готовится грандіозная манифестація противъ Зимняго дворца.

Вечеромъ въ редакціи газеты «Наши Дни» собрались писатели, журналисты, нѣсколько профессоровъ, адвокатовъ и общественныхъ дѣятелей. Среди присутствовавшихъ былъ одинъ рабочій — представитель «общества фабричныхъ и заводскихъ ра-

бочихъ». Цѣлью собранія было выясненіе положенія и обсужденіе, что можно и должно сдѣлать, главнымъ образомъ, для предотвращенія ожидаемаго на завтра кровопролитія. Оказалось, что люди, до сихъ поръ бывавшіе, если не непосредственно, то идейно, во главѣ всякихъ демонстрацій, — изъ нихъ многіе еще недавно вернувшіеся изъ ссылки — изъ губерній отдаленныхъ, или изъ Ревеля, Новгорода, Бѣлоострова и Сестрорѣцка — освѣдомлены почти такъ же мало, какъ и рядовые обыватели. Чувствовалась въ нихъ растерянность. Чувствовались ихъ готовность и желаніе слиться съ рабочими... Представитель рабочихъ говорилъ отрывочно и немного. Въ его словахъ звучала непоколебимая преданность «батюшкѣ» и вѣра въ «батюшку». «Батюшка» рѣшилъ идти къ дворцу, «батюшка» не хочетъ, чтобы съ рабочими были посторонніе—и такъ будетъ. На фонѣ его категоричныхъ и краткихъ заявленій особенно ярко выступали расплывчатость рѣчей и явная непрактичность предложеній ораторовъ, непрерывно смѣнявшихъ одинъ другого. То предлагалось послать депутатовъ къ Гапону, условиться съ нимъ и дѣйствовать завтра совмѣстно. На это заявляли, что Гапонъ неизвѣстно гдѣ проводитъ вечеръ и ночь, и что онъ совмѣстныя дѣйствія съ кѣмъ бы то ни было постороннимъ отвергаетъ. То раздавалось, какъ что-то серьезное и могущее имѣть успѣхъ, требованіе немедленно всѣмъ ѣхать по казармамъ и убѣждать офицеровъ и солдать завтра въ толпу не стрѣлять. То, наконецъ, предлагалось немедленно же составить сообща свободный, не считающійся съ цензурой, номеръ газеты,—было даже придумано названіе,—напечатать его и черезъ посредство рабочихъ, которыхъ для этого «навѣрное» дастъ Гапонъ, распространить утромъ по городу въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ... Рѣшено было послать депутацію къ министру внутреннихъ дѣлъ, князю Святополкъ-Мирскому, и къ предсѣдателю комитета министровъ С. Ю. Витте. Но и предложеніе выпустить свободный газетный номеръ встрѣтило сочувственную поддержку большинства. А потому, когда въ числю депутатовъ былъ предложенъ одинъ талантливый «передовикъ», кто-то закричалъ: «нѣтъ, онъ долженъ остаться, онъ нуженъ для газеты».

Депутація уѣхала. Нѣсколько человѣкъ поѣхали, все-таки, искать Гапона. Оставшіеся принялись обсуждать вопросъ о газетѣ. Судили долго и скучно. Все прибывали новыя лица. Появились

иностранные корреспонденты. Вскорѣ вернулись ѣздившіе къ Гапону и сообщили, что видѣть его самого имъ не удалось, а тѣ изъ рабочихъ, которыхъ они видѣли, рѣшительно отказали, по полной безполезности затѣи, какъ поставить на работу наборщиковъ, такъ и командировать кого бы то ни было для разноски по городу газеты. Началось томительное ожиданіе возвращенія депутаціи. Разговоры естественно вертѣлись вокругъ завтрашнаго дня. Что рабочіе громадной массой, и отъ Нарвскихъ воротъ, и отъ Московскихъ, и отъ Шлиссельбургскаго тракта, и съ Выборгской, и съ Васильевскаго-Острова, пойдутъ въ назначенный часъ къ Зимнему дворцу—было несомнѣнно. Выйдетъ ли къ нимъ Государь, или манифестанты будутъ встрѣчены нагайками, шашками и пулями — еще копошилось сомнѣніе. Оно исчезло, когда депутаты повѣдали печальный исходъ ихъ миссіи. Министръ внутреннихъ дѣлъ депутаціи не принялъ. Его товарищъ заявилъ, что единственное средство предотвратить кровопролитіе—въ томъ, чтобы рабочіе отказались отъ ихъ намѣренія. Предсѣдатель комитета министровъ много говорилъ о своемъ безсиліи что-нибудь сдѣлать и чѣмъ-нибудь помочь. Ѣхать сейчасъ въ Царское и упрашивать Государя прибыть въ Зимній дворецъ и принять петицію рабочихъ—и мысли объ этомъ сановники не допускали. Кровь завтра будетъ неизбѣжно—съ этимъ ужаснымъ сознаніемъ всѣ оставили поздно ночью редакцію. Завтра—начало революціи. Что она дастъ? Въ чемъ выразится и во что выльется?..

Теперь извѣстно уже во всѣхъ подробностяхъ, какъ у Нарвскихъ воротъ раздался залпъ по процессіи съ хоругвями, образами и царскимъ портретомъ, какъ падали люди, какъ воздухъ огласился криками, стонами и мольбой. Извѣстно, что было въ теченіе всего дня на окраинахъ и въ центрѣ города. Извѣстно, какъ на рѣшеткѣ академическаго сквера послѣ залпа повисъ трупъ ребенка-мальчика безъ головы... Не будемъ перечислять всѣхъ ужасовъ... Возобновимъ въ памяти наши личныя впечатлѣнія.

Около часа дня Морская была почти пуста. Черезъ арку на площадь, хотя съ разборомъ, но пускали. Вокругъ дворца стоялъ павловскій полкъ. Одна рота того же полка и эскадронъ конно-

гвардейцевъ расположились фронтомъ къ Адмиралтейскому проспекту. Эскадронъ кавалергардовъ — фронтомъ къ Пѣвческому мосту. Ружья еще были составлены въ козлы. Спѣшенные кавалеристы держали лошадей въ поводу. По площади лихо гарцовалъ молодой пѣхотный офицеръ. По Адмиралтейскому проспекту, за Невскимъ, виднѣлось движущееся море людской толпы. То же — за Пѣвческимъ мостомъ. На рѣшеткѣ Александровскаго сада и на деревьяхъ чернѣли фигуры, больше подростки и дѣти... Вотъ отъ толпы отдѣлилось нѣсколько людей. Ихъ схватили и ведутъ черезъ площадь къ воротамъ дворца. Малорослые, тщедушные мастеровые, въ потертыхъ пальто съ мерлушковыми воротниками, и вокругъ каждаго четыре-пять гвардейцевъ великановъ съ ружьями на перевѣсъ и штыками, обращенными къ «бунтовщику»... Команда: «садись!»—«въ ружье!» «Палаши вонъ!»— командуетъ ротмистръ. Лязгъ тяжелыхъ палашей, и эскадронъ широкимъ галопомъ несется на толпу. Толпа дрогнула, повернула. Солдаты врѣзались въ нее... Эскадронъ вернулся. Толпа опять растетъ и приближается. Выходитъ рота. Сигналъ на рожкѣ. Ружья подняты... Команда — и противный сухой короткій звукъ ружейнаго залпа прорѣзалъ тишину. За первымъ залпомъ второй... У Пѣвческаго моста въ это время кавалергарды шли въ атаку... Черезъ часъ или два мы были на Гороховой и видѣли злобные глаза толпы, смотрѣвшей на ѣхавшаго въ саняхъ офицера. Одинъ рабочій даже бросился за санями. Потомъ—на Невскомъ слышали залпы отъ Полицейскаго моста...

Вечеромъ и ночью погруженный во мракъ городъ освѣщался кострами, у которыхъ грѣлись солдаты. Повсюду стояли военные заставы и караулы, ходили и ѣздили патрули... Въ «вольно-экономическомъ обществѣ» происходило многолюдное собраніе. Какъ и вчера, потребность переговорить, условиться и какъ-нибудь выйти изъ невыносимаго положенія зрителей совершающагося собрала не одну сотню людей. Прибавилась еще потребность подѣлиться жгучими впечатлѣніями дня. Опять были страстные, но безсодержательные разговоры. На собраніи присутствовалъ Георгій Гапонъ. Онъ пріѣхалъ переодѣтый, съ обстриженной головой и бородой, и не выдалъ своего инкогнито. Узнать его въ лицо никто не могъ — для собравшихся онъ былъ чужой человѣкъ иного міра. Только много времени спустя стало извѣстно, что

9-го января вечеромъ онъ былъ въ вольно-экономическомъ обществѣ. Тогда же его присутствіе, кромѣ развѣ немногихъ посвященныхъ въ тайну лицъ, прошло незамѣтно.

Фактъ появленія Гапона, и именно 9-го января, въ среду, которой онъ еще наканунѣ такъ упорно чуждался, былъ чрезвычайно знаменателенъ. Теперь, годъ спустя, этотъ фактъ выясняется во всемъ своемъ значеніи. Движеніе рабочихъ, которое, по мысли Гапона, должно было разрѣшиться идейнымъ сліяніемъ царя съ народомъ на Дворцовой площади, не было только отдѣльнымъ моментомъ общаго освободительнаго движенія, охватившаго Россію за три-четыре мѣсяца передъ тѣмъ. Нѣтъ, оно было явленіемъ самостоятельнымъ, и эту самостоятельность Гапонъ ревниво оберегалъ. «Мы идемъ къ Тебѣ, Государь,—такъ начиналась петиція, — мы всѣ рабочіе и жители Петербурга, съ нашими женами, дѣтьми, отцами и матерями, идемъ къ Тебѣ просить правды и защиты. Мы бѣдны, забиты, обременены непосильнымъ трудомъ. Насъ оскорбляютъ, обращаются съ нами не какъ съ людьми, но какъ съ рабами, которые должны молча терпѣть самую жестокую участь. Много ужъ мы терпѣли и со дня на день все глубже и глубже становится наше паденіе. У насъ нѣтъ правъ, намъ не даютъ образованія, насъ душатъ насиліемъ и несправедливостью. Мы пропадаемъ, мы обезсилены». Въ дальнѣйшемъ изложеніи приводились, правда, просьбы и политическаго характера. Но черезъ всю петицію красной нитью проводилось, что пришли и просимъ *мы*. *Мы* — рабочіе, *мы*—Твой народъ, въ смыслѣ низшихъ слоевъ населенія. «Мы собрались передъ Твоимъ дворцомъ и просимъ: спаси насъ, не отказывай въ помощи Твоему народу, помоги ему разорвать путы безправія, нищеты и невѣжества, освободи его отъ невыносимаго гнета чиновниковъ. Разрушь стѣну, отдѣляющую Тебя отъ народа, чтобы онъ могъ вмѣстѣ съ Тобой управлять государствомъ, созданнымъ для счастья народнаго, того счастья, которое вырываютъ отъ насъ, оставляя на нашу долю только муки и униженіе».

Во всѣхъ этихъ словахъ ясно слышалось стремленіе обособить себя и свои дѣйствія отъ революціонныхъ элементовъ, въ обычномъ о нихъ у насъ представленіи, и отъ ихъ дѣйствій. Петиція заключала въ себѣ славянофильскую ноту, но не въ теоретической конструкціи доктрины, а въ той формулировкѣ, въ

которой представленіе о царѣ живетъ въ сознаніи крестьянства и жило до 9-го января въ сознаніи городскихъ рабочихъ. «Если Ты не отвѣтишь на нашу просьбу—говорилось въ заключеніе,—тогда мы умремъ на этой площади, передъ Твоимъ дворцомъ. Намъ больше некуда идти, и передъ нами только двѣ дороги: одна ведетъ къ свободѣ и къ счастью, другая—въ могилу. Укажи, Царь, какимъ путемъ намъ идти, и мы пойдемъ, хотя бы онъ привелъ насъ къ могилѣ. Пусть наша жертва спасетъ измученную Россію. Мы, не колеблясь, принесемъ эту добровольную жертву».

Поголовная смерть всѣхъ рабочихъ Петербурга была, конечно, риторической фигурой. Человѣкъ не легко умираетъ. Пока въ немъ теплится хоть искра жизни, онъ живетъ и хочетъ жить. Для рабочихъ нашлась третья дорога. Георгій Гапонъ, душа движенія и его олицетвореніе, разорвалъ съ прошлымъ, скинулъ санъ, снялъ рясу... и пришелъ въ «вольно-экономическое общество».

Въ учебникахъ исторіи любятъ гадать на тему: «если бы, то» и т. д. Что было бы, если бы Государь 9-го января вышелъ на площадь передъ дворцомъ и принялъ петицію? — Отвѣтить съ увѣренностью конечно нельзя. Во всякомъ случаѣ, было бы не то, что происходило въ теченіе 1905 года. Событія несомнѣнно пошли бы по иному пути. Быть можетъ, надолго бы отсрочился манифестъ 17-го октября... Была ли бы обезпечена въ тотъ день личная неприкосновенность Государя? Съ абсолютной увѣренностью говоримъ: да! Утверждать противное, какъ это дѣлали высшіе представители власти, могли только тѣ, кто привыкли на все и на всѣхъ смотрѣть сквозь бумажную призму оффиціальныхъ донесеній и за нею не видѣть и не понимать самой простой человѣческой психологіи. Рабочіе боготворили царя, когда шли ко дворцу. Они были въ состояніи религіознаго экстаза. Они искренно вѣрили тогда, что имъ «больше некуда идти»...

Гапонъ — единственно крупное самобытное имя, которое создала русская революція. Послѣ 9-го января онъ эмигрировалъ за границу и, какъ писалось въ газетахъ, сталъ соціалъ-демократомъ. Въ октябрѣ или ноябрѣ онъ снова былъ въ Петербургѣ, но не остался, а уѣхалъ. Гапону теперь въ Россіи дѣла нѣтъ—это видно изъ его писемъ. Въ немъ, все-таки, живъ священникъ русской деревни. Онъ вынужденъ былъ разорвать съ прошлымъ,

но духовно переродиться въ одинъ день онъ оказался не въ силахъ. Такъ и изъ сознанія передовыхъ рядовъ крестьянства—фабричныхъ рабочихъ—не исчезъ идеалъ царя. 9-го января для нихъ началось сближеніе съ «господами». Завершится оно нескоро...

Въ ночь съ 10-го на 11-ое января были произведены обыски у депутатовъ, ѣздившихъ изъ редакціи «Нашихъ Дней» къ князю Святополкъ-Мирскому и къ С. Ю. Витте. Обысканныхъ немедленно увезли въ Петропавловскую крѣпость. Въ ихъ лицѣ было арестовано «временное правительство». Большей несообразности, чѣмъ это арестованіе журналистовъ, ученыхъ и адвокатовъ, какъ «временнаго правительства», неизвѣстно кѣмъ, когда и для чего образованнаго, невозможно было себѣ представить. Полиція имъ обнаружила изумительную неосвѣдомленность и непростительное непониманіе обстоятельствъ. Захватить депутатовъ было болѣе чѣмъ просто — при выходѣ отъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ они всѣ оставили свои визитныя карточки. Никому только въ голову не пришло, что члены «временнаго правительства» такъ не поступили бы. Никто не подумалъ, что нѣтъ ничего общаго между просьбой предотвратить кровопролитіе и руководительствомъ активнымъ революціоннымъ дѣйствіемъ, каковымъ министры считали шествіе и манифестацію рабочихъ. Люди, которыхъ манифестанты чуждались, которые стремились раскрыть глаза правительству на истинное значеніе и на размѣры готовившагося событія, люди, которые неизмѣримо далеко стояли отъ офиціозныхъ рабочихъ организацій, гдѣ зародилась, выросла и окрѣпла мысль придти съ петиціей къ Государю,—оказались сочтенными властью, когда событіе совершилось, его вдохновителями и виновниками. Для каждаго простого смертнаго одинъ перечень именъ арестованныхъ показывалъ всю несообразность ихъ ареста. А для власти потребовались недѣли заключенія и безконечные допросы, чтобы формально разсѣять миражъ, созданный растерянностью и испуганнымъ воображеніемъ.

Кстати—курьезъ, до сихъ поръ, кажется, еще не появлявшійся въ печати. У одного изъ арестованныхъ, бывшаго профессора университета, былъ найденъ при обыскѣ на столѣ «документъ»: записка отъ профессора Б., приглашавшая придти вечеромъ черезъ нѣсколько дней. Арестованнаго, по поводу записки, конечно не *спросили—«документъ»* давалъ нить къ раскрытію всей крамолы.

Въ дѣйствительности же дѣло было самое простое и ничуть не преступное. На 12-ое января предполагался обѣдъ въ честь полуторастолѣтней годовщины московскаго университета: устроители отмѣнили обѣдъ, и г. Б. пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ записавшихся, чтобы порѣшить, какъ быть съ собранными деньгами и съ сдѣланными заказами. Въ числѣ прочихъ онъ послалъ записку и арестованному члену «временнаго правительства». Ничего не зная о захватѣ «документа», приглашенные въ назначенные день и часъ собрались. Вдругъ дверь распахнулась, и на порогѣ комнаты показался полицейскій приставъ, за нимъ помощники его, околоточные и цѣлый отрядъ городовыхъ и дворниковъ. Раздалось внушительно-вѣжливое: «прошу всѣхъ остаться на мѣстахъ, я долженъ переписать присутствующихъ и произвести обыскъ; гдѣ хозяинъ?» Сконфуженный хозяинъ подошелъ. Принесли столъ, за который сѣли приставъ и его помощники. Городовые, съ видомъ людей, готовыхъ каждую минуту броситься на того, кто станетъ оказывать малѣйшее сопротивленіе, заняли выходы. Мысль о бомбахъ, явно тревожившая ихъ въ первую минуту, скоро, однако, повидимому, перестала имъ давить на мозгъ. Начался опросъ. Первый назвалъ себя: «тайный совѣтникъ, академикъ».. Послѣ строгаго внушенія, что надо говорить, какой академіи академикъ,—приставъ спросилъ второго. Отвѣтъ: «дѣйствительный статскій совѣтникъ, профессоръ». Ни одного, кажется, изъ присутствующихъ не оказалось въ рангѣ ниже статскаго совѣтника. И все-таки былъ составленъ протоколъ, въ который занесли, что въ комнатѣ три окна и двѣ двери, и что въ ней было обнаружено двадцать-три человѣка, сидѣвшихъ на диванахъ, креслахъ и стульяхъ по стѣнамъ и около столовъ. Послѣ составленія протокола, почтенный старикъ-ученый съ трудно скрываемымъ волненіемъ напрасно спрашивалъ пристава: «чѣмъ мы можемъ оградить себя на будущее время отъ вашего появленія?» Отвѣта онъ не получилъ.

Въ теченіе чуть не всего минувшаго года ходили слухи, что первая годовщина 9 января будетъ отмѣчена во всей Россіи событіями исключительной важности. Послѣ отмѣны революціонными *организаціями вооруженной* демонстраціи, предполагавшейся къ

концѣ октября, прямо говорилось, что именно къ этому дню готовятся боевыя дружины, чтобы нанести послѣдній рѣшительный ударъ правительству. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не произошло. Представители, уполномоченные восемью организаціями, отказались отъ бурнаго ознаменованія годовщины и объявили на 9-е января только «всеобщій трауръ». Но и это ихъ объявленіе не имѣло успѣха. По крайней мѣрѣ, въ уличной жизни Петербурга—«трауръ» не бросался въ глаза. Магазины торговали, часть фабрикъ не работала, другая работъ не прерывала. Почему долгія ожиданія не сбылись и предположенія не оправдались? Отвѣтъ, думаемъ, простъ. Историческія событія по заказу не совершаются. Одно воспоминаніе о прошломъ фактѣ, какъ бы оно ни было интенсивно, еще не можетъ создать всего того, что необходимо для духовнаго подъема массъ населенія на большую высоту, безъ чего невозможно направить ихъ ни на какія дѣйствія. Новый годъ засталъ настроеніе всѣхъ слоевъ общества, не исключая рабочихъ, на нисходящей вѣтви революціонной волны.

Признаки подготовлявшейся смѣны настроенія чувствовались уже съ ноября. Движеніе пошло послѣ 17-го октября слишкомъ ускореннымъ темпомъ для того, чтобы не вызвать въ обществѣ естественнаго утомленія и его результата—реакціи. Какъ нервное напряженіе отдѣльнаго человѣка имѣетъ предѣлъ, за которымъ наступаетъ потребность въ отдыхѣ во что бы то ни стало, такъ и общество—коллективный человѣкъ—не можетъ долго жить съ натянутыми нервами. Всего хуже для него несбывшіяся ожиданія. Нѣтъ большей ошибки, какъ вызывать усилія массъ на то, что недостижимо. Чѣмъ шире и глубже цѣль, тѣмъ вѣрнѣе можно вызвать массу на усиліе—это правда. Но если цѣль поставлена чрезмѣрно широко, если, идя въ бой, боецъ переоцѣнилъ свои силы и недооцѣнилъ силъ противника, и цѣль потому осталась недостигнутой, то масса теряетъ вѣру даже въ правоту дѣла. Нельзя было говорить рабочимъ: «бастуйте, пока не будетъ созвано учредительное собраніе на основѣ всеобщаго и т. д. голосованія и пока не будетъ введенъ восьмичасовой рабочій день». Это была грубѣйшая ошибка. Ибо объективная оцѣнка обстоятельствъ показывала, что ни учредительнаго собранія со всей полнотою власти, ни установленія восьмичасовой нормы рабочаго дня,—революціи добиться въ теченіе нѣсколькихъ дней не удастся.

А это говорилось и говорилось не разъ. Потомъ торжественно объявлялось, что хотя и т. д., но, все-таки, «мы» побѣдили, или приблизились къ побѣдѣ. Объявлялись слова, которыя утѣшить, пожалуй, способны, и то болѣе авторовъ, чѣмъ тѣхъ, къ кому ихъ обращаютъ, но изгладить значеніе факта—никогда. Съ другой стороны, на общественное настроеніе не могли не подѣйствовать явные эксцессы революціи, вродѣ почтово-телеграфной забастовки, попытки подорвать народный кредитъ, вовлеченія въ борьбу среднихъ учебныхъ заведеній и, наконецъ, самаго крупнаго и въ то же время самаго ужаснаго эксцесса — московскаго вооруженнаго возстанія.

Характернымъ показателемъ наступившаго колебанія въ отношеніяхъ общества къ революціи, со склонностью перемѣщенія симпатій слѣва направо, служитъ измѣнившійся тонъ реакціонной прессы. Нельзя не признать, что манифестъ 17-го октября поставилъ такія газеты, какъ «Московскія Вѣдомости» и «Гражданинъ», въ крайне тяжелое положеніе. Все содержаніе ихъ credo, въ сущности, всегда исчерпывалось вѣрноподданническимъ долгомъ не допускающаго разсужденій повиновенія. У нихъ не было лучшаго оружія противъ враговъ, какъ раскрытіе неповиновенія или хотя бы неискренности въ повиновеніи. Имъ онѣ боролись, побѣждали—и благодаря своей «беззавѣтной» преданности торжествовали. И вдругъ не только «виды правительства» перемѣнились, нѣтъ—съ высоты самого престола раздалась непреклонная воля: «даровать незыблемыя основы гражданской свободы» и «установить, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы». Подчиниться этой волѣ или не подчиниться было для нихъ одинаково равносильно полному отказу отъ всего, что ими писалось и твердилось много лѣтъ. Подчиненіе означало бы прямой отказъ отъ credo. Неподчиненіе — то же самое. Даже болѣе: если бы «Московскія Вѣдомости» и «Гражданинъ» открыто заявили себя противниками новаго государственнаго строя, они бы вырвали изъ-подъ своихъ ногъ единственную опору. Строго говоря, имъ ничего не оставалось другого, какъ умереть. Такъ и поступилъ князь Мещерскій съ «Гражданиномъ». Газета прекратилась, и взамѣнъ ея стали выходить личные дневники издателя. Мы далеки отъ мысли утверждать, что послѣ 17-го октября въ Россіи не осталось мѣста для реакціонной пе-

чати. Во Франціи и болѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ революціи не мало сторонниковъ монархическаго абсолютизма, все еще не покидающихъ мечты о реставраціи, и не мало исповѣдующихъ монархическія начала газетъ. Было бы странно, еслибы у насъ сразу вымерли всѣ реакціонеры. Но ихъ роль перемѣнилась. Реакціонерамъ въ духѣ «Московскихъ Вѣдомостей», по содержанію ихъ воззрѣній, теперь мѣсто въ оппозиціи, и вѣрноподданническій долгъ уже не можетъ лежать на основѣ ихъ политической аргументаціи. На смѣну прежнихъ реакціонныхъ газетъ должны народиться новыя — оппозиціонно-реакціонныя. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы говоримъ.

Переходъ въ оппозиціонный лагерь, конечно, сопряженъ съ потерей выгодной позиціи. А потому реакціонная печать, пользуясь минутой смѣны настроенія въ обществѣ и открытаго возврата къ старымъ способамъ дѣйствій въ правительствѣ, изощряетъ всѣ силы остроумія, чтобы словами затемнить категоричный и ясный смыслъ манифеста 17-го октября, и доказать, что въ этотъ день ничего особеннаго не произошло. Манифестъ носитъ обычный заголовокъ и изданъ «самодержцемъ». Слѣдовательно, ни о какой перемѣнѣ формы государственнаго строя въ немъ не можетъ быть рѣчи и нѣтъ. Такова маловразумительная логика.

Не менѣе, чѣмъ тонъ газетъ, измѣнился тонъ иныхъ заявленій, идущихъ изъ реакціонной среды. 1-го декабря, въ Царскомъ Селѣ, Государю представлялись депутаціи отъ союза русскихъ людей, отъ монархической партіи, отъ союза землевладѣльцевъ, отъ общества хоругвеносцевъ и добровольной охраны, отъ совѣта редакціи журнала «Русское Крестьянство», отъ общества крестьянъ села Воробьевы-Горы подъ Москвой и синодальный миссіонеръ. Хотя «при выходѣ Государя Императора въ залъ всѣ депутаціи привѣтствовали Его Величество земнымъ поклономъ», т.-е. едва ли не намѣренно употребили вообще не требуемую придворнымъ этикетомъ форму привѣтствія, однако оба изъ опубликованныхъ ихъ адресовъ носили сдержанный характеръ и показывали, что, быть можетъ «скрѣпя сердце», но депутаціи, все-таки, и понимаютъ, и принимаютъ манифестъ 17 октября въ его истинномъ смыслѣ. «Воля Твоя для насъ, коренныхъ русскихъ людей, священна. Ей мы покоряемся. За

Тобой пойдемъ, куда повелишь». Такъ начинался адресъ союза русскихъ людей. И эта вступительная фраза умаляла силу ссылки на «великія начала свободы народной, Тобой провозвѣщенныя манифестомъ отъ 26 февраля 1903 г.» (не 17 октября и даже не 12 декабря 1904 г.). Также она умаляла силу просительнаго пункта: «созови великій земскій соборъ въ Москвѣ», «путемъ существующихъ сословныхъ выборныхъ учрежденій». Адресъ союза землевладѣльцевъ, носившій явный отпечатокъ впечатлѣнія только-что пережитыхъ погромовъ, не шелъ далѣе просьбъ о «безпощадной карѣ злоумышленниковъ, а въ особенности ихъ вожаковъ и сановныхъ попустителей всякаго ранга», объ увольненіи министерства графа Витте и о призывѣ «иныхъ исполнителей Твоей монаршей воли». Въ видѣ неяснаго намека только, безъ дальнѣйшаго развитія мысли, было сказано, что «манифестъ 17 октября возбудилъ во всѣхъ слояхъ преданнаго Тебѣ населенія существенное сомнѣніе относительно неприкосновенности исконной русской самодержавной неограниченной власти». И въ отвѣтъ Государемъ Императоромъ было сказано: «Не сомнѣваюсь, что вы пойдете не по иному, какъ только по предначертанному мною пути; поэтому и призываю васъ передать всѣмъ любящимъ дорогую нашу родину, что манифестъ, данный мною 17 октября, есть полное и убѣжденное выраженіе моей непреклонной воли и актъ, не подлежащій измѣненію»... 23-го декабря тамъ же представлялась коммиссія отъ «союза русскаго народа», состоявшая изъ 23 лицъ. Къ сожалѣнію, отчетъ объ этомъ пріемѣ не былъ оффиціально опубликованъ, и мы лишены возможности воспроизвести сущность адресовъ и устныхъ рѣчей. Но почти всѣ газеты воспользовались нарушеніемъ цензурныхъ правилъ органомъ «союза», газетой «Объединеніе», и отчетъ читателямъ навѣрное извѣстенъ. Вспомните, что̀ читалъ г. Дубровинъ, что говорили гг. Майковъ, Булацель, Барановъ, Борисовъ и другіе! Что говорили они не обиняками и не намеками и къ чему взывали! Даже со стороны кн. Мещерскаго нѣкоторыя рѣчи встрѣтили рѣзкое осужденіе...

Сколько дней или мѣсяцевъ продлится реакція въ обществѣ?— Мыслимо ли отвѣтить на этотъ вопросъ! Близится весна, ожив-

леніе природы послѣ зимняго сна, начало полевыхъ работъ и посѣва — и что весна принесетъ деревнѣ, неизвѣстно. Близятся выборы — дѣло новое, невѣдомое — и какъ они пройдутъ, тоже неизвѣстно. А приподнять завѣсу надъ предстоящимъ хочется до боли...

Не страшна реакція внѣшняя—реакція правительства, какъ бы она тяжела ни была. Страшна реакція внутренняя — реакція въ общественномъ настроеніи и въ общественномъ сознаніи. Переутомленное и извѣрившееся общество — худшій врагъ освободительнаго движенія. Такому обществу свобода не нужна. Оно ея не хочетъ. Оно хочетъ одного: покоя. И если стремящееся къ реакціи правительство сумѣетъ въ такой моментъ дать покой, то его побѣда обезпечена... Сумѣетъ ли? — Признаковъ умѣнья не видно. Напротивъ, правительство дѣлаетъ все, чтобы революція не замерла. Его излишества не даютъ обществу ни минуты спокойствія. Эксцессы и ошибки революціи понизили тонъ настроенія въ странѣ. Эксцессы правительственной власти его поддерживаютъ отъ окончательнаго паденія. Самый утомленный человѣкъ не можетъ не содрогаться, наблюдая безудержность въ расправѣ и ненужную кровожадность не въ борьбѣ, а въ какой-то дикой мстительности. Свобода печати — и нѣтъ газетъ. Типографіи запечатаны. Редакторы чуть не поголовно или осуждены, или ждутъ суда. Свобода собраній — и ихъ нѣтъ уже болѣе мѣсяца. Только 22 января петербургскій градоначальникъ объявилъ, что отмѣняетъ свое распоряженіе отъ 13 декабря и впредь будетъ допускать собранія, «при условіи точнаго и неуклоннаго соблюденія» правилъ, изданныхъ тогда, когда свобода собраній еще не была провозглашена. Неприкосновенность личности — и обыски, аресты каждый день. Скоро всѣ казенныя зданія придется обратить въ тюрьмы. Законность — и произволъ, ссылки безъ суда, розги, нагайки. Въ Томскѣ распоряженіемъ командующаго войсками округа устраненъ отъ должности и затѣмъ, по докладу министра юстиціи, уволенъ «несмѣняемый» предсѣдатель окружного суда. Наконецъ — разстрѣлы. Разстрѣлы грубо противозаконные—въ Москвѣ, въ Варшавѣ, въ Ригѣ, въ Либавѣ, на Кавказѣ. Не убійства сопротивляющихся, нѣтъ — разстрѣлы, какъ казнь...

Изъ Феллина сообщаютъ «Рижскому Вѣстнику» о разстрѣ-

вяніи 53 человѣкъ — судомъ... штабсъ-ротмистра. «Въ городѣ было разстрѣлено 9-го января 40 чел. и 11-го января 13 чел. Сколько разстрѣлено въ уѣздѣ, пока неизвѣстно. Изъ числа разстрѣленныхъ 9-го января 40 человѣкъ, лишь 14 человѣкъ казненныхъ содержались въ тюрьмѣ, какъ участвовавшіе въ нападеніи на имѣніе Каббаль, феллинскаго уѣзда, и въ разгромахъ имѣній въ вейсенштейнскомъ уѣздѣ. Остальные 26 чел., извѣстные подъ кличкою «мазуриковъ», были арестованы въ г. Феллинѣ ночью передъ казнью и наканунѣ въ своихъ домахъ и квартирахъ, въ постели. Приведенные въ тюрьму, они узнали, что обречены на разстрѣлъ. Упавъ на колѣни, они стали просить присланнаго на усмиреніе штабсъ-ротмистра о судѣ надъ ними и о пощадѣ. Но это, очевидно, было невозможно... Связанные по рукамъ, они вмѣстѣ съ выведенными изъ камеръ тюрьмы 14 арестантами, исповѣдовавшись и пріобщившись Христовыхъ тайнъ, направились на берегъ прилегающаго къ городу озера. Здѣсь у подножія развалинъ стариннаго зáмка зіяла громадная яма. Поодаль уже собралась довольно многолюдная толпа эстовъ, плакавшихъ, стонавшихъ и дрожавшихъ отъ страха. Придя къ ямѣ, всѣ обреченные на разстрѣлъ, съ искаженными отъ ужаса лицами, снова упали на колѣни передъ штабсъ-ротмистромъ, прося опять о судѣ и пощадѣ. Одинъ изъ нихъ, мѣстный ходатай по дѣламъ, хорошо говорившій по-русски, молилъ съ сложенными руками: «Ваше превосходительство, судите насъ! Мы невиновны! Сошлите насъ на каторгу, на необитаемый островъ, мы будемъ работать день и ночь, но даруйте намъ жизнь!»... Но раздалась команда; первую шеренгу въ пять человѣкъ подвели къ ямѣ, поставили на колѣни, лицомъ къ ямѣ; раздалась команда: «заряжай!» и затѣмъ «взводъ, пли!» У нѣкоторыхъ казненныхъ слетали черепа и летѣли черезъ яму. Несмотря на то, что драгуны стрѣляли почти въ упоръ и въ затылокъ, нѣкоторые послѣ выстрѣла еще кричали и мучились, и ихъ изъ револьвера дострѣливалъ офицеръ. Не было возможности и силъ смотрѣть на эту картину, и послѣ разстрѣла первой шеренги многіе со слезами ушли. Такъ какъ эти 26 чел. были арестованы передъ казнью и разстрѣлены безъ суда, то о казни ихъ ходятъ толки, будто среди нихъ было не мало неповинныхъ. Въ числѣ 14 казненныхъ также были два мальчика, 15 и 17 лѣтъ, сыновья

одного эстонца изъ м. Оберпалена. Ихъ разстрѣляли вслѣдствіе того, что скрывшійся ихъ отецъ стрѣлялъ въ Оберпаленѣ въ офицера, хотѣвшаго войти въ его домъ съ солдатами, чтобы арестовать революціонеровъ. Теперь, какъ говорятъ, онъ разысканъ и арестованъ»... Чьи нервы выдержатъ такое испытаніе какъ эта корреспонденція?!

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы писали: «За провозглашеніе латышской республики много прибавится если не казненныхъ, то сосланныхъ. Такъ не должно быть—быть можетъ, да. Но таковъ фактъ въ его роковой неизбѣжности. Государство живетъ началами права, а не внутренней справедливости. И современное государство обладаетъ слишкомъ большой силой, чтобы склониться передъ насильственнымъ отрицаніемъ права, хотя бы справедливымъ». Само собою разумѣется, намъ и въ голову не приходила возможность того безправія, которое творится во имя права...

Сессіи очередныхъ губернскихъ земскихъ собраній нынче повсемѣстно опоздали. Въ законный срокъ, до 1-го декабря, кажется, нигдѣ занятія собраній начаты не были. Въ теченіе декабря прошли собранія въ немногихъ губерніяхъ. Въ большинствѣ они были отложены на январь, а кое-гдѣ и на февраль.

Исключительность обстоятельствъ переживаемаго времени придаетъ особый интересъ и особое значеніе губернскимъ собраніямъ. Земства, какъ бы ни была неудовлетворительно поставлена система представительства въ нихъ, все-таки единственныя у насъ организаціи съ политическимъ прошлымъ и съ твердо установившимися традиціями общественнаго служенія. Города, въ этомъ отношеніи, всегда стояли и стоятъ ниже земства. Только въ земствѣ можетъ найти отраженіе и всестороннее мѣстное освѣщеніе самый больной, самый трудный и самый колоссальный вопросъ — аграрный. Пока его освѣщала преимущественно одна сторона—дворянство. Или, пожалуй, и другая—крестьянство, если, впрочемъ, можно придавать цѣну случайно проникавшимъ въ печать отдѣльнымъ заявленіямъ крестьянскихъ обществъ, то составленнымъ по старому шаблону вѣрноподданническихъ приговоровъ, то по новому — отъ имени «гражданъ»

села такого-то, требующихъ упраздненія «института» земскихъ начальниковъ и введенія «прогрессивнаго» подоходнаго налога, и говорящихъ о «конъюктурѣ» или объ учредительныхъ «функціяхъ» (въ газетахъ какъ-то сообщалось, что въ Москвѣ у одного задержаннаго была найдена пачка заготовленныхъ крестьянскихъ приговоровъ, въ которыхъ было оставлено мѣсто только для названія сельскаго общества и числа лицъ, явившихся на сходъ). Далѣе, лишь отъ земства можно ожидать оцѣнки, подъ практическимъ угломъ зрѣнія, закона о выборахъ въ Думу и предстоящихъ ближайшихъ задачъ Думы. Наконецъ, губернскимъ собраніямъ неизбѣжно предстоитъ урегулировать тѣмъ или инымъ способомъ финансовый кризисъ, установить отношенія къ такъ называемому третьему элементу, «явочнымъ порядкомъ» занявшему своеобразное положеніе, едва ли соотвѣтствующее идеѣ самоуправленія и выборному представительству населенія, и т. д., и т. д.

При такихъ ожиданіяхъ вызываетъ искреннее сожалѣніе извѣстіе, что въ тверской, напр., губерніи губернское собраніе не состоялось. Въ № 4, отъ 20-го января, «Руси», предсѣдатель тверской губернской управы, В. фонъ-Дервизъ, помѣстилъ протестъ за подписью двадцати одного гласнаго, отказавшихся отъ участія въ засѣданіяхъ собранія и своимъ отказомъ сдѣлавшихъ собраніе несостоятельнымъ. Мотивы отказа: ограниченіе публичности засѣданій установленіемъ, по распоряженію губернскаго предводителя дворянства, входныхъ билетовъ и то, что, по его же распоряженію, въ зданіе собранія была введена въ большомъ числѣ полиція. Можно, пожалуй, и не возражать, что подобныя условія дѣятельности «явно оскорбительны для достоинства земскаго собранія», привыкшаго дѣйствовать открыто, не боясь ничьего присутствія и не прибѣгая къ полицейской охранѣ. Но если на одну чашку вѣсовъ положить эти условія, а на другую— важность вопросовъ и дѣлъ, подлежавшихъ обсужденію и рѣшенію собранія, то врядъ ли возможны сомнѣнія, которая, при извѣстномъ спокойствіи духа наблюдателя, должна перетянуть. Кромѣ вопросовъ, общихъ для всей Россіи, тверское собраніе должно было отозваться на погромъ управы и на избіеніе служащихъ 17-го октября. Оно должно было выяснить авторитетно и гласно, какъ причины погрома, такъ его размѣры и слѣдствія.

Оно должно было сказать свое вѣское слово о дѣйствіяхъ полиціи и губернатора. «Тверская управа—сообщаетъ «Правда Божія» (№ 19)—предъявляетъ къ губернатору искъ въ 70 тысячъ рублей за убытки, понесенные земствомъ во время октябрьскихъ погромовъ, явившихся результатомъ непринятія мѣръ къ охраненію земства». На собраніи лежала обязанность раскрыть завѣсу оффиціальнаго языка искового прошенія, изъ-за которой трудно выйти на свѣтъ внутренней сути дѣла, и оцѣнить основанія иска, не съ точки зрѣнія формулъ X тома свода законовъ, какъ будетъ дѣлать судъ, а во всемъ ихъ общественномъ значеніи. Нѣтъ спора, что защита начала публичности также составляетъ долгъ земства. Но въ данномъ случаѣ на тверскомъ земствѣ лежалъ долгъ большій... Согласно закону, собраніе будетъ созвано вторично. Надѣемся, что если предводитель дворянства и не отмѣнитъ своего распоряженія, гласные не повторятъ «забастовки». Общественные дѣятели не имѣютъ права легко поддаваться чувству оскорбленнаго достоинства и оставлять свой постъ, когда они на немъ нужны.

Въ послѣднемъ засѣданіи петербургскаго съѣзда конституціонно-демократической партіи обсуждалось обращенное ко всѣмъ губернскимъ земствамъ предложеніе предсѣдателя совѣта министровъ выбрать изъ числа гласныхъ лицъ, къ которымъ гр. Витте могъ бы обращаться за содѣйствіемъ по нѣкоторымъ подлежащимъ вѣдѣнію совѣта министровъ вопросамъ. Съѣздъ принялъ слѣдующую резолюцію: «Въ виду того, что нѣтъ никакихъ основаній довѣрять современному правительству, партіи конституціонно-демократической и ея членамъ слѣдуетъ противодѣйствовать этому неизвѣстно для чего предпринимаемому мѣропріятію». Какъ видно изъ телеграммъ, губернскія собранія въ Новгородѣ, въ Костромѣ и въ Воронежѣ выборовъ не произвели. Сдѣлали ли они это самостоятельно или подъ давленіемъ резолюціи съѣзда? Предложеніе гр. Витте вышло изъ министерства еще въ ноябрѣ, когда до образованія Государственной Думы, по самымъ оптимистическимъ разсчетамъ, оставалось четыре-пять мѣсяцевъ, когда рисовалась возможность выборовъ голосованія, когда, словомъ, были сове

чѣмъ теперь. Теперь подобное совѣщаніе или подобная коммиссія при совѣтѣ министровъ утратили всякій смыслъ, а потому производить избраніе—безцѣльная трата времени. Если собранія руководились этими соображеніями, то мы ни слова сказать не можемъ. Если же они поступили такъ, подчиняясь указанію съѣзда конституціонно-демократической партіи, то это было бы большой съ ихъ стороны ошибкой. Сила земства въ настоящій моментъ—въ его внѣпартійности. Нѣкоторые представители конституціонно-демократической партіи часто подчеркиваютъ, что она зародилась въ земской средѣ. Зародилась—да, но, зародившись въ этой средѣ, она ее въ себѣ растворила. Этотъ процессъ погубилъ земскіе съѣзды. Боимся думать, что онъ погубитъ и мѣстныя земскія организаціи, отнявъ отъ нихъ главное: самостоятельность...

Выше мы цитировали новую газету «Правда Божія». Эта народная газета выходитъ съ января, въ Москвѣ, подъ редакціей извѣстнаго священника и публициста Г. С. Петрова. Она, дѣйствительно, «народная» и по языку, и по изложенію — и заслуживаетъ полнаго вниманія. На смѣну лубочной литературѣ, въ деревню широко пошли брошюры, переполненныя такими терминами, которые и среди городского населенія не всякій сумѣетъ выговорить, не то что уже понять. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ брошюры до послѣдней степени партійно-тенденціозны, и не столько стремятся разсказать или объяснить, сколько убѣдить и обратить въ свою партійную вѣру. А запросъ на объективный разсказъ и на объясненіе безъ полемическихъ пріемовъ въ деревнѣ—громадный. Вышедшіе пока номера «Правды Божіей» свидѣтельствуютъ, что редакція поставила себѣ задачей удовлетворить именно этотъ запросъ.

«Вѣстникъ Европы» 1906 г.,
№ 2.

Законъ и обязательное постановленіе ген. Орлова.

Въ № 14 «Руси» напечатано обязательное постановленіе «облеченнаго властью генералъ-губернатора въ районѣ дѣйствій сѣвернаго отряда», генерала Орлова, основанное на объявленіи временнаго прибалтійскаго генералъ-губернатора отъ 24 декабря 1905 г. Постановленіе датировано 6 января 1906 г.

Не вдаваясь въ разборъ постановленія по существу, сопоставимъ его въ цѣломъ, а также заключающіяся въ немъ отдѣльныя уголовно-правовыя опредѣленія, съ закономъ.

Право генералъ-губернаторовъ и лицъ, облеченныхъ ихъ властью, издавать обязательныя постановленія «по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушенія общественнаго порядка и государственной безопасности», предусмотрѣно ст. 19 правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ состоящими на военномъ положеніи (св. зак. т. II, прилож. къ ст. 23). Право это, однако, не безгранично, а точно регулировано тѣми же правилами, являющимися его источникомъ. Ибо генералъ-губернаторы, хотя бы и въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, не суть носители верховной власти, а остаются органами подчиненнаго управленія, дѣйствующими всегда и безусловно въ предѣлахъ полномочій, которыми ихъ снабжаетъ законъ.

Полномочія эти, при всей обширности ихъ, только въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣютъ факультативный характеръ. Въ дру-

гихъ же изложены съ недающей мѣста усмотрѣнію императивностью ограничительныхъ опредѣленій.

Въ статьѣ первой отдѣла перваго обязательнаго постановленія ген. Орлова значится:

«Законно выбранныя должностныя лица въ волостяхъ и городскихъ управленіяхъ, вступившія въ отправленіе своихъ обязанностей, строго и неуклонно исполняя таковыя, обязываются оказывать самое энергичное противодѣйствіе всякому посягательству на установленный закономъ порядокъ, и виновные въ томъ, сверхъ увольненія отъ службы, будутъ преданы военному суду за преступное бездѣйствіе власти».

Всѣ должностныя лица, при какихъ бы условіяхъ ни протекала ихъ дѣятельность, обязаны въ предѣлахъ своихъ должностей противодѣйствовать посягательствамъ на законный порядокъ, и неисполненіе этого составляетъ, дѣйствительно, преступное бездѣйствіе власти. Въ данномъ отношеніи, слѣдовательно, обязательное постановленіе лишь напоминаетъ общее правило закона.

Оно вводитъ отступленія отъ общихъ нормъ двоякаго рода: во-первыхъ, преданіе виновныхъ военному суду и во-вторыхъ — увольненіе ихъ отъ службы. На первое генералъ-губернаторъ уполномоченъ пунктомъ 7 ст. 19 прав. воен. полож., который предоставляетъ ему: «исключать изъ общей подсудности, съ предварительнымъ объявленіемъ о томъ во всеобщее свѣдѣніе, цѣлыя категоріи дѣлъ объ извѣстнаго рода преступленіяхъ и проступкахъ».

Но увольнять отъ службы кого бы то ни было изъ должностныхъ лицъ генералъ-губернаторъ права не имѣетъ. Пунктъ 19 той же статьи предоставляетъ ему лишь *«устранять отъ должности на время объявленнаго военнаго положенія* чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, не занимающихъ должностей первыхъ трехъ классовъ, а также лицъ, служащихъ по выборамъ въ сословныхъ, городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ», — т.-е. принимать мѣру временную, не связанную съ тѣмъ юридическими послѣдствіями, какія влечетъ увольненіе отъ службы.

Послѣднее существенно важно въ виду того, что за бездѣйствіе власти, совершенное въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, сохраняютъ силу карательныя опредѣленія ст. 341 и 343 уложенія о наказаніяхъ, и военный судъ, при на-

личности условій, указанныхъ во второй изъ этихъ статей, не лишенъ права назначить виновному замѣчаніе, выговоръ или вычетъ изъ времени службы. Спеціальный законъ (ст. 25 правилъ воен. полож.) лишь *разрѣшаетъ* суду повышать наказанія въ мѣрѣ или двумя степенями (до отдачи въ исправительныя арестантскія отдѣленія на время отъ 3 до $3^1/_2$ лѣтъ), но не *обязываетъ* его производить повышеніе.

«Всякаго рода посягательства на законныхъ должностныхъ лицъ,—объявляетъ статья вторая обязательнаго постановленія,—какъ, напримѣръ, отнятіе отъ нихъ оружія, лишеніе ихъ свободы, вторженіе въ ихъ канцеляріи и квартиры влекутъ за собою, преданіе виновныхъ военному суду съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени».

Фраза: «съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени», которой нѣтъ въ статьѣ первой, можетъ служить основаніемъ предполагать, что преданіе военному суду за вторженіе въ канцеляріи и квартиры должностныхъ лицъ и т. п. не равнозначуще преданію тому же суду за бездѣйствіе власти и угрожаетъ виновнымъ какими-то исключительными послѣдствіями. Въ дѣйствительности это не такъ. Та же самая фраза могла бы быть включена въ первую статью и могла бы быть выкинута изъ второй—и ничто не измѣнилось бы.

Уголовные законы военнаго времени суть двухъ родовъ: матеріальные — о преступленіяхъ и наказаніяхъ и процессуальные — о формахъ и порядкѣ сужденія и опредѣленія наказанія. Что касается послѣднихъ, то они имѣютъ примѣненіе ко всѣмъ дѣламъ, которыя военный судъ разсматриваетъ въ военное время или въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи. Первые же примѣняются только тогда, когда имѣется особое постановленіе о данномъ преступномъ дѣяніи.

Правило объ усиленіи наказанія за бездѣйствіе власти есть особый законъ для военнаго времени, а потому съ полнымъ основаніемъ можно было бы заключить и первую статью словами: «съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени», разумѣя подъ ними законы матеріальные. Но прибавка эта по существу была бы безразлична.

А въ отношеніи посягательствъ всякаго рода на законныхъ должностныхъ лицъ никакихъ матеріальныхъ уголовныхъ зако-

новъ военнаго времени примѣнить нельзя по той простой причинѣ, что ихъ не существуетъ.

Согласно ст. 269 воинскаго устава о наказаніяхъ, на одномъ основаніи съ военнослужащими «подвергаются наказаніямъ лица гражданскаго вѣдомства, находящіяся въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, *за преступленія, означенныя въ правилахъ о сихъ мѣстностяхъ»*,—т.-е. за преступленія, въ этихъ правилахъ не означенныя, они подвергаются наказанію, хотя и по приговору военнаго суда, образованнаго и дѣйствующаго съ примѣненіемъ процессуальныхъ законовъ военнаго времени, на основаніи уложенія о наказаніяхъ или устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Въ ст. 20 правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, означены лишь двѣ формы посягательствъ на должностныхъ лицъ: «сопротивленіе» и «нападеніе» и при томъ съ цѣлымъ рядомъ оговорокъ: «при исполненіи обязанностей службы или вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджогомъ». Всѣ же посягательства иного рода, въ томъ числѣ отнятіе оружія, если оно не сопровождалось нападеніемъ, имѣвшимъ перечисленныя послѣдствія, лишеніе свободы и вторженіе въ канцеляріи и квартиры, не могутъ влечь для виновныхъ большихъ наказаній, чѣмъ тѣ, которыя положены за эти дѣянія при обычныхъ условіяхъ мирнаго положенія. Вся разница заключается въ томъ, что наказанія будутъ назначены не мировымъ судьей, окружнымъ судомъ или судебной палатой, а судомъ военнымъ, съ примѣненіемъ процессуальныхъ правилъ, установленныхъ для военнаго времени.

Далѣе, въ ст. третьей обязательнаго постановленія сказано: «Виновные въ подговорѣ къ неповиновенію, противодѣйствію закону, обязательному постановленію или законному распоряженію власти, напримѣръ: приказу коммиссаровъ о выборѣ должностныхъ лицъ, членовъ схода выборныхъ и депутатовъ на общіе волостные сходы—подлежатъ преданію военному суду съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени».

Подговоръ или подстрекательство къ совершенію преступнаго дѣянія самъ по себѣ, т.-е. когда подговариваемый преступленія

ершилъ, по общему правилу нашего законодательства, не гемъ. Въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ есть, правда, е, гласящее:

а подговоръ или подстрекательство къ неисполненію прия, неповиновенію, или сопротивленію, подговорщики или екатели подвергаются наказанію на основаніи ст. 120 уло о наказаніяхъ. Означеннымъ наказаніямъ подговорщики и екатели подлежатъ и въ такомъ случаѣ, когда преступленіе окушеніе на оное, или приготовленіе къ нему не были ы тѣмъ, кто былъ подговариваемъ или подстрекаемъ» 12).

ъятіе это, однако, за силою приведенной выше 269 ст. ке устава и такъ какъ неповиновеніе въ правилахъ о мѣстъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, не означено,— ъ гражданскаго вѣдомства распространяемо быть не мо- А потому отвѣтомъ на преданіе суду по 3 статьѣ обязаго постановленія можетъ быть только оправдательный при- по невоспрещенности дѣянія подъ страхомъ наказанія. тати будетъ отмѣтить, что и для военнослужащихъ за неовеніе никакихъ особыхъ карательныхъ законовъ военнаго ии не существуетъ.

слѣдняя, четвертая, статья перваго отдѣла обязательнаго новленія представляется наиболѣе жестокой и въ то же наиболѣе противозаконной. Здѣсь уже прямая отмѣна за- имѣющаго Высочайшую санкцію, и замѣна его собствен- произвольнымъ измышленіемъ.

ѣсь—упраздненіе военнаго суда и тѣмъ самымъ упраздненіе гарантій справедливаго и юридически правильнаго рѣшенія. генералъ-губернаторъ уполномочиваетъ своихъ подчинен- на совершеніе такихъ дѣйствій, совершать которыя ни онъ и никто изъ административныхъ властей не имѣетъ права. иновные въ вооруженномъ нападеніи на чиновъ войска ін и всѣхъ вообще должностныхъ лицъ подлежатъ немеому разстрѣлянію, а если это нападеніе будетъ совершено и зданій или изъ нихъ произойдетъ стрѣльба по указан- лицамъ, то такія зданія подлежатъ немедленному уничто- ».

я полной ясности приведемъ цѣлі

вилъ о воен. полож., хотя для этого его придется частью повторить.

Ст. 20. «Разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ о преступленіяхъ, исчисленныхъ въ статьѣ 17, а равно дѣлъ, изъятыхъ изъ общей подсудности, на основаніи пунктовъ 6 и 7 ст. 19, *производится въ военныхъ судахъ*, по правиламъ, установленнымъ въ раздѣлѣ IV военно-судебнаго устава, но съ тѣмъ: 1) чтобы лицамъ, виновнымъ *въ вооруженномъ сопротивленіи* властямъ или *нападеніи* на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ, при исполненіи ими обязанностей службы, или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ, или поджогомъ,—опредѣлялось наказаніе, предусмотрѣнное въ ст. 279 воинскаго устава о наказаніяхъ; 2) чтобы полагаемые въ военныхъ судахъ временные члены были назначаемы военнымъ начальствомъ, каждый разъ особо, исключительно изъ штабъ-офицеровъ; 3) чтобы дѣла о лицахъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, разсматривались всегда при закрытыхъ дверяхъ, и 4) чтобы избраніе или назначеніе защитниковъ подсудимымъ производилось согласно правиламъ, изложеннымъ въ статьяхъ 736, 737 и 739 военно-судебнаго устава».

Гдѣ въ этомъ законѣ намекъ на чье бы то ни было право подвергать виновныхъ «немедленному разстрѣлянію» безъ суда?

Законъ не обходитъ молчаніемъ нападенія на чиновъ войска, полиціи и должностныхъ лицъ и говоритъ: если дѣяніе совершено при исполненіи потерпѣвшимъ обязанностей службы или по поводу исполненія таковыхъ обязанностей и сопровождалось точно перечисленными послѣдствіями, то виновный подлежитъ военному суду, съ особо назначаемыми временными членами и защитниками и съ обязательнымъ разсмотрѣніемъ дѣла при закрытыхъ дверяхъ, и наказанію, опредѣленному въ ст. 279, т.-е. смертной казни; если же приведенныхъ отягчающихъ условій нѣтъ — то онъ подлежитъ военному суду, съ тѣми же процессуальными отступленіями отъ общихъ правилъ IV раздѣла военно-судебнаго устава, и наказанію, опредѣленному въ общихъ уголовныхъ законахъ.

А обязательное постановленіе объявляетъ: разъ совершено

вооруженное нападеніе, все равно при какихъ обстоятельствахъ и съ какими послѣдствіями, ни суда, ни разбора не будетъ, а будетъ «немедленное разстрѣляніе».

Право военныхъ начальниковъ уничтожать въ военное время зданія имѣетъ единственнымъ источникомъ ст. 11 правилъ воен. полож. Она опредѣляетъ:

«Каждый военный начальникъ, подъ личною своею отвѣтственностью, въ правѣ распорядиться уничтоженіемъ строеній и истребленіемъ всего того, что, по военнымъ соображеніямъ, можетъ затруднить движеніе или дѣйствія нашихъ войскъ или благопріятствовать непріятелю».

На основаніи этого закона возможно, до нѣкоторой степени,—и то съ натяжкой,—оправдать разрушеніе гранатами домовъ въ Москвѣ — пока на улицахъ происходили двусторонння военныя дѣйствія, и войска имѣли передъ собой «непріятеля». Но въ немъ и тѣни нѣтъ предоставленія военнымъ начальникамъ права уничтожать зданія въ видѣ кары. Иначе было бы прямо дикимъ слѣдующее примѣчаніе къ ст. 11.

«За все, уничтоженное и истребленное на основаніи сей статьи, частнымъ лицамъ и учрежденіямъ производится, по ихъ заявленіямъ, вознагражденіе, опредѣляемое особою коммиссіею путемъ опроса подъ присягою понятыхъ людей, знавшихъ состояніе имущества до его истребленія».

Уничтожить въ видѣ кары, а потомъ заплатить казенныя деньги!

Второй и третій отдѣлы обязательнаго постановленія съ формальной стороны соотвѣтствуютъ закону, такъ какъ карательная санкція не превышаетъ 3,000 руб. штрафа или 3 мѣсяцевъ заключенія, на что правила воен. полож. даютъ генералъ-губернатору власть, почти полностью дискреціонную.

Суть революціи для криминалиста въ открытомъ насильственномъ отрицаніи закона. Съ которой бы стороны оно ни шло — не все ли равно!..

«Русь» 2 февраля 1906 г, № 17.

Audiatur et altera pars.

I.

Корреспонденція В. Климкова («Русь», № 21) проливаетъ свѣтъ на фактическія и юридическія основанія карательныхъ ужасовъ, творящихся въ Прибалтійскомъ краѣ. До сихъ поръ приходилось только гадать, чѣмъ руководствуются высшіе и низшіе агенты власти, примѣняя разстрѣлы безъ суда, сжигая и разоряя отдѣльныя постройки и цѣлыя деревни. Теперь раскрывается ихъ собственная точка зрѣнія на эти явно беззаконныя дѣйствія.

Авторъ корреспонденціи не называетъ фамиліи лица, съ которымъ онъ велъ бесѣду, но по всему видно, что это лицо — высшій представитель временной мѣстной власти, военной и гражданской.

«Что касается лично меня,—сказалъ генералъ,—то я не сторонникъ быстрыхъ рѣшеній и расправъ. Разумѣется, тамъ, гдѣ я убѣжденъ, что данный членъ общества вреденъ для общей жизни, я могу его безъ всякаго суда и проволочки повѣсить и разстрѣлять, пользуясь ст. 12 военнаго положенія, но я предпочитаю обстоятельное, даже продолжительное слѣдствіе военнаго суда, которое дастъ возможность иногда по одному арестованному преступнику добраться до цѣлаго ряда другихъ» [1]).

---

[1]) Точность воспроизведенія всей бесѣды, само собою разумѣется, остается на отвѣтственности г. Климкова.

Итакъ, юридическое основаніе разстрѣловъ безъ суда—ст. 12 правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи.

Основаніе фактическое—«исключительность мѣстныхъ условій, исключительность, не предусмотрѣнная и не охваченная законами и положеніями».

Намъ приходилось уже дважды разбирать статью 12 правилъ воен. пол. («Молва» № 12 и «Русь» № 13) по поводу многократнаго разстрѣливанія въ Варшавѣ «уличенныхъ» въ приготовленіи и храненіи взрывчатыхъ веществъ, въ вымогательствѣ и въ другихъ дѣяніяхъ, за которыя не положено смертной казни, ни по законамъ мирнаго времени, ни по законамъ времени военнаго, ни въ общемъ уголовномъ кодексѣ, ни въ кодексѣ военно-уголовномъ. Важность вопроса заставляетъ снова къ ней вернуться.

Св. зак. т. II, прилож. къ ст. 23, ст. 12:.

«Если въ мѣстности, объявленной на военномъ положеніи, будетъ признано необходимымъ, для охраненія государственнаго порядка или успѣха веденія войны принять такую чрезвычайную мѣру, которая не предусмотрѣна въ семъ приложеніи, то главнокомандующій непосредственно или по представленію командующаго арміей, дѣлаетъ распоряженіе о принятіи сей мѣры собственною властью, донося о томъ Государю Императору».

Если толкованіе этого закона по мѣсту, занимаемому имъ въ правилахъ о военномъ положеніи, и по сопоставленію его съ тѣмъ, какъ трактуется о лишеніи жизни въ законахъ основныхъ, быть можетъ, не убѣдительно для неспеціалистовъ въ юриспруденціи, то, во всякомъ случаѣ, нѣтъ надобности быть юристомъ, чтобы видѣть, что онъ говоритъ только о главнокомандующемъ и ни о комъ больше.

Главнокомандующій въ организаціи управленія войсками въ военное время и въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, занимаетъ мѣсто, рѣзко отличное отъ начальниковъ рѣшительно всѣхъ степеней.

«Главнокомандующій—опредѣляетъ ст. 18 положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время—представляетъ лицо Императора и облекается чрезвычайной властью». Онъ «подчиняется въ дѣйствіяхъ своихъ исключительно и непосредственно верховной власти и за свои распоряженія и дѣйствія отвѣтствуетъ

только передъ Его Величествомъ; во всѣхъ случаяхъ, когда онъ признаетъ это полезнымъ или нужнымъ, онъ имѣетъ право обращаться непосредственно къ Государю Императору. Никакое правительственное мѣсто или лицо не даетъ главнокомандующему предписаній и не можетъ требовать отъ него отчетовъ» (ст. 20). «Приказанія главнокомандующаго именуются, какъ изъявленія воли монарха, «повелѣніями» (ст. 23). Онъ «можетъ собственной властью заключать съ непріятелемъ перемиріе» (ст. 26).

При такихъ полномочіяхъ и при такой полнотѣ власти главнокомандующаго, ст. 12. правилъ воен. полож. получаетъ полное логическое объясненіе. Послѣ перечисленія, какія права въ области административныхъ распоряженій, получаютъ командующіе арміями (ст. 10) и «каждый военный начальникъ» (ст. 11), законъ гласитъ, что главнокомандующій можетъ принять *всякую* чрезвычайную мѣру, признанную имъ необходимой «для охраненія государственнаго порядка или успѣха веденія войны».

Но кромѣ него абсолютно никто не уполномоченъ принимать такую *всякую* мѣру, ибо онъ одинъ «представляетъ лицо Императора и облекается чрезвычайною властью».

И главнокомандующій, однако, не въ правѣ, ссылаясь на 12 ст., разстрѣливать безъ суда, потому что подобная мѣра относится не къ области административной, а къ области отправленія уголовнаго правосудія. Въ этой же области для него обязательны опредѣленія военно-судебнаго устава, какъ то прямо выражено въ ст. 34, пунктъ 8, полож. о полевомъ управленіи войскъ: «права главнокомандующаго по военно-судной части изложены въ военно-судебномъ уставѣ». Онъ имѣетъ право предавать виновныхъ военному суду, ограничивать общую подсудность, конфирмовать приговоры, отмѣнять кассаціонное обжалованіе, даже временно усиливать строгость наказаній, въ законѣ положенныхъ, не доводя только усиленія до смертной казни, но права непосредственнаго суда и расправы ему не предоставлено, какъ никогда не пользуется этимъ правомъ монархъ, хотя приговоры постановляются его именемъ. Тѣмъ менѣе допустима передача главнокомандующимъ кому бы то ни было этого непринадлежащаго ему права.

Слѣдовательно, если бы съ г. Климковымъ говорилъ даже главнокомандующій, то онъ не имѣлъ бы законнаго основанія

сказать, что «разумѣется» можетъ повѣсить вреднаго члена общества «безъ всякаго суда и проволочки». Въ устахъ же не главнокомандующаго это «разумѣется» есть плодъ двоякаго заблужденія.

«Главнокомандующій—гласитъ ст. 17 положенія о полев. упр. войскъ—опредѣляется и увольняется по непосредственному усмотрѣнію Государя Императора Высочайшимъ приказомъ и вмѣстѣ указомъ правительствующему сенату». Такихъ приказа или указа о назначеніи главнокомандующаго въ Прибалтійскій край опубликовано по сегодняшній день не было. Не было опубликовано и о предоставленіи кому-либо изъ начальствующихъ тамъ лицъ правъ главнокомандующаго, какъ это сдѣлано въ указѣ отъ 3 февраля въ отношеніи вновь назначеннаго командующаго войсками на Дальнемъ Востокѣ, генерала Гродекова.

Заблужденіе!.. Сколькимъ несчастнымъ оно стоило жизни! Сколько погибло, во избѣжаніе «проволочки», ни въ чемъ неповинныхъ — по ошибкѣ!..

II.

Фактическое основаніе противозаконныхъ жесткостей, совершаемыхъ въ Прибалтійскомъ краѣ, по словамъ собесѣдника г. Климкова, лежитъ въ «исключительности мѣстныхъ условій, исключительности, не предусмотрѣнной и не охватываемой законами и положеніями».

Что въ Прибалтійскомъ краѣ создались въ настоящее время исключительныя мѣстныя условія, противъ этого спорить нельзя. Что исключительныя условія не охватываются общими нормами закона — также безспорно. Общія нормы имѣютъ въ виду обычныя юридическія отношенія гражданъ между собою и къ органамъ власти, когда авторитетъ закона въ сознаніи населенія не поколебленъ, и подчиненіе опредѣленіямъ права составляетъ общее явленіе, а нарушеніе ихъ—частное. При революціи же получается обратное соотношеніе: повиновенія во имя долга, т.-е. вслѣдствіе сознанія обязанности повиноваться не существуетъ, и внѣшнее принужденіе остается единственнымъ регуляторомъ правоотношеній.

Но что отсюда слѣдуетъ? Неужели отсюда слѣдуетъ предо-

тавленіе полнаго произвола органамъ, выполняющимъ принужденіе, въ выборѣ средствъ и способовъ его?

Пока сила имѣетъ передъ собою силу, пока идетъ бой — все авно, будутъ ли бойцомъ войска другого государства, или боеая революціонная дружина, — выборъ средствъ и способовъ поѣдить дѣйствительно долженъ принадлежать самимъ примѣняюимъ силу. Но разъ бой конченъ, для государственной силы натупаетъ моментъ дѣятельности иного рода — дѣятельности по акону и на основаніи закона. Правда, не на основаніи закона, бычно дѣйствующаго въ государствѣ, однако такого, который ключаетъ произволъ и усмотрѣніе въ извѣстныя опредѣленныя раницы.

Изъ исключительности обстоятельствъ, создавшихся въ Приалтійскомъ краѣ, большее, что можетъ слѣдовать, это введеніе сключительныхъ же законовъ. И пока военные отряды и власти ѣйствуютъ въ предѣлахъ правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ а военномъ положеніи, ни возмущаться противъ нихъ, ни обвинять собственно ихъ въ чемъ-либо нельзя.

Объектомъ критики могутъ быть правила, но не исполнители. Когда же исполнители освобождаютъ себя отъ какихъ бы то ни ыло ограниченій, то получается злоупотребленіе властью, всю яжесть отвѣтственности за которое они принимаютъ на себя.

Можетъ быть, впрочемъ, генералъ, говорившій съ г. Климковымъ, считаетъ, что исключительность мѣстныхъ условій въ Приалтійскомъ краѣ не охватывается даже исключительными правилами военнаго положенія?

Если да — а изъ бесѣды какъ будто вытекаетъ, что именно акой точки зрѣнія держится генералъ, — то позволительно ему редложить вопросъ: неужели онъ полагаетъ, что мѣстныя исклюительныя условія въ Прибалтійскомъ краѣ болѣе далеки отъ редположеній, которыми руководствовался русскій законодатель, здавая правила военнаго положенія, нежели условіи Манчжуріи? Неужели то, что обязательно примѣнялось въ Манчжуріи—судъ режде лишенія жизни китайцевъ, нарушившихъ прокламацію лавнокомандующаго, и допущеніе уничтоженія строеній лишь настолько, насколько это необходимо для успѣха боя, — непримѣнимо въ охваченныхъ пожаромъ возстанія Эстляндской, Лифляндской и Курляндской русскихъ губерніяхъ? Неужели эти безко-

нечно малыя гарантіи для населенія хотя бы того, что не произойдетъ ошибки въ личности лишеннаго жизни, или что имущественное благосостояніе гражданъ не будетъ зависѣть отъ «горячности молодыхъ увлекающихся начальниковъ», не совмѣстимы съ задачей возвратить край къ повиновенію закону?

Не въ исключительныхъ условіяхъ здѣсь дѣло. Правъ былъ графъ Витте, говорившій въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, что «обширнѣйшая» наша администрація, «воспитанная на иныхъ началахъ», не имѣетъ «гражданскаго навыка». Всѣ администраторы закона не любятъ. Онъ въ ихъ глазахъ—вредное стѣсненіе. А судъ — ненужная «проволочка». Сбросить съ себя докучные путы закона всячески стремятся ежедневно урядники, земскіе начальники, губернаторы. И у каждаго всегда готова ссылка на исключительныя условія, которыхъ никто кромѣ нихъ не понимаетъ. Нужно ли приводить доказательства!? Недаромъ вся Россія уже двадцать пять лѣтъ находится на положеніи усиленной охраны... [1])

Что такое воззрѣніе администраторовъ ведетъ къ анархіи — къ безвластію въ многовластіи — объ этомъ они не заботятся. А между тѣмъ иного исхода быть не можетъ. Разъ отвергаетъ для себя обязательность закона старшій начальникъ, онъ безсиленъ удержать отъ того же младшихъ.

Генералъ, бесѣдовавшій съ г. Климковымъ, предпочитаетъ «обстоятельное, даже продолжительное слѣдствіе военнаго суда, которое даетъ возможность иногда по одному арестованному преступнику добраться до цѣлаго ряда другихъ». «Предпочитаетъ» не въ силу категоричнаго требованія закона, а вслѣдствіе своего субъективнаго мнѣнія. Въ результатѣ—слѣдствій не производится

---

[1]) Въ устраненіе недоразумѣній напоминаемъ мало кому извѣстныя «правила для мѣстностей, необъявленныхъ въ исключительномъ положеніи» (приложеніе къ ст. 1 тома XIV св. зак., ст. 28—31). На основаніи этихъ правилъ, если хоть одна губернія объявлена на положеніи усиленной охраны, то «во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ государства» можетъ получать примѣненіе и военная подсудность съ назначеніемъ смертной казни, и право губернаторовъ удалять отъ должностей служащихъ въ органахъ самоуправленія, и право полиціи подвергать аресту и дѣлать обыски. Во всѣ двадцать пять лѣтъ съ 1881 г. эта возможность была и остается всероссійскимъ постояннымъ фактомъ.

и арестованныхъ разстрѣливаютъ безъ «проволочки». «Въ раіонѣ дѣйствій сѣвернаго отряда» населеніе даже предварительно оповѣщено, что виновные въ вооруженномъ нападеніи на чиновъ войска и т. д. подлежатъ немедленному разстрѣлянію.

Тотъ же генералъ, гласитъ корреспонденція, «не одобряетъ часто практикуемое карательными отрядами сжиганіе строеній. Насколько извѣстно изъ приказовъ прибалтійскаго генералъ-губернатора по этому поводу, сжиганіе допускается только какъ случайное, отъ дѣйствія, напримѣръ, артиллеріи, или когда строеніе служитъ гнѣздомъ для обороняющихся повстанцевъ. Во всѣхъ же иныхъ случаяхъ сжиганіе строеній не разрѣшается, и даже были приказы генералъ-губернатора, запрещающіе поджоги».

А жгутъ, жгутъ и жгутъ. Генералъ Орловъ предупреждаетъ, что зданія, въ которыхъ будетъ произведено вооруженное нападеніе на должностныхъ лицъ, подлежатъ немедленному уничтоженію. «Гг. лейтенанты, корнеты и подпоручики словно соперничаютъ между собою, кто больше сжегъ».

«Горячность молодыхъ увлекающихся начальниковъ»!.. Да вѣдь отъ такого оправданія разстрѣловъ и поджоговъ волосы становятся дыбомъ! И офицеръ Оконевъ, убившій студента Давыдова, не корыстью руководился. И онъ молодъ и горячъ, быть можетъ...

Корреспонденція г. Климкова проливаетъ еще свѣтъ на истинныя причины латышской революціи. Наивные люди думаютъ, что она вызвана вѣковымъ подавленіемъ латышей нѣмецкими баронами, что безземельные батраки и арендаторы возстали во имя права на землю и на національное самоопредѣленіе. Какъ они жестоко ошибаются!

Разговоръ по этому вопросу г. Климкова съ генераломъ столь характеренъ, что его нельзя изложить въ извлеченіи.

«На вопросъ мой, не является ли освободительное движеніе въ краѣ основаннымъ, главнымъ образомъ, на аграрно-экономической почвѣ, генералъ отвѣтилъ:

— О, нѣтъ. Аграрныя причины конечно играютъ нѣкоторую роль въ движеніи, но совершенно незначительную. Аграрный, школьный, экономическій и церковный вопросы, разумѣется, нуждаются въ реформахъ, но главная суть не въ нихъ. По моему мнѣнію, объявленіе свободъ на основаніи Высочайшаго манифеста отъ 17 октября попало здѣсь на исключительно неподготовлен-

ную почву. Въ прибалтiйскомъ краѣ слишкомъ много преступнаго элемента, который поспѣшилъ примкнуть къ освободительному движенiю только ради своихъ преступныхъ цѣлей.

Я поинтересовался, кого именно генералъ подразумѣваетъ подъ преступнымъ элементомъ?

— Это браконьеры, всевозможные воры и мошенники. Въ Эстляндiи еще преступность значительно меньше, а среди латышей (въ Лифляндiи и Курляндiи) есть даже цѣлыя преступныя волости!..»

Итакъ, революцiю дѣлаютъ воры, мошенники и браконьеры, къ которымъ въ городахъ присоединились не анархисты, не республиканцы, а просто «преступный элементъ».

Слишкомъ ужъ это «просто». Невольно приходится заподозрить г. Климкова: точно ли онъ воспроизвелъ бесѣду.

Pro domo sua. Въ послѣднее время я помѣстилъ въ «Руси» нѣсколько статей, посвященныхъ юридическому разбору совершающихся подъ флагомъ военнаго положенiя вопiющихъ беззаконiй. Эти статьи вызвали ироническое замѣчанiе г. Яблоновскаго въ «Нашей Жизни», справедливо напомнившаго, что тѣ же мысли «не менѣе блистательно» доказалъ у Глѣба Успенскаго одинъ волжскiй буфетчикъ, который говорилъ:—«Я такъ думаю: который человѣкъ ни въ чемъ не виновенъ, и того человѣка наказывать не за что. А который, ежели есть преступникъ или, такъ сказать, злодѣй какой-нибудь, такъ того наказывай. Больше ничего».

Г. Набоковъ въ «Полярной Звѣздѣ» тоже повидимому считаетъ, что я ломлюсь въ открытую дверь, и что не имѣетъ смысла выворачивать цѣлый арсеналъ статей закона для доказательства азбучной истины: для наказанiя нуженъ судъ, а для суда — законъ.

Но что же дѣлать, когда въ оффицiальныхъ приказахъ пишется о какихъ-то «полевыхъ» судахъ, когда обѣщаютъ смертную казнь безъ суда за невзносъ податей? Приходится и за азбуку браться, когда стало возможнымъ появленiе въ газетахъ, напр, такой телеграммы:

«Баронъ Каульбарсъ объявляетъ, что изобличенные въ хра-

ѣніи и приготовленіи взрывчатыхъ веществъ и снарядовъ для преступныхъ цѣлей будутъ задерживаться *и къ нимъ будетъ примѣнена смертная казнь въ административномъ порядкѣ»*.

Кромѣ того, многочисленныя письма, получаемыя мною по поводу этихъ статей, свидѣтельствуютъ, что я не напрасно наполнялъ ими столбцы газеты. Приношу кстати искреннюю благодарность моимъ корреспондентамъ за сочувственные отклики.

«Русь» 7 и 11 февраля 1906 г.,
№№ 22 и 26.

Войско накануне Государственной Думы.

Война для государства — экзаменъ. То, что при обычномъ теченіи жизни лишь ощущается и отъ сознанія массъ населенія можетъ быть болѣе или менѣе искусно укрываемо—въ моментъ войны обнажается во всей наготѣ. Ибо на войнѣ бьютъ не только или, сказать вѣрнѣе, не столько за техническіе недостатки вооруженія, снаряженія, обученія и личнаго состава арміи, сколько за тѣ факторы, которые эти недостатки породили. Въ войну 1870 года французовъ побѣдилъ нѣмецкій народный учитель. Въ войну 1904—1905 гг. Россія расплатилась за тринадцатилѣтіе царствованія Александра III и за послѣдующій режимъ чиновничьяго всевластія. Война 1855—1856 гг. была расплатой за крѣпостное право.

Уже двѣсти лѣтъ почти всѣ реформы въ войскѣ у насъ начинаются съ перемѣнъ въ формѣ одежды. Такъ было и послѣ севастопольскаго погрома. Первою мѣрою явилась замѣна фраковъ мундирами съ сплошными фалдами и старыхъ киверовъ головными уборами иного типа. Но на этомъ дѣло не остановилось.

Одновременно съ приступомъ къ работамъ по освобожденію крестьянъ, былъ поставленъ во всей его полнотѣ вопросъ о полной реорганизаціи арміи. За исходное начало было принято, что солдатомъ будетъ и долженъ быть не рабъ, а человѣкъ. Два крупнѣйшихъ дѣятеля эпохи великихъ реформъ оказались во

главѣ морского и военно-сухопутнаго вѣдомствъ—великій князь Константинъ Николаевичъ и гр. Д. А. Милютинъ, и оба они сразу задались созданіемъ условій обращенія солдата-автомата въ сознательно относящуюся къ своему тяжелому долгу личность.

«Палки капрала солдатъ долженъ бояться больше, нежели пули непріятеля»—говорилъ Фридрихъ II. Эта мысль въ условіяхъ нашей крѣпостной эпохи нашла живѣйшій откликъ, и палка стала основнымъ воспитательнымъ средствомъ и единственнымъ регуляторомъ отношеній въ войскѣ между начальниками и подчиненными. Да и могло ли быть иначе? Пощечина и розги регулировали отношенія господъ и рабовъ. Что другое, кромѣ палки, могло служить средствомъ воздѣйствія дворянъ-офицеровъ, тѣхъ же господъ въ военномъ мундирѣ, на солдатъ — тѣхъ же рабовъ въ сѣрой шинели?

Палка была средствомъ. Слѣпое, неразсуждающее повиновеніе—цѣлью. А гдѣ такова цѣль и таково средство — тамъ нѣтъ мѣста сознательной личности. Большее, что можетъ дать войску подобное воспитаніе—пассивную стойкость. Имъ можно научить солдата безропотно умирать. Но научить его побѣждать, когда противникъ умѣетъ не только умирать, а способенъ и къ активной дѣятельности — нельзя.

Въ 1863 г. послѣдовало изданіе акта для войска исключительной важности — «Положенія объ охраненіи воинской дисциплины и взысканіяхъ дисциплинарныхъ». Этимъ актомъ былъ сдѣланъ первый шагъ проведенія въ жизнь принциповъ, прямо противоположныхъ дореформенному времени. На смѣну безусловному повиновенію явилось повиновеніе условное, ограниченное законностью содержанія отданнаго приказанія и служебнымъ его характеромъ. Право жалобы подчиненныхъ на начальниковъ получило столь широкія и законченныя формы, что если бы касающіяся его опредѣленія — до сихъ поръ сохранившіяся безъ измѣненія — не встрѣчали произвольныхъ препятствій ихъ примѣненія, въ арміи, можно смѣло сказать, уже существовалъ бы правовой порядокъ. Въ томъ же году уничтожено прогнаніе сквозь строй. Въ 1866—1868 гг. изданъ воинскій уставъ о наказаніяхъ. Въ 1867 г. введена военно-судебная реформа.

Другую сторону задачи составляло обновленіе командного состава. Гр. Д. А. Милютинъ ее разрѣшилъ кореннымъ преобразо-

ваніемъ системы военно-учебныхъ заведеній. Старые кадетскіе корпуса, создававшіе изъ офицерства замкнутую касту, были обращены въ военныя гимназіи и училища. Первыя получили характеръ общеобразовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, вторыя — спеціальныхъ. Если военныя гимназіи все-таки сохранили обособленность, то только потому, что въ моментъ ихъ образованія во главѣ министерства народнаго просвѣщенія стоялъ гр. Д. А. Толстой, и Д. А. Милютинъ надѣялся сохранить хоть въ военномъ вѣдомствѣ среднюю школу.

Закончилась эпоха военныхъ реформъ уставомъ о воинской повинности 1874 г. Когда уставъ вырабатывался, реакція уже торжествовала, и нужны были невѣроятныя усилія военнаго министра, чтобы его провести. Дѣленіе населенія на господъ и рабовъ мало въ чемъ имѣло такое рельефное выраженіе, какъ въ рекрутской повинности. Во имя защиты отечества, она брала только рабовъ и близкія къ нимъ, хотя и не состоявшія въ крѣпости, податныя состоянія. Брала — сначала навсегда, потомъ на долгіе годы. Господа были свободны. Рекрутъ въ глазахъ закона былъ вещью, цѣнимою на деньги: богатый могъ купить человѣка и поставить его вмѣсто себя. Какъ помѣщикъ покупалъ въ собственность человѣческую рабочую силу, такъ ее по повинности пріобрѣтало тоже въ собственность войско.

19 февраля 1861 г., казалось, предрѣшило упраздненіе рекрутской повинности и принятіе въ основу новой системы комплектованія принциповъ всеобщности и личной обязательности. А и въ заключеніяхъ вѣдомствъ на проектъ, и въ государственномъ совѣтѣ было гораздо болѣе возраженій, чѣмъ сочувственнаго отношенія.

Возражали противъ принциповъ и противъ частностей. Возражали противъ освобожденія отъ службы въ войскахъ по религіознымъ убѣжденіямъ менонитовъ. Возражали противъ льготъ въ зависимости отъ полученнаго образованія. Говорили, что такія льготы разовьютъ стремленіе къ полученію образованія, а образованныхъ людей у насъ и безъ того слишкомъ много: «они не распредѣляются въ нашей общественной средѣ». И говорилъ это и писалъ министръ народнаго просвѣщенія!.. Еще говорили, что всеобщая повинность можетъ повести къ гибели древнихъ дворянскихъ родовъ...

Наступило 1 марта 1881 г. Въ апрѣлѣ офицерамъ и солдатамъ гвардіи разрѣшено носить бороды. Въ маѣ — уничтожены султаны и у генераловъ красные штаны. Въ іюнѣ сабли замѣнены шашками. Затѣмъ даны новаго образца мундиры, длинные сапоги и барашковыя шапки... Потомъ началась ломка и разрушеніе.

Въ войскахъ ломка и возвратъ назадъ повелись съ особенной энергіей. И если не все изъ созданнаго въ предшествующее царствованіе было сразу сломано, то только потому, что разрушители не оказались на высотѣ умѣнія.

Внѣшнимъ оправданіемъ «реформъ наоборотъ» была выставлена война 1877—1878 гг. По конечному результату, война оказалась, если не вполнѣ удачной, то не неудачной. Турокъ, во всякомъ случаѣ, побѣдили. Но что она обнаружила снова наши слабыя стороны—было несомнѣнно. На войнѣ крали, крали и крали. Первоначальный планъ кампаніи оказался никуда негоднымъ. Людей безразсудно посылали на убой подъ Плевной. На Шипкѣ солдаты замерзали безъ сапогъ и полушубковъ.

Отсюда, вопреки логикѣ, былъ сдѣланъ выводъ: «необходимо вытравить изъ военнаго закона либеральный духъ, вернуть къ жизни кадетскіе корпуса и усилить власть военныхъ начальниковъ.

Опять засвистала розга, опять возродилась кулачная расправа. Всѣ реформы Александра II имѣли общій недостатокъ: недоговоренность. Будучи обыкновенно слѣдствіемъ компромисса, онѣ оставляли лазейку, которою реакція безъ труда стала пользоваться. Такъ, манифестъ 17-го апрѣля 1863 г. не абсолютно уничтожилъ тѣлесное наказаніе, а, въ частности, въ войскахъ оставилъ розги, какъ мѣру дисциплинарную и даже судебную, въ видѣ «временнаго» и «замѣняющаго» наказанія. И для «убѣжденныхъ» сторонниковъ мнѣнія, что съ солдатомъ безъ «строгости» нельзя, не понадобилось сложной процедуры измѣненія закона, чтобы дать волю своимъ инстинктамъ. Такую же лазейку для кулачной расправы оставилъ законъ, объявившій нанесеніе побоевъ нижнимъ чинамъ преступленіемъ. На-ряду съ другими карами онъ назначилъ за него и дисциплинарное взысканіе, т.-е. начальство получило возможность не доводить дѣла до суда и подъ рукой, такъ сказать, даже поощрять отеческія расправы.

За розгой и кулакомъ пошелъ старый фридриховскій принципъ воспитанія. За нимъ сталъ возрождаться солдатъ-автоматъ. Обязанность сознательнаго повиновенія начальнику не вытравилась изъ печатнаго текста закона, но въ жизненномъ обиходѣ ея не стало. Солдатъ и сейчасъ учатъ не «по закону», а «по Драгомирову», который съ легкимъ сердцемъ разрубилъ труднѣйшій вопросъ бойкимъ афоризмомъ: дѣлай все, что прикажутъ, а противъ Царя не моги...

Въ военныхъ судахъ сейчасъ же былъ ослабленъ элементъ юристовъ за счетъ усиленія строевого. Исчезла несмѣняемость и независимость судей. Административная власть получила широкое право воздѣйствія на судъ.

Про кадетскіе корпуса первоначально было объявлено, что возрождается одно ихъ названіе. Но вскорѣ возродились и лагери, и старыя условія пріема, и внутренній бытъ и, главное, «духъ». Въ девятидесятыхъ годахъ, не усвоившій новыхъ вѣяній инспекторъ классовъ одного корпуса озабоченно докладывалъ директору, что кадеты съ каждымъ годомъ все хуже учатся. Умудренный опытомъ жизни директоръ отвѣчалъ: «Эхъ, батенька, зачѣмъ ученье: была бы выправка, да оркестръ музыки, да лагерь бы сошелъ хорошо». И онъ былъ правъ: его корпусъ считался образцовымъ.

Въ уставѣ воинской повинности подверглись значительному сокращенію льготы по образованію. Когда въ 1887 г. возникъ вопросъ о распространеніи устава на Закавказье и на поселенныхъ тамъ духоборовъ, то о такомъ изъятіи, какое принято для менонитовъ, не поднялось и рѣчи. Было рѣшено: заставить служить во что бы то ни стало. И заставляли — пока въ 1896 г. не состоялось Высочайшаго повелѣнія ссылать духоборовъ, вмѣсто военной службы, на восемнадцать лѣтъ въ якутскую область.

Послѣдніе десять лѣтъ прошли въ войскѣ безцвѣтно. Даже въ формѣ одежды существенныхъ измѣненій не было произведено. Перевооружали, развивали боевую готовность, перемѣняли строевые уставы, кое-гдѣ клали заплаты. Произволъ росъ и безудержно множился...

Грянула война... и окончилась безпримѣрнымъ пораженіемъ.

Пока что, образованъ совѣтъ обороны, уволено отъ службы

человѣкъ тридцать генераловъ — членовъ военнаго совѣта и комитета о раненыхъ, вмѣсто гладкихъ пуговицъ армейскимъ полкамъ даны пуговицы съ орлами и офицерамъ разрѣшено дѣлать прорѣзи на пальто, чтобы можно было вынимать шашки изъ ноженъ, не разстегиваясь. Пишутъ въ газетахъ, что будетъ разрѣшено носить тужурки... Кромѣ того, удовлетворены требованія солдатъ объ увеличеніи жалованья и улучшеніи довольствія, дружно заявленныя ими «революціоннымъ» путемъ.

Великая и громадная задача предстоитъ Государственной Думѣ. Въ отношеніи войска не меньшая, чѣмъ въ отношеніи всего остальнаго...

«Страна» 19 февраля 1906 г.,
№ 1.

Баллотировка шарами и подачей записокъ.

Положеніемъ о выборахъ 6 августа установленъ двоякій порядокъ избранія выборщиковъ: на съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ — посредствомъ баллотировки шарами и на съѣздахъ городскихъ избирателей—посредствомъ подачи записокъ (ст. 40).

Двойственность эта въ законѣ 11 декабря получила дальнѣйшее развитіе. Порядокъ избранія посредствомъ подачи записокъ установленъ и для съѣздовъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, «въ составъ коихъ входятъ по избирательнымъ спискамъ болѣе пятисотъ лицъ».

Баллотировка шарами или записками вопросъ техническій. И та, и другая системы суть способы закрытаго голосованія. Обѣ, слѣдовательно, подлежатъ оцѣнкѣ со стороны обезпеченія свободы избирателя въ моментъ вотума, во-первыхъ, сохраненія тайны поданнаго голоса—во-вторыхъ, и удобства практическаго примѣненія — въ-третьихъ.

Но когда законъ одновременно и параллельно принимаетъ два способа осуществленія какого бы то ни было права, то возникаетъ, сверхъ того, необходимость сопоставленія ихъ въ цѣляхъ выясненія равенства ихъ значенія.

Въ отношеніи обезпеченія свободы избирателя преимущества принадлежатъ баллотировкѣ шарами. Назойливыя приставанія и упрашиванія партійныхъ агитаторовъ, встрѣчающія избирателя

на подъѣздѣ дома, гдѣ производится подача записокъ, и провожающія его на лѣстницѣ и т. д. до двери, за которой стоитъ урна, — всегда могутъ оказать воздѣйствіе на человѣка слабой воли. Онъ самъ не отдастъ себѣ иной разъ отчета, какъ вмѣсто заготовленнаго дома бюллетеня у него въ рукахъ или въ карманѣ окажется другой. Ложный стыдъ подать бюллетень, некрасиво или съ грамматическими ошибками написанный, неловкость отказать знакомому въ его просьбѣ показать бюллетень — всѣ подобнаго рода мелочи могутъ играть и, какъ учитъ опытъ, дѣйствительно играютъ иногда немаловажную роль.

Съ другой стороны, самостоятельное составленіе бюллетеня, особенно когда приходится написать десятокъ и болѣе именъ, требуетъ во всякомъ случаѣ труда. Надо подумать, надо написать. А когда думаешь о лицѣ — берутъ сомнѣнія и приходится испытывать непріятныя ощущенія: да стоитъ ли его вносить въ списокъ? Гдѣ найти достаточное число достойныхъ «моего» вотума, безукоризненныхъ лицъ? Готовые бюллетени партій освобождаютъ и отъ обязанности думать, и отъ обязанности писать. Въ сознаніи избирателя личная отвѣтственность за бюллетень умаляется возможностью ея переложенія на партію. Подаваемый бюллетень не «мой»—«я» его только подаю. Не «я» обдумывалъ каждое имя. Такими софизмами лѣнь мыслить и писать пересиливаетъ совѣсть, и пассивный избиратель подчиняетъ свою свободу искусному воздѣйствію активныхъ участниковъ выборной борьбы.

Другое дѣло шаръ, который избиратель получаетъ передъ ящикомъ и который онъ обязанъ положить или направо, или налѣво. Тутъ нечѣмъ укрыться отъ своего личнаго сужденія о кандидатѣ. Ни число баллотируемыхъ лицъ, ни обѣщанія, вырванныя на подъѣздѣ и на лѣстницѣ, тутъ не имѣютъ значенія. Повернуть руку съ шаромъ вправо одинаково легко и одинаково трудно, какъ и влѣво. Избиратель въ направленіи руки абсолютно свободенъ.

Въ отношеніи сохраненія тайны голосованія обѣ системы равны, если конечно бюро, производящее подсчетъ записокъ, будетъ стоять на надлежащей высотѣ и не допуститъ изслѣдованія записокъ по почерку. При небольшомъ числѣ баллотирующихъ

и общей ихъ дисциплинированности шары даже скорѣе могутъ выдать лукавство.

Въ к... уѣздномъ земствѣ имѣлъ мѣсто лѣтъ двадцать назадъ слѣдующій курьезный случай. Предварительные переговоры и подсчеты показали, что прибывшіе на избирательный съѣздъ распались на двѣ почти равныя партіи: одна насчитывала девятнадцать голосовъ, другая—восемнадцать. Попытки къ соглашенію не удались. Стало ясно, что въ результатѣ выборовъ никто не получитъ большинства и что ни одного гласнаго земство имѣть не будетъ. Кандидаты первой партіи, за исключеніемъ голоса баллотирующагося, могли разсчитывать на восемнадцать голосовъ «за» и на столько же «противъ». Кандидаты второй—на семнадцать «за» и девятнадцать «противъ». Тогда со стороны представителей первой партіи начались энергичныя воздѣйствія на отдѣльныхъ противниковъ. Одинъ избиратель, особенно желавшій быть избраннымъ, не устоялъ. Но онъ очень опасался прослыть измѣнникомъ. Его уговорили, что никто не узнаетъ, въ которую половину ящика онъ будетъ опускать шары. Начались выборы. Къ удивленію второй партіи, первый баллотировавшійся кандидатъ изъ противной группы получилъ 19 и 17; второй—то же и т. д. А свои кандидаты получали, какъ и ожидалось, 17 и 19. Дошла очередь до предателя. Въ его ящикѣ оказалось 36 бѣлыхъ шаровъ и ни одного чернаго. Никто никому ничего не сказалъ, а анонимъ раскрылся.

Въ отношеніи практическихъ удобствъ преимущества принадлежатъ системѣ записокъ. При ней вся процедура баллотированія совершается просто и быстро. Такъ же точно упрощается подсчетъ голосовъ. Избиратель теряетъ ровно столько времени, сколько нужно, чтобы придти въ назначенное мѣсто и опустить бюллетень. А когда баллотировка производится шарами, онъ долженъ стать въ вереницу и шагъ за шагомъ обходить длинный рядъ ящиковъ. Если баллотирующихъ нѣсколько сотъ и баллотирующихся тоже сотни, то для производства выборовъ необходимо вычеркнуть изъ жизни избирателей по крайней мѣрѣ двое сутокъ. Кромѣ того, во второмъ случаѣ вмѣсто одного самаго простого ящика съ прорѣзью на крышкѣ необходимо имѣть столько спеціальныхъ баллотировочныхъ ящиковъ, сколько кан-

дидатовъ, и необходимо заготовить специальные же шары по числу баллотирующихъ, помноженному на число кандидатовъ.

Далѣе, система шаровъ не устраняетъ возможности грубыхъ злоупотребленій, благодаря которымъ нѣсколько сговорившихся лицъ легко могутъ всегда сорвать выборы.

Если въ данномъ избирательномъ собраніи употребляются шары безъ особыхъ отмѣтокъ на каждомъ шарѣ, то для этого достаточно принести съ собой сколько угодно такихъ шаровъ и насыпать ихъ пригоршнями въ три-четыре ящика. Если употребляются шары съ отмѣтками, то рѣшившійся на злоупотребленіе избиратель можетъ, обходя ящики и получая около каждаго по одному шару, шаръ этотъ не опускать, а оставлять въ рукѣ и, накопивъ такимъ образомъ нѣсколько шаровъ, всѣ ихъ положить направо излюбленному кандидату или налѣво — нежелательному. И уловить подобный маневръ почти невозможно. Этотъ пріемъ широко практиковался на городскихъ выборахъ при дѣйствіи стараго городового положенія, когда рѣдкіе выборы проходили безъ того, чтобы подсчетъ не обнаруживалъ въ однихъ ящикахъ лишніе шары противъ числа баллотировавшихъ, а въ другихъ—нехватку шаровъ. Существуютъ, правда, особые патентованные ящики, не допускающіе злоупотребленій. Но завести ихъ повсемѣстно стоило бы милліонныхъ расходовъ.

Всѣ практическія преимущества записокъ однако разбиваются о неграмотность избирателей. Неграмотные иначе, какъ баллотировкой шарами, самостоятельно осуществлять своего права не могутъ. Лучше ихъ въ такомъ случаѣ вовсе лишить избирательныхъ правъ, ибо записки отдаютъ ихъ цѣликомъ въ руки грамотныхъ.

Надо думать, что именно это послѣднее соображеніе имѣло рѣшающее значеніе въ глазахъ составителей положенія 6 августа. Справедливо полагая, что въ городскомъ населеніи процентъ неграмотныхъ невеликъ и въ виду практическихъ удобствъ голосованія посредствомъ бюллетеней—они для первой стадіи выборовъ въ городахъ приняли систему записокъ. А для той же стадіи выборовъ въ уѣздахъ въ виду неграмотности крестьянъ — тяжеловѣсную и неудобную систему шаровъ.

Что касается окончательныхъ выборовъ, то для всѣхъ избирательныхъ собраній установлена баллотировка шарами, очевидно

въ цѣляхъ единства, съ одной стороны, и преимуществъ этой системы относительно свободы избирателя—съ другой. Значеніе практическихъ неудобствъ баллотировки шарами во второй стадіи умаляется ограниченностью числа выборщиковъ.

Но равны ли и однозначущи ли баллотировка шарами и подачей записокъ по объему предоставляемой каждой изъ этихъ системъ степени возможности для избирателя вліять на выборы?

Возьмемъ конкретный примѣръ: избирателей 500, кандидатовъ въ выборщики 50, надлежитъ избрать 10 лицъ.

При системѣ записокъ большее, на что получаетъ право избиратель, это сказать въ отношеніи 10 лицъ: «да, я избираю». Въ отношеніи прочихъ 40 онъ не говоритъ ни да, ни нѣтъ. Если онъ считаетъ достойными избранія не 10, а 20 или хотя бы всѣхъ 50 кандидатовъ, выразить это и въ этомъ смыслѣ повліять на выборы онъ не можетъ. Обратно, если избиратель ни одного кандидата не считаетъ достойнымъ, онъ можетъ подать пустой бюллетень, т.-е. воздержаться отъ голосованія и нейтрализовать свой голосъ, но активно выразить свое неодобреніе всѣмъ баллотирующимся онъ лишенъ возможности.

При системѣ шаровъ избиратель обладаетъ правомъ сказать «да» не столько разъ, сколько лицъ надлежитъ выбрать, а сколько выставлено кандитатовъ—не 10 разъ, а 50. Кромѣ того онъ получаетъ право сказать столько же разъ «нѣтъ». Ясно, что системы не равны и баллотировка шарами гораздо шире подачи записокъ.

Гдѣ политическая жизнь установилась и гдѣ политическіе дѣятели хорошо извѣстны населенію, тамъ есть основаніе ожидать, что и при баллотировкѣ шарами избиратели въ массѣ будутъ поступать такъ, какъ поступали бы при подачѣ записокъ: 10 лицамъ будутъ класть шаръ направо и 40—налѣво. Гдѣ же она только начинается и кандидаты, какъ политическіе дѣятели, въ образуемомъ впервые представительствѣ никому неизвѣстны, тамъ съ полной вѣроятностью должно ожидать совершенно иное. Избирателямъ въ массѣ придется гадать о кандидатахъ, ни одинъ изъ которыхъ, за рѣдкими исключеніями, политическаго прошлаго не имѣетъ. А гдѣ догадки, тамъ прежде всего отражается темпераментъ и общее настроеніе человѣка. Одинъ станетъ разсуждать такъ: «я его недостаточно знаю и потому не могу по

совѣсти положить ему направо». Другой: «я его недостаточно знаю и потому не имѣю основанія класть налѣво». Въ результатѣ лишь меньшинство навѣрное осуществитъ свое право въ формѣ «да» по числу выборщиковъ и въ формѣ «нѣтъ» по числу остальныхъ кандидатовъ.

Пока двойственность системы въ первой стадіи выборовъ стояла въ зависимости отъ различенія городскихъ условій и уѣздныхъ — съ ней еще возможно было мириться. Неграмотность деревни и неудобства системы шаровъ служили, если не полнымъ, то все-таки хоть нѣкоторымъ оправданіемъ. Когда же въ основу различенія принятъ такой случайный моментъ, какъ число лицъ, внесенныхъ въ избирательные списки уѣзднаго съѣзда, то неравенство системъ выступаетъ со всей несправедливостью.

Да, баллотировка шарами при пятистахъ избирателяхъ весьма затруднительна. Но при четырехстахъ пятидесяти она не на много легче. А процентъ неграмотныхъ избирателей останется тотъ же, занесено ли въ списки пятьсотъ или четыреста.

«Русь» 20 февраля 1906 г.,
№ 34.

Законное беззаконіе.

I.

Близится время выборовъ въ Государственную Думу. Для крестьянъ и мелкихъ внѣгородскихъ собственниковъ, которымъ предстоятъ выборы трехстепенные, первый его періодъ уже наступилъ.

Съ каждымъ днемъ увеличивается число лицъ, устраняемыхъ отъ выборовъ. Въ любомъ номерѣ любой газеты можно прочесть, что то тутъ, то тамъ, привлеченъ къ судебной отвѣтственности или арестованъ, или назначенъ къ высылкѣ административнымъ порядкомъ то врачъ, то адвокатъ, то предсѣдатель управы, то земскій служащій, словомъ—избиратель.

Невольно встаютъ въ памяти слова всеподданнѣйшаго доклада графа Витте: «Правительство должно поставить себѣ непоколебимымъ принципомъ полное невмѣшательство въ выборы въ Государственную Думу».

Куда дѣвался этотъ непоколебимый принципъ? Какъ объяснить, при полномъ невмѣшательствѣ въ выборы, массовые аресты, ссылки и привлеченія къ судебной отвѣтственности избирателей, оканчивающіяся приговоромъ о десяти дняхъ ареста, какъ было съ профессоромъ Гредескуломъ въ Харьковѣ?

Слышится отвѣтъ центральнаго правительства: предстоящіе выборы и преслѣдованіе «государственныхъ преступниковъ» не имѣютъ между собою ничего общаго; это только «злонамѣренныя» газеты произвольно и искусственно ихъ сопоставляютъ...

Допустимъ, что такъ. Но, въ такомъ случаѣ, опять вспоминаются слова того же «принятаго къ руководству» доклада: «Въ отношеніи къ будущей Государственной Думѣ заботой правительства должно быть поддержаніе ея *престижа*, *довѣрія* къ ея работамъ и обезпеченіе подобающаго сему учрежденію *значенія*».

Кто не подпишется подъ этими словами?! Весь смыслъ народнаго представительства въ его «значеніи». Единственно, что можетъ значеніе его обезпечить — довѣріе. Создаетъ довѣріе — престижъ. Какъ жена цезаря, представительное учрежденіе должно быть выше подозрѣній. Мало, если выборы пройдутъ безъ намѣреннаго вмѣшательства правительства, безъ намѣреннаго направленія ихъ исхода. Необходимо еще, чтобы это было такъ не только въ дѣйствительности, но и въ представленіи населенія. Необходимо, чтобы населеніе видѣло невмѣшательство правительства, чтобы у населенія и мысли не возникало о подтасовкѣ выборовъ путемъ лишенія нежелательныхъ правительству кандидатовъ избирательныхъ правъ и устраненія ихъ тѣмъ отъ баллотировки. Иначе отъ представительства заранѣе будетъ отнятъ престижъ, а слѣдовательно—довѣріе и значеніе.

Мы допустили, что вѣроятный отвѣтъ центральной власти парируетъ упрекъ, дабы показать и съ этой точки зрѣнія его несостоятельность. По существу же утвержденіе, что массовое возбужденіе судебныхъ преслѣдованій не имѣетъ связи съ выборами, болѣе чѣмъ рискованно.

«Между выраженнымъ съ наибольшей искренностью принципомъ,—писалъ въ докладѣ графъ Витте,—и осуществленіемъ его въ законодательныхъ нормахъ, а въ особенности проведеніемъ этихъ нормъ въ нравы общества и пріемы правительственныхъ агентовъ, не можетъ не пройти нѣкоторое время. Сразу пріуготовить страну съ 135-милліоннымъ разнороднымъ населеніемъ и обширнѣйшей администраціей, воспитанными на иныхъ началахъ, къ воспріятію и усвоенію нормъ правового порядка не по силамъ никакому правительству».

«Нѣкоторое время» для перевоспитанія правительственныхъ агентовъ — не четыре мѣсяца. И все, что произошло за эти четыре мѣсяца и происходитъ сейчасъ, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, какъ глубоко былъ правъ авторъ доклада. Его слова ежедневно оправдывались и оправдываются. Мало того: четыре

мѣсяца показали, что никакое время нынѣшнихъ агентовъ власти—высшихъ даже болѣе, чѣмъ низшихъ—не перевоспитаетъ и что необходимое условіе искорененія старыхъ «пріемовъ» и «пріуготовленія страны къ воспріятію и усвоенію нормъ правового порядка» — это полная смѣна «обширнѣйшей» администраціи, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ высшихъ ея представителей.

Было бы необъяснимымъ чудомъ, если бы администрація, не встрѣчая категоричныхъ и суровыхъ запретовъ сверху, отказалась отъ привычныхъ и удобныхъ «пріемовъ» воздѣйствія въ такой важный моментъ, какъ выборы. Особенно—когда въ теченіи внутренней политики наступила полоса реакціи, когда возродились «виды правительства», и эти виды — свести на нѣтъ манифестъ 17 октября. «Иныя начала воспитанія» требовали отъ администраторовъ одного: чуткости къ смѣняющимся «видамъ правительства» и усердія въ ихъ проведеніи. Воспитанной на такихъ началахъ администраціи подсказывать побѣду на выборахъ реакціонныхъ элементовъ не нужно.

Съ другой стороны, «нѣкоторое время» для перевоспитанія общества—тоже не четыре мѣсяца. Какъ и въ администраціи, въ обществѣ въ продолженіе многихъ и многихъ лѣтъ произволомъ и беззаконіемъ воспитывалась способность улавливать правительственные «виды». Общество привыкло къ послушанію. И не къ послушанію закону, а циркуляру, указанію, даже намеку.

Предвыборные аресты и лишеніе избирательныхъ правъ въ глазахъ нѣкоторыхъ избирателей усилятъ, правда, чувство протеста, радикализмъ настроенія и симпатіи къ «лѣвымъ» кандидатамъ. Но такихъ будетъ численно немного. Привычка къ повиновенію «видамъ правительства» заставитъ пассивныя массы, быть можетъ помимо воли, увеличить число шаровъ «правымъ» кандидатамъ.

Кто наблюдалъ проявленія общественности не въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ или Кіевѣ, а въ глухихъ углахъ провинціи, тотъ съ нами согласится. И губернаторы, а черезъ нихъ министерство внутреннихъ дѣлъ, это отлично знаютъ. Составъ же Думы опредѣлятъ не умственные, культурные или фабрично-заводскіе центры, его опредѣлятъ мелкіе землевладѣльцы—элементъ, наиболѣе пассивный и наиболѣе склонный руководиться житейской мудростью: какъ бы чего за это отъ начальства не вышло...

Если министерство внутреннихъ дѣлъ это знаетъ и на это разсчитываетъ, то значитъ «невмѣшательство въ выборы» постигла та же участь, какъ и другія октябрьскія обѣщанія. Но напрасно: такая Дума еще раньше, чѣмъ соберется, будетъ дискредитирована.

II.

Итакъ, съ двухъ сторонъ готовится печальная судьба будущей Думѣ.

Готовится Дума, личный составъ которой, прежде чѣмъ Дума приступитъ къ занятіямъ, уже будетъ дискредитированъ. Совершается явное беззаконіе. Совершается оно, однако, на законномъ основаніи.

Согласно ст. 7 положенія о выборахъ 6 августа, въ ряду другихъ лицъ, «въ выборахъ не участвуютъ»: а) «подвергшіеся суду за преступныя дѣянія, влекущія за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, либо исключеніе изъ службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоеніе ввѣреннаго имущества, укрывательство похищеннаго, покупку и принятіе въ закладъ завѣдомо краденаго или полученнаго черезъ обманъ имущества и ростовщичество, когда они судебными приговорами не оправданы, хотя бы послѣ состоявшагося осужденія они и были освобождены отъ наказанія за давностью, примиреніемъ, силою Всемилостивѣйшаго манифеста или особаго Высочайшаго повелѣнія; б) отрѣшенные по судебнымъ приговорамъ отъ должности — въ теченіе трехъ лѣтъ со времени отрѣшенія, хотя бы они и были освобождены отъ сего наказанія за давностью, силою Всемилостивѣйшаго манифеста или особаго Высочайшаго повелѣнія; в) состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ по обвиненіямъ въ преступныхъ дѣяніяхъ, означенныхъ въ пунктѣ «а» или влекущихъ за собою отрѣшеніе отъ должности».

Послѣдній пунктъ (в) и составляетъ законное основаніе, создающее для центральной и мѣстной власти возможность самаго широкаго устраненія отъ выборовъ. Когда, послѣ изданія манифеста 17 октября, положеніе о выборахъ перерабатывалось, это

правило встрѣтило энергичныя возраженія. Законодательная власть ими не убѣдилась и указъ 11 декабря этого правила не отмѣнилъ.

Уравненіе лицъ, подвергшихся правоограниченію по суду, т.-е. по вступившему въ законную силу судебному приговору, и лицъ, «состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ» за дѣянія, влекущія правоограниченіе, т.-е. такихъ лицъ, въ отношеніи которыхъ можетъ въ будущемъ состояться приговоръ суда, составляетъ общее явленіе въ нашемъ законодательствѣ. Этого начала держатся: уставъ о службѣ, судебные уставы, земское и городовое положенія и проч.

Въ цѣляхъ единства оно принято и положеніемъ о выборахъ въ Государственную Думу. Другой мотивъ заключается въ томъ, что состояніе подъ судомъ необходимо предполагаетъ актъ судебной власти — преданіе суду, а состояніе подъ слѣдствіемъ тоже актъ судебной власти—постановленіе о привлеченіи въ качествѣ обвиняемаго. Отсюда выводъ, что злоупотребленія не могутъ имѣть мѣста, такъ какъ ихъ гарантируетъ самая организація «независимой» судебной власти.

Оба мотива не выдерживаютъ и снисходительной критики.

Единство системы, подкупающее внѣшней красотой юридической конструкціи, составляетъ слишкомъ слабый аргументъ, чтобы вообще можно было что-либо на немъ строить. Безвредное или даже полезное въ приложеніи къ одной области законодательства можетъ быть вреднымъ въ приложеніи къ другой. Государству нѣтъ никакого основанія широко раскрывать двери для вступленія въ ряды чиновниковъ и судей лицъ, хотя бы только заподозрѣнныхъ въ совершеніи преступныхъ дѣяній, влекущихъ ограниченіе правъ. Ограждая интересы службы, государство имѣетъ полное основаніе говорить такимъ лицамъ: «обожди суда; если судъ сниметъ подозрѣніе — тогда на другой же день станешь чиновникомъ».

Но закрывать словомъ «обожди» двери общественной дѣятельности государство права не имѣетъ. Право общественной дѣятельности создается выборомъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Если лицо устранено отъ выборовъ, то оно фактически остается лишеннымъ права на весь этотъ срокъ. Быть можетъ, подозрѣніе было абсолютно несостоятельно, быть можетъ, судъ на другой же день вынесъ оправдательный вер-

диктъ — для лица общественная дѣятельность остается прекращенной въ теченіе многихъ лѣтъ.

Поэтому и въ отношеніи земскихъ и городскихъ выборовъ уравненіе для устраненія «осужденія» и «привлеченія къ отвѣтственности» несправедливо и неправильно. Оно несправедливо и неправильно въ отношеніи выборовъ въ Государственную Думу во столько разъ больше, во сколько разъ выше значеніе всенароднаго государственнаго представительства.

Не одинъ примѣръ злоупотребленія мы могли бы привести для иллюстраціи. Земская хроника ими чрезвычайно богата. Случай ли благопріятствовалъ администраціи, но только многожды оказывалось, что «неблагонадежные» земцы получали оправдательные приговоры и тѣмъ возстановленіе въ правахъ черезъ мѣсяцъ послѣ обновленія состава гласныхъ на трехлѣтіе.

Привлеченіе къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго принадлежитъ власти судебнаго слѣдователя и чиновъ прокуратуры. Если и коллегіальный судъ нашъ далекъ отъ типа англійскаго, дѣйствительно «независимаго» суда, то что сказать про низшіе единоличные органы юстиціи? Судебныхъ слѣдователей, формально пользующихся правомъ несмѣняемости, въ Россіи почти нѣтъ. Болѣе двадцати лѣтъ назадъ, въ нарушеніе судебныхъ уставовъ, на практикѣ создался своеобразный институтъ чиновниковъ, причисленныхъ къ министерству юстиціи и командированныхъ для исполненія обязанностей судебныхъ слѣдователей. По производству предварительныхъ слѣдствій эти «исполняющіе обязанности» пользуются всѣми правами судебныхъ слѣдователей. Лично же они суть не судьи, а формально даже—только чиновники, вполнѣ зависимые отъ начальства. Организація нашей слѣдственной части, такимъ образомъ, сама по себѣ ровно ничего не гарантируетъ. Организація прокуратуры—тѣмъ менѣе.

Съ другой стороны, судебные слѣдователи и товарищи прокуроровъ могутъ быть и сами вовлечены въ мѣстную партійную борьбу, независимо отъ того или другого воздѣйствія на нихъ администраціи. Въ матеріалахъ по пересмотру судебныхъ уставовъ есть не мало данныхъ, свидѣтельствующихъ, что условія уѣздной жизни очень и очень часто отражаются на ихъ дѣятельности. Въ предвыборный періодъ у нихъ могутъ оказаться и политическіе враги, и политическіе друзья. Искушеніе помочь

однимъ и устранить другихъ можетъ быть чрезвычайно сильно. Оно можетъ пересилить этическія чувства средняго человѣка.

III.

Допустимъ, однако, что всѣ органы юстиціи, какъ до сихъ поръ стояли на высотѣ положенія, такъ и въ предстоящіе мѣсяцы выборной кампаніи ни разу и нигдѣ не покривятъ душой. И все-таки возможность произвольнаго устраненія отъ выборовъ остается въ полной силѣ.

Одна сила уликъ должна быть налицо для осужденія, другая, меньшая, для преданія суду, третья, еще меньшая, для привлеченія къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго. На этомъ различіи построенъ весь ходъ уголовнаго процесса. Чтобы судъ вынесъ обвинительный приговоръ — виновность должна быть доказана. Чтобы состоялось преданіе суду—виновность должна быть вѣроятною. Чтобы состоялось привлеченіе въ качествѣ обвиняемаго—виновность можетъ быть только возможною.

Для начатія предварительнаго слѣдствія, говоритъ уставъ уголовнаго судопроизводства, необходима наличность законнаго повода и достаточнаго основанія, т.-е. фактически обоснованнаго предположенія, вытекающаго изъ односторонняго заявленія полиціи или жалобы частнаго обвинителя и вообще тѣхъ органовъ или лицъ, которымъ принадлежитъ право вчинять уголовный искъ. Имѣя законный поводъ и достаточное основаніе, судебный слѣдователь обязанъ принять дѣло къ производству и привлечь заподозрѣннаго въ качествѣ обвиняемаго.

Для лишенія или ограниченія правъ по суду необходима не только наличность судебнаго приговора, но и вступленіе его въ законную силу, т.-е. повѣрка всѣхъ предшествующихъ судебныхъ дѣйствій въ кассаціонномъ порядкѣ, если того пожелаетъ осужденный.

Разница очевидно колоссальная. Лишеніе правъ по суду есть фактъ, имѣющій за собой цѣлый рядъ сложныхъ гарантій. Привлеченіе къ слѣдствію и даже преданіе суду—одни предположенія о возможномъ наступленіи этого факта. Можно ли ихъ уравни-

вать въ отношеніи права избирать представителей народа и быть избираемымъ?

Далѣе, уравненіе состоянія подъ слѣдствіемъ или судомъ съ осужденіемъ ведетъ къ тому, что первое основаніе охватываетъ гораздо большій кругъ дѣяній и лицъ, нежели послѣднее.

По системѣ нашихъ уголовныхъ законовъ лишеніе или ограниченіе правъ составляетъ, въ общемъ правилѣ, слѣдствіе наказанія, а не преступнаго дѣянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ новое уголовное уложеніе, такъ и старое уложеніе о наказаніяхъ только въ исключительныхъ случаяхъ назначаютъ за дѣяніе одинъ видъ или размѣръ наказанія. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ суду предоставляется свободный выборъ изъ нѣсколькихъ карательныхъ мѣръ. Кромѣ того, при наличности уменьшающихъ вину обстоятельствъ, суду принадлежитъ право понижать наказаніе дальше предѣловъ данной статьи.

А потому совершить, при безспорныхъ условіяхъ вмѣненія и преступности, дѣяніе, за которое положено наказаніе, соединенное съ лишеніемъ правъ, не значитъ еще быть впослѣдствіи обязательно подвергнутымъ праволишенію. Несомнѣнно виновный, послѣ осужденія и вступленія приговора въ законную силу, можетъ остаться полноправнымъ гражданиномъ. До суда же онъ будетъ обязательно лишенъ избирательныхъ правъ, если по суду ему можетъ быть назначено праволишеніе.

Возьмемъ конкректный примѣръ самаго нынѣ распространеннаго привлеченія къ отвѣтственности, по ст. 129 угол. улож. Въ первой части этой статьи положены: ссылка на поселеніе и заключеніе въ исправительномъ домѣ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ. Оба наказанія влекутъ за собою лишеніе правъ состоянія (ст. ст. 25, 26 и 30). Слѣдовательно, лицо, противъ коего возбуждено обвиненіе по 129 ст., съ момента начала слѣдствія обязательно лишается избирательныхъ правъ. Между тѣмъ по суду, при наличности уменьшающихъ вину обстоятельствъ, ему могутъ быть назначены: вмѣсто ссылки — крѣпость и вмѣсто исправительнаго дома—тюрьма (ст. 53), — т.-е. наказанія, не влекущія ограниченія правъ состоянія.

Мы взяли примѣръ совершенія дѣянія, представляющагося по наказуемости весьма тяжкимъ. Но законъ устраняетъ избирателя отъ выборовъ и тогда, когда ему предъявлено обвиненіе въ

дѣяніи, за которое, какъ высшее наказаніе, полагается отрѣшеніе отъ должности.

Такихъ дѣяній предусмотрѣно въ уложеніи о наказаніяхъ столь безчисленное множество и столь они мелочны, что противъ каждаго должностного лица смѣло можно въ любую минуту его служебной жизни возбудить обвиненіе. Сюда относятся: распечатаніе казеннаго пакета ненадлежащимъ чиновникомъ, всякое ослушаніе начальства, несоблюденіе канцелярскаго распорядка и т. д., и т. д. Сознавая всю маловажность этихъ проступковъ, уложеніе ни разу не назначаетъ за нихъ только отрѣшеніе отъ должности, а всегда предоставляетъ суду свободный выборъ между отрѣшеніемъ и дисциплинарными взысканіями, вплоть до выговора и замѣчанія. А потому, напримѣръ, предсѣдатель или членъ земской управы, положимъ, за ослушаніе лишь въ видѣ исключенія можетъ подвергнуться по суду ограниченію избирательныхъ правъ. До суда же онъ подвергается этому ограниченію обязательно, при томъ на точномъ основаніи закона и, слѣдовательно, безъ малѣйшей надежды на отмѣну распоряженія.

Ни за что такъ не держалась и не держится бюрократія, какъ за лазейки, дающія возможность совершать на законномъ основаніи беззаконія.

Правительство, принявшее основнымъ для себя принципомъ «прямоту и искренность въ утвержденіи на всѣхъ поприщахъ даруемыхъ населенію благъ гражданской свободы», должно немедленно отмѣнить п. «в» ст. 7 положенія о выборахъ.

«Русь» 25, 26 и 28 февраля 1906 г., №№ 39, 40 и 42.

Предвыборные сроки.

Созывъ Государственной Думы назначенъ на 27 апрѣля. Выборы членовъ Думы въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ, въ двадцати восьми губерніяхъ первой очереди—26 марта. Избраніе выборщиковъ въ городахъ, не имѣющихъ отдѣльнаго представительства — 8 марта; въ съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ и уполномоченныхъ отъ мелкихъ собственниковъ — 10 марта. Избраніе уполномоченныхъ въ предварительныхъ съѣздахъ—съ конца февраля по 7 марта.

Повсемѣстно ли выборщики будутъ избираться 8 и 10 марта (кромѣ крестьянскихъ)—мы пока не знаемъ. Наши свѣдѣнія относятся лишь къ нѣкоторымъ губерніямъ.

Итакъ, для провѣрки правильности дѣйствій коммиссій и для составленія и отпечатанія списковъ членовъ Думы власти получили 31 день (съ 26 марта по 27 апрѣля). Для составленія списковъ выборщиковъ—отведено 16 дней. А для подготовленія избранія выборщиковъ отъ уѣздовъ оставлено всего два дня: 8 и 9 марта.

Списки крупныхъ землевладѣльцевъ, непосредственно участвующихъ въ уѣздныхъ съѣздахъ, давно готовы, и эти лица давно могли обмѣниваться между собою о желательныхъ и возможныхъ кандидатахъ. Къ тому же эта категорія избирателей немногочисленна и болѣе или менѣе другъ друга знаетъ, напр., по совмѣстной дѣятельности въ земствѣ.

Списки же уполномоченныхъ отъ мелкихъ собственниковъ станутъ извѣстны лишь къ 8 марта, т.-е. за два дня до избранія. Ни между собою, ни съ крупными землевладѣльцами, вмѣстѣ съ которыми они будутъ вотировать, имъ сговориться очевидно не удастся.

Между тѣмъ, теперь окончательно выяснилось, что рѣшающій голосъ въ уѣздныхъ съѣздахъ и въ губернскихъ собраніяхъ будетъ принадлежать именно мелкимъ собственникамъ внѣгородскихъ имуществъ.

Передъ нами списки избирателей одного изъ уѣздовъ Тверской губерніи. Крупныхъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ — 73. Мелкихъ — 12,000. Допустимъ, что въ числѣ первыхъ окажется 20 проц. абсентеистовъ, а въ числѣ вторыхъ цѣлая половина — 50 проц. Допустимъ, что въ среднемъ каждый мелкій собственникъ явится съ одной двадцатой полнаго ценза. И все-таки на 58 непосредственныхъ участниковъ уѣзднаго съѣзда будетъ 300 уполномоченныхъ.

Всѣ эти 300 человѣкъ — наименѣе извѣстный въ уѣздѣ элементъ. Въ крестьянскихъ организаціяхъ они не участвуютъ. Отъ земства стоятъ въ сторонѣ, частью фактически, частью и юридически. Ни сами они другъ друга не знаютъ, ни крупнымъ собственникамъ они неизвѣстны.

Партійная агитація тоже шла мимо нихъ, будучи направлена на городское населеніе и на крестьянъ. Послѣдніе, правда, одинаково невѣдомы. Но только по именамъ: политическія и экономическія воззрѣнія крестьянства, во всякомъ случаѣ, однородны. А воззрѣнія обѣднѣвшихъ дворянъ или разбогатѣвшихъ крестьянъ, мелкихъ промышленниковъ, лавочниковъ или сидѣльцевъ представляютъ безконечную смѣсь самыхъ крайнихъ противорѣчій.

Имъ всего нужнѣе сговориться, а времени для того не дано.

Выборы въ уѣздахъ пройдутъ въ темную. Будутъ не выборы, а лотерея.

«Русь» 26 февраля 1906 г., № 40.

За мѣсяцъ.

1 марта 1906.

Тяжелыя перспективы. — Реакція и ея проявленія. — Военная диктатура. — Девятнадцатое февраля. — Кого будутъ выбирать въ Государственную Думу? — Страница изъ исторіи «свободной» печати въ Харьковѣ.

Какъ все станетъ ясно будущему историку и какъ безконечно трудно намъ, современникамъ, разобраться въ совершающемся! Только когда это совершающееся обратится изъ настоящаго въ прошлое—прошлое не вчерашняго дня, а десятилѣтій,—раскроется законосообразность явленій, изъ которыхъ слагалась русская революція. Только тогда обнаружится логическая причинность скачковъ въ общественномъ настроеніи. Только тогда опредѣлится, почему революція привела къ данному результату, и почему она не могла привести къ иному...

Счастливое положеніе историка! Передъ нимъ стоитъ результатъ во всей силѣ реальнаго факта: результатъ конечный и частные—отдѣльныхъ моментовъ роста и развитія событій. Какъ бы добросовѣстно историкъ ни старался переноситься мыслью назадъ и оцѣнивать дѣйствія подъ угломъ зрѣнія тѣхъ, кто жилъ, мыслилъ и работалъ до наступленія этого факта, онъ, помимо воли своей, неизбѣжно всегда отправляется отъ результатовъ. И роковой для современниковъ вопросъ: «почему»? — для него перестаетъ быть загадкой.

Что охватившее Россію движеніе дастъ въ концѣ концовъ

результатъ положительный — въ этомъ и у насъ нѣтъ и не можетъ быть сомнѣній. Пробужденіе народнаго сознанія не проходитъ безслѣдно. Стремленіе къ свободѣ и праву слишкомъ глубоко заложено въ природу человѣка, чтобы, разъ сознанное и въ сознаніи формулированное, оно могло замереть. Но какъ долго движенію суждено быть только движеніемъ? Какъ дологъ будетъ періодъ борьбы? Черезъ сколько кровавыхъ дней, мѣсяцевъ или лѣтъ настанетъ время для нормальной жизни государства и для спокойнаго, мирнаго развитія культуры и всего того, что̀ для населенія составляетъ не форму, а содержаніе существованія? Что̀ замедляетъ исходъ борьбы и что способно ускорить теченіе болѣзненнаго процесса? Какъ приблизиться къ разрѣшенію кризиса? Неужели не удастся обойтись безъ насильственнаго переворота? Неужели призракъ пугачевщины — стихійной власти «черныхъ милліоновъ» — не останется только страшнымъ призракомъ? Неужели придется его пережить? И какъ предотвратить хаосъ анархіи?..

Всѣ эти вопросы не давали минуты покоя до 17-го октября. Въ тотъ памятный вечеръ раскрылся горизонтъ, и въ лучахъ зари показался обликъ обновленной Россіи — свободной, мирно живущей подъ охраной права и получившей возможность приступить къ экономическому перерожденію. Затѣмъ тотчасъ же маятникъ общественнаго настроенія, искусственно оттягивавшійся въ теченіе многихъ лѣтъ вправо, стремительно полетѣлъ влѣво. Возникла опасность эксцессовъ и ихъ слѣдствія—реакціи. Реакція наступила. Маятникъ такъ же стремительно полетѣлъ назадъ. Онъ не остановился на отвѣсной линіи равновѣсія, моментально ее перешелъ и все дальше и дальше уклоняется туда, гдѣ его держали цѣпи произвола, давая миражъ спокойствія и показного внѣшняго порядка. Настало время кровавой развязки... За такимъ уклоненіемъ не можетъ не послѣдовать обратнаго размаха. А съ нимъ вмѣстѣ жизнь опять вступитъ въ полосу эксцессовъ революціи. Снова встанутъ мучительные вопросы...

Настоящіе дни—именно дни развязки, развязки дикой, безудержной, ужасной. И инертныя массы, которыя еще три только мѣсяца назадъ рукоплескали насиліямъ надъ городовыми и губернаторами, рукоплещутъ разстрѣламъ и сожженію деревень. Войскамъ за «энергичное» подавленіе возстанія подносятся отъ

такъ называемаго высшаго общества благодарственные адресы. Вырвать съ корнемъ «крамолу» стало для многихъ лозунгомъ...

На митингахъ въ ноябрѣ и декабрѣ толпа кричала: «долой царя!»; «долой Витте!» — за то, что онъ ограничиваетъ свободу. На митингѣ 12-го февраля толпа опять кричала: «долой Витте!», но ужъ за то, что онъ—источникъ крамолы, «ставленникъ жидовъ». И толпа кричала на этотъ разъ еще болѣе изступленно: «На скамью подсудимыхъ!» «Въ шлиссельбургскую крѣпость преступника!» «Удушить удава!» А кто поручится, что это не была та же самая толпа? Въ ноябрѣ она шла за одними. Настроеніе измѣнилось — и она пошла, въ февралѣ, за другими.

Или вотъ краткія выдержки изъ отчета о засѣданіяхъ 10-го и 11-го февраля «Русскаго Собранія» («Наша Жизнь», № 370). Человѣкъ, котораго никто не заподозритъ въ либерализмѣ, А. В. Васильевъ, «высказывается противъ введенія въ программу пункта, рекомендующаго власти безжалостно подавлять безпорядки. Ораторъ напоминаетъ, что церковь наша молится объ избавленіи отъ внутренней усобицы. А мы къ ней призываемъ. Нужно побольше милосердія». Эти слова вызвали среди присутствующихъ шиканье. «Членъ союза русскаго народа, критикуя г. Васильева, говоритъ о необходимости безжалостно уничтожать, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, крамолу. Компромиссовъ, уступокъ быть не должно. Мы не должны подражать двуличнымъ министрамъ. Мы должны открыто заявить о нашемъ твердомъ намѣреніи уничтожить крамолу. Пусть трепещутъ крамольники». Другой ораторъ доказывалъ, «что въ подавленіи мятежа силой нѣтъ, съ религіозной точки зрѣнія, ничего преступнаго, потому что велѣнія верховной власти освящены Богомъ». На слѣдующій день встрѣтили такой же рѣшительный отпоръ слова того же А. В. Васильева: «Россія крѣпка соборнымъ началомъ, нашедшимъ себѣ выраженіе въ мірскомъ владѣніи землей и во взглядѣ народа на землю, какъ на Божью и царскую». Г. Туткевичъ доказывалъ, что «по Христу собственность должна существовать и даже наслѣдственная». Г. Грингмутъ, подъ громъ апплодисментовъ, заявлялъ, что аграрное движеніе намѣренно создано у насъ марксистомъ и соціалистомъ — графомъ Витте.

Изъ приведенныхъ примѣровъ едва ли правильно, скажутъ намъ, дѣлать заключеніе о тонѣ и характерѣ общественнаго на-

строенія, ибо, въ виду запрета всякаго рода собраній людей другого лагеря, нельзя слышать иныхъ голосовъ. Возраженіе это имѣетъ силу только отчасти. То, что говорится теперь на черносотенныхъ митингахъ и въ «Русскомъ Собраніи», два-три мѣсяца назадъ не раздавалось вовсе. Напротивъ, приходилось постоянно наблюдать, что люди, таившіе въ душѣ мысли и чувства оппонентовъ г. Васильева, подчиняясь всеобщей склонности симпатій въ лѣвую сторону, если не молчали, то высказывались съ оговорками, не столько требуя, сколько оправдываясь. Они стыдились, а теперь не стыдятся...

Уже съ августа и сентября прошлаго года было очевидно, что неопредѣленная правительственная политика сплошныхъ противорѣчій дольше продолжаться не можетъ. Уже тогда рисовались два ближайшихъ исхода: или образованіе правительства реформъ, или военная диктатура. Ознаменованіемъ перваго исхода называли призывъ къ власти графа Витте. Ознаменованіемъ второго — призывъ генерала, извѣстнаго не боевыми подвигами, а своей дѣятельностью на высшихъ административныхъ должностяхъ и въ качествѣ члена Государственнаго Совѣта.

Одни диктатуры желали, другіе боялись. Боялись, какъ исключительной власти и исключительнаго господства силы. Боялись за данную минуту, за попраніе элементарныхъ основъ человѣческаго существованія въ данный моментъ, боялись произвола, арестовъ, ссылокъ, казней—необходимыхъ спутниковъ торжества силы — самихъ по себѣ. Но боялись также и заглядывая въ будущее.

Войско въ современномъ государствѣ — сила коллосальная. Колоссальная—числомъ штыковъ и еще болѣе организаціей, сковывающей его въ компактную массу. Войско имѣетъ свое представленіе о чести, о долгѣ и получаетъ своеобразное воспитаніе. Все это обособляетъ его отъ другихъ государственныхъ органовъ. Иначе, конечно, и быть не можетъ. Юстиція и полиція должны быть сильными въ правѣ. Задача войска быть правымъ въ силѣ. Оно должно быть грознымъ оружіемъ противъ непріятеля. А для этого должно обладать, прежде всего и главнымъ образомъ, качествами активнаго бойца. Будучи же таковымъ, войско несо-

мнѣнно заключаетъ въ себѣ элементъ громадной опасности для государства, интересамъ котораго, въ области международныхъ отношеній, оно призвано служить. Никакое право не устоитъ никогда противъ могущественной силы войска. Отсюда вытекаетъ основное условіе бытія войска: абсолютное подчиненіе его государству. Этимъ именно и объясняется принципъ исключительной для военнослужащихъ вѣрности престолу и отечеству. Онъ важенъ для проникновенія въ сознаніе всѣхъ военныхъ, отъ главнокомандующаго до послѣдняго рядового, не иного пониманія своей дѣятельности, какъ только дѣятельности служебной, по указаніямъ, идущимъ извнѣ. Военная диктатура всю эту сложную систему нарушаетъ. Государственная власть при ней отказывается отъ руководящей войскомъ роли. Войско получаетъ право самоопредѣленія и, какъ сила, становится безудержнымъ, безграничнымъ владыкой, который все можетъ и для котораго нѣтъ ничего неприкосновеннаго. Если же сила разъ получитъ полноту власти, трезвычайно трудно ее остановить, и самой ей нелегко остановиться.

Опасенія не оправдались. 17-го октября въ управленіе вступилъ графъ Витте. Правительство объявило своими лозунгами: «гражданскую свободу» и «правовой порядокъ»... Прошло, однако, четыре мѣсяца—и въ Россіи самая ужасная форма военной диктатуры: диктатура необъединенная. Вмѣсто одного оказались десятки полновластныхъ диктаторовъ.

И они каждый день показываютъ свое полновластіе. Одинъ издаетъ неграмотный приказъ о томъ, чтобы передъ нимъ снимали шапки, угрожая въ противномъ случаѣ штрафомъ и арестомъ. Другой съ легкимъ сердцемъ объявляетъ о суммарной отвѣтственности селеній въ уплатѣ наложенной пени. Третій обѣщаетъ смертную казнь за невзносъ податей. Четвертый—за храненіе взрывчатыхъ снарядовъ. И всѣ вмѣстѣ разстрѣливаютъ безъ всякаго суда, или по приговорамъ ими самими измышленныхъ судовъ, сѣкутъ и жгутъ. Отъ генералъ-губернаторовъ диктатура переходитъ къ начальникамъ отрядовъ, отъ нихъ къ мичманамъ и поручикамъ. «Я не сторонникъ быстрыхъ рѣшеній и расправъ»,—говорилъ корреспонденту «Руси» (№ 21) высшій представитель военной власти въ прибалтійскомъ краѣ. Были даже дѣлаемы распоряженія о прекращеніи злоупотребленій, но оста-

лись безъ исполненія». «Объясняется это — пишетъ корреспондентъ, повидимому, со словъ генерала — горячностью молодыхъ увлекающихся начальниковъ карательныхъ экспедицій. Гг. лейтенанты, корнеты и подпоручики словно соперничаютъ между собою, кто больше сжегъ».

Опасность же войска для государства, если оно перестаетъ быть только орудіемъ въ рукахъ внѣ его стоящей власти, обусловливаетъ тщательное устраненіе его отъ вмѣшательства въ политику. Ибо само собою разумѣется, что никакая идейная борьба не можетъ имѣть мѣста, когда одна изъ идей опирается на сотни тысячъ организованныхъ штыковъ. А военная диктатура именно вовлекаетъ войско въ политику. То, что происходило подъ Москвой, въ Бахмутѣ и Кременчугѣ и происходитъ въ прибалтійскомъ краѣ, въ царствѣ польскомъ и на Кавказѣ, ясно показываетъ, что войска дѣйствовали и дѣйствуютъ не какъ точные исполнители единственно свойственной имъ задачи: силой побѣдить силу. Они съ корнемъ вырывали и вырываютъ «крамолу», т.-е. задавались и задаются иной цѣлью: побѣдить силой возможность будущихъ революціонныхъ дѣйствій. Такая дѣятельность уже не есть дѣятельность по приказу. Это—дѣятельность самостоятельная, во имя политической идеи. Не фактъ насильственнаго нарушенія законовъ латышами, эстами, армянами, поляками, желѣзно-дорожными служащими и почтово-телеграфными чиновниками служитъ ея обоснованіемъ, а сепаратистскія стремленія однихъ, соціалистическія требованія другихъ и республиканскія желанія третьихъ. Войска, быть можетъ, вопреки намѣреніямъ посылавшихъ ихъ, изъ органа силы обратились въ самостоятельный органъ права, посредствомъ силы проводящій идею. Отсюда одинъ незамѣтный шагъ до того рокового для государства момента, когда войска начнутъ ставить и диктовать ему условія.

Теперь раскрывается, почему правительство въ октябрѣ, ноябрѣ и до половины декабря не прибѣгало къ вооруженной силѣ и пассивно относилось къ развитію революціонныхъ эксцессовъ. Тогда думалось, что новое правительство — дѣйствительно новое, что ему такъ же противны старые пріемы безправія и произвола, какъ и «благоразумному большинству общества», солидарность съ которымъ столь опредѣленно была выражена во

всеподданнѣйшемъ докладѣ графа Витте. Думалось, что правительство, по крайней мѣрѣ, извѣрилось въ цѣлесообразность этихъ пріемовъ. Нѣтъ, причина была другая: правительство не надѣялось на войска, не надѣялось, что они будутъ съ нимъ, а не противъ него. Оно переоцѣнило тогда значеніе событій въ Севастополѣ, въ Кіевѣ, въ ростовскомъ полку въ Москвѣ. Какъ только дѣйствія семеновскаго полка и отряда генерала Орлова показали другое, оно почувствовало себя сильнымъ — и все перевернулось. Почувствовало себя сильнымъ штыками, благодаря штыкамъ и при политической поддержкѣ штыковъ! Въ этой силѣ — залогъ скораго безсилія...

Изготовленъ органическій законъ для Государственной Думы. Едва ли могутъ быть сомнѣнія, въ какую сторону новый законъ используетъ общность выраженій и недомолвки манифеста 17-го октября. Допустимъ, что Дума окажется не радикальной, а просто строго-конституціонной, и что она твердо будетъ держаться широкаго смысла возвѣщенныхъ началъ гражданской свободы и конституціоннаго строя. Не надо даже допускать, что Дума, согласно точнаго разума третьяго пункта манифеста, выразитъ намѣреніе пересмотрѣть основные законы: это будетъ навѣрное. Тоже навѣрное можно ожидать, если общественное настроеніе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не измѣнится, что это встрѣтитъ несочувствіе сторонниковъ возврата къ старому — къ неограниченному самодержавію царя въ теоріи и къ чиновничьему самовластію на практикѣ. Допустимъ, что правительство и верховная власть станутъ колебаться. И вдругъ раздастся не голосъ, а раздадутся залпы пушекъ и ружей, заблестятъ сабли, засвищутъ нагайки!... Что за этимъ послѣдуетъ—лучше не гадать...

Съ тяжелымъ чувствомъ пришлось встрѣтить свѣтлый день—19-ое февраля. Въ либеральныхъ общественныхъ кругахъ давно вошло въ обычай этотъ день чествовать. Почему — доказывать нѣтъ надобности. Также стремилось его всегда чествовать земство. И любопытно вспомнить, какъ относилась власть къ этому стремленію. Можно было думать, что либералы и земство хотятъ во что бы то ни стало, чтобы не исчезъ изъ памяти народной или день, когда произошелъ насильственный государственный

переворотъ, или вообще день, памятный по какому-либо преступно-революціонному дѣйствію. Только въ 1880 г. разрѣшено было нѣкоторымъ земствамъ въ ознаменованіе 19-го февраля открыть особыя школы—и то не въ ознаменованіе освобожденія крестьянъ, а двадцатипятилѣтія царствованія Александра II. Даже молебны въ этотъ день запрещались. Въ 1886 г. исполнилось четверть вѣка великой реформы. Единодушнымъ желаніемъ было и земствъ, и городовъ, и крестьянъ, и дворянства, достойнымъ образомъ отмѣтить юбилей. Въ отвѣтъ послѣдовало распоряженіе о томъ, что можетъ быть допускаемо лишь полувѣковое чествованіе событій. Мы вспоминаемъ, съ какимъ удивленіемъ узнали многія земскія собранія, которыя рискнули въ 1901 г., въ сорокалѣтнюю годовщину, начать ежегодныя денежныя отчисленія для образованія спеціальнаго фонда на нужды народнаго образованія въ память 19-го февраля, что ихъ постановленія не отмѣнены по «явному несоотвѣтствію интересамъ населенія»...

Лишенные возможности иныхъ формъ чествованія, либералы въ Петербургѣ, въ Москвѣ и во многихъ провинціальныхъ городахъ поддерживали обычай скромными обѣдами въ ресторанахъ и клубахъ. И то не каждый годъ удавалось собираться. Бывали годы, когда отъ рестораторовъ отбирались подписки — залъ въ этотъ день для обѣдовъ не отдавать и совмѣстныхъ обѣдовъ десятка, хотя бы случайно сошедшихся, людей не устраивать. Въ другіе годы говорившееся на обѣдахъ сейчасъ же дѣлалось достояніемъ департамента полиціи.

Общій тонъ застольныхъ рѣчей всегда бывалъ минорный. Да и могло ли быть иначе! Ни о чемъ другомъ нельзя говорить 19-го февраля, какъ о томъ, что далъ лишній годъ для развитія свободнаго человѣка въ Россіи. Приходилось отвѣчать: или ничего, или минусъ. Обычный пессимизмъ однажды, помнится, получилъ характерное выраженіе въ остроумнымъ словахъ извѣстнаго писателя: послѣ 19-го февраля 1861 г. наступило то, что и должно было наступить по календарю—двадцатое. Оно наступило, и съ нимъ пришли «люди двадцатаго числа». Только два раза на обѣдахъ одного кружка въ Петербургѣ чувствовалась нѣсколько повышенная нота: въ 1895 и въ 1903 гг. Въ первый разъ — хотя обѣдъ происходилъ уже послѣ извѣстнаго пріема земскихъ депутацій — всѣ говорившіе все же были подъ впечат-

лѣніемъ конца ужаснаго тринадцатилѣтняго кошмара. Казалось, — что бы ни ждало впереди, будетъ не т. — не давящее и мертвящее однообразіе спокойно-увѣренной реакціи. Чувствовалось, что у всѣхъ явилась хоть капля надежды, если не на лучшее, то на новое, живое. А когда человѣкъ надѣется, онъ мечтаетъ. Такъ мечтали мы тогда о немногомъ: объ отмѣнѣ самаго отвратительнаго наслѣдія рабства—розги... Понадобилось девять лѣтъ, чтобы изъ закона была выкинута эта унизительная мерзость. Понадобилась для того воіна, смерть Плеве!.. Сколько еще понадобится времени и какихъ событій, чтобы розга, кулакъ и нагайка были выкинуты и изъ обихода жизни...

Во второй разъ обѣдъ происходилъ въ самый разгаръ режима Плеве. Но прозрѣвался уже близкій его крахъ. Къ 19-му февраля 1903 г. стали извѣстны заключенія комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Заключенія обнаружили, что, несмотря ни на что, мысль общества зрѣла и въ самыхъ глухихъ даже углахъ созрѣла до правосознанія. Общество, спрошенное объ арендахъ, о сельско-хозяйственныхъ инструкторахъ, о жучкахъ, оврагахъ и о размежеваніи черезполосицы, отвѣтило общими правовыми и культурными нуждами деревни. Никакія ссылки и канцелярскія ухищренія не смогли заглушить сознательнаго и категоричнаго призыва къ праву, къ уравненію крестьянъ съ другими сословіями, къ упраздненію земскихъ начальниковъ, къ свѣту народной школы... Эти заключенія краснорѣчиво свидѣтельствовали, что у тѣхъ, кто чествуетъ великій актъ, есть могучій союзникъ — общественное самосознаніе, котораго не осилятъ ни репрессіи, ни сотни хитро задуманныхъ законовъ, и который въ концѣ концовъ все побѣдитъ.

И онъ — наканунѣ побѣды! А чувства на душѣ все же гнетущія. Канунъ затягивается. Канунъ можетъ быть долгимъ, кровавымъ, полнымъ ужасовъ красной, черной или бѣлой анархіи — вотъ что гнететъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ были, очевидно, всѣ авторы, сопоставлявшіе 19-ое февраля 1861 г. съ нынѣшнимъ моментомъ въ рядѣ статей, напечатанныхъ въ первомъ номерѣ новой газеты «Страна». Никто не видитъ разрѣшенія кризиса въ ближайшемъ будущемъ...

Приближается время выборовъ въ Государственную Думу. Для тѣхъ, кому предстоятъ выборы трехстепенные, оно уже наступило. Мелкіе землевладѣльцы и крестьяне мѣстами выбрали, мѣстами выбираютъ въ настоящіе дни уполномоченныхъ. Сами собою встаютъ вопросы: кого станутъ выбирать? Чѣмъ будутъ руководствоваться избиратели—не единицы, а массы,—когда имъ придется опускать шары направо или налѣво? Сыграютъ ли при этомъ роль—и какую—партійныя программы и агитація?

По нашему мнѣнію, массы будутъ выбирать не между партіями, а между людьми. И придутъ въ Думу не представители партій, а люди. Такой вѣроятный исходъ подсказываетъ многое: степенность избранія, новизна дѣла, отсутствіе всѣмъ извѣстныхъ политическихъ именъ, слабое, въ общемъ, значеніе представительства городовъ и, напротивъ, весьма сильное, мелкаго землевладѣнія и крестьянства,—отчасти, пожалуй, и партійная рознь.

Говоримъ: «отчасти» и «пожалуй», ибо едва ли глубоко проникла и проникнетъ въ нѣдра избирательныхъ массъ агитація партій, разбившихся на множество группъ, въ глазахъ рядового обывателя почти не отличающихся по политической физіономіи. Даже въ Петербургѣ, изъ ста-двадцати тысячъ избирателей наврядъ болѣе трети формально примкнули къ какой-либо изъ партій. А въ провинціи очень еще много времени пройдетъ, прежде чѣмъ программы и воззванія обратятся изъ листковъ болѣе или менѣе скучнаго или занимательнаго чтенія—въ платформы, которыя для избирателя станутъ выраженіемъ его собственныхъ мыслей и идеаловъ. Быть можетъ, на замедленіи процесса политическаго воспитанія отразятся существующіе теперь запреты собраній и митинговъ — противъ этого не споримъ. Но преувеличивать значеніе внѣшнихъ препятствій не слѣдуетъ: оно невелико. Не мѣсяцы нужны, чтобы обыватель преодолѣлъ присущій ему личный скептицизмъ и поднялся надъ интересами «своей колокольни». Кто и заявитъ о вступленіи въ партію — и тому очень вѣрить нельзя: баллотировка—дѣло темное, можно и слукавить.

Уже законъ 6-го августа давалъ на выборахъ преобладаніе крестьянамъ и мелкимъ землевладѣльцамъ. Законъ 11-го декабря пошелъ въ этомъ направленіи еще дальше. Правда, онъ расширилъ во много разъ предѣлы избирательнаго права и для город-

ского населенія: число избирателей въ Петербургѣ увеличилось, по меньшей мѣрѣ, въ двадцать разъ. Но вообще опредѣлится составъ Думы не представителями городовъ. Во-первыхъ, города только по исключенію будутъ имѣть особыхъ представителей; въ большинствѣ же, выборщики отъ городовъ численно расплываются въ преобладающихъ и чуждыхъ имъ группахъ отъ землевладѣльцевъ и крестьянъ. Во-вторыхъ, однородный критерій количества населенія привелъ къ тому, что такіе центры умственной жизни, какъ Петербургъ, Москва и Одесса, будутъ представлены шестью, четырьмя и однимъ членами Думы, а вятская губернія—тринадцатью, тамбовская—двѣнадцатью, уфимская—десятью. Изъ внѣгородского населенія закономъ 11-го декабря охвачены всѣ землевладѣльцы, притомъ крестьяне-собственники вдвойнѣ: какъ участники волостныхъ сходовъ и по личному цензу. Этого рода избирателей, совмѣстно съ сельскимъ духовенствомъ, было весьма много и по правиламъ 6-го августа, требовавшимъ владѣнія не менѣе, чѣмъ десятою частью крупнаго ценза. Теперь же они представляютъ подавляющее количество, даже если принять не число собственниковъ, а число составляемыхъ ихъ владѣніями крупныхъ цензовъ, на каждый изъ которыхъ они могутъ выбрать по уполномоченному. Не имѣя подъ руками цифровыхъ данныхъ, мы едва ли грубо ошибемся, если скажемъ, что на одного крупнаго собственника въ уѣздныхъ съѣздахъ будетъ приходиться по десяти уполномоченныхъ.

Такимъ образомъ, на уѣздныхъ съѣздахъ рѣшающій голосъ будетъ принадлежать мелкимъ землевладѣльцамъ. На губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ—тѣмъ, кого выберутъ они и крестьяне. Что же за элементъ представляютъ собою, въ общемъ, мелкіе землевладѣльцы? Отвѣтить на вопросъ чрезвычайно трудно, потому что мелкіе землевладѣльцы, не-дворяне, до настоящаго времени стояли въ сторонѣ отъ всякаго рода общественныхъ организацій: въ сельскихъ и волостныхъ они не участвовали, въ земскихъ — также. Во всякомъ случаѣ, они менѣе всѣхъ другихъ элементовъ политически воспитаны. Съ другой стороны, они суть люди извѣстнаго достатка, слѣдовательно не склонны къ экспансивности, какъ крестьяне-общинники, напротивъ, они привыкли дѣйствовать съ крайней осторожностью. Общіе вопросы ихъ наименѣе волнуютъ. У нихъ нѣтъ того сплошного горя и

той безысходной нужды, которыя заставляютъ невольно крестьянъ додумываться до общихъ вопросовъ. У нихъ нѣтъ образованія, чтобы доходить до этихъ вопросовъ теоретически. А чисто мѣстныя нужды имъ наиболѣе близки. Все это вмѣстѣ взятое даетъ основаніе ожидать, что главные избиратели будутъ выбирать именно людей, т.-е. тѣхъ, кого они лично знаютъ.

Хорошо это иди худо? Мы скорѣе думаемъ, что хорошо. Избраніе на основаніи программъ и партійной агитаціи требуетъ, во-первыхъ, строгой продуманности программныхъ требованій и твердо установившихся партійныхъ отличій. Во-вторыхъ, оно требуетъ, чтобы явились имена, олицетворяющія въ сознаніи населенія каждую партію. Отсутствіе же этихъ условій неизбѣжно дастъ еще болѣе случайный результатъ, чѣмъ выборы Петра Петровича или Ивана Ивановича потому, что его въ губерніи знаютъ, какъ человѣка честнаго, готоваго послужить общему дѣлу по мѣрѣ силъ и разумѣнія.

Долгое время въ Харьковѣ существовала своеобразная газетная монополія. Наконецъ, послѣ 17-го октября, явилась возможность выпустить ежедневное изданіе, обставленное надлежащимъ образомъ. Во главѣ новой газеты («Міръ») сталъ предсѣдатель мѣстнаго юридическаго общества, проф. Н. А. Гредескулъ, при ближайшемъ участіи нѣсколькихъ другихъ профессоровъ и общественныхъ дѣятелей; въ числѣ сотрудниковъ названо было нѣсколько именъ, пользующихся уваженіемъ въ литературѣ. Мѣстное общество отнеслось къ газетѣ съ небывалымъ дотолѣ довѣріемъ и симпатіей: въ первый же день раскуплено было семнадцать тысячъ экземпляровъ, и дальнѣйшій спросъ не могъ быть удовлетворенъ по техническимъ условіямъ скромной типографіи, согласившейся печатать газету. Очевидно, что харьковское общество нуждалось въ такого рода газетѣ.

Но лица, которымъ предоставлено безконтрольно опекать общество, очевидно, полагаютъ, что городъ съ двухсотъ-тысячнымъ населеніемъ и тремя высшими учебными заведеніями еще не доросъ до независимой газеты. «Міръ» былъ запрещенъ въ первый же вечеръ по выходѣ, подъ предлогомъ, что газета самовольно воспользовалась указаніями Высочайшаго манифеста и

рѣшилась выходить безъ цензуры, когда цензура къ ея услугамъ была еще въ полной готовности (27 ноября 1905). На другой день подоспѣли «временныя правила о печати», и газета опять стала выходить безостановочно... въ продолженіе цѣлыхъ двѣнадцати дней, послѣ чего въ квартиру редактора явился, ночью, вооруженный отрядъ войска; перерыли все до ниточки, перепугали жену и дѣтей и отвели профессора (декана факультета) въ исправительное арестантское отдѣленіе. Газета тогда же была «пріостановлена», а виновныя въ ея печатаніи двѣ машины и наборная—опечатаны и къ нимъ были приставлены солдаты. Въ виду безсрочности «пріостановки», издатель «Міра» уничтожилъ съ значительными убытками договоръ на аренду двухъ скоропечатныхъ машинъ съ типографщикомъ, который, вслѣдствіе возвращенія машинъ въ его собственность, просилъ освободить ихъ отъ ареста и дозволить ему заниматься своимъ обычнымъ промысломъ. Просьба эта уже два мѣсяца остается безъ удовлетворенія, и ни въ чемъ неповинный человѣкъ терпитъ огромные убытки.

На смѣну «Міра» стала выходить «Волна», при сократившемся числѣ сотрудниковъ. Просуществовала она мѣсяцъ, и частью вольно, частью невольно, перемѣнила четырехъ редакторовъ: проф. М. П. Чубинскій, проф. Н. А. Максимейко, И. П. Бѣлоконскій и Ф. А. Павловскій. Послѣдній пробылъ редакторомъ три дня, и газета «Волна» пріостановлена опять на безконечное время, «впредь до особаго распоряженія».

Черезъ недѣлю стала издаваться княземъ Н. Я. Кутыевымъ, подъ ред. И. П. Бѣлоконскаго, новая газета «Будущее», при прежнихъ сотрудникахъ «Волны» (перерывъ между «Міромъ» и «Волной» длился болѣе двухъ недѣль). Просуществовала эта новая газета, при постоянныхъ угрозахъ и требованіяхъ «измѣнить направленіе», всего пять дней. Отвѣтъ, что газета издается для общества, а не для начальства, вызвалъ предупрежденіе, что, въ противномъ случаѣ, газета будетъ немедленно закрыта, а членовъ редакціи постигнетъ участь проф. Н. А. Гредескула, которому уже объявлено распоряженіе объ административной высылкѣ на четыре года въ отдаленныя мѣста архангельской губерніи. Такимъ образомъ, подъ флагомъ свободы слова, въ

полной мѣрѣ возобновились незабываемыя времена пятидесятыхъ годовъ. Не имѣя возможности рисковать ссылкой сотрудниковъ и интересами подписчиковъ, издатели рѣшились на самоубійство: «Будущее» перестало выходить...

«Вѣстникъ Европы» 1906 г., № 3.

«Свобода» выборовъ.

---

2 Марта въ доживающемъ свой вѣкъ государственномъ совѣтѣ стараго состава слушался проектъ мѣръ къ огражденію свободы и правильности предстоящихъ выборовъ и объ охраненіи безпрепятственнаго хода занятій въ будущихъ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Проектъ — достойный вниманія! Много у насъ есть и было примѣчательныхъ законовъ; еще болѣе министерскихъ проектовъ, невольно заставлявшихъ вспоминать надворнаго совѣтника Николая Щедрина. Новый проектъ лишній разъ укрѣпляетъ безсмертную о немъ память.

Въ ст. второй проекта значится:

«Виновный въ распространеніи, хотя бы и не публично, свѣдѣній и сужденій, возбуждающихъ къ противодѣйствію выборамъ въ Государственную Думу или въ Государственный Совѣтъ, или къ массовому воздержанію отъ участія въ сихъ выборахъ, наказывается:

заключеніемъ въ тюрьмѣ отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ».

Представимъ себѣ убѣжденнаго сторонника неограниченнаго самодержавія. По его искреннему мнѣнію, Дума и Совѣтъ съ законодательными правами приведутъ Россію къ неминуемой гибели. Какъ фанатикъ идеи и патріотъ, онъ не можетъ своими руками создавать гибельныя учрежденія. Онъ рѣшилъ участія въ выборахъ не принимать.

«До этого момента ты не уловимъ для суда и уголовной кары»— говоритъ ему проектъ.

Но къ нему пришелъ колеблющійся пріятель и единомышленникъ. Рѣшившій не баллотировать, истый поклонникъ прежняго режима и потому хорошо знающій, въ чемъ его сила, закрываетъ на ключъ двери, осматриваетъ шкафы, подъ диваномъ, подъ столомъ, и удостовѣрившись, что нигдѣ нѣтъ посторонняго уха, начинаетъ развивать передъ пріятелемъ свои «сужденія» о вредѣ выборнаго начала и о необходимости, чтобы «черные милліоны» фактомъ воздержанія отъ выборовъ доказали, что они «истинно-русскіе люди», не допускающіе никакихъ компромиссовъ.

За это «патріоту» грозитъ тюрьма отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ. Быть можетъ, пріятель не только не убѣдился его доводами, а оказался просто предателемъ—побѣжалъ и донесъ кому слѣдуетъ о «преступленіи». Все равно: тюрьма и никакихъ разговоровъ...

Проектъ объявляетъ обывателю: ты свободенъ думать о Государственномъ Совѣтѣ и о Думѣ, что тебѣ угодно, но таи мысли въ себѣ и, если имѣешь дерзость держаться «неблагонадежныхъ» сужденій, не смѣй ихъ и шепотомъ никому передавать.

Обывателю проектъ предоставляетъ въ день выборовъ заболѣть, спрятаться въ подвалъ, даже уѣхать въ другой городъ: удостовѣренія начальства о законности причинъ неявки отъ него требовать не будутъ. Но раскрывать, «хотя бы не публично», задуманное лукавство, въ цѣляхъ заразить имъ другихъ—за это пожалуйте въ тюрьму.

Что все это: свобода или принужденіе?

И штундисты у насъ были свободны. И имъ не возбранялось думать про себя, что читать Евангеліе не грѣхъ...

Когда кончится возмутительная нелѣпица нашей жизни?..

«Русь» 4 марта 1906 г.,
№ 46.

Судебные скорпіоны.

I.

Это было такъ недавно и такъ давно: недавно—по календарю, давно—по пережитому... Это было въ памятные октябрьскіе дни.

Газеты бастовали. Жажда сбросить съ себя бюрократическое иго во что бы то ни стало охватила работниковъ пера всѣхъ лагерей и оттѣнковъ. Различіе взглядовъ и направленій выражалось въ различіи рекомендуемыхъ средствъ и пожалуй въ объемѣ желаемой свободы. Но добиться свободы отъ циркуляровъ и всякаго рода безсмысленныхъ цензурныхъ стѣсненій было стремленіемъ общимъ, объединявшимъ «Сынъ Отечества» и «Новое Время», «Нашу Жизнь» и «Петербургскую Газету».

Представители редакцій собрались во второе засѣданіе. Обмѣнъ мнѣній о ненавистномъ гнетѣ уже былъ позади. На очереди стояло принятіе резолюціи, которую всѣ газеты обязались опубликовать въ первый день послѣ окончанія забастовки. Тогда еще не злоупотребляли терминомъ: «явочный» порядокъ. Тогда говорили о созданіи факта выпуска газетъ, не считающихся съ цензурнымъ уставомъ и его безчисленными дополненіями, разъясненіями и примѣчаніями.

Въ резолюцію предполагалось включить прямое заявленіе, что редакціи требуютъ подчиненія печати закону и отвѣтственности по суду на основаніи опредѣленій уголовнаго кодекса.

Авторъ настоящихъ строкъ возражалъ. Не желаніе безформенной свободы для печатнаго слова заставляло его оспаривать такое заявленіе, а близкое знакомство съ конструкціей преступленій печати въ новомъ уголовномъ уложеніи и съ нашей уголовно-правовой политикой. Ему было ясно, что освобожденная отъ административной расправы печать попадетъ изъ огня въ полымя.

Манифестъ 17 октября появился раньше окончанія забастовки. Дарованіе «незыблемыхъ» основъ гражданской свободы, въ частности свободы слова, обратило готовившійся газетами «преступный» фактъ въ правомѣрный. Резолюція сама собою утратила значеніе. Для печати наступило время абсолютной свободы.

Оно продолжалось мѣсяцъ. 24 ноября послѣдовало изданіе «временныхъ правилъ для печати». Съ внѣшней стороны правила восприняли все, чего желали представители повременныхъ изданій: предварительная цензура, какъ общая, такъ и спеціальная, отмѣнена; постановленія объ административныхъ взысканіяхъ—также; «отвѣтственность за преступныя дѣянія, учиненныя посредствомъ печати въ повременныхъ изданіяхъ», установлена только въ порядкѣ судебномъ. Общепринятыя во всей Европѣ начала, слѣдовательно, соблюдены.

А какой получился результатъ?

Газетъ нѣтъ. Одни редакторы уже въ крѣпости, другіе—ждутъ суда и не менѣе суровой кары. Пока большинство газетъ еще въ ожиданіи каръ, пока еще не всѣ редакторы испытали, что значитъ годичное лишеніе свободы, пока есть еще надежда на скорый созывъ Думы, на измѣненіе условій, на амнистію—и потому пишутъ и печатаютъ болѣе или менѣе свободно. Не оправдаются надежды, испытается крѣпостное и тюремное заключеніе—тогда опять воцарится въ русской печати тишь, гладь и Божья благодать. Не все ли равно почему: по механическому ли препятствію говорить свободно со стороны цензурнаго вѣдомства, или по психическому давленію на авторовъ и редакторовъ?..

Наша уголовно-судебная процедура бьетъ не скоро — за то, что было въ ноябрѣ, бьетъ въ мартѣ,—но больно. Такъ больно, что и небитымъ, «на то смотря, тако дѣяти неповадно» становится...

Въ газетахъ уже появилось извѣстіе, что среди петербургскихъ

владѣльцевъ типографій обсуждается проектъ петиціи на Высочайшее Имя о возстановленіи предварительной цензуры!.. Должно быть не сладко жить по закону, когда въ силу закона администрація стоитъ сверхъ нормъ и предписаній закона...

II.

Составители уголовнаго уложенія 1903 г., справедливо признавая однимъ изъ главныхъ недостатковъ уложенія 1845 г. его крайнюю казуистичность, прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы дать опредѣленія обобщенныя, охватывающія въ одной статьѣ всѣ однородныя по содержанію дѣянія. Классификація по способамъ совершенія ими была рѣшительно отвергнута. Въ отношеніи такъ называемыхъ «преступленій печати» они приняли за исходное положеніе то же начало и выдѣлили въ особую главу лишь нарушенія постановленій о надзорѣ за печатью. Различные же виды оскорбленій, возбужденія къ противозаконнымъ дѣяніямъ и т. п., учиняемые посредствомъ печати, распредѣлены въ уголовномъ уложеніи по соотвѣтственнымъ главамъ и статьямъ, предусматривающимъ совершеніе этихъ преступныхъ дѣяній вообще.

Такая система съ теоретической точки зрѣнія представляется безупречной. Она предполагаетъ однако: невысокій общій критерій наказуемости и значительно широкіе предѣлы усмотрѣнія суда въ выборѣ наказанія, въ зависимости отъ различенія способовъ совершенія дѣянія. Послѣднее въ свою очередь предполагаетъ нормальную, т.-е. качественно совершенную организацію суда— въ смыслѣ обезпеченія всесторонняго, безпристрастнаго, независимаго и юридически правильнаго разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ.

Если общій критерій наказуемости высокъ, то казуистичность является необходимой для него поправкой, поскольку уравненіе двухъ или болѣе различныхъ способовъ совершенія одного и того же преступнаго дѣянія, допустимое при низкихъ карахъ, не допустимо при высокихъ. Если предѣлы судейскаго усмотрѣнія тѣсны, то оказывается невозможнымъ отличить наказаніемъ одни способы совершенія отъ другихъ. Если, наконецъ, организація суда не стоитъ на надлежащей степени совершенства, то широкіе

предѣлы наказуемости и вся построенная на этомъ принципѣ система ведутъ къ одному слѣдствію: къ противорѣчію между правдой закона и правдой жизни.

Не задаваясь разборомъ всѣхъ отдѣльныхъ формъ преступленій печати, остановимся лишь на статьѣ 129 угол. уложенія, пополучившей характеръ «боевого» противъ печати средства.

Законъ гласитъ:

«129. Виновный въ произнесеніи или чтеніи публично рѣчи или сочиненія или въ распространеніи или публичномъ выставленіи сочиненія или изображенія, возбуждающихъ:

1) къ учиненію бунтовщическаго или измѣнническаго дѣянія;

2) къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя;

3) къ неповиновенію или противодѣйствію закону, или обязательному постановленію, или законному распоряженію власти;

4) къ учиненію тяжкаго, кромѣ указанныхъ выше, преступленія

называется:

за возбужденіе, пунктами первымъ или вторымъ сей статьи предусмотрѣнное,—ссылкою на поселеніе;

за возбужденіе, пунктами третьимъ или четвертымъ сей статьи предусмотрѣнное, — заключеніемъ въ исправительномъ домѣ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ».

Далѣе, во второй части, перечислены квалифицирующія условія, которыя влекутъ усиленіе наказаній.

Изъ способовъ пропаганды въ ст. 129, слѣдовательно, объединены: а) устное произнесеніе рѣчи передъ публикой, б) чтеніе передъ публикой же сочиненія, в) распространеніе и г) публичное выставленіе сочиненія или изображенія. Произнесеніе рѣчи или публичное чтеніе сочиненія и выставленіе сочиненій или изображеній суть способы одного, такъ сказать, типа: каждый изъ нихъ представляется законченно опредѣленнымъ. Распространеніе же—способъ сложный. Распространеніемъ одинаково будетъ: раздача рукописныхъ прокламацій изъ рукъ въ руки; разбрасываніе или подбрасываніе ихъ, или разсылка по почтѣ; раздача, разбрасываніе или разсылка нелегальной печатной литературы, т.-е. такихъ произведеній печати, которыя заключаютъ въ себѣ исключительно «возбуждающее» содержаніе или оттиснуты исключительно съ цѣлью возбужденія къ учиненію бунтовщическихъ и т. п. дѣяній;

наконецъ — помѣщеніе въ повременномъ изданіи среди другого матеріала воззванія, прокламаціи, заявленія или резолюціи преступнаго содержанія.

Съ внутренней стороны, согласно общему смыслу 129 ст. и мѣсту, занимаемому ею въ кодексѣ, всѣ эти разнородные способы охватываются умышленностью дѣянія въ смыслѣ наличности намѣренія вызвать возбужденіе. Но если бы уголовный законъ классифицировалъ свои опредѣленія только по одной внутренней сторонѣ дѣяній, то не было бы ни многообразныхъ формъ убійства, воровства, подлога, не было бы основанія отдѣлять пропаганду публичную отъ непубличной и т. д. Одинаково преступное въ принципѣ можетъ быть глубоко различно по степени преступности и потому—по размѣру наказуемости.

Когда ораторъ, имѣя намѣреніе возбудить толпу въ желаемомъ ему направленіи, произноситъ зажигательную рѣчь, или лекторъ читаетъ такое же сочиненіе, или агитаторъ раздаетъ, разбрасываетъ или разсылаетъ прокламаціи, или писатель пишетъ, печатаетъ и распространяетъ спеціально въ цѣляхъ возбужденія летучій листокъ—во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ чувствуется нѣчто значительно большее и по напряженію преступной воли виновнаго, и по объективной опасности совершаемаго, нежели когда редакторъ газеты, хотя бы тоже съ намѣреніемъ возбудить читателей, включаетъ между тысячъ строкъ иного матеріала десятки или сотню строкъ преступныхъ.

Дѣйствія такого редактора съ этической точки зрѣнія быть можетъ даже еще болѣе непохвальны, ибо онъ осуществляетъ свое намѣреніе не открыто и явно, а прикрываясь газетнымъ листомъ съ передовицей по марокккскому вопросу, съ научнымъ фельетономъ, съ театральной рецензіей и съ объявленіями. Но съ точки зрѣнія формально правовой онъ несомнѣнно менѣе преступенъ. Преступныя строки теряются въ непреступныхъ, читатель можетъ и не обратить на нихъ вниманія, впечатлѣніе, ими произведенное, можетъ легко изгладиться подъ вліяніемъ чтенія въ томъ же листѣ другихъ извѣстій и статей. Съ другой стороны, безспорно, что преступная воля должна имѣть большую силу напряженія для произнесенія возбуждающей рѣчи или для выпуска въ обращеніе летучаго возбуждающаго листка, чѣмъ для включенія въ газетный номеръ преступнаго заявленія.

Все это ст. 129 игнорируетъ. Какъ за произнесеніе рѣчи или чтеніе сочиненія и за выставленіе сочиненія или изображенія, такъ и за всѣ формы распространенія, она назначаетъ безразлично одни наказанія, въ зависимости лишь отъ того, на какія дѣянія было направлено возбужденіе.

Притомъ назначаетъ наказанія чрезвычайно суровыя—ссылку на поселеніе или исправительный домъ до трехъ лѣтъ. Наказанія, влекущія сверхъ лишенія свободы потерю правъ состоянія и въ первомъ случаѣ, при ссылкѣ на поселеніе, разрушеніе правъ супружескихъ, родительскихъ и наслѣдственныхъ.

Едва ли кто упрекалъ въ излишней снисходительности къ преступленіямъ вообще и къ преступленіямъ печати въ частности старое уложеніе о наказаніяхъ. А и оно опредѣляло всего заключеніе въ тюрьмѣ до 1 года и 4 мѣсяцевъ, или арестъ до 3 мѣсяцевъ, или денежное взысканіе за напечатаніе «оскорбительныхъ и направленныхъ къ колебанію общественнаго довѣрія отзывовъ о дѣйствующихъ въ Имперіи законахъ, или о постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ и судебныхъ установленій», а равно за «оспариваніе въ печати обязательной силы законовъ и одобреніе или оправданіе воспрещенныхъ ими дѣйствій, съ цѣлью возбудить къ нимъ неуваженіе».

Такъ было до провозглашенія и признанія свободы печати одною изъ «незыблемыхъ» основъ гражданской свободы. Теперь за напечатаніе отзыва, возбуждающаго «къ неповиновенію или противодѣйствію закону, или обязательному постановленію, или законному распоряженію власти», виновному грозитъ исправительный домъ.

Итакъ, для обобщенія всѣхъ способовъ публичной пропаганды нѣтъ основного условія: критерій наказуемости не только не низокъ, но несообразно высокъ.

Что касается предѣловъ свободнаго выбора судомъ наказаній, то собственно въ 129 ст. они сужены до послѣдней степени. За «возбужденіе», предусмотрѣнное двумя первыми пунктами, судъ никакого другого наказанія кромѣ безсрочной ссылки на поселеніе назначить не можетъ. За «возбужденіе», предусмотрѣнное двумя послѣдними пунктами, судъ стѣсненъ въ выборѣ рода и вида наказанія и свободенъ лишь въ назначеніи срока отъ 1 года *и 6 мѣс. до 3 лѣтъ.* Нѣкоторый коррективъ даетъ ст. 53 угол.

уложенія. Но, во-первыхъ, коррективъ условный: если будетъ признана наличность уменьшающихъ вину обстоятельствъ. Во-вторыхъ—весьма слабый: отъ ссылки на поселеніе судъ можетъ перейти къ заключенію въ крѣпости на срокъ не ниже одного года; отъ заключенія въ исправительномъ домѣ—къ заключенію въ тюрьмѣ.

Третья необходимая предпосылка системы также отсутствуетъ. Дѣла по 129 ст. подлежатъ разбору и рѣшенію судебной палаты съ сословными представителями. Эта форма суда, являющаяся наслѣдіемъ печальной памяти восьмидесятыхъ годовъ, есть наислабѣйшая во всемъ нашемъ судебномъ строѣ. Слабѣе ея развѣ только судебно-административныя учрежденія, образованныя по закону 1889 г.: судъ земскихъ начальниковъ, уѣздные съѣзды и губернскія присутствія.

Палата съ сословными представителями по духу и по внутренней сути есть ни что иное, какъ разновидность коронного суда, которому на манеръ орнамента приданъ общественный элементъ. Сословные представители не имѣютъ ничего общаго съ присяжными засѣдателями. А между тѣмъ ихъ участіе обращаетъ приговоръ изъ подлежащаго апелляціонному обжалованію въ безапелляціонный. Безъ этого, не имѣющаго существеннаго значенія, придатка, судьи менѣе преклоннаго возраста могутъ присуждать только къ низшимъ наказаніямъ. Съ нимъ—судьи болѣе преклоннаго возраста получаютъ полномочія опредѣлять всѣ наказанія, до смертной казни включительно. Спеціальныя гарантіи правосудія, соотвѣтственныя важности преступленій и строгости наказаній, исчерпываются большей продолжительностью службы и болѣе преклоннымъ возрастомъ состава палаты сравнительно съ составомъ окружнаго суда.

Полагаемъ, что нѣтъ надобности далѣе развивать доказательства недопустимости широкихъ правъ въ выборѣ наказанія при такой организаціи суда. Права же эти, ограниченныя въ сторону пониженія, въ сторону назначенія высокихъ каръ отнюдь не малыя. А. А. Суворинъ за напечатаніе резолюціи союза союзовъ приговоренъ къ году заключенія въ крѣпости съ ходатайствомъ передъ Верховной властью о сокращеніи срока до 3 мѣсяцевъ. А имѣла право палата присудить его къ ссылкѣ на поселеніе и даже къ каторгѣ на 8 лѣтъ, если бы признала, что послѣд-

ствіемъ совершеннаго имъ «возбужденія» было учиненіе кѣмъ-либо бунтовщическаго дѣянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если бы палата не признала наличности уменьшающихъ вину обстоятельствъ, то А. А. Суворинъ былъ бы отправленъ въ ссылку, и чрезмѣрная суровость наказанія не могла бы служить основаніемъ для обжалованія приговора: признаніе наличности таковыхъ обстоятельствъ, какъ вопросъ факта, повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ не подлежитъ.

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ А. А. Суворина палата обнаружила еще исключительную мягкость. Другимъ редакторамъ за аналогичныя провинности пожалуй придется сдѣлаться ссыльно-поселенцами, если не каторжниками...

III.

Въ послѣдовательномъ развитіи мысли мы дошли до абсурда, ибо само собою разумѣется, что ни что иное, какъ явный абсурдъ, представляетъ сопоставленіе факта напечатанія въ газетѣ возбуждающей резолюціи съ цѣлью поставить читателей о ней въ извѣстность, съ одной стороны, и ссылки или каторги, какъ законныхъ слѣдствій этого факта—съ другой. Доводить же законъ въ его толкованіи до абсурда есть нарушеніе азбуки научной и практической юриспруденціи.

Сколь бы ни былъ дѣйствующій законъ несовершененъ, ни юристъ-теоретикъ, ни юристъ-практикъ не могутъ отнимать отъ него логичности. И въ данномъ случаѣ логичность существуетъ. Звеномъ связующимъ въ ст. 129 преступный фактъ и карательное слѣдствіе служитъ намѣренность дѣянія, т.-е. не просто сознательное отношеніе виновнаго къ своему дѣйствію, а совершеніе этого дѣйствія съ цѣлью возбужденія массы лицъ къ бунтовщическимъ и другимъ перечисленнымъ въ четырехъ пунктахъ преступнымъ дѣяніямъ. Иначе понимать ст. 129 нельзя, такъ какъ иное ея пониманіе ведетъ къ абсурду.

Первый случай авторитетнаго разъясненія 129 ст. въ примѣненіи къ печати сенатъ имѣлъ по дѣлу А. А. Суворина. А потому дѣло это имѣетъ огромное принципіальное значеніе. Мотивированное рѣшеніе сената еще не опубликовано. Но оста-

вленіе кассаціонной жалобы безъ послѣдствій даетъ основаніе считать, что сенатъ руководился тѣми же соображеніями, какъ и палата.

Для простоты юридическаго анализа возьмемъ лишь одно главнѣйшее по выводу палаты обвиненіе. Оно заключается въ томъ, что А. А. Суворинъ, состоя редакторомъ-издателемъ ежедневной газеты «Русь», напечаталъ и распространилъ 30-го ноября 1905 г. № 33 той же газеты, завѣдомо помѣстивъ въ этомъ номерѣ воззваніе отъ имени «союза союзовъ», возбуждающее къ учиненію бунтовщическаго дѣянія. Такой характеръ, по мнѣнію палаты, имѣло въ воззваніи заявленіе о томъ, что «политическая свобода не можетъ быть получена народомъ иначе, какъ путемъ вооруженной борьбы за свободу», и что потому необходимо «готовиться къ всеобщей политической забастовкѣ и къ послѣдней вооруженной схваткѣ съ врагами народной свободы».

Въ соображеніяхъ палаты значится:

«Особое присутствіе пришло къ убѣжденію въ умышленности дѣянія подсудимаго Суворина, такъ какъ онъ, выпуская въ свѣтъ номера редактируемой имъ газеты «Русь», въ коихъ были помѣщены вышеозначенныя преступныя воззванія, сознательно допускалъ наступленіе послѣдствій, обусловливающихъ преступность сего дѣянія (48 ст. угол. улож.)—вслѣдствіе чего присутствіе и не нашло возможнымъ квалифицировать дѣяніе подсудимаго лишь какъ неосмотрительность, наказуемую по 7 п. VIII отд. Высочайше утвержден. 24-го ноября 1905 года правилъ о повременныхъ изданіяхъ только денежнымъ взысканіемъ. Изъ преступленій, въ коихъ подсудимый признанъ виновнымъ, тягчайшими являются предусмотрѣнныя 1 п. 1 ч. 129 ст. уголовнаго уложенія, за которыя, въ силу 53 ст. сего уложенія, наказаніе не можетъ быть назначено менѣе одного года заключенія въ крѣпости. Между тѣмъ, хотя описанныя дѣянія Суворина по признакамъ своимъ и соотвѣтствуютъ 1 п. 1 ч. 129 ст. угол. улож., но по дѣлу не имѣется данныхъ, свидѣтельствующихъ, чтобы Суворинъ помѣстилъ въ своей газетѣ вышеуказанныя воззванія къ бунтовщическимъ дѣяніямъ *съ прямою цѣлью возбуждать читателей къ вооруженному возстанію* или къ сверженію существующей въ Россіи формы правленія; онъ скорѣе

стремился къ тому, чтобы возможно полно знакомить своихъ читателей со всѣми проявленіями дѣятельности «союза союзовъ», «совѣта рабочихъ депутатовъ» и другихъ организацій, привлекавшихъ общественный интересъ, и, самъ увлекшись теченіемъ времени и не желая въ дѣлѣ сообщенія животрепещущихъ новостей отставать отъ другихъ повременныхъ изданій, помѣстилъ въ своей газетѣ и распространилъ вышеупомянутыя воззванія, *сознательно пренебрегая наступленіемъ послѣдствій* такого распространенія, выражающихся въ возбужденіи, *хотя бы нѣкоторыхъ изъ читателей*, къ вышеуказаннымъ бунтовщическимъ дѣяніямъ» [1]).

Первая половина соображеній послужила основаніемъ для примѣненія ст. 129. Вторая—для назначенія низшаго изъ находившихся въ распоряженіи палаты наказаній и для ходатайства о дальнѣйшемъ его смягченіи Верховной властью.

Ст. 48 угол. уложеніи въ части ея, приведенной въ приговорѣ, гласитъ: «Преступное дѣяніе почитается умышленнымъ не только когда виновный желалъ его учиненія, но также когда онъ сознательно допускалъ наступленіе послѣдствія, обусловливающаго преступность сего дѣянія».

Законъ этотъ, проводя различіе между умысломъ и неосторожностью, объединяетъ то, что въ наукѣ уголовнаго права именуется умысломъ «прямымъ» и «непрямымъ». Но изъ этого еще ровно ничего не вытекаетъ.

Что А. А. Суворинъ напечаталъ воззваніе «завѣдомо», т.-е. находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти и отдавая себѣ отчетъ о смыслѣ и содержаніи печатаемаго текста—стоитъ внѣ спора и сомнѣнія. Спорнымъ представляется иное: какое онъ имѣлъ при этомъ намѣреніе?

Палата на это отвѣчаетъ: «по дѣлу не имѣется данныхъ, свидѣтельствующихъ, чтобы Суворинъ помѣстилъ въ своей газетѣ вышеуказанныя воззванія къ бунтовщическимъ дѣяніямъ съ прямою цѣлью возбуждать читателей къ вооруженному возстанію или къ сверженію существующей въ Россіи формы правленія». Не имѣется данныхъ—значитъ виновность по 129 ст. не доказана.

---

[1]) *Цитируемъ по отчету*, напечатанному въ № 39 «Руси».

Не доказана виновность—значитъ статья эта не можетъ имѣть примѣненія. При чемъ же ссылка на ст. 48?

О дальнѣйшихъ разсужденіяхъ, къ чему А. А. Суворинъ стремился «скорѣе», чѣмъ онъ былъ «увлекшись» и какое дѣйствіе могло произвести его «преступленіе» на «хотя бы нѣкоторыхъ читателей» — говорить серьезно не приходится. Все это произвольныя догадки, въ приговорѣ совершенно неумѣстныя, потому что на основаніи ихъ или никого нельзя сажать въ крѣпость, или можно посадить кого угодно и когда угодно — вплоть до автора правительственнаго сообщенія или сената, печатающаго и распространяющаго рѣшенія не только по дѣламъ о возбужденіи къ бунту и измѣнѣ, но и о совершенныхъ бунтовщическихъ дѣйствіяхъ. Кто знаетъ, а можетъ быть найдется такой чудакъ, который въ рѣшеніи сената не замѣтитъ вовсе кары, назначенной виновному, а прочтетъ одни инкриминированныя слова или описаніе совершенныхъ дѣйствій и на котораго эти слова или описаніе произведутъ такое впечатлѣніе, что онъ пойдетъ и станетъ бросать бомбы?

Перенесемъ соображенія палаты отъ сложнаго казуса къ простому. Возьмемъ вмѣсто обвиненія въ распространеніи возбуждающаго воззванія обвиненіе въ убійствѣ. Предположимъ, что судъ нашелъ бы, что подсудимый, стрѣляя въ ногу потерпѣвшаго, не имѣлъ прямою цѣлью лишать его жизни, но сознательно допускалъ, что смерть можетъ послѣдовать, если раненый будетъ вовсе оставленъ безъ медицинской помощи или попадетъ въ руки неумѣлаго знахаря, который заразитъ рану. Думаемъ, что судъ разсуждалъ бы такъ: для состава умышленнаго убійства мало сознательности дѣйствія вообще, а необходима доказанная наличность намѣренія лишить жизны: ея нѣтъ—слѣдовательно къ дѣянію не можетъ быть примѣненъ законъ, карающій за убійство. Должно ли дѣяніе оставить безнаказаннымъ вовсе или наказать, какъ намѣренное нанесеніе раны — вопросъ другой. Намъ важно показать, что и при дѣйствіи ст. 48 угол. улож. нельзя признавать виновнымъ въ убійствѣ того, кто не имѣлъ намѣренія лишать жизни.

Ни минуты не сомнѣваемся, что приговоръ, основанный на противоположныхъ разсужденіяхъ, сенатъ не оставилъ бы въ силѣ судебнаго рѣшенія. Въ Китаѣ принята квалификація искло-

чительно по преступному результату, и тамъ нанесшій рану или побои, слѣдствіемъ коихъ, хотя бы случайнымъ, была смерть раненаго или избитаго, дѣйствительно былъ бы наказанъ за убійство. Въ Европѣ же и въ Россіи этихъ началъ юриспруденція не держится.

Если такъ явна неправильность примѣненія 129 ст. къ дѣлу А. А. Суворина, то гдѣ же разгадка, спроситъ читатель не юристъ, того, что ее примѣнили два судебныхъ мѣста—судъ, разбиравшій дѣло по существу, и судъ кассаціонный?

Разгадка—въ мотивахъ закона. Уже много лѣтъ, какъ у насъ развилось стремленіе дѣлать изъ кодекса талмудъ. Старое уложеніе за время его шестидесятилѣтняго существованія обросло цѣлымъ дремучимъ лѣсомъ толкованій и разъясненій. Сенатъ вопреки точнаго разума опредѣленій устава уголовнаго судопроизводства требуетъ обязательнаго имъ подчиненія не только по дѣламъ, по которымъ они состоялись, но и по всѣмъ другимъ. На помощь практикѣ пришли разнообразные издатели, извлекающіе изъ разъясненій тезисы и печатающіе ихъ подъ текстомъ статей уложенія. Самостоятельно мыслить человѣку всегда тяжело, а въ уголовныхъ дѣлахъ—особенно. Къ тому же и рискованно, ибо за неподчиненіе сенатскому толкованію можно получить выговоръ. Проще, легче и безопаснѣе выискать готовое разъясненіе и подогнать подъ него разбираемый казусъ.

Новое уложеніе обрасти разъясненіями не успѣло. Но зато еще раньше введенія его въ дѣйствіе оно появилось въ частномъ изданіи Н. С. Таганцева съ тезисами, извлеченными изъ мотивовъ. И вотъ, если прочесть тезисъ 8-й, стоящій подъ ст. 129 этого изданія, то непонятное становится понятнымъ.

«По отношенію къ статьѣ 129,—пишетъ Н. С. Таганцевъ,—по проекту редакціонной коммиссіи требовалось, чтобы оглашеніе рѣчи, сочиненія или изображенія было употреблено какъ средство возбужденія; слѣдовательно, въ каждомъ случаѣ необходимо было констатировать, что, произнося извѣстную рѣчь или распространяя извѣстное сочиненіе, виновный не только зналъ о противозаконности содержанія, но именно имѣлъ цѣль возбудить другихъ къ извѣстному дѣйствію, такъ что его дѣятельность являлась какъ бы подготовительною дѣятельностью къ извѣстнаго рода преступленіямъ или даже подстрекательствомъ

къ учиненію таковыхъ, но при разсмотрѣніи проекта въ совѣщаніи при министерствѣ юстиціи это указаніе было признано излишнимъ по тѣмъ соображеніямъ, что дѣяніе виновнаго въ томъ видѣ, какъ оно описано въ означенныхъ статьяхъ, при доказанности умысла, *едва ли можетъ преслѣдовать какую-либо иную, кромѣ вышеуказанной, цѣль.* Но если даже допустить возможность умышленнаго произнесенія или чтенія рѣчи или сочиненія, по содержанію своему возбуждающихъ къ перечисленнымъ въ ст. 129 и 130 преступнымъ дѣяніямъ, безъ цѣли достиженія тѣхъ результатовъ, къ которымъ направлено содержаніе рѣчи или сочиненія, то такая преступная пропаганда, въ виду ея несомнѣнной опасности и важности послѣдствій, по справедливости, требовала бы примѣненія къ виновному опредѣленнаго въ сихъ статьяхъ наказанія».

Мы далеки отъ мысли оспаривать научный авторитетъ Н. С. Таганцева или точность сдѣланнаго имъ извлеченія. Но мы въ правѣ сказать, что А. А. Суворинъ осужденъ и вслѣдъ за нимъ будутъ осуждены многіе редакторы газетъ не на основаніи закона, т.-е. ст. 129 угол. улож., а на основаніи законодательныхъ предположеній.

Да, составители ст. 129 полагали, что виновный «при доказанности умысла, едва ли можетъ преслѣдовать какую-либо иную цѣль» кромѣ возбужденія; да, по ихъ мнѣнію, «справедливо» наказывать одинаково преслѣдовавшаго цѣль возбужденія и не преслѣдовавшаго. Но развѣ законъ эти мнѣніе и предположеніе воспринялъ? Развѣ мотивы имѣютъ Высочайшую санкцію?

Мотивы раскрываютъ то, что законодатель хотѣлъ сказать. А для караемаго и примѣняющаго законъ имѣетъ значеніе исключительно то, что онъ сказалъ. Сказалъ же онъ смысломъ 129 ст. и суровостью положенныхъ въ ней наказаній, что это не формальный проступокъ, а дѣяніе, существенный признакъ котораго—намѣреніе возбудить къ совершенію точно перечисленныхъ дѣйствій. Разъ это намѣреніе не доказано — виновности по ст. 129 нѣтъ.

3 марта въ сенатѣ слушалось аналогичное дѣло Л. В. Ходскаго, къ дѣянію котораго палата статьи 129 не примѣнила. За отмѣну приговора высказался товарищъ оберъ-прокурора, утверждавшій, что въ газетѣ ничѣмъ нельзя парализовать дѣйствія преступной статьи, что разъ преступная статья напечатана, то

редакторъ долженъ понести за нее наказаніе независимо даже отъ того, будетъ ли напечатана другая, противоположная по идеѣ статья.

Такая аргументація уже прямо ведетъ къ закрытію «Московскихъ Вѣдомостей» и къ прекращенію печатанія судебныхъ отчетовъ, кассаціонныхъ рѣшеній и правительственныхъ сообщеній.

Разсмотрѣніе дѣла отдѣленіе сената передало на уваженіе департамента. Надѣемся, что уголовный кассаціонный департаментъ отрѣшится отъ мотивовъ закона, строго обсудитъ его текстъ и измѣнитъ взглядъ, выраженный по дѣлу А. А. Суворина.

«Русь» 10 марта 1906 г.,
№ 52.

Преступно и подло!..

Въ Мукденѣ, въ Цицикарѣ, въ Куанченцзы я много разъ бывалъ въ засѣданіяхъ суда и видѣлъ истязанія и пытки.

Желаніе изучить нравы китайцевъ, ихъ юридическій бытъ и практику судебно-административной расправы пересиливало чувство отвращенія и ужаса и заставляло смотрѣть на мучительство и мученіе.

Я видѣлъ «малые бамбуки»—какъ били по ладонямъ короткими эластичными палками. Видѣлъ послѣ десяти ударовъ вспухшія, синебагровыя руки. Слышалъ сдавленные вопли и стоны пытаемыхъ...

Я видѣлъ «большіе бамбуки». Палачи хватали несчастнаго, клали ничкомъ на низкую скамейку и привязывали тонкими бичевками за концы пальцевъ. Со свистомъ палка прорѣзывала воздухъ, раздавался звукъ удара—и брызги крови изъ разсѣченнаго человѣческаго тѣла обагряли и палку, и скамейку, и плиты каменнаго пола... Не вопль, а раздирающій душу крикъ сливался съ первымъ ударомъ... За первымъ — слѣдовалъ второй, третій... до сотаго. Мышцы бедеръ и икръ обнажались, кожные покровы исчезали, удары сыпались по живому мясу... Крики становились все слабѣе и прекращались... Со скамейки снимали безжизненное тѣло.

Я видѣлъ, какъ били по щекамъ кусками толстой кожи. Покровы лица тоже быстро обращались въ лохмотья, а лицо въ безобразную кровавую массу...

Я видѣлъ «распятіе»—на часъ, на пять часовъ, на двѣнадцать...

И я видѣлъ судей... Они безстрастно смотрѣли на пытку, прихлебывая чай, куря трубки, просматривая «дѣла» или мирно бесѣдуя между собой...

Отвратительныя картины...

Въ памяти воскресали средніе вѣка, инквизиція, гравюры изъ приложеній къ Терезіанѣ, Малюта Скуратовъ... Воскресало давно пережитое европейцемъ и—думалось тогда—русскимъ... Воскресало то, что и воспроизведенное воображеніемъ вызываетъ ужасъ...

Потомъ я бывалъ въ тюрьмахъ, куда уводили и уносили несчастныхъ. Они лежали на полу, безъ сознанія, съ остановившимися или блуждающими глазами, всклокоченные, покрытые язвами... Они подолгу лежали неподвижно, изнеможенные муками...

Бывалъ я и въ засѣданіяхъ китайскаго суда въ Харбинѣ. Тѣ же подсудимые — хунхузы. Тѣ же судьи — китайцы. Тѣ же законы. Но... среди судей—русскій чиновникъ въ вицъ-мундирѣ. Харбинъ—юридически въ Китаѣ, фактически въ Россіи. Въ Харбинѣ китайцевъ судили и судятъ китайцы же и по китайскимъ законамъ. Въ Харбинѣ только не допускаются ни истязанія, ни пытки... Тамъ преступникъ подвергается всей тяжести китайскихъ каръ, только безъ предварительныхъ мукъ... Русскія власти нигдѣ и никогда не могутъ допустить пытокъ. Такъ говорятъ представителямъ власти китайской...

Прошло неполныхъ два года...

Россія готовится къ реализаціи новаго политическаго строя. Населенію дарованы «незыблемыя основы гражданской свободы». «Свободу и право» правительство выставило своимъ лозунгомъ... Черезъ мѣсяцъ должны собраться народные представители, съ которыми монархъ раздѣлилъ свою власть. Беззаконіе и произволъ объявлены отошедшими въ прошлое...

И... въ газетахъ напечатано слѣдующее повѣствованіе, взятое изъ протокола медицинскаго освидѣтельствованія подсудимой, доставленной въ тамбовскую тюрьму.

У Спиридоновой «лицо все было отечное, въ сильныхъ кровоподтекахъ съ красными и синими полосами. Въ теченіе порядочнаго промежутка времени Спиридонова не могла раскрыть рта, вслѣдствіе страшной опухлости губъ, по которымъ наносились удары. Надъ лѣвымъ глазомъ содрана кожа размѣромъ въ се-

ребряную монету въ пятьдесятъ копеекъ, обнаживъ живое мясо. Въ срединѣ лба имѣется продолговатая гноящаяся полоса, на которой содрана кожа. На правой сторонѣ, на лбу, ближе къ волосамъ тоже содрана кожа. Лѣвая сторона лица особенно сильно отечна. Вслѣдствіе страшной опухлости этой части лица лѣвый глазъ закрылся. Правый глазъ тоже пострадалъ; вся часть около глаза сильно отекла, вѣки опухли, оставивъ только маленькую щелку, черезъ которую больная могла смотрѣть на окружающее. Зрѣніе праваго глаза сильно уменьшено».

«Кисти рукъ синія, отечныя, сильно вспухшія, потому что были избиты и носили слѣды ударовъ нагайки. Лѣвая кисть особенно сильно вспухла и имѣетъ большіе кровоподтеки; надъ мизинцемъ лѣвой руки содрана кожа съ обнаженіемъ мяса величиною съ серебряный пятакъ. На лѣвомъ предплечьѣ нѣсколько сильныхъ кровоподтековъ и красныхъ полосъ отъ нагаекъ».

«Ступни обѣихъ ногъ страшно отечныя, есть кровоизліянія и красныя полосы отъ нагаекъ; такія же полосы и кровоизліянія имѣются на бедрахъ и на колѣняхъ. На ступняхъ ногъ имѣется содранная кожа. Около колѣнъ на обѣихъ ногахъ тоже есть содранная кожа порядочнаго размѣра. Большой палецъ одной ноги сильно опухъ и окровавленъ отъ удара чѣмъ-то тупымъ».

«Шея вся отечная, сильный кровоподтекъ распространяется изъ-подъ праваго уха назадъ, на спину, надо думать отъ того, что на шею мучители наступали сапогами и давили ее».

«Легкіе совершенно отбиты, и въ нихъ произошло кровоизліяніе».

Читаемъ все это не въ судебномъ отчетѣ о дѣлѣ мучителей Спиридоновой, а въ корреспонденціи, напечатать которую оказалось возможнымъ лишь тогда, когда ея авторъ, окончивъ «разслѣдованіе», уѣхалъ изъ Тамбова!..

Какое преступленіе и по какимъ мотивамъ совершила Спиридонова—безразлично. Какъ ни безконечно гадки ея мучители, но если бы и они были доставлены въ тюрьму съ избитыми лицами, доведенные до безсознательнаго состоянія и со слѣдами каблуковъ на шеяхъ, если бы ихъ истязали и мучили органы власти, юристъ тоже былъ бы возмущенъ до глубины души. Еще толпѣ простительно было бы излить на нихъ свою злобу. Но для органовъ власти, избивающихъ, мучающихъ, топчущихъ ногами кого бы

то ни было — нѣтъ больше и гаже преступленія. Для нихъ это не стихійный самосудъ, а разгулъ кровожадной силы...

И уголовный законъ во всемъ мірѣ ихъ за это жестоко караетъ. Почему же Ждановъ и Аврамовъ—ихъ имена уже больше мѣсяца у всѣхъ на устахъ—не сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ? Почему начальство ихъ преступно бездѣйствуетъ? Ждановъ—полицейскій чиновникъ. Аврамовъ, намъ стыдно это повторить, — офицеръ. Почему губернаторъ не предалъ суду Жданова? Почему начальникъ дивизіи не предалъ суду Аврамова?

«Нельзя колебать авторитета власти, нельзя подрывать уваженія къ офицерской средѣ—особенно теперь, въ революціонное время». Неужели въ этомъ разгадка?

Сколько десятковъ лѣтъ Россія молча терпѣла беззаконія, чтобы не колебать авторитета власти! Губернаторы сѣкли, воровали, земскіе начальники совершали явное неправосудіе... И что же? Куда вдругъ дѣвался этотъ взлелѣянный авторитетъ, въ жертву которому такъ долго и такъ систематично приносилось все и вся? Подите сейчасъ въ уѣзды, въ деревню и поищите его...

Революціонное время! Да кто же и что, какъ не безотвѣтственные насильники и насиліе питаютъ революцію? Кто разжигаетъ народныя страсти? Что будитъ «боевыя силы» народа?

Уваженіе къ войску и къ носителямъ и выразителямъ воинской чести—къ офицерамъ! Да, достойны полнаго, глубокаго уваженія тѣ, кто умираютъ безропотно на полѣ сраженія или гибнутъ въ пучинѣ океана. Они достойны уваженія и тогда, когда войны нѣтъ: возможность смерти за родину стоитъ предъ ними каждую минуту. Но какія силы заставятъ уважать того, кто истязалъ, мучилъ, билъ кулакомъ по лицу, билъ по кистямъ рукъ, по ступнямъ ногъ схваченную дѣвушку, беззащитную, слабую? Нельзя вырвать никакими силами чувства презрѣнія къ такому офицеру...

И войско его не можетъ не презирать. Оно не можетъ его терпѣть въ своей средѣ и считать своимъ: вѣдь съ нимъ надо разговаривать, ему надо подавать руку... Несмываемый позоръ одного не долженъ пачкать и лишать уваженія среду... Сохраненіе военнаго мундира на Аврамовѣ больше и вѣрнѣе, чѣмъ всѣ «злонамѣренныя» усилія революціонеровъ, подрываетъ уваженіе *къ офицерамъ...*

Спиридонову задержали на платформѣ вокзала. Ее обезоружили... и обезоруженную избили. Ее отвели въ полицію для допроса. Тамъ, допрашивая, раздѣли до нага, били, топтали, о ея голое тѣло тушили папиросы... Потомъ ее повезли въ вагонѣ. Офицеръ разстегивалъ на ней платье, прикасался руками къ ея обнаженной груди... Спиридонова черезъ два мѣсяца имѣетъ основаніе думать, что она, находясь безъ сознанія, была изнасилована...

Если тотъ, кому поручено было отвезти Спиридонову—имъ же измученную дѣвушку—только плотоядными глазами смотрѣлъ на ея тѣло, и за это каждый вправѣ пригвоздить его къ столбу позора тѣмъ словомъ, которое стыдно ставить рядомъ со словомъ: офицеръ...

«Русь» 14 марта 1906 г., № 56.

За мѣсяцъ.

1 апрѣля 1906

Первая стадія выборовъ въ Думу.—Впечатлѣнія избирателя.—Общій тонъ отношенія крестьянъ къ «начальству» и къ «господамъ». — Выборы въ Государственный Совѣтъ и земство. — Казнь Шмидта. — Дѣло Спиридоновой.—Судебные процессы редакторовъ «Руси», «Нашей Жизни», «Начала» и др.—Безпримѣрная репрессія.

Когда настоящая хроника появится въ печати,—въ двадцативосьми губерніяхъ первой очереди, въ которыхъ днемъ губернскихъ избирательныхъ собраній назначено 26-е марта, уже окончательно опредѣлятся результаты выборовъ въ Государственную Думу. А теперь опредѣлился пока только составъ выборщиковъ. Еслибы дѣло происходило въ Англіи, то и теперь можно было бы съ большой точностью заключить о политической физіономіи Думы. Но у насъ, и послѣ завершенія второй выборной стадіи, нельзя будетъ съ вѣроятностью гадать не только о судьбѣ министерства 17-го октября, но рѣшительно ни о чемъ. Теперь же можно сказать одно: всѣ сужденія о предстоящей побѣдѣ или о предстоящемъ пораженіи той или другой изъ образовавшихся политическихъ партій — абсолютно произвольны. Высказанное нами въ прошломъ мѣсяцѣ предположеніе оправдалось: какъ крестьяне, такъ и землевладѣльцы, выбирали, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не представителей партій, а *людей*. Мы видѣли списки выборщиковъ отъ городовъ, землевладѣльцевъ и

отъ крестьянъ той губерніи, въ которой лично принимали участіе въ выборахъ. Только у первыхъ, дающихъ наименьшее число выборщиковъ, преобладали имена болѣе или менѣе политически-опредѣленныя. У вторыхъ—такихъ именъ была небольшая часть, а у третьихъ—мы не нашли почти ни одного.

Въ среду избирателей, баллотировавшихъ въ губернскихъ и даже въ уѣздныхъ городахъ, политическая агитація проникла—это фактъ, если не общій, то значительно распространенный. Объясняется онъ, конечно, прежде всего, тѣмъ, что законъ 11-го декабря влилъ въ съѣзды городскихъ избирателей чуть не поголовно всю уѣздную интеллигенцію, какъ живущую въ городѣ, такъ и живущую въ деревнѣ. Затѣмъ, въ городахъ, хотя и съ большими затрудненіями, все-таки устраивались предвыборныя собранія. Немалую роль, наконецъ, сыграли газеты.

Въ среду же избирателей, баллотировавшихъ въ съѣздахъ землевладѣльцевъ и уполномоченныхъ отъ волостей, агитація не проникла вовсе, или проникла въ видѣ рѣдкаго исключенія. Избраніе выборщиковъ прошло въ темную. Хорошо еще, если гдѣ были мѣстныя популярныя имена — популярныя, какъ имена земцевъ или просто хорошихъ людей. Тамъ хоть нѣсколько наблюдалось сосредоточеніе голосовъ. Гдѣ такихъ именъ не было, или было меньше, чѣмъ вакансій выборщиковъ, баллотировка по много разъ повторялась, и избраніе опредѣлялось такими факторами, какъ утомленіе избирателей, желаніе наконецъ покончить докучную выборную процедуру и т. п.

Не одни, думаемъ, внѣшнія препятствія помѣшали агитаціи выйти изъ городовъ. Думаемъ также, что и не одна сѣрость и малограмотность народныхъ массъ. Агитація потому не могла проникнуть въ деревню, что она не имѣла тамъ для себя конкретно опредѣленнаго объекта. Задаваться воздѣйствіемъ на всѣхъ крестьянъ и на всѣхъ мелкихъ собственниковъ уѣзда — объ этомъ не могъ мечтать, само собою разумѣется, ни одинъ самый прямолинейный агитаторъ. А кто попадетъ въ уполномоченные, стало извѣстно либо наканунѣ, либо въ самый день избранія выборщиковъ.

Въ газетѣ «Страна» ежедневно печатается таблица движенія выборовъ, въ которой даются цифры лицъ, подлежавшихъ избранію и избранныхъ, съ подраздѣленіемъ послѣднихъ на четыре кате-

горіи: лѣвыхъ партій, центра, правыхъ партій и безпартійныхъ [1]). Возьмемъ таблицу, составленную на основаніи свѣдѣній по 16-е марта (№ 23) и остановимся на тѣхъ губерніяхъ, гдѣ уже избранъ полный комплектъ выборщиковъ. Въ могилевской губерніи, изъ 139 выборщиковъ 14 отнесено къ лѣвымъ партіямъ, 3 — къ центру и 14 — къ безпартійнымъ. Въ самарской, изъ 180-ти, 18—къ лѣвымъ, 5—къ центру, 15—къ правымъ, 5—къ безпартійнымъ. Въ тамбовской, изъ 180-ти, 18—къ лѣвымъ, 15—къ центру, 2—къ правымъ, 7—къ безпартійнымъ. Въ тверской, изъ 124-хъ, отнесено къ соотвѣтственнымъ четыремъ категоріямъ: 34, 23, 2 и 4. Въ уфимской, изъ 154-хъ — къ первымъ тремъ: 21, 6 и 1. Только въ московской, изъ 109-ти, разнесено по группамъ партій 100, и остались внѣ распредѣленія 9. Всего, изъ 2.578 выборщиковъ данныя о политическомъ міровоззрѣніи приведены о 708-ми (въ томъ числѣ 118 безпартійныхъ), а 1.870—остаются полными «иксами».

Несмотря на такія, неблагопріятныя условія, выборы, все-таки, кое-въ-чемъ обнаружили тонъ настроенія деревенскаго населенія. Самое крупное по значенію изъ непосредственно наблюдавшихся нами явленій — это рѣзко отрицательное отношеніе ко всякаго рода «начальству». Крестьяне, какъ давно извѣстно, не особенно точно различаютъ административное начальство отъ органовъ самоуправленія. Въ ихъ глазахъ и предводитель дворянства, и земскій начальникъ, и членъ или предсѣдатель земской управы, и становой приставъ, охватываются всеобъемлющимъ понятіемъ «начальства». «Довольно поначальствовали»,—говорили на выборахъ нѣкоторые изъ нихъ, наименѣе сдержанные на языкъ. Большинство ничего не говорило, но систематично «прокатывало» начальниковъ. Въ цѣлой губерніи изъ тринадцати предводителей дворянства въ выборщики прошелъ одинъ; изъ многихъ

[1]) Къ лѣвымъ партіямъ газета причисляетъ соціалъ-демократовъ, конституціоналистовъ-демократовъ, партію демократическихъ реформъ, партію свободомыслящихъ и вообще выборщиковъ «прогрессивнаго направленія»; къ центру — партію 17-го октября, торгово-промышленную и т. п. и вообще выборщиковъ «умѣренныхъ»; къ правымъ—партію правового порядка, монархистовъ и т. д.

десятковъ земскихъ начальниковъ — тоже одинъ; изъ состава уѣздныхъ земскихъ управъ—ни одного. Особенно намъ показались характерными слѣдующіе факты. Въ уѣздѣ, близко намъ извѣстномъ, въ числѣ членовъ мѣстной управы имѣется два крестьянина — люди самаго противоположнаго направленія, но одинаково популярные въ своихъ волостяхъ. Оба на выборахъ въ земскіе гласные обыкновенно проходили очень успѣшно. И оба дважды забаллотированы: на выборахъ уполномоченныхъ отъ волостныхъ сходовъ и на выборахъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Въ другомъ уѣздѣ забаллотированы: губернскій предводитель дворянства — крайній реакціонеръ, и мѣстный уѣздный—конституціоналистъ-демократъ.

Не рискованно ли обобщать это наблюденіе? Не случайно ли оно? Мы думаемъ, что нѣтъ. Мы склонны скорѣе считать обусловленными случайными обстоятельствами обратные примѣры — быть можетъ давленіемъ, быть можетъ личными качествами того или другого должностного лица. Знающіе деревню уже давно замѣчали, что престижъ власти среди крестьянства неудержимо падаетъ. Только близорукость могла относить всецѣло на счетъ страсти сутяжничества и на счетъ происковъ «аблакатовъ» безконечное хожденіе крестьянъ по административнымъ и судебнымъ инстанціямъ и не видѣть въ этомъ другого показателя, болѣе глубокаго: отсутствія уваженія къ представителямъ власти, къ ихъ знаніямъ и правомѣрности. Создатель института земскихъ начальниковъ, графъ Д. А. Толстой, полагалъ, что возможно въ дѣлѣ устроенія мѣстной жизни оперировать исключительно на чувствѣ страха, и что развитіе страха передъ начальствомъ само собою приведетъ къ уваженію власти. Его преемники послѣдовательно проводили то же начало политическаго воспитанія гражданъ. Сколько трудовыхъ крестьянскихъ грошей ушло на штрафы за неснятіе шапокъ! Сколько оставлялось безъ отмѣны явно незаконныхъ рѣшеній, приговоровъ и постановленій! Сколько людей выслано въ Сибирь за неуважительное отношеніе къ чиновникамъ! Чего только не приносилось въ жертву развитію спасительнаго страха! Казалось бы, если отправная точка была правильна, крестьяне за пятнадцать лѣтъ должны были насквозь проникнуться безусловнымъ уваженіемъ къ авторитету судьи-администратора и властнаго попечителя ихъ быта и еще боль-

шимъ — къ полномочному представителю мѣстнаго дворянства. Что же получилось? Въ первый разъ довелось крестьянству сказать свое слово, и оно объединилось на лозунгѣ: «Довольно поначальствовали»... Дорогой цѣной досталась Россіи побѣда надъ основнымъ принципомъ реакціи восьмидесятыхъ годовъ. Но зато едва ли опять найдутся неразумные, которые снова станутъ повторять присказку о «властной рукѣ»? Миражъ, надѣемся, разсѣется безповоротно...

Въ связи съ отрицательнымъ отношеніемъ къ «начальству», мы наблюдали такое же отношеніе къ «господамъ» и отчасти къ духовенству. Особенно это замѣтно было на выборахъ уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Гдѣ на предварительныхъ съѣздахъ крестьяне были въ большинствѣ, они систематично проваливали мелкихъ дворянъ-помѣщиковъ, внѣ всякаго соотношенія съ политической окраской баллотировавшихся. И это наблюдалось даже на такихъ съѣздахъ, на которыхъ нѣкоторые избиратели поражали, вообще, пассивностью и малымъ пониманіемъ важности момента. Ни о какомъ предшествующемъ сговорѣ или подговорѣ не пропускать «господъ» на предварительныхъ съѣздахъ не можетъ быть и рѣчи. Собиравшіеся по повѣсткамъ, полученнымъ за три-четыре дня, крестьяне-собственники, не знающіе другъ друга и во всемъ другомъ напоминавшіе стадо овецъ, въ этомъ, наоборотъ, обнаруживали рѣдкое единодушіе.

Въ уѣздѣ, который мы имѣемъ въ виду, было образовано восемь предварительныхъ съѣздовъ. Собственники, явившіеся на съѣзды, представили въ совокупности 94 полныхъ ценза и выбрали уполномоченными: десять священниковъ и діаконовъ, двухъ мѣщанъ, одного дворянина и 81 крестьянина — преимущественно изъ владѣльцевъ одной, двухъ и до десяти десятинъ, т.-е., въ сущности, крестьянъ-общинниковъ, живущихъ на надѣльной землѣ и имѣющихъ, какъ подспорье, небольшой клочокъ земли купленной. Чуткое къ обидѣ духовенство въ нѣсколькихъ случаяхъ, послѣ забаллотированія перваго священника, поголовно уходило со съѣздовъ, снимая свои цензы. Менѣе, чѣмъ на съѣздахъ мелкихъ землевладѣльцевъ, но все-таки та же рознь между «господами» и крестьянами чувствовалась и на *съѣздѣ уѣздномъ*, т.-е. при избраніи выборщиковъ. Изъ крестьянъ

уполномоченныхъ не явилось только девять. Крупныхъ собственниковъ прибыло изъ 73—около сорока. При такомъ соотношеніи силъ, перевѣсъ былъ явно на сторонѣ крестьянъ. Въ виду того, что предварительные съѣзды были закончены лишь за два дня до уѣзднаго съѣзда, и попытка устроить наканунѣ предвыборное совѣщаніе не удалась, за невозможностью своевременно разослать уполномоченнымъ приглашенія, нѣсколько лицъ изъ крупныхъ собственниковъ рѣшили использовать для выясненія кандидатуръ хоть два часа, назначенные на запись явившихся. Едва, однако, всѣ собрались, крестьяне стали по одиночкѣ уходить, сначала въ корридоръ, затѣмъ на дворъ, и тамъ образовали свое совѣщаніе. Вернулись они съ готовымъ рѣшеніемъ: избрать одно опредѣленное лицо изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а на всѣ остальныя вакансіи — непремѣнно крестьянъ. Затѣмъ они обратились къ намѣченному ими лицу съ просьбою объяснить значеніе Государственной Думы и «какъ будетъ насчетъ земли». Такимъ образомъ, вмѣсто предвыборнаго собранія, вышло нѣчто вродѣ лекціи. Всѣ старанія вызвать на разговоръ самихъ уполномоченныхъ были тщетны.

Послѣдующая подача записокъ и баллотировка шарами показали, между тѣмъ, всю необходимость не односторонней лекціи и совѣщанія на дворѣ, а именно предвыборнаго собранія—общаго, съ публичнымъ обмѣномъ мнѣній и съ взаимными опроверженіями однихъ взглядовъ другими. Когда пришлось писать записки, передъ всѣми — и крупными собственниками, и мелкими—сталъ неразрѣшимый вопросъ: кого писать? Для первыхъ писать имена только изъ своей среды было явно безцѣльно; а на чьихъ остановиться именахъ изъ уполномоченныхъ—неизвѣстно. Для вторыхъ имена желательныхъ и подходящихъ выборщиковъ были столь же неизвѣстны. Въ результатѣ абсолютное большинство голосовъ по запискамъ получилъ только одинъ кандидатъ. Началась баллотировка. Ящиковъ оказалось всего два, а число лицъ, предложенныхъ въ выборщики—64. Первый кандидатъ, имѣвшій 109 записокъ, конечно, прошелъ. За нимъ получилъ 77 шаровъ крестьянинъ, за котораго было подано 59 записокъ. Слѣдующій кандидатъ, при 46 запискахъ, получилъ 67 избирательныхъ шаровъ и 54 неизбирательныхъ. Потомъ выбранъ былъ еще одинъ 64 шарами противъ 57. Далѣе послѣдовательно были забаллоти-

рованы всѣ, получившіе отъ 12 до 38 записокъ. Время стало клониться къ вечеру и въ избирателяхъ почувствовалась усталость. Начались разговоры о томъ, что пара выборы кончить. Поставлены были на баллотировку два крестьянина, предложенные каждый восемью записками, и оба оказались избранными. Случайность ихъ избранія, полагаемъ, несомнѣнна. Еслибы они баллотировались ранѣе, то едва ли получили бы болѣе, чѣмъ по десятку шаровъ. А такъ какъ къ моменту ихъ баллотировки всѣ кандидаты съ двадцатью и тридцатью записками уже стояли за конкурсомъ, и у избирателей остыла энергія для того, чтобы, пройдя весь списокъ предложенныхъ лицъ, вернуться къ потерпѣвшимъ неудачу при первомъ баллотированіи, то они и получили абсолютное большинство шаровъ. Очевидно, этимъ счастливцамъ помогла неравномѣрность шансовъ, всегда неизбѣжная, когда не всѣ предложенныя лица баллотируются одновременно. При каждой баллотировкѣ шарами должно обязательно сразу ставить столько ящиковъ, сколько предложено къ баллотировкѣ кандидатовъ. Только при этомъ условіи для всѣхъ получается равенство шансовъ.

На съѣздѣ уполномоченныхъ отъ волостей въ томъ же уѣздѣ случайность избранія была ничуть не меньшею. Въ тиши петербургскихъ канцелярій привыкли считать крестьянъ уѣзда и даже цѣлой губерніи чѣмъ-то компактнымъ, слагающимся не изъ индивидуумовъ, а изъ сѣрой, безцвѣтной массы. Кого эта масса изъ себя выдѣлитъ и какъ она найдетъ въ своей средѣ истинныхъ выразителей ея идеаловъ—этимъ канцеляріи не интересуются. Только такимъ воззрѣніемъ можно объяснить распоряженіе о производствѣ выборовъ уполномоченныхъ, буквально, за сутки до дня съѣзда. Въ уѣздѣ — 30 волостей, и собралось 60 уполномоченныхъ для избранія девяти выборщиковъ. Долго они между собой судили и рядили и пришли къ заключенію, что самое лучшее бросить жребій—по крайней мѣрѣ, никому не будетъ обидно. Отъ жеребьевки ихъ кое-какъ удалось отговорить. Но, отговаривая, приходилось выслушивать чрезвычайно вѣское возраженіе: «а кого выбирать, когда мы другъ друга не знаемъ?» На запискахъ многіе написали по одной или по двѣ всего фамиліи—надо думать каждый писалъ себя и лично знакомыхъ. Голоса, конечно, раздробились. Баллотировать пришлось всѣхъ поголовно,

и лишь по второму разу кое-какъ набралось нужное число выборщиковъ.

Что именно заставляетъ крестьянъ стремиться пройти въ Думу самимъ и забаллотировывать «господъ»? Справедливость требуетъ сказать, что немалую роль играютъ въ этомъ десять рублей суточныхъ, полагающихся членамъ Думы. Среди крестьянъ суточныя въ такомъ, съ ихъ точки зрѣнія, колоссальномъ размѣрѣ еще съ осени были предметомъ самыхъ оживленныхъ толковъ. Слухи о нихъ росли и доросли до того, что будто бы по десяти рублей полагается и за дни выборовъ. Намъ доводилось видѣть не одного выборщика, спрашивавшаго по окончаніи баллотировки слѣдуемые ему десять рублей и уходившаго, послѣ отказа, искренно разочарованнымъ. Но, само собою разумѣется, было бы большой ошибкой объяснять явленіе цѣликомъ денежной приманкой. Корни его—въ сорокалѣтнемъ прошломъ. 19-ое февраля 1861 г. не могло сразу, вдругъ, заполнить пропасть между рабовладѣльцами и рабами. Для ея заполненія нужны были многіе годы и многія реформы. Первые шаги на этомъ пути были, правда, сдѣланы—реформами судебной и земской. Но за первыми шагами не только не послѣдовали вторые, а, напротивъ, началось сплошное движеніе назадъ, если не въ смыслѣ возсозданія крѣпостной зависимости, то въ смыслѣ поддержанія сословныхъ различій и сословной розни. Откуда же могло явиться у крестьянъ довѣріе къ «господамъ?» Въ ихъ глазахъ всѣ люди, не занимающіеся физическимъ трудомъ, органически, такъ сказать, имъ чужды. Сами, по отсутствію умственнаго развитія и вслѣдствіе вѣчной борьбы съ нуждой, далекіе отъ всего отвлеченно-идейнаго, кромѣ области религіозной, они и въ другихъ всегда готовы заподозрить стремленіе къ торжеству классовыхъ интересовъ. Не даромъ послѣ 17 октября крестьяне говорили: «господа для себя получили конституцію, а почему же намъ ничего не дано»?..

Долго еще придется считаться съ роковыми ошибками эпохи реакціи! Много еще времени пройдетъ, прежде чѣмъ исчезнутъ «господа» и «мужики», и народится единый русскій свободный гражданинъ!.. Весьма печально будетъ, если и на окончательныхъ выборахъ крестьяне станутъ держаться той же политики. Дума, сплошь крестьянская, будетъ, въ лучшемъ случаѣ, собраніемъ живыхъ свидѣтелей того тупика, въ который уперлась деревня, и

въ которомъ она безсильно бьется, ища выхода. Не только ей не удастся реализировать средства и способы разрѣшенія всѣхъ нашихъ бѣдъ въ формѣ законодательныхъ актовъ, но даже намѣтить эти средства ей будетъ не по силамъ. У деревни еще меньше готовыхъ политическихъ идеаловъ, чѣмъ у города. Съ другой стороны, хотя отрицательное отношеніе къ органамъ власти заложено въ крестьянахъ столь же прочно и глубоко, какъ и недовѣріе къ «господамъ», правительство, все-таки, при желаніи, всегда найдетъ множество способовъ сдѣлать крестьянскую Думу декоративнымъ украшеніемъ. Послѣ первыхъ результатовъ выборной кампаніи сановные администраторы уже стали усиленно поговаривать, что Россія царство мужицкое, и что чѣмъ больше пройдетъ въ Думу крестьянъ, тѣмъ будетъ правильнѣе и лучше...

Одновременно съ выборами въ Государственную Думу идутъ выборы въ Государственный Совѣтъ. Мы держимся того мнѣнія, что двухпалатная система представительства предпочтительнѣе однопалатной, но мы отнюдь не можемъ себя причислить къ сторонникамъ той искусственной комбинаціи идеи народнаго представительства, выражаемой Думой, и бюрократическаго начала, выражаемаго Совѣтомъ, которую создалъ законъ 20 февраля. Это—не система, а сочетаніе несочетаемаго, ибо основной элементъ состава Совѣта суть члены по назначенію. Имъ, внѣ сомнѣнія, будетъ принадлежать руководящая роль, и они, столь же внѣ сомнѣнія, принесутъ въ новое учрежденіе традиціи того «высшаго въ государствѣ сословія», которое рѣдко когда грѣшило стойкостью убѣжденій и которое привыкло къ вершенію дѣлъ «вопреки» принятому имъ «мнѣнію».

Любопытна мелкая чёрточка, характеризующая отношеніе составителей закона о выборахъ въ Государственный Совѣтъ къ земству. Всѣ учрежденія—дворянскія общества, академія наукъ, совѣты университетовъ и совѣты торговли и мануфактуръ—производятъ избранія выборщиковъ изъ своей среды, т.-е. каждый участникъ дворянскаго собранія, каждый академикъ и ординарный профессоръ университета или членъ совѣта торговли и мануфактуръ и т. п. можетъ пройти въ выборщики и за симъ въ

члены Государственнаго совѣта, если только онъ соотвѣтствуетъ общимъ условіямъ подданства, возрастнаго и образовательнаго ценза и неопороченности по суду. Для земскихъ же учрежденій установлено еще особое ограниченіе. «Каждое губернское земское собраніе,—говоритъ законъ,—выбираетъ по одному члену Государственнаго Совѣта изъ числа: а) лицъ, владѣющихъ въ губерніи, на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія, а въ отношеніи горнозаводскихъ дачъ также и на поссесіонномъ правѣ, не менѣе трехъ лѣтъ, пространствомъ обложенной сборомъ на земскія повинности земли, въ три раза превышающимъ количество земли, дающее право на непосредственное участіе въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ; и б) лицъ, владѣющихъ въ губерніи, на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія, а въ отношеніи горнозаводскихъ дачъ также и на поссесіонномъ правѣ, не менѣе того же трехлѣтняго срока, пространствомъ обложенной сборомъ на земскія повинности земли, дающимъ право на непосредственное участіе въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ, если лица сіи прослужили, не менѣе двухъ выборныхъ сроковъ, въ должности губернскаго или уѣзднаго предводителя дворянства, предсѣдателя губернской или уѣздной земской управы, городского головы или почетнаго по выборамъ мирового судьи».

Такимъ образомъ, съ одной стороны, права земскихъ собраній нѣсколько шире: они могутъ избирать не только изъ своей среды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ права ихъ ўже: изъ своей среды имъ предоставляется избрать лишь нѣкоторыхъ привиллегированныхъ гласныхъ. Несовпаденіе по объему пассивнаго и активнаго избирательнаго права имѣло примѣры въ исторіи и, если намъ не измѣняетъ память, допускается нѣкоторыми изъ современныхъ конституцій. Поэтому установленіе подобнаго порядка въ неземскихъ губерніяхъ, гдѣ избраніе производится не органами мѣстнаго самоуправленія, а спеціально образуемыми только для выборовъ съѣздами, еще не встрѣчаетъ неустранимыхъ возраженій. Порядокъ этотъ не встрѣтилъ бы такихъ возраженій даже въ приложеніи къ дворянскимъ собраніямъ, такъ какъ въ ихъ составъ входятъ дворяне губерніи не по уполномочію, а по личному праву. Въ приложеніи же къ губернскимъ земскимъ собраніямъ онъ не можетъ быть рѣшительно ничѣмъ оправданъ. Зем-

ское собраніе — постоянный органъ мѣстнаго самоуправленія, въ которомъ всѣ гласные одинаково полноправны и равноправны. Образуютъ собранія не всѣ владѣльцы имущественнаго ценза; его образуютъ лица, прошедшія черезъ избраніе, и для участія въ собраніи губернскомъ—черезъ двойное. При такихъ условіяхъ, дѣленіе баллотирующихъ на привиллегированныхъ и безправныхъ глубоко нарушаетъ достоинство баллотирующаго учрежденія. Намъ скажутъ, пожалуй, что подобнымъ образомъ производились по положенію 1864 г. выборы участковыхъ мировыхъ судей и теперь производятся выборы—почетныхъ. Но развѣ это оправданіе? Можно ли одной неправильностью, къ тому же меньшаго значенія, оправдывать другую, значенія неизмѣримо бóльшаго?

Еще одна чёрточка изъ закона 20-го февраля. Суточныя деньги для членовъ Государственнаго Совѣта опредѣлены въ размѣрѣ двадцати-пяти рублей. Зачѣмъ понадобилось увеличивать въ два съ половиной раза размѣръ, установленный для членовъ Думы? Неужели для того, чтобы у лицъ состоятельныхъ классовъ усилить жажду попасть въ Совѣтъ? Или, можетъ быть, этимъ думали поднять рангъ членовъ Совѣта надъ членами Думы?.. При избраніи выборщиковъ въ дворянскомъ собраніи намъ довелось слышать подробный разсчетъ разорившагося дворянина, не скрывавшаго мечты о двадцати-пяти-рублевыхъ суточныхъ, сколько изъ нихъ сложится тысячъ въ годъ...

Въ извѣстной рѣчи покойнаго Вл. С. Соловьева, которую онъ говорилъ въ тотъ моментъ, когда судьи по дѣлу 1-го марта 1881 г., закончивъ судебное слѣдствіе, совѣщались о приговорѣ, имъ была произнесена такая фраза: «смертная казнь претитъ духу русскаго народа». Затѣмъ, при гробовомъ молчаніи публики, наполнявшей залъ Кредитнаго Общества, Соловьевъ сказалъ: «судъ вынесетъ смертный приговоръ: судъ обязанъ это сдѣлать и не можетъ ничего сдѣлать другого... Но нашъ царь, носитель и выразитель идей русскаго народа — онъ долженъ даровать жизнь преступникамъ!..» Да, смертная казнь претитъ духу русскаго народа! Спеціальная и общая литература даетъ блестящее тому подтвержденіе. Въ то время, какъ на Западѣ и до сихъ *поръ нѣтъ-нѣтъ* и вдругъ раздастся голосъ теоретика въ оправда-

ніе наказанія смертью, у насъ нельзя назвать ни одного сколько-нибудь замѣтнаго криминалиста, который бы не пытался вложить и свою лепту въ пользу скорѣйшаго уничтоженія этого жестокаго и ненужнаго наслѣдія варварства. А общая литература! Безчисленное множество разъ въ ней трактовался вопросъ о смертной казни и всегда въ одномъ направленіи... Въ устахъ Соловьева—принципіальнаго защитника царскаго абсолютизма—слова, обращенныя къ царю, имѣли глубокое внутреннее значеніе. Онъ не просилъ, не убѣждалъ: онъ говорилъ: «царь долженъ». Ибо все оправданіе абсолютизма, по Соловьеву—въ вѣрности олицетворенія царемъ народнаго духа. Положительный законъ, пока онъ существуетъ и не отмѣненъ, неподвиженъ и мертвъ. Самодержавный царь—и въ этомъ Соловьевъ видѣлъ значеніе идеи абсолютизма—стоитъ надъ закономъ, дабы творить живую правду.

Едва ли когда раньше вопросъ о смертной казни такъ волновалъ все русское общество, какъ въ теченіе первой половины минувшаго марта. Сначала общество съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило за ходомъ очаковскаго процесса о лейтенантѣ Шмидтѣ. Затѣмъ, послѣ вердикта суда, оно уже не напряжено было—оно трепетало. «Повѣсятъ или не повѣсятъ?»—стояло неотступнымъ мучительнымъ вопросомъ. Страстное желаніе, чтобы не повѣсили, заставляло надѣяться... Пришло извѣстіе: повѣшеніе замѣнено разстрѣляніемъ... И все-таки надежда продолжала копошиться... Телеграфъ оповѣстилъ: въ четыре часа утра, на островѣ Березани, Шмидтъ и три матроса разстрѣляны... Не будемъ спрашивать: за что? Не будемъ говорить, велико или нѣтъ совершенное Шмидтомъ преступленіе. Спросимъ: зачѣмъ? Какая цѣль достигнута лишеніемъ его жизни? Неужели за крѣпкими стѣнами и замками очаковскаго каземата онъ былъ опасенъ государству? Неужели государство настолько утратило силу, что не могло сдѣлать его безвреднымъ? Или, можетъ быть, онъ разстрѣлянъ для устрашенія возможныхъ будущихъ преступниковъ? Такъ вѣдь имя Шмидта отнынѣ окружено ореоломъ геройства и мученичества за свободу... Его посмертная слава развѣ можетъ устрашить? Развѣ она не манитъ къ себѣ?..

Въ смертной казни всего ужаснѣе ея безповоротность. Всего противнѣе—кровожадная мстительность могущественнаго государства тому, кто лишенъ уже возможности вредить...

Кромѣ дѣла Шмидта, приковывали къ себѣ вниманіе смертные приговоры за газетныя статьи въ Читѣ и дѣло несчастной Спиридоновой. Она тоже присуждена къ смерти, но военный судъ постановилъ ходатайствовать о смягченіи наказанія. Спиридонову защищали защитникъ по назначенію—эсаулъ Филимоновъ и присяжный повѣренный Н. В. Тесленко. Первый закончилъ свою рѣчь слѣдующимъ обращеніемъ къ суду. «Гг. судьи, я такъ же, какъ и вы, выросъ въ военной средѣ, посвящающей всю свою жизнь военному дѣлу. Мы всѣ воспитаны въ сознаніи необходимости прямо и смѣло смотрѣть въ глаза смерти, а въ случаѣ необходимости причинять ее и другимъ. Но я такъ же, какъ и вы, твердо знаю, что рука честнаго воина даже въ пылу брани, въ самомъ горячемъ бою не опускается на голову женщины. Мы знаемъ, что военные люди женщинъ не убиваютъ. Вотъ почему я съ безпокойствомъ и трепетомъ смотрю на ваши лица, чтобы прочесть въ нихъ ваши намѣренія... Я хочу вѣрить и вѣрю, что ваши руки, предназначенныя для удара въ открытомъ честномъ бою, не подпишутъ смертнаго приговора этой несчастной дѣвушкѣ. Я вѣрю, что вы найдете законный исходъ изъ вашего тяжелаго, безотраднаго положенія. Исходъ этотъ подскажетъ вамъ ваша совѣсть, указаніе на него вамъ даетъ и законъ. Я же позволю себѣ обратиться къ вамъ, моимъ собратьямъ по оружію, съ горячей мольбой: не забывайте, подписывая приговоръ, что военные люди не убиваютъ женщинъ»... «Вы выслушали — сказалъ, между прочимъ, другой защитникъ—потрясающую повѣсть подсудимой о нечеловѣческихъ мученіяхъ, которымъ ее подвергали. Вы не усомнились въ правдивости ни одного ея слова. Да и нельзя сомнѣваться. Каждую пытку, каждый ударъ мучители занесли въ протоколъ, написанный на ея тѣлѣ и здѣсь на судѣ прочитанный врачемъ. Истязанія длились двѣнадцать часовъ. Обнаженную, ее держали въ холодной камерѣ, ногами перебрасывали изъ угла въ уголъ, топтали сапогами грудь, ступни ногъ, били нагайками, били по лицу, отрывали по волосу, отдирали кожу, разсѣченную нагайкой, гасили на тѣлѣ папиросы, приставали съ дикими, животными ласками. И она не назвала никого, ни разу не крикнула. Чтобы оцѣнить все безчеловѣчіе, весь ужасъ этихъ пытокъ, надо идти дальше застѣнковъ Ивана Грознаго и испанской инквизиціи, надо спуститься ко временамъ гунновъ и Тамер-

лана». Отъ себя добавимъ: у Спиридоновой отбиты легкія и, по свидѣтельству врача, ея организмъ уже охваченъ неизлѣчимымъ легочнымъ недугомъ...

Двѣнадцать часовъ истязаній и мученій!.. Въ Харбинѣ китайцевъ судятъ въ китайскомъ судѣ, по китайскимъ законамъ. Русскія власти не вмѣшиваются ни въ порядокъ производства суда, ни въ юридическую квалификацію дѣяній. Но пытки Въ Харбинѣ не допускаются. Китайцамъ говорятъ: гдѣ, хотя фактически, владычествуютъ русскіе, тамъ не можетъ бытъ пытокъ... Такъ говорятъ власти въ Харбинѣ. А что́ ихъ агенты безнаказанно дѣлаютъ въ Россіи?...

Въ газетахъ промелькнула какъ-то любопытная замѣтка: «среди владѣльцевъ петербургскихъ типографій обсуждается проектъ петиціи на Высочайшее имя о возстановленіи предварительной цензуры». Вполнѣ допускаемъ, что эта замѣтка—плодъ фантазіи иронизирующаго репортера. Но если бы и въ дѣйствительности среди типографщиковъ курсировала мысль о возвратѣ къ предварительной цензурѣ — въ этомъ не было бы ничего необычайнаго. У сколькихъ изъ нихъ типографіи по недѣлямъ стояли запечатанными! Сколько ихъ разорено! Не будетъ ничего невѣроятнаго, если черезъ нѣсколько времени прочтемъ, что и редакторы газетъ просятъ вернуть цензуру.

Въ одной пьесѣ Островскаго есть такая сцена: къ городничему приведенъ обыватель. «Какъ тебя судить, — спрашиваетъ городничій, — по закону»? Обыватель замялся... «По закону? — такъ тащите законы», кричитъ городничій. Увидя принесенное страшилище въ образѣ груды толстыхъ книгъ, обыватель взмолился, чтобы его судили не по закону... Съ печатью всегда расправлялись не по закону—она была жалкая, ничтожная, но, все-таки, была. Вдругъ стали расправляться по закону — и черезъ четыре мѣсяца уже провидится ея исчезновеніе.

Жизнь «по закону» возможна лишь тогда, когда законъ соотвѣтствуетъ жизни. Иначе—она хуже беззаконнаго прозябанія по милости начальства. Допустимъ, что, наконецъ, правительство внемлетъ голосу всего общества, вспомнитъ обѣщаніе, данное 17-го октября, и отмѣнитъ правила усиленной и чрезвычайной

охраны и военнаго положенія, но, дабы неповадно было совершать преступленія, издастъ краткій законъ: всѣмъ и за все полагается смертная казнь, или, во вниманіе къ уменьшающимъ вину обстоятельствамъ, какъ милость — каторга. Судебная расправа бьетъ нескоро, и, пока она не начнетъ бить, обыватели станутъ ликовать: мы — граждане, у насъ все по закону, безъ закона и суда ни урядникъ, ни губернаторъ, ни министръ, пальцемъ никого не могутъ тронуть... Повѣситъ судъ десятокъ гражданъ и сошлетъ въ каторгу сотню — всѣ взмолятся: подайте назадъ военное положеніе и охраны!..

Когда составлялось уголовное уложеніе, печать находилась подъ бдительнымъ надзоромъ цензуры, циркуляровъ и административныхъ распоряженій, и объ отношеніи къ ней карательныхъ опредѣленій новаго кодекса — мало кто думалъ. Прошло почти незамѣченнымъ, что единство и стройная красота юридической конструкціи превозмогли всѣ практическія соображенія, вслѣдствіе чего, напр., въ ст. 129, оказались не различенными способы совершенія предусматриваемаго ею «возбужденія». Еще менѣе интересовались тогда авторы и редакторы тѣмъ, что, по мотивамъ закона, для признанія лица виновнымъ въ возбужденіи и для отправленія его въ ссылку или въ исправительный домъ съ лишеніемъ правъ (въ первомъ случаѣ правъ супружескихъ, родительскихъ и наслѣдственныхъ, не говоря уже о политическихъ) вовсе не требуется доказаннаго намѣренія возбудить другихъ къ совершенію бунтовщическихъ и т. п. дѣйствій, а достаточно сознательности поступка вообще. Все это упало на печать, какъ снѣгъ на голову. Петербургская судебная палата признала, что по дѣлу А. А. Суворина «не имѣется данныхъ, свидѣтельствующихъ, чтобы онъ помѣстилъ въ своей газетѣ («Русь») вышеуказанныя воззванія (резолюціи, заявленія и пр. союза союзовъ, совѣта рабочихъ депутатовъ и другихъ организацій) къ бунтовщическимъ дѣяніямъ съ прямою цѣлью возбуждать читателей къ вооруженному возстанію или къ сверженію существующей въ Россіи формы правленія», и, все-таки, вопреки точнаго смысла 129 ст., выраженнаго не въ мотивахъ, а въ ея текстѣ, подвела его дѣянія подъ это опредѣленіе. Только, въ видѣ особаго снисхожденія, А. А. Суворинъ, вмѣсто ссылки, приговоренъ

на годъ въ крѣпость. Сенатъ оставилъ кассаціонную жалобу безъ послѣдствій, и приговоръ приведенъ въ исполненіе.

Та же палата въ аналогичномъ дѣлѣ Л. В. Ходскаго усмотрѣла отсутствіе состава 129 ст., ибо признала доказаннымъ, что судившійся не только не имѣлъ намѣренія способствовать возбужденію читателей въ извѣстномъ направленіи, но, напротивъ, желалъ одновременно помѣстить опровергающую воззваніе статью, чего не сдѣлалъ лишь по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ. Но сенатъ, по протесту прокуратуры, приговоръ отмѣнилъ. Очевидно, что и Л. В. Ходскому, вслѣдъ за А. А. Суворинымъ, О. К. Нотовичемъ и г. Герценштейномъ, предстоитъ, по крайней мѣрѣ, годичное заключеніе въ крѣпости. Одинаковая участь ожидаетъ В. Г. Короленко, П. Н. Милюкова, І. В. Гессена и всѣхъ, уже привлеченныхъ. А затѣмъ начнется привлеченіе по 129 ст. за напечатаніе судебныхъ отчетовъ по политическимъ дѣламъ и т. д. Если сенатъ будетъ послѣдователенъ, то, пожалуй, предстоятъ процессы, по которымъ окажутся на скамьѣ подсудимыхъ оберъ-прокуроръ и оберъ-секретарь уголовнаго кассаціоннаго департамента. Вполнѣ сознательно они печатаютъ и распространяютъ рѣшенія не только по дѣламъ о возбужденіи къ бунту и измѣнѣ, но и о совершенныхъ бунтовщическихъ дѣйствіяхъ. А кто знаетъ, можетъ быть найдется такой чудакъ, который въ рѣшеніи не замѣтитъ вовсе кары, назначенной виновному, а прочтетъ одни инкриминированныя слова или описаніе совершенныхъ дѣйствій, и на котораго эти слова или описаніе произведутъ такое впечатлѣніе, что онъ пойдетъ и станетъ бросать бомбы?..

Чрезвычайно мѣтко и сильно охарактеризовалъ нынѣшнее положеніе повременной печати г. Герценштейнъ въ послѣднемъ словѣ, сказанномъ имъ при разсмотрѣніи его дѣла въ палатѣ («Русь», № 46): «Я ничего не понимаю. Объясните мнѣ, какимъ образомъ я виноватъ въ томъ, что серьезно отнесся къ докладу гр. Витте, къ резолюціи на немъ и къ категорическимъ словамъ манифеста! Объясните, почему я на скамьѣ подсудимыхъ? Объясните мнѣ, какое дѣло до этого, до меня и газеты охранному отдѣленію? Ко мнѣ приходятъ ночью, обыскиваютъ, перерываютъ весь домъ, арестуютъ — за что? Какое дѣло до меня и газеты жандармскому управленію?! Судъ не автоматическій аппаратъ для

сѣченія, о которомъ мечтали нѣкоторые администраторы, и не гильотина, ножъ которой падаетъ на того, кого ей подложатъ. Судъ своими рѣшеніями толкуетъ и разъясняетъ законъ, практически его примѣняетъ, и я вправѣ ждать разъясненія: какимъ образомъ я могу быть виновенъ въ пользованіи свободой слова, если манифестъ 17 октября и резолюція Государя на упомянутомъ докладѣ не отмѣнены?! Нельзя же въ самомъ дѣлѣ понимать свободу слова, какъ понимала свободу критики одна красивая барышня, говорившая, что допускаетъ свободу критики въ предѣлахъ комплимента. Нѣтъ того деспотическаго правительства, которое не допускало бы свободы въ предѣлахъ комплимента, но, очевидно, не о такой свободѣ шла рѣчь и не за нее мы боролись»...

Заслуживаетъ особеннаго вниманія еще одно мѣсто изъ той же рѣчи. Ораторъ остановился на «стремленіи втягивать главу государства въ литературные процессы, которые буквально никакого, даже отдаленнѣйшаго отношенія къ этой власти не имѣютъ. Почему реакція отождествляется съ главой государства—мнѣ непонятно»... «Я долженъ сказать, что при всей рѣзкости борьбы, которую вело «Начало», какъ я, такъ и всѣ сотрудники, строжайшимъ образомъ соблюдали парламентскій принципъ — оставлять главу государства внѣ партійной борьбы и полемики. Я не хотѣлъ бы, гг. судьи, чтобы вы меня заподозрили въ желаніи смягчить свою участь выставленіемъ на показъ своей лояльности. Поэтому я приведу вамъ раціональныя тому основанія. Разъ у главы государства отрицается право все дѣлать, то, eo ipso, онъ не можетъ отвѣчать за все, и — наоборотъ — если онъ за все отвѣчаетъ, то, разумѣется, онъ долженъ имѣть право все дѣлать, всѣмъ распоряжаться. А этого мы, конечно, не желали. И я смѣло могу сказать, что мы, дѣятели «Начала», можемъ гордиться строгимъ и неуклоннымъ проведеніемъ этого принципа, и лишь незнакомствомъ еще нашей прокуратуры съ парламентарнымъ режимомъ я объясняю столь легкое отношеніе къ этому принципу въ различныхъ процессахъ».

Приводимъ извѣщеніе, полученное подъ росписку о прочтеніи родителями учениковъ кронштадтской гимназіи и помѣченное

10-мъ марта 1906 года: «По распоряженію г. коменданта кронштадтской крѣпости симъ доводится до свѣдѣнія родителей учениковъ кронштадтской гимназіи, что въ случаѣ кто-либо изъ учениковъ гимназіи позволитъ себѣ осуждать, порицать или оказывать неповиновеніе власти, какъ гимназической, такъ и всякой другой, какъ въ зданіи гимназіи, такъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, то тотъ классъ гимназіи, въ которомъ таковой ученикъ числится, будетъ немедленно закрытъ, и ученики будутъ лишены права держать экзамены, родители же виновнаго ученика будутъ подлежать административной отвѣтственности. — Директоръ гимназіи N».

Значитъ, если ученикъ кронштадтской гимназіи, на улицѣ, окажетъ неповиновеніе околоточному надзирателю, то всѣ его товарищи по классу будутъ лишены права учиться; если ученикъ въ классѣ не послушается учителя, родители ученика будутъ подлежать тремъ мѣсяцамъ ареста, или тремъ тысячамъ рублей штрафа, или высылкѣ изъ города... «Документъ» этотъ былъ напечатанъ 16 марта въ «Руси» (№ 58). Мы не рискнули бы его воспроизвести, если бы потомъ не видѣли собственными глазами подлиннаго экземпляра...

«Вѣстникъ Европы» 1906 г.,
№ 4.

Кто побѣдилъ на выборахъ и кто побѣжденъ?

На одномъ изъ партійныхъ собраній въ Петербургѣ М. М. Ковалевскій говорилъ, что какъ въ Государственной Думѣ, такъ и въ послѣдній моментъ выборовъ, политическія партіи сами собой сконцентрируются въ двѣ: правительственную и оппозиціонную. Слова эти, въ разгаръ партійной борьбы между близкими другъ къ другу теченіями политической мысли, казались ошибочными. Казалось, что такая концентрація возможна у насъ лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ и что на первыхъ выборахъ теоретическая рознь взглядовъ отразится въ полной силѣ. Полученныя свѣдѣнія объ исходѣ баллотировки въ губерніяхъ первой очереди и вынесенныя нами личныя впечатлѣнія показываютъ, насколько былъ правъ М. М. Ковалевскій.

Въ городскихъ выборахъ Петербурга и Москвы еще было нѣкоторое дробленіе голосовъ болѣе, чѣмъ по двумъ политическимъ группамъ. Въ губерніяхъ окраинныхъ кое-гдѣ, повидимому, надъ политической группировкой имѣла преобладающее значеніе группировка національная. Въ центральныхъ же губерніяхъ голоса складывались либо за правительство, либо противъ него.

Для оппозиціонно настроенныхъ избирателей, голосовавшихъ съ конституціонно-демократической партіей, суть дѣла была не столько въ ея программѣ, сколько въ томъ, что она является партіей, рѣзко и открыто отрицающей нынѣшнее направленіе

правительственной дѣятельности. Избирателей, настроенныхъ въ противоположномъ смыслѣ, также точно влекла къ себѣ не программа союза 17-го октября, а заявленіе о необходимости оказать поддержку правительству, возглашенное при образованіи союза.

И именно это заявленіе, въ сущности, погубило союзъ. Сказанное въ тотъ моментъ, когда, съ одной стороны, широкіе слои общества еще вѣрили, или хотѣли вѣрить въ искренность намѣреній министерства 17-го октября и въ его конституціонную лояльность, и когда съ другой — уже стали обнаруживаться эксцессы революціи, оно осталось за союзомъ и послѣ полнаго измѣненія условій и обстоятельствъ. Вѣрность началамъ конституціонализма, ярко проведеннымъ въ программѣ союза, затмилась передъ отсутствіемъ оппозиціонной въ отношеніи правительства ноты. Слова М. А. Стаховича на московскомъ съѣздѣ союза не разрушили впечатлѣнія привѣтствій, обращенныхъ къ московскому генералъ-губернатору за «энергичное» подавленіе возстанія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ конституціонализмъ программы затмили имена. Въ рядахъ октябристовъ на выборахъ въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ оказались такія лица, все прошлое которыхъ состояло изъ сплошного служенія реакціи. Для сплоченія въ самостоятельную группу «истинно-русскіе» люди мало гдѣ имѣли достаточно численныхъ силъ — и они пошли къ октябристамъ.

Уже на уѣздныхъ выборахъ замѣтно проглядывало въ крестьянахъ рѣшительно отрицательное отношеніе къ «начальству». «Довольно, поначальствовали»—служило лозунгомъ, согласно которому крестьяне дружно забаллотировывали предводителей дворянства, земскихъ начальниковъ, предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ, словомъ всѣхъ представителей мѣстной власти: деревня слабо различаетъ, гдѣ кончается «земскій» начальникъ и гдѣ начинается «земская» управа. Но параллельно съ отрицательнымъ отношеніемъ къ «начальству» въ уѣздахъ видно было такое же отношеніе къ «господамъ». А потому трудно было точно формулировать основную черту настроенія крестьянъ-избирателей. Трудно было предсказать: пойдутъ-ли на окончательныхъ выборахъ крестьяне съ «господами» противъ «начальства», или съ «начальствомъ» противъ «господъ».

Показателемъ возможности второго исхода былъ исключительный интересъ къ аграрному вопросу, т.-е. въ землѣ, замѣтно все другое превозмогавшій въ глазахъ уѣздныхъ избирателей. «Какъ будетъ насчетъ земли?» — неотступно спрашивали крестьяне на предвыборныхъ собраніяхъ въ уѣздахъ. И они жадно ловили слова о землѣ, весьма пассивно въ то же время реагируя на слова о свободѣ и правахъ. Отсюда естественно было заключить, что центральный крестьянскій интересъ—экономическій. А, слѣдовательно, что наиболѣе глубокая пропасть отдѣляетъ ихъ отъ «господъ», какъ представителей давящей деревню частной земельной собственности.

Совершенно другое обнаружилось на губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ. Выборщики—крестьяне, прошедшіе сквозь двойную фильтрацію—одни, предварительныхъ и уѣздныхъ съѣздовъ, другіе—волостныхъ сходовъ и собраній уполномоченныхъ—оказались высоко поднятыми надъ непосредственными интересами повседневной жизни. Выборщики принесли съ собою въ губернскіе города иные запросы: «Какъ будетъ на счетъ правовъ?» Они принесли съ собою требованіе рѣшенія рокового крестьянскаго вопроса во всемъ его объемѣ, а не одной его части—удовлетворенія земельнаго голода. Вмѣсто нищаго, думающаго только о кускѣ насущнаго хлѣба, крупные землевладѣльцы увидѣли передъ собою гражданина, доросшаго до пониманія экономическаго значенія гражданской свободы и политическаго полноправія. «Будутъ права—будетъ земля; не будетъ правовъ—не поможетъ земля—опять пойдетъ по старому». Эти слова не разъ мы лично слышали передъ выборами отъ самыхъ типичныхъ мужиковъ.

Слова—въ высокой степени характерныя. И ими опредѣлился результатъ выборовъ. Крестьяне слились съ «господами», въ цѣляхъ борьбы съ безправіемъ и его виновникомъ — съ «начальствомъ». Естественно, что они, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, пошли за «кадетами».

Крестьянская деревня себя раскрыла. Духъ политическаго протеста—вотъ основная черта настроенія крестьянъ. Духъ протеста настолько силенъ, что такія чисто отвлеченныя для коренной русской деревни пугала, какъ учредительныя функціи Государственной Думы или какъ автономія Польши, конечно, без-

сильны были что-либо сдѣлать. Какъ проникъ въ деревню духъ протеста—вопросъ другой. Важно то, что онъ проникъ до самыхъ глубинъ и что это фактъ несомнѣнный.

26-го марта приказный строй побѣжденъ безвозвратно. Побѣдила—идея народной свободы. На этотъ разъ побѣда достигнута не бумажная, какъ было 17-го октября, а живая, реальная. Послѣ выборовъ крестьяне говорили первымъ представителямъ народа: «Вы только насъ не выдавайте, а мы не выдадимъ...» И не выдадутъ! Степенное избраніе неизмѣримо тѣснѣе связало избранниковъ съ населеніемъ, чѣмъ могло сдѣлать на первый разъ прямое...

«XX вѣкъ» 1 апрѣля 1906 г.,
№ 8.

Христосъ воскресе!..

Христосъ воскресе!..

Слишкомъ девятьсотъ лѣтъ минуло, какъ каждую весну раздается на Руси радостный возгласъ...

Онъ неизмѣнно раздавался въ годины татарскаго ига, смутъ, внутреннихъ усобицъ и внѣшнихъ войнъ...

Сотни лѣтъ онъ раздавался изъ устъ рабовъ и владѣвшихъ «крещеной собственностью»...

Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертiю смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!..

Распятый за грѣхи мiра и крестными страданiями и смертью ихъ искупившiй, Христосъ воскресъ и воскресилъ въ человѣкѣ любовь—величайшее начало общественнаго существованiя... Любовь восторжествовала надъ ненавистью, злобой. Всепрощенiе—надъ мстительностью. Радость—надъ горемъ...

Восторжествовала любовь въ сознанiи и въ душѣ христiанина. А торжествуетъ ли она въ его жизни?!

Въ жизни—горе, горе и горе... Въ жизни—месть, злоба. Въ жизни — человѣкъ человѣку — звѣрь... Въ жизни торжествуетъ грубая сила и власть.

Люди раздѣлили себя перегородками. Люди разбились на классы. Люди давятъ другъ друга... А всѣхъ ихъ вмѣстѣ давитъ государство...

Оно создалось во имя обезпеченiя свободы человѣка, — дабы безформенная свобода каждаго обратилась въ гражданскую сво-

боду всѣхъ. Оно создалось для огражденія правомъ правды... И оно оторвалось и отъ правды, и отъ права... Оно стало всепожирающимъ Молохомъ, требующимъ однѣхъ только жертвъ... Зачѣмъ ему жертвы—забылось...

Свѣтлый лучъ виднѣется вдали. Заря обновленія истерзанной, тонущей въ морѣ крови несчастной родины занимается...

Новыя формы государственнаго бытія должны влить въ жизнь новое содержаніе. Новое ли? Нѣтъ, то вѣчное, старое, какъ міръ, которое было дано ветхозавѣтному человѣку, которое онъ извратилъ и которое возродилъ своей смертью и воскресеніемъ—Христосъ...

Дай-то Богъ!

Дай Богъ, чтобы голосъ народа прозвучалъ сильно и твердо...

Дай Богъ, чтобы онъ былъ встрѣченъ съ довѣріемъ и какъ властный голосъ хозяина русской земли...

Дай Богъ, чтобы темныя силы покорно предъ нимъ разступились...

Народъ истомился. Народъ рвется къ свѣту. Народъ требуетъ свободы и правды. И онъ добьется...

Дай Богъ, чтобы безъ новыхъ жертвъ, безъ новой крови...

Христосъ воскресе!..

Во истину воскресе!...

«XX вѣкъ» 2-го апрѣля 1906 г.,
№ 9.

Карающая и милующая администрація.

Въ напечатанныхъ вчера телеграммахъ значится, что въ разныхъ городахъ «къ празднику» освобождено изъ тюремъ 383 заключенныхъ.

Особенно характерна телеграмма изъ Риги: «Губернаторъ, объѣзжая мѣста заключенія, освободилъ къ Свѣтлому празднику 115 политическихъ заключенныхъ».

Изъ евангельскаго повѣствованія знаемъ, что въ Палестинѣ существовалъ обычай освобождать по случаю Пасхи одного преступника. Но чтобы въ современной Россіи, претендующей на титулъ правового государства, законъ признавалъ за администраціей право кого-либо выпускать изъ тюремъ «къ празднику»— этого ни въ сводѣ, ни въ учебникахъ читать не приходилось.

Освобожденіе изъ десятковъ тысячъ арестованныхъ за послѣднее время хотя бы 383 томившихся узниковъ и хотя бы «къ празднику» само по себѣ, конечно, не можетъ вызывать иного чувства, кромѣ живѣйшей радости. Въ то же время однако оно невольно наталкиваетъ на размышленія, которыя лишній разъ будятъ раздраженіе противъ пережившаго себя, умирающаго и все еще не умершаго режима.

Почему заключенные освобождены только въ нѣкоторыхъ городахъ, а не во всѣхъ? Почему освобождены 383 человѣка, а не тысячи? Гдѣ ручательство, что только эти 383 человѣка по

характеру и свойству причинъ ихъ ареста могли быть нынѣ выпущены на свободу, а всѣ остальные должны оставаться въ тюрьмахъ?

Для арестованія въ какомъ бы то ни было порядкѣ, арестовавшій долженъ былъ имѣть законныя основанія. Для освобожденія законныя основанія столь же необходимы. Какъ могли эти послѣднія сразу вдругъ найтись въ отношеніи 383 лицъ и почему они нашлись именно 1-го апрѣля? Несомнѣнно, несостоятельность причинъ ареста обнаруживалась постепенно и раскрылась не въ неприсутственные дни Страстной недѣли. Такъ по какому же праву замедлили освобожденіе 383 заключенныхъ, которымъ дорога каждая лишняя минута свободы? Какъ смѣли ихъ держать дни, а быть можетъ недѣли, чтобы создать эфектную картину: милующій губернаторъ объѣзжаетъ тюрьмы и «къ свѣтлому празднику» даруетъ свободу?..

Въ конституціонныхъ странахъ отвергается даже право монарха миловать «по случаю» — радостныхъ ли событій, или побѣдъ надъ врагомъ, или праздниковъ. А у насъ милуютъ слуги исполнительной власти!.. Довольно! Они исполнители—и только. Не надо ихъ милости, какъ не надо ихъ карающей силы...

Человѣческая свобода не можетъ регламентироваться «по случаю». «По случаю» праздника, «по случаю» темперамента и расположенія духа даннаго администратора, «по случаю» замѣны одного чиновника другимъ...

Кто былъ лишенъ свободы безъ законнаго основанія, тотъ долженъ быть освобожденъ немедленно, какъ только отсутствіе основаній для ареста его обнаружилось—независимо отъ какого бы то ни было «случая». Противъ кого стоитъ формальная правда закона, тотъ подлежитъ суду. Если правда закона не совпадаетъ съ правдой жизни, нужна общая для всѣхъ городовъ и для всѣхъ заключенныхъ амнистія, а не самочинная милость чиновниковъ.

«XX вѣкъ» 5 апрѣля 1906 г.,
№ 10.

Раздвоившаяся правда закона.

Криминалисты всего міра до сихъ поръ наивно полагали, что въ уголовномъ законѣ можетъ существовать только одна правда. И этимъ единствомъ формальной правды закона они привыкли объяснять неизбѣжную необходимость внѣшней регламентаціи государствомъ запрещеннаго и дозволеннаго, преступнаго и безразличнаго.

Внѣшняя регламентація всегда болѣе или менѣе произвольна и случайна и не заключаетъ въ себѣ абсолютной истины. Достаточно вспомнить, насколько подвижны въ исторіи границы преступнаго, какъ въ отношеніи состава наказуемыхъ дѣяній, такъ еще болѣе въ отношеніи размѣра отвѣтственности. Но зато для даннаго момента они строго опредѣленны. Внутренній критерій нравственнаго и безнравственнаго, заложенный въ каждаго человѣка—совѣсть и правосознаніе — столь же различенъ, сколь различны люди. Единства внутренней правды, слѣдовательно, быть не можетъ. А потому приходится мириться съ условной по существу, но внѣшнимъ авторитетомъ объявленной безусловною правдой закона.

На единствѣ правды закона построена вся карательная дѣятельность государства. Преступнымъ и влекущимъ уголовную отвѣтственность называется дѣяніе, воспрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія—этимъ положеніемъ начинаются опредѣленія каждаго современнаго уголовнаго кодекса. Обратно: всякое дѣ-

ніе, воспрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія, претупно и должно влечь отвѣтственность, если не имѣется въ наичности, закономъ же предусмотрѣнныхъ, причинъ невмѣняемости ли невмѣненія, которыя, въ данномъ конкретномъ случаѣ, устраяютъ отвѣтственность.

Каждая статья уголовнаго закона содержитъ въ себѣ изложеніе состава дѣянія и карательную санкцію. Составъ дѣянія бразуетъ совокупность его признаковъ. Если въ томъ или иномъ оступкѣ лица заключаются признаки преступнаго дѣянія, то для ласти возникаетъ право и обязанность—въ публично-правовой бласти эти понятія совпадаютъ—возбудить судебное преслѣдоаніе, которое, проходя послѣдовательно черезъ рядъ стадій уголовнаго процесса, завершается судебнымъ приговоромъ.

Въ продолженіе процесса могутъ, конечно, возникать конфликты между различными представителями власти, какъ судебной, такъ и административной, поскольку представители послѣдней, обладая правомъ возбужденія преслѣдованія, также участвуютъ въ отправленіи правосудія. Всякій конфликтъ, однако, долженъ обязательно получить разрѣшеніе и получаетъ его либо въ инстанціонномъ, либо въ спеціальномъ порядкѣ. Ибо оставленіе въ силѣ обоихъ столкнувшихся воззрѣній было бы явнымъ абсурдомъ. Нельзя допустить, чтобы въ одномъ и томъ же государствѣ одинъ представитель власти говорилъ: данное дѣйствіе преступно, и потому примѣнялъ бы карательныя послѣдствія. А другой отказывался бы отъ ихъ примѣненія, не находя дѣйствія преступнымъ.

Нѣчто подобное, правда, у насъ существуетъ. Нерѣдки случаи, когда оправданный судомъ тутъ же подвергается аресту на основаніи положенія объ усиленной охранѣ. Но случаи эти имѣютъ, съ юридической точки зрѣнія, спеціальное объясненіе. По положенію объ охранѣ и по постановленіямъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, власть генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ стоитъ внѣ закона и надъ закономъ. Утвержденіе, что они самодержцы—не пустая фраза. Съ другой стороны, законъ подобныхъ случаевъ въ норму отнюдь не возводитъ. Онъ допускаетъ лишь, вводя неменьшую, но иного рода неправильность, что параллельно съ правдой закона можетъ существовать правда генералъ-губернаторскаго или губернаторскаго усмотрѣнія.

Впервые возвелъ въ норму раздвоеніе формальной правды законъ 18-го марта, дополнившій временныя правила о періодической печати 24-го ноября 1905 года.

«Мѣстному установленію или должностному лицу по дѣламъ печати,—гласитъ статья 6, — предоставляется право немедленно наложить арестъ на всѣ экземпляры предназначеннаго къ распространенію номера повременнаго изданія, содержащаго эстампы, рисунки и другія изображенія, съ текстомъ или безъ текста, когда въ этомъ номерѣ *заключаются признаки преступнаго дѣянія, предусмотрѣннаго уголовнымъ закономъ*, за исключеніемъ предусмотрѣнныхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, или не иначе, какъ по жалобамъ, сообщеніямъ или объявленіямъ потерпѣвшаго».

А слѣдующая статья опредѣляетъ:

«*Въ случаѣ отсутствія основаній къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія* (ст. 6) судъ, если въ данномъ номерѣ повременнаго изданія *заключаются признаки преступнаго дѣянія*, постановляетъ приговоръ объ уничтоженіи означеннаго номера или части его, а также стереотиповъ и другихъ принадлежностей тисненія, заготовленныхъ для его печатанія».

Итакъ, получается нѣчто невѣроятное: не противозаконная и не наказуемая преступность, или непреступная противозаконность. Законъ объявляетъ, что могутъ существовать признаки преступнаго дѣянія сами по себѣ, а основанія къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія — сами по себѣ. Въ силу закона судъ обязанъ будетъ постановлять приговоръ—не рѣшеніе въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства, *а приговоръ* въ порядкѣ уголовномъ—при отсутствіи основаній къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія.

Невѣроятно, но все это напечатано чернымъ по бѣлому и составляетъ отнынѣ правовую норму. Какъ будетъ ее примѣнять судъ—рѣшительно нельзя понять. Будетъ ли онъ имѣть право ставить на свое разрѣшеніе вопросъ: «заключаются ли въ данномъ номерѣ повременнаго изданія признаки преступнаго дѣянія?» Если да, то, конечно, онъ будетъ всегда отвѣчать отрицательно, разъ признаетъ, что основанія къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія отсутствуютъ (не по причинѣ душевной болѣзни обвиняемаго). Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ было писать законъ?

Если нѣтъ, то судъ окажется въ роли или судебнаго пристава, или простого агента полиціи, приводящаго въ дѣйствіе рѣшеніе «мѣстнаго установленія или должностного лица по дѣламъ печати». Въ такомъ случаѣ зачѣмъ не быть откровеннымъ, почему не вернуться къ отмѣненной цензурѣ и къ административной расправѣ, зачѣмъ возрожденію этой расправы придавать видъ судебнаго надзора за печатью?..

Законъ 18-го марта еще и въ другихъ отношеніяхъ останавливаетъ на себѣ вниманіе. Главная отвѣтственность за содержаніе номеровъ повременнаго изданія, особенно заключающихъ въ себѣ эстампы, рисунки и другія изображенія, перенесена имъ съ идейнаго руководителя изданія, т.-е. съ редактора, на такихъ лицъ, которыя участвуютъ въ изданіи или какъ предприниматели, вложившіе въ дѣло капиталъ, или какъ владѣльцы заведеній, воспроизводящихъ написанное или нарисованное—на издателей и содержателей типографій.

Въ сущности это не что иное, какъ возстановленіе цензуры, притомъ въ наиболѣе гибельной для свободы печати формѣ. Какъ цензоръ-чиновникъ не заинтересованъ въ идейной сторонѣ изданія, такъ и содержатель типографіи. Если перваго заставляла быть суровымъ перспектива служебныхъ взысканій, то второй, подъ угрозой закрытія типографіи, лишенія права заниматься своимъ промысломъ, штрафа до тысячи рублей и заключенія въ тюрьму, конечно, не будетъ снисходительнѣе и станетъ широко пользоваться статьею 4 закона, которая предоставляетъ ему право прибѣгать къ услугамъ предварительнаго просмотра отдѣльныхъ оттисковъ эстамповъ или рисунковъ.

Любопытна, далѣе, статья 9-я:

«Издателю *пріостановленнаго* или прекращеннаго въ судебномъ порядкѣ повременнаго изданія воспрещается издавать, лично или черезъ другое лицо, взамѣнъ пріостановленнаго или прекращеннаго изданія, какія-либо новыя повременныя изданія, *впредь до постановленія, по поводу пріостановленнаго изданія, судебнаго приговора* или до истеченія указаннаго въ приговорѣ срока».

Издательство произведеній періодической печати, на языкѣ уголовнаго закона, составляетъ промыселъ. Воспрещеніе заниматься своимъ промысломъ есть одна изъ такъ называемыхъ

дополнительныхъ карательныхъ мѣръ. Какъ и всякая кара, она можетъ быть назначена только судомъ.

Съ другой стороны, пріостановленіе изданія есть мѣра предварительная и, какъ таковая, условная: она можетъ повлечь за собою прекращеніе изданія, но можетъ и не повлечь. Отсюда, еще, пожалуй, до нѣкоторой степени логично вытекаетъ воспрещеніе до судебнаго приговора продолжать данное «провинившееся» изданіе. Но распространять это воспрещеніе на занятіе издательствомъ, какъ промысломъ, равносильно назначенію наказанія, такъ сказать, авансомъ. Даже убійцы, подлежащіе лишенію всѣхъ правъ состоянія, если они не сидятъ въ предварительномъ заключеніи, не подвергаются до вступленія въ законную силу судебнаго приговора никакимъ имущественнымъ правоограниченіямъ.

Нельзя не отмѣтить вступительной формулы закона 18-го марта. Изъ нея видно, что, проектъ былъ выработанъ совѣтомъ министровъ и затѣмъ обсуждался въ государственномъ совѣтѣ. Каковы же были «заключенія» государственнаго совѣта, изъ нея не видно. Отвѣтственность за содержаніе закона цѣликомъ остается на совѣтѣ министровъ.

«XX вѣкъ» 9 апрѣля 1906 г.,
№ 14.

Заключеніе въ крѣпости.

Законъ и практика.

I.

Одни редакторы уже осуждены къ заключенію въ крѣпости, другимъ это наказаніе предстоитъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Кромѣ «преступниковъ печати» немало и другихъ лицъ самыхъ разнообразныхъ профессій приговорено въ послѣднее время, на основаніи опредѣленій новаго уголовнаго уложенія, за государственныя преступленія къ тому же виду лишенія свободы.

Но сидитъ ли хоть одинъ изъ осужденныхъ дѣйствительно въ крѣпости — объ этомъ слышать не приходилось. Извѣстно, напротивъ, что всѣ присужденные къ крѣпости отбываютъ наказаніе въ тюрьмахъ.

Почему такъ? Что такое заключеніе въ крѣпости, какія основныя особенности этого наказанія и чѣмъ оно отличается отъ заключенія въ тюрьмѣ? Какой смыслъ присуждать въ крѣпость и отправлять въ тюрьму? Почему не поступать проще и не приговаривать прямо—къ тюремному заключенію? Имѣются ли юридическія основанія для замѣны крѣпости тюрьмой? Насколько страдаютъ интересы заключенныхъ отъ этого противорѣчія между закономъ и судебными приговорами, съ одной стороны, и способомъ ихъ исполненія — съ другой?

Заключеніе въ крѣпости, въ ряду другихъ карательныхъ мѣръ, занимаетъ исключительное мѣсто. Оно составляетъ наказаніе почетное - custodia honesta. Такой характеръ оно, отчасти, имѣетъ по уложенію о наказаніяхъ 1845 г., такимъ его очерчивала редакціонная комиссія, составлявшая проектъ уголовнаго уложенія и предполагавшая дать ему названіе «заточеніе», и такимъ же оно сохранено въ получившемъ утвержденіе текстѣ уголовнаго уложенія.

«По соображенію свойствъ и цѣли карательныхъ мѣръ,—разсуждала комиссія,—государство не должно забывать, что существуютъ преступныя дѣянія, по отношенію къ коимъ государственная безопасность требуетъ долгосрочнаго лишенія свободы, между тѣмъ помѣщеніе ихъ (осужденныхъ) въ общія тюрьмы, съ примѣненіемъ общаго режима, было бы ничѣмъ не оправдываемою жестокостью». Перейдя далѣе къ опредѣленію случаевъ примѣненія заточенія, комиссія признала, что наказаніе это «должно быть назначаемо за такія дѣянія, которыя хотя и заключаютъ въ себѣ иногда весьма тяжкія нарушенія закона, причиняютъ существенный вредъ и сопряжены съ значительною даже опасностью для общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ не выказываютъ ни особой испорченности, ни безнравственности виновнаго, а болѣе свидѣтельствуютъ объ его неумѣньи подчинять порывы своихъ желаній требованіямъ закона» [1]).

Исходя изъ этихъ общихъ сужденій, комиссія проектировала, во-первыхъ, не соединять заточенія ни съ какимъ пораженіемъ правъ и, во-вторыхъ, отнюдь не подчинять осужденныхъ къ заточенію тюремному режиму. Въ частности, имъ, между прочимъ, предполагалось предоставить полную возможность занятія осуществимымъ при лишеніи свободы умственнымъ трудомъ. Комиссія не предрѣшала вопроса, будетъ ли наказаніе непремѣнно отбываться въ крѣпостяхъ, и допускала его отбываніе въ «совершенно отдѣльныхъ частяхъ зданія, общаго съ какимъ-либо инымъ родомъ заключенія».

Особое присутствіе государственнаго совѣта признало, однако, что условность въ опредѣленіи мѣста отбытія заточенія «можетъ повести къ нежелательнымъ послѣдствіямъ, такъ какъ, напри-

[1]) Объясненія къ проекту уголовнаго уложенія, т. I, стр. 178 и 179.

мѣръ, отдѣльная камера въ общей тюрьмѣ съ отдѣльнымъ входомъ можетъ считаться за особо устроенное помѣщеніе, а такое помѣщеніе едва ли можетъ быть признано за custodia honesta [1]).

Поэтому въ окончательной редакціи закона устранена допустимость отбытія наказанія въ какомъ бы то ни было иномъ мѣстѣ, кромѣ крѣпостей.

Такъ сложилась ст. 19 уголовнаго уложенія, гласящая: «Заключеніе въ крѣпости назначается на срокъ отъ двухъ недѣль до шести лѣтъ. Приговоренные содержатся въ общемъ заключеніи». Единственное дополненіе къ этому опредѣленію въ законѣ о порядкѣ введенія уложенія въ дѣйствіе касается того, что «въ крѣпостяхъ преступники разобщаются на ночь, если имѣются необходимыя къ тому приспособленія». Никакая замѣна заключенія въ крѣпости по уголовному уложенію не можетъ имѣть мѣста.

А въ дѣйствительности, осужденные къ заключенію въ крѣпости всѣ поголовно сидятъ въ тюрьмахъ! Въ дѣйствительности, крѣпостного заключенія не существуетъ. Какъ въ былое время у насъ десятки лѣтъ существовали только на бумагѣ рабочіе и смирительные дома и тюрьмы разнообразныхъ наименованій, жизнь же знала одинъ острогъ, такъ осталось и теперь, по крайней мѣрѣ въ отношеніи крѣпости.

Составители уложенія не допускали даже содержанія въ отдѣльныхъ камерахъ тюрьмы «съ отдѣльнымъ входомъ». Въ петербургской же тюрьмѣ, гдѣ отбываютъ наказаніе заключеніемъ въ крѣпости пока два редактора, а готовятся отбывать не менѣе десяти, и входа-то отдѣльнаго никакого нѣтъ. Сидятъ заключенные въ общемъ корпусѣ, въ такихъ же точно камерахъ, какъ осужденные за дѣянія, которыя «выказываютъ особую испорченность и безнравственность виновныхъ» и рядомъ съ ними. Общее для всѣхъ мѣсто прогулокъ, общія мѣры надзора и т. д. Мало того, вопрѣки прямого смысла закона, вмѣсто общаго содержанія осужденные подвергнуты одиночному.

Фактическое объясненіе явнаго противозаконія чрезвычайно просто. Создатели карательной системы уголовнаго уложенія не потрудились справиться, сколько вообще въ Россіи имѣется мѣстъ

[1]) Н. Таганцевъ. Уголовное уложеніе съ мотивами, стр. 35.

крѣпостного заключенія, и не разсчитали, какъ велика будетъ въ нихъ потребность.

По оффиціальнымъ даннымъ, во всѣхъ крѣпостяхъ, вмѣстѣ взятыхъ, имѣется мѣстъ для отбывающихъ наказаніе по судебнымъ приговорамъ, не считая мѣстъ для подвергаемыхъ предварительному заключенію, всего 20. Изъ нихъ около 15 мѣстъ постоянно занято отбывающими наказаніе военнослужащими. Для лицъ гражданскаго вѣдомства остается, слѣдовательно, свободныхъ только 5. Число лицъ, приговаривавшихся къ заключенію въ крѣпости до введенія въ дѣйствіе нѣкоторыхъ отдѣловъ новаго уложенія—преимущественно за дуэли — колебалось въ годъ отъ 3 до 9. И 5 мѣстъ, поэтому, кое-какъ могли удовлетворять потребность. Новое же уложеніе внесло заключеніе въ крѣпости въ 5,5 проц. общаго числа статей особенной части. Ясно, что и безъ спеціальныхъ условій, выросшихъ на почвѣ провозглашенія свободы слова и печати, пять мѣстъ должны были оказаться совершенно недостаточными.

Но фактическаго объясненія, само собою разумѣется, мало. Въ области права каждое явленіе, дабы оно не было преступнымъ произволомъ, должно имѣть объясненіе и оправданіе юридическое. Нѣтъ мѣстъ въ крѣпостяхъ — слѣдовательно, нельзя приводить приговора въ исполненіе. Отсюда, разъ законъ не допускаетъ замѣны наказанія, логически вытекаетъ одно: исполненіе приговора подлежитъ отсрочкѣ, впредь до устройства соотвѣтственныхъ мѣстъ заключенія, или впредь до того момента, когда для осужденнаго по очереди найдется свободное мѣсто.

Такой исходъ, конечно, близокъ къ абсурду, если принять во вниманіе состояніе финансовъ, общую нашу неторопливость въ возведеніи благоустроенныхъ мѣстъ лишенія по суду свободы и, съ другой стороны—вдругъ посыпавшіеся десятками приговоры къ крѣпостному заключенію на продолжительные сроки. Но чѣмъ виноватъ во всемъ этомъ тотъ, кому законъ ясно и точно говоритъ: «судъ не можетъ назначить иного наказанія кромѣ того, которое за судимое дѣяніе именно предназначено», и «никто не можетъ быть подвергнутъ иному наказанію кромѣ того, которое опредѣлено въ приговорѣ суда»? Почему «не выказавшій ни особой испорченности, ни безнравственности» долженъ нести *наказаніе свыше мѣры* содѣяннаго и расплачиваться уравненіемъ съ

«испорченными» и «безнравственными» за плохое состояніе финансовъ или за то, что, совершенно отъ него независимо, многіе другіе учинили одновременно однородныя дѣянія?

Формальнымъ основаніемъ для отправленія въ тюрьмы присужденныхъ къ заключенію въ крѣпости судебныя палаты и окружные суды очевидно считаютъ статью 79 улож. о наказ· 1845 г. Но при этомъ они дѣлаютъ не одну, а цѣлыхъ двѣ грубыхъ юридическихъ ошибки.

II.

«Въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ крѣпостей,—говоритъ статья 79 улож. о наказ. 1845 г., — когда пересылка осужденныхъ въ оныя могла бы быть затруднительна, заключеніе въ крѣпости можетъ быть замѣняемо заключеніемъ въ тюрьмѣ».

Смыслъ приведеннаго текста устраняетъ малѣйшія сомнѣнія относительно объема примѣненія этого правила. Замѣна крѣпости тюрьмой допускается при совмѣстной наличности двухъ условій: отдаленности данной мѣстности отъ крѣпости и затруднительности пересылки осужденныхъ. Никакія другія условія—въ частности отсутствіе свободныхъ въ крѣпости помѣщеній—не могутъ служить основаніемъ для такой замѣны. А потому въ Петербургѣ, напримѣръ, 79 ст. никогда не можетъ имѣть примѣненія. Петропавловская крѣпость, въ которой устроены помѣщенія для отбытія крѣпостного заключенія, находится въ чертѣ города, и затруднительности въ доставленіи осужденныхъ черезъ Троицкій мостъ быть не можетъ. Всякое иное пониманіе 79 ст. нарушаетъ одно изъ основныхъ началъ толкованія закона. Статья эта заключаетъ въ себѣ изъятіе; изъятія же никогда распространительному толкованію не подлежатъ.

Вторая ошибка состоитъ въ томъ, что къ наказанію, назначенному по правиламъ одного кодекса, примѣняется опредѣленіе, содержащееся въ другомъ. Между тѣмъ, общее для заключенія въ крѣпости по уголовному уложенію 1903 г. и по уложенію о наказаніяхъ 1845 г. — только въ названіи. Въ самыхъ главныхъ чертахъ это суть различныя кары. По уложенію о наказаніяхъ характеръ custodia honesta выдержанъ менѣе послѣдовательно—

крѣпость на время отъ 1 г. 4 м. до 4 л. обязательно влечетъ лишеніе нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ. По уголовному же уложенію, даже осужденные на 6 лѣтъ заключенія не подвергаются никакому правопораженію. Если при меньшей выдержанности исключительнаго характера наказанія допустимо, въ порядкѣ замѣны, его смѣшеніе съ наказаніемъ, не имѣющимъ исключительнаго характера вовсе, то заключать отсюда о допустимости подобнаго же смѣшенія при большей выдержанности— явно неправильно.

Но какъ же быть? Разъ въ уголовномъ уложеніи 1903 г. замѣна заключенія въ крѣпости не предусмотрѣна, то рѣшительно никакой исходъ, кромѣ отсрочки наказанія, не можетъ имѣть полнаго юридическаго оправданія. Всякій неизбѣжно будетъ болѣе или менѣе произвольнымъ. Задача суда, слѣдовательно, найти такой, который наименѣе бы нарушалъ существенныя черты замѣняемаго наказанія.

Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ вниманія слѣдующія соображенія. Крѣпость, какъ наказаніе, составляетъ спеціально воинскій видъ лишенія свободы. Перечень ст. 2 устава о содержащихся подъ стражею (св. зак. т. XIV) о крѣпости не упоминаетъ. Статья же 4 гласитъ: «Лица гражданскаго вѣдомства, въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, содержатся также въ мѣстахъ заключенія, состоящихъ въ вѣдомствѣ военномъ, именно: 1) на гауптвахтахъ и 2) въ крѣпостяхъ. Правила о сихъ мѣстахъ опредѣлены, по принадлежности, въ сводѣ военныхъ постановленій».

Эти правила, насколько они касаются заключенія въ крѣпости, изложены въ приложеніи къ книгѣ XVII св. воен. пост., и среди нихъ есть такія, которыя весьма характерно очерчиваютъ особенности режима custodia honesta. Напримѣръ: заключеннымъ не воспрещается, съ разрѣшенія коменданта, имѣть въ камерѣ собственные предметы, «служащіе удобствомъ въ помѣщеніи», т.-е. свою постель, мебель и т. п. (ст. 7); на собственныя средства, заключенные могутъ получать улучшенную пищу (ст. 11); свиданія дозволяются не только съ родственниками, но и съ знакомыми (ст. 18); допускается переписка съ посторонними, куреніе табаку, чтеніе собственныхъ книгъ и журналовъ

(ст. 22 и 26) и т. д. Режимъ этотъ, конечно, невозможно соединить съ тюрьмой и, кромѣ крѣпости, онъ возможенъ только на военной гауптвахтѣ.

Такимъ образомъ, единственно военная гауптвахта соотвѣтствуетъ по режиму заключенію въ крѣпости. И для военнослужащихъ именно гауптвахта служитъ замѣняющимъ крѣпость наказаніемъ, когда крѣпостное заключеніе не влечетъ лишенія нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ (ст. 58 воинск. уст. о нак.).

Съ другой стороны, если нѣтъ прямого указанія въ законѣ на такую замѣну крѣпости для лицъ гражданскаго вѣдомства, то нѣтъ и воспрещенія. Формальная же возможность вытекаетъ изъ примѣчанія къ ст. 4 уст. о содержащихся подъ стражей, гдѣ сказано, что «мѣстныя гражданскія начальства имѣютъ право требовать помѣщенія арестантовъ своего вѣдомства на военныхъ гауптвахтахъ, когда гражданскихъ помѣщеній недостаточно, а на военныхъ гауптвахтахъ есть излишнія для арестантовъ мѣста». Она вытекаетъ условно, ибо законъ имѣетъ въ виду случай «когда гражданскихъ помѣщеній недостаточно». Но, повторяемъ, вопросъ о замѣнѣ крѣпости, по буквѣ и по точному разуму закона, неразрѣшимъ, а потому всякое разрѣшеніе его нарушаетъ законъ, и дѣло сводится къ тому, какъ можно наименѣе рѣзко и наименѣе чувствительно для лицъ, коимъ наказаніе замѣняется, его нарушить.

Выше было отмѣчено, что по уголовному уложенію, приговоренные къ крѣпости содержатся въ общемъ заключеніи, а что въ дѣйствительности нынѣ отбывающіе это наказаніе сидятъ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, въ одиночныхъ камерахъ. Для самихъ отбывающихъ наказаніе это составляетъ пожалуй не отягченіе участи, а облегченіе. Ужъ если судьба привела сидѣть въ тюрьмѣ, то конечно лучше въ одиночной камерѣ, чѣмъ въ общей съ уголовными. Но по закону одиночное содержаніе тяжеле общаго. И эта большая тяжесть выражается учетомъ трехъ дней за четыре. Слѣдовательно, присужденные къ годичному заключенію въ крѣпости и посаженные вмѣсто того въ одиночную тюрьму подлежатъ освобожденію черезъ девять мѣсяцевъ.

«XX вѣкъ» 13 и 15 апрѣля 1906 г.,
№№ 18 и 20.

Передъ открытіемъ Государственной Думы.

Близокъ день открытія Государственной Думы!..

Еще недѣля—и русскій народъ вступитъ въ свои права... Еще недѣля—и онъ перестанетъ быть объектомъ мѣропріятій: изъ предмета обратится въ лицо—полномочное, полноправное и самодѣятельное...

Готовится великій день!..

Великій—по своему реальному значенію. Не менѣе того великій по значенію внутреннему, психологическому.

Второй годъ Россія живетъ на—пока. Нормальная жизнь государства остановилась. Мысль всѣхъ и каждаго фиксировалась на одномъ моментѣ—теперь такомъ близкомъ—на созывѣ народныхъ представителей.

Крестьяне не вносятъ платежей, земскихъ, государственныхъ и выкупныхъ, и не заключаютъ арендныхъ договоровъ на землю—до Думы. Брошенные во множествѣ по тюрьмамъ и въ Якутскую область или въ Архангельскую и Вологодскую губерніи считаютъ дни не до конца сроковъ, назначенныхъ имъ судомъ или администраціей, а до дня созыва Думы. Печать съежилась — тоже до Думы. И въ частной жизни даже все откладывается, все отсрочивается—до прихода властнаго и авторитетнаго хозяина...

Какъ у Некрасова:

«Вотъ пріѣдетъ баринъ—баринъ насъ разсудитъ»...

...« Малые, большіе—дѣло чуть за споромъ—вотъ пріѣдетъ баринъ!—повторяютъ хоромъ»...

Одни послѣдніе могикане отживающаго режима какъ будто не ждутъ Думы. Хватаютъ, вѣшаютъ, сѣкутъ, дѣлаютъ заемъ, нагромождаютъ новые законы—одинъ другого непонятнѣе, одинъ другого рѣзче нарушающіе возглашенную гражданскую свободу...

Но нѣтъ! И они ее ждутъ Быть можетъ ждутъ еще болѣе болѣзненно, чѣмъ всѣ другіе. Они ждутъ съ нею своей смерти... Не смерти на эшафотѣ: народу претитъ кровь, народъ не хочетъ крови и мести—и они это знаютъ. Но они знаютъ также, что

«Вотъ пріѣдетъ баринъ—баринъ насъ осудитъ»...

Осудитъ безповоротно и положитъ конецъ всему тому, чѣмъ они живы—безотвѣтственности, произволу, самовластію. И какъ передъ смертью, уже готовый обратиться въ прахъ, обезсиленный и изможденный организмъ вдругъ находитъ откуда-то силы для послѣдней агоніи, такъ лихорадочно торопится испить до дна чашу жизни умирающая бюрократія...

Что же скажетъ Дума? Къ какому дѣлу она приступитъ и какъ?

Отъ Думы ждутъ всего. Жизнь уперлась въ тупикъ. Идти впередъ по старому пути некуда и нельзя. Назадъ возврата—нѣтъ. Надо проложить новый путь и поставить на него жизнь необъятной страны.

Только ли поставить или и повести—хоть попытаться сдѣлать первые шаги по новому пути?—вотъ главный вопросъ минуты....

Дума должна ограничить свою задачу лишь тѣмъ, чтобы поставить русскую государственную жизнь на новый путь, говорятъ тѣ, кто раньше требовали не Думы, а учредительнаго собранія, и кто отказывались идти на выборы. Съ ними—иронія судьбы!—готовы соединиться тѣ, чьи симпатіи всегда были на сторонѣ совѣщательнаго представительства—тѣ, кто были на выборахъ и потерпѣли неудачу.

Съ двухъ концовъ раздается: голосовалъ за членовъ Думы не непосредственно и не весь народъ, голосовали цензовики—одни за уполномоченныхъ, другіе за выборщиковъ и только немногіе за получившихъ званіе представителей народа. Такіе представители обязаны провести законъ о выборахъ по четырехчленной фурмулѣ и разойтись.

Менѣе прямолинейные допускаютъ, чтобы Дума сверхъ того порѣшила и другіе учредительные вопросы: о соотношеніи властей, о системѣ представительныхъ учрежденій, о правахъ и предѣлахъ свободы гражданъ. Еще прибавляютъ, чтобы Дума потребовала къ отвѣту давящихъ народъ въ тискахъ, разстрѣливавшихъ, вѣшающихъ, ссылающихъ, до послѣдняго дня продолжающихъ творить зло.

Но развѣ въ этомъ именно и въ этомъ только страшная потребность минуты? Развѣ люди живутъ учрежденіями и формами? Развѣ въ силахъ основные законы, провозглашеніемъ новыхъ теоретическихъ началъ, влить новое содержаніе въ правоотношенія? Развѣ всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право нужно само по себѣ?

Содержаніе человѣческой жизни, поскольку она зависитъ отъ законовъ, учрежденій и отъ исполнительной власти государства, даютъ матеріальныя блага и огражденная свобода духа. Дышать русскій человѣкъ не можетъ и изголодался онъ, — вотъ его реальное дѣйствительное горе. Нервы всѣхъ слоевъ населенія напряжены до послѣдней степени. Мы живемъ среди воплей и крика. Крика—придавленнаго, воплей—заглушенныхъ Можно ли въ такую минуту работать во имя одного отдаленнаго будущаго, создавать условія наиболѣе полнаго и наилучшаго образованія средствъ и способовъ руководительства государственной и общественной жизнью, а передъ настоящимъ складывать руки?

А что будетъ, пока сойдутся представители, избранные всѣмъ народомъ и не посредственно? Что будетъ, пока останется гражданская свобода возглашенной и не осуществленной, пока подъ новымъ угломъ зрѣнія не подвергнутся передѣлкѣ хотя главнѣйшія опредѣленія свода законовъ? Опять то же, чѣмъ мы живемъ седьмой мѣсяцъ—съ 17 октября...

Созыва Думы ждутъ, на Думу надѣются, Думу боятся.

Ждутъ Думу отъ Варшавы до Владивостока, отъ Архангельска до Эривани. Не менѣе, а еще съ большимъ нетерпѣніемъ ее ждетъ глухая, голодная и темная деревня, нежели люди теоретической мысли. На нее у деревни вся надежда. И если для города еще возможна новая жертва—отсрочка начала конца царящаго хаоса—во имя созданія совершеннѣйшихъ формъ разрѣшенія кризиса, то большой вопросъ, возможна ли такая жертва для деревни...

Два возраженія выставляютъ противъ органической работы Государственной Думы перваго созыва: она на такую работу не имѣетъ права и она ничего не сможетъ. Члены Думы выбраны по неправильной системѣ—они не суть истинные народные представители, получившіе полномочіе говорить и дѣйствовать отъ лица народа. Рядомъ съ Думой на формально равныхъ правахъ поставленъ Государственный Совѣтъ, учрежденіе полу-бюрократическое, полу-сословное, о косность котораго разобьются всѣ попытки что-либо сдѣлать. А не разобьются онѣ о косность Совѣта,—тогда Дума встрѣтитъ передъ собою штыки и пулеметы... Дума будетъ разогнана—это зловѣщее предсказаніе повторяютъ особенно настойчиво.

Какъ мы точны и пунктуальны въ повѣркѣ полномочій! Петербургское городское самоуправленіе, рѣшивъ оказать широкую поддержку безработнымъ, немедленно образовало комиссію съ участіемъ въ ней представителей безработныхъ, и ассигновало въ распоряженіе комиссіи крупную сумму. Комиссія собралась вмѣстѣ съ являвшимися въ городскую думу депутатами отъ безработныхъ. Думалось, немедленно приступятъ къ дѣлу. Но нѣтъ—повѣрили полномочія и оказалось, что депутаты были уполномочены только заявить требованія, а на участіе въ комиссіи имъ довѣренности не дано. Оказалось также, что они избраны не всеобщимъ, равнымъ и прямымъ голосованіемъ. Постановлено произвести правильные выборы. Для этого оповѣстить, найти помѣщенія, испросить разрѣшеніе и т. д., и т. д. А дѣло тѣмъ временемъ замерло. Голодный—о, онъ подождетъ! Зато форма будетъ безукоризненно соблюдена!..

Въ вѣкъ критицизма въ отвлеченной наукѣ и торжества идей коллективизма—форма давитъ содержаніе. Люди гораздо болѣе сосредоточиваютъ вниманіе на средствахъ, чѣмъ на цѣли. При этомъ забываютъ старое: «пока взойдетъ солнце, роса очи выѣстъ»...

Да, члены Думы выбраны по неправильной системѣ. Но развѣ народъ сейчасъ имѣетъ кромѣ нихъ другихъ представителей?

Полномочія ихъ—въ ихъ совѣсти и въ сознаніи отвѣтственности передъ тѣми, кто ихъ послалъ, хотя и на основаніи невѣрной системы, передъ родиной, передъ лицомъ несчастной многострадальной деревни...

На второе возраженіе можно отвѣтить вопросомъ. Если Дума въ лицѣ Государственнаго Совѣта встрѣтитъ неодолимое препятствіе въ благотворной органической работѣ, то почему она его не встрѣтитъ въ работѣ учредительной? Одно изъ двухъ: или въ силу этого соображенія Думѣ слѣдуетъ отказаться отъ работы вовсе, или не дѣлать различія по характеру предстоящей дѣятельности.

Мы конечно стоимъ за послѣднее. Кто, идя въ бой, считаетъ врага прежде, чѣмъ врагъ себя обнаружилъ, тотъ уже заранѣе обрекаетъ себя на пораженіе.

Онъ отступитъ навѣрное. Онъ не выдержитъ и первой неудачи... Тотъ, кто идетъ съ вѣрой въ правоту дѣла, кто сознаетъ величіе принятой на себя обязанности и свою ни на кого и ни на что не перелагаемую отвѣтственность, для того никакія препятствія не страшны—и онъ побѣдитъ...

«Думу разгонятъ!»...

На это скажемъ: пусть разгонятъ!...

Изъ опасенія, что разгонятъ, она сама не можетъ разойтись—и не разойдется...

Она будетъ работать. Оба будетъ работать надъ созданіемъ условій болѣе плодотворной дѣятельности будущихъ представителей народа. Она будетъ работать вмѣстѣ съ тѣмъ во имя реальнаго настоящаго. Когда для нея наступитъ срокъ уйти—гадать трудно. Тогда, когда станетъ возможнымъ съ спокойнымъ сознаніемъ исполненнаго долга передать дѣло въ руки другихъ людей, инымъ порядкомъ выбранныхъ.

Работа предстоитъ безконечно трудная. Но такъ характерно выразившійся тонъ настроенія избирателей служитъ залогомъ успѣха.

Выборщики-крестьяне говорили: «Вы за насъ постойте, а мы не выдадимъ»... И не выдадутъ!...

17 октября завершило первый періодъ русской революціи. 27 апрѣля—завершитъ второй.

«XX Вѣкъ» 18 апрѣля 1906 г., № 22.

Крестьянскій вопросъ—насущная ближайшая задача Государственной Думы.

Когда пять мѣсяцевъ назадъ мощная волна революціи подняла со дна моря слезъ, горя и нужды всѣ наши вѣками накопившіяся потребности и бѣды и, вынеся ихъ на поверхность, обнажила общественные недуги и язвы, тогда воочію развернулась картина полнаго кризиса. Вездѣ горе, вездѣ нужда, вездѣ несправедливость. Стало ясно, что все требуетъ реформы и притомъ скорѣйшей.

Вспомните резолюціи, заявленія, требованія, воззванія—съѣздовъ, союзовъ, партій, солдатъ, почтовыхъ чиновниковъ, поляковъ, евреевъ, женщинъ, учащихся и т. д. Вспомните и сложите вмѣстѣ, что требовалось осуществить безотлагательно «революціоннымъ путемъ».

Рабочіе соглашались ждать до рѣшенія учредительнаго собранія всего, кромѣ восьмичасового рабочаго дня и другихъ мѣръ по охранѣ труда. Крестьянскій союзъ также все готовъ былъ отложить, но передачу казенной и частновладѣльческой земли земледѣльцамъ требовалъ произвести немедленно. Солдаты требовали, чтобы до созыва народныхъ представителей былъ сокращенъ срокъ службы и улучшены условія ихъ быта. Евреи—немедленнаго уравненія въ правахъ съ христіанами и уничтоже-

нія черты осѣдлости. Поляки — чтобы имъ была сейчасъ гарантирована автономія. Учащіеся — революціоннаго преобразованія средней и высшей школы...

Передъ стороннимъ наблюдателемъ въ то время невольно возникалъ вопросъ: да зачѣмъ же Дума или учредительное собраніе? Требуютъ сразу обновленія рѣшительно всего государственнаго и общественнаго строя. Если это возможно, то зачѣмъ сложная процедура выборовъ представителей, зачѣмъ отвлекать отъ непосредственнаго производительнаго труда, хотя на короткое время, все населеніе, а наиболѣе активные элементы — на цѣлые годы?

Ни одинъ изъ авторовъ резолюцій конечно ни минуты не думалъ, что мыслимо прочное переустройство громаднаго организма страны, въ основахъ и въ деталяхъ, сразу, «революціоннымъ путемъ». Каждый оцѣнивалъ только картину общей неправды подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія, и ему казалось, что то, что подъ этимъ угломъ особенно выдѣляется на первый планъ, таковымъ представляется и въ перспективѣ. У каждаго слишкомъ наболѣло, наиболѣе ему близкое, и страстное желаніе освободиться отъ своихъ страданій заставляло забывать, что страданія другого не менѣе сильны и что въ государствѣ все тѣснѣйшимъ образомъ связано и находится въ постоянномъ взаимодѣйствіи.

Отвлеченная теоретическая мысль отвѣчала: сразу, сейчасъ— ничего; всѣ усилія должны быть сосредоточены на созданіи наилучшихъ способовъ разрѣшенія кризиса — на примѣненіи къ выбору представителей самой совершенной системы, на формальномъ обезпеченіи представительству полноты власти и т. д. Даже гарантіи гражданской свободы требовались теоретиками не столько по внутреннему значенію свободы, сколько какъ условіе, безъ котораго нельзя разсчитывать на вѣрное отраженіе въ выборахъ настроенія, желаній и воли народа.

Пять мѣсяцевъ прошли. Кое-кто и кое въ чемъ добились удовлетворенія требованій «революціоннымъ путемъ» — солдаты, желѣзнодорожные служащіе, остававшіеся «вѣрными долгу»... другіе что-то не припоминаются. Въ массахъ населенія горе, нужда и вѣковыя обиды еще сильнѣе обострились... Теоретическая мысль тоже осталась неудовлетворенной...

Передъ Государственной Думой стоитъ вопросъ громадной важности: съ чего начать органическую работу, чему отдать силы на первыхъ порахъ?

Я не говорю, конечно, о такихъ простыхъ задачахъ, которыя не требуютъ ни особаго напряженія энергіи, ни особой затраты времени и труда, какъ амнистія или частичное исправленіе карательной системы отмѣною смертной казни. Я говорю о коренныхъ задачахъ, разрѣшеніе которыхъ требуетъ большой созидательной творческой работы.

Когда нужно сдѣлать все, то необходимость заставляетъ выбирать между тѣмъ, что нужнѣе. Какая же самая глубокая нужда русской жизни?

Возьмите любую изъ печатавшихся въ газетахъ таблицъ распредѣленія выборщиковъ или изъ нынѣ печатающихся таблицъ распредѣленія членовъ Государственной Думы. Возьмите любую изъ телеграммъ о результатахъ выборовъ въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ. Вездѣ бросается въ глаза: столько-то лицъ, принадлежащихъ къ одной партіи, столько-то, принадлежащихъ къ другой, и столько-то крестьянъ.

Возьмите отчеты о ходѣ выборовъ и, за рѣдкими исключеніями, увидите фразы: «крестьяне поставили условіемъ, чтобы столько-то мѣстъ было отдано имъ», «крестьяне отдали свои голоса такой-то партіи или такимъ-то кандидатамъ», «крестьяне не пропустили никого изъ лицъ иныхъ сословій» и т. д.

Въ Россіи нѣтъ единаго гражданина. Мнѣ скажутъ:—въ Россіи нѣтъ гражданина вовсе. Я отвѣчу:—нѣтъ и единаго обывателя.

Всюду есть богатые и бѣдные, капиталисты и люди труда, работодатели и рабочіе, родовитые и люди «безъ рода и племени». Въ Россіи же надъ всѣми иными дѣленіями стоитъ дѣленіе на крестьянъ и не-крестьянъ. Крестьянинъ-собственникъ, даже крупный землевладѣлецъ или промышленникъ — онъ для надѣльнаго землепашца свой, «мужикъ». Фельдшеръ же, не говоря о врачѣ, писецъ, учитель или разорившійся дворянинъ, владѣющій двумя десятинами—чужой, «баринъ». Ихъ раздѣляетъ все — духовные идеалы и внѣшнія условія быта, одежда, пища, навыки, интересы, правовое положеніе и степень безправія.

Въ «Русскомъ Словѣ» была напечатана на-дняхъ слѣдующая телеграмма:

«Въ селѣ Кибарщинѣ, Суражскаго уѣзда, Черниговской губ., была произведена лѣсная порубка въ имѣніи земскаго начальника и разгромленъ винокуренный заводъ. Былъ вызванъ карательный отрядъ, который и произвелъ безчеловѣчную экзекуцію: были сожжены пять домовъ, шесть гуменъ, сарай. Убиты два крестьянина и многіе изувѣчены, и *всѣ безъ исключенія были выпороты*».

«Всѣ безъ исключенія были выпороты». И это фактъ не только не единичный, а въ отношеніи крестьянъ — нормальный, если, конечно, можно называть нормальной самую вопіющую ненормальность!.. Какъ до отмѣны тѣлеснаго наказанія, такъ и послѣ, «порка» была и осталась обычнымъ универсальнымъ средствомъ расправы съ крестьянами. Не избіеніе нагайками, а именно порка — унизительное сѣченіе по обнаженному тѣлу, съ соблюденіемъ всѣхъ отвратительныхъ обрядовъ издѣвательства надъ человѣческимъ достоинствомъ. Сѣченіе съ циничнымъ счетомъ ударовъ, съ требованіемъ мольбы о пощадѣ, раскаянія и чуть не благодарности за «вразумленіе»...

Убиваютъ—по суду и безъ суда,—калѣчатъ, бьютъ, бросаютъ произвольно по тюрьмамъ, разоряютъ всѣхъ русскихъ обывателей одинаково. Но сѣкутъ—однихъ крестьянъ. Разсказываютъ, что при введеніи «законнаго» порядка на Сибирской желѣзной дорогѣ драли всѣхъ безразлично. Если да, то это было исключеніе.

Уровень правъ для крестьянъ неизмѣримо ниже. Уровень безправія—неизмѣримо выше.

Какъ ни возмутителенъ произволъ, фактически чинимый администраціей въ городахъ, онъ лишь въ слабой мѣрѣ конкуррируетъ съ произволомъ деревенскимъ. Въ деревнѣ начальническій произволъ не выражается, быть можетъ, въ такихъ кричащихъ формахъ, но онъ проникаетъ гораздо глубже.

Въ деревнѣ—усмотрѣніе начальства и произволъ есть законная, постоянная норма. Тамъ произволъ царитъ по праву. Онъ не прикрытъ исключительными правилами усиленной или чрезвычайной охраны, а возведенъ въ постоянный принципъ. Въ деревнѣ произволъ проведенъ столь систематично и послѣдовательно, что крика протеста противъ него нельзя услышать. *Слышенъ только плачъ...*

Въ городѣ для всемогущаго «начальства», все-таки, есть предѣлы. Внѣ властнаго воздѣйствія остаются семейныя отношенія, частное хозяйство и поведеніе обывателя, поскольку оно лично его касается.

А гдѣ границы запретнаго для «властной руки» въ деревнѣ? Ихъ не существуетъ. Цѣпь крестьянскихъ начальниковъ, въ силу закона, имѣетъ право регулировать отношенія въ семьѣ, разрѣшая раздѣлы или, напротивъ, заставляя вмѣстѣ жить, вмѣстѣ ѣсть и вмѣстѣ работать тѣхъ, кровная связь между которыми порвалась. Начальство по праву наблюдаетъ за хозяйственной «рачительностью» и за порочностью образа жизни крестьянъ. Наконецъ, все крестьянское населеніе деревни поставлено относительно центральной фигуры мѣстной жизни—земскаго начальника—въ положеніе солдатъ-подчиненныхъ, подлежащихъ дисциплинарной отвѣтственности.

Ничего подобнаго не знаютъ и не испытываютъ не-крестьяне.

Пойдемте далѣе. Всѣ классы населенія глубоко страдаютъ отъ взгляда, послѣдовательно проводимаго во внутреннюю политику, что просвѣщеніе народа есть зло или, по меньшей мѣрѣ, дѣло ненужное.

Среднихъ учебныхъ заведеній безобразно мало и система обученія въ нихъ ниже всякой критики. Въ высшихъ — профессіонализму принесены въ жертву общеобразовательныя задачи. Но степень страданія крестьянъ отъ такой политики не поддается сравненію.

Насажденіе простой грамотности въ деревнѣ встрѣчаетъ только сплошныя препятствія. Правильной школьной организаціи внѣ городовъ, въ сущности, нѣтъ вовсе. Ибо едва ли можно называть организаціей слабыя попытки земства удовлетворить потребность въ просвѣщеніи, то путемъ обхода «видовъ правительства», то путемъ тайнаго имъ противодѣйствія. Заботы представителей государственной власти цѣликомъ сводятся не къ тому, чтобы крестьяне и ихъ дѣти лучше и полнѣе обучались, а къ тому, чтобы усвоеніе техники чтенія, письма и счета отнюдь не повело къ усвоенію знаній и къ умственному развитію.

Нужно ли это доказывать? Кто сомнѣвается, пусть возьметъ программы церковно-приходскихъ школъ, — единственныхъ, на

которыя тратятся общегосударственныя средства, или просмотритъ каталоги книгъ, допускаемыхъ къ обращенію среди крестьянъ.

Также внѣ сравненія стоитъ степень экономической нужды и экономическаго безсилія крестьянства. Русская деревня буквально выбивается изъ силъ на работѣ и буквально живетъ впроголодь.

Взрослый кустарь-ткачъ зарабатываетъ при двѣнадцати-часовой зимней работѣ 10—15 коп. въ день. Средній дневной лѣтній заработокъ не превышаетъ 30—40 коп. Недаромъ въ начальные моменты призыва къ обновленію всего строя жизни крестьянская деревня отрицательно относилась къ фабрично-заводскимъ рабочимъ, называя ихъ «котлетниками», которые бѣсятся съ жиру... Любая случайность — неурожай, смерть хозяина, пожаръ, даже падежъ лошади — и семья обрекается на нищету: мужикъ, баба, дѣти должны идти «въ кусочки»...

Возьмемъ, наконецъ, иную область—нравы и обычаи. Вспомнимъ положеніе несчастной страдалицы изъ страдальцевъ, мученицы изъ мучениковъ — деревенской жены, матери, невѣстки. Ни минуты покоя, старость въ сорокъ лѣтъ... и побои, побои, побои... Вспомнимъ сквернословіе, обманъ, низкопоклонство, торжество рубля... Гдѣ царитъ въ той же степени грубость, насиліе, безпросвѣтная темь?..

Всѣхъ больше страдаютъ крестьяне. Ихъ горе всего сильнѣе, нужда самая глубокая, самая ужасная.

И страна больна всего больше болѣзнью крестьянства.

Крестьянъ въ Россіи 80 милліоновъ, рабочихъ — три или четыре. Основа всей экономической жизни—крестьянскій земледѣльческій трудъ. Имъ оплачиваются чиновники, онъ содержитъ войско, онъ платитъ по займамъ, за его счетъ государство удовлетворяетъ культурныя потребности высшихъ классовъ.

Темнота деревни служитъ неодолимой помѣхой улучшенія земельной культуры. Исключительное безправіе — такая же помѣха образованію самодѣятельной личности въ крестьянствѣ, безъ чего немыслимъ выходъ изъ нищеты. И эта исключительность въ безправіи, въ экономическомъ безсиліи и въ отсутствіи просвѣщенія — причина розни, причина того, что есть «господа» и «мужики».

Чрезвычайность значенія крестьянскаго вопроса всегда у насъ

сознавалась. Выдвигался онъ изъ ряда всѣхъ другихъ и въ первый періодъ освободительнаго движенія. Ноябрьскій земскій съѣздъ 1904 г. не ограничился резолюціей о равенствѣ правъ для всѣхъ гражданъ, независимо отъ происхожденія, сословія и національности, а рядомъ особо упомянулъ о распространеніи на крестьянъ общихъ правовыхъ нормъ и объ уравненіи ихъ въ правахъ съ лицами другихъ сословій.

Но затѣмъ, когда стали слагаться политическія партіи и программы, осталась только общая формула о гражданской свободѣ и равенствѣ. Вмѣсто указаній на крестьянскій вопросъ во всемъ его объемѣ, тщательному обоснованію онъ подвергся въ одной лишь части, и вопросъ аграрный затемнилъ другія стороны колоссально большого крестьянскаго вопроса.

Да, безспорно, общая формула покрываетъ правовую и культурную стороны крестьянскаго вопроса. Но общія средства проведенія въ жизнь началъ свободы и равенства его не разрѣшаютъ. Если для этого въ отношеніи не-крестьянъ гораздо болѣе нужно уничтожить, нежели создать, то въ отношеніи крестьянъ, наоборотъ—необходимо созиданіе.

Насколько сравнительно проста работа разрушительная, настолько трудна — созидательная. Исключить изъ законовъ то, что не соотвѣтствуетъ гражданской свободѣ и ее нарушаетъ — легко. Чѣмъ же тогда, однако, будутъ регулироваться правоотношенія въ деревнѣ? — Ничѣмъ... Ибо если подойти ко всѣмъ безъ изъятія законамъ, касающимся крестьянъ, и къ учрежденіямъ и лицамъ, примѣняющимъ эти законы, съ точки зрѣнія началъ свободы, то рѣшительно все будетъ подлежать отмѣнѣ и упраздненію. Останется пустое мѣсто. Ни суда, ни административной власти, ни общественнаго самоуправленія — ничего въ деревнѣ не останется.

Изъ существующаго ничто и не должно остаться—года лишняго не можетъ оставаться. Нельзя забывать только, что даже земскіе начальники — сплошь вредный институтъ — совершаютъ и такія дѣйствія, совершать которыя кому-нибудь безусловно необходимо.

Я отнюдь не склоненъ умалять значеніе утоленія крестьянскаго земельнаго голода. Я отмѣчаю только, что увеличеніе площади крестьянской земли не исчерпываетъ всей нужды деревни.

При избраніи выборщиковъ, уполномоченные отъ мелкихъ крестьянъ-землевладѣльцевъ и отъ волостей меня спрашивали: «какъ будетъ насчетъ земли?» Собравшіеся въ губернскій городъ, крестьяне-выборщики спрашивали: «какъ будетъ на счетъ правовъ?»

Непосредственно ощущаемая нужда — нужда экономическая. И массы, живущія непосредственными ощущеніями, думаютъ только о ней. Передъ людьми же, выдѣленными массами, отрѣшившимися отъ непосредственныхъ ощущеній и поднявшимися на гору отвлеченнаго мышленія, раскрывается горизонтъ во всей его ширинѣ. И они говорятъ: «будутъ права—будетъ земля».

Россія — изстрадавшійся, больной организмъ. Больны всѣ его части. Глубже всего хроническій болѣзненный процессъ проникъ въ крестьянство. Онъ вызвалъ недугъ острый. Параллельно должно вестись леченіе симптоматическое и радикальное. Первое—дать землю тому, у кого ее мало или нѣтъ вовсе. Второе—завершить раскрѣпощеніе крестьянъ, создать условія обращенія пассивнаго полураба въ активную самодѣятельную личность.

Я отнюдь не склоненъ также умалять значеніе предстоящей учредительной работы Государственной Думы и общей работы органической по осуществленію общихъ началъ гражданскаго свободнаго бытія. Но я утверждаю и повторяю, что, дабы влить начала свободы въ крестьянскую деревню, необходимо неизмѣримо большее, чѣмъ для постановки на новыя основы жизни другихъ классовъ.

Рѣшить крестьянскій вопросъ—значитъ уничтожить «барина» и «мужика» и слить ихъ въ образъ единаго русскаго свободнаго гражданина.

(Рѣчь, сказанная 19 апрѣля въ собраніи, устроенномъ партіей демократическихъ реформъ для обсужденія ближайшихъ задачъ Государственной Думы).

«XX Вѣкъ» 21 апрѣля 1906 г.,
№ 25.

Что дѣлать Думѣ?

Слухи о томъ, что до дня перваго засѣданія Думы будутъ утверждены и распубликованы основные законы, оправдались.

27 апрѣля предстоитъ открытіе Государственной Думы. 24 апрѣля въ собраніи узаконеній напечатанъ указъ объ утвержденіи основныхъ государственныхъ законовъ и 82 статьи текста этихъ законовъ.

Такимъ образомъ, пунктъ третій манифеста 17 октября, за три дня до созыва Думы, фактически оказался отмѣненнымъ. И до сихъ поръ много разъ дѣлались отступленія отъ торжественно возвѣщеннаго начала, «чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы». Но то были отступленія, имѣвшія, все-таки, хоть нѣкоторое оправданіе — или въ настоятельной необходимости, или во временномъ характерѣ законодательныхъ распоряженій. Даже «учрежденіе Государственной Думы» 20 февраля, съ формальной точки зрѣнія, устраняло возраженія противъ его изданія: манифестъ 17 октября разрушилъ «учрежденіе» 6 августа, безъ предварительно же намѣченной схемы дѣятельность Думы была бы на первыхъ порахъ неизбѣжно безсистемной, если не безпорядочной.

Подобныя объясненія къ чрезвычайно важному новому акту не приложимы. Его цѣль, какъ сказано въ указѣ, свести воедино постановленія, имѣющія значеніе основныхъ законовъ, закрѣпить ограниченіе права законодательнаго почина народныхъ предста-

вителей областью законовъ, не отнесенныхъ къ основнымъ. и точно провести различіе между компетенціей законодательной власти и власти верховнаго управленія. Все это въ предѣлахъ необходимой схемы имѣло опредѣленія и до 24 апрѣля.

Мысль, руководившая составителями акта, заключалась очевидно не столько въ техническомъ усовершенствованіи и не въ кодифицированіи того, что разновременно было издано, сколько въ стремленіи помимо Думы дать сводъ русскихъ конституціонныхъ законовъ съ тѣмъ, чтобы этотъ сводъ поставить надъ Думою.

Какъ и чѣмъ должна и можетъ отвѣтить Дума на основные законы, изданные за три дня до принятія ею отвѣтственности за судьбы родины?

Отвѣтъ можетъ быть одинъ: работой и немедленнымъ приступомъ къ ней.

Во многомъ ограниченія основныхъ законовъ—страшныя слова. Жизнь только регулируется формами и принципами. Наполняетъ же жизнь вложенное въ формы и въ принципы содержаніе.

Что означаетъ фраза: «никто не можетъ быть задержанъ подъ стражею иначе, какъ въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ?»—Сама по себѣ, она не означаетъ ничего.

За нею можетъ стоять полная гражданская неприкосновенность личности—если «опредѣленные закономъ случаи» дѣйствительно соотвѣтствуютъ праву личной неприкосновенности, и если гражданинъ закономъ же огражденъ отъ злоупотребленій въ отношеніи его органовъ власти. И ею же покрываются порядки, существующіе въ Россіи сейчасъ.

А весь отдѣлъ «о правахъ и обязанностяхъ россійскихъ подданныхъ» ничего другого, кромѣ такихъ фразъ, въ себѣ не содержитъ. Передъ Думой — полная возможность влить въ пустыя формы этого отдѣла то содержаніе, которое дастъ, наконецъ, населенію гражданскую свободу.

Что значитъ фраза: «собственность неприкосновенна»,—когда вслѣдъ за нею стоятъ слова: «принудительное отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, когда сіе необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, какъ за справедливое и приличное вознагражденіе». Развѣ ею устраняется рѣшеніе аграрнаго вопроса, путемъ отчужденія въ

пользованіе крестьянъ, во имя государственной пользы, частно владѣльческой земли?

Во многомъ другомъ ограниченія, конечно, не суть слова. Но неужели изъ этого слѣдуетъ для Думы необходимость отказа отъ работы?

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!..

Не такова минута, чтобы изъ-за чего бы то ни было имѣли право избранники народа отказываться отъ работы.

Надъ силою стоитъ право—законъ. Надъ бездушнымъ закономъ—одухотворенная правда. И въ концѣ концовъ, какъ право побѣждаетъ силу, такъ правда побѣждаетъ формальное право.

Въ концѣ концовъ!.. Да, въ реальныхъ условіяхъ момента все можетъ побѣдить сила... Такія ли, однако, передъ нами условія? На сегодня, пожалуй, да. Но на завтра—нѣтъ...

Близко, близко свѣтлое завтра. Залогъ его наступленія — въ подъемѣ народнаго духа. Въ подъемѣ — не къ насилію и крови, а къ торжеству божественной правды...

Трудно будетъ Государственной Думѣ отрѣшиться отъ тяжести непосредственнаго впечатлѣнія: въ одинъ день съ основными законами еще стали извѣстны имена новыхъ министровъ...

Хочется вѣрить, что сознаніе отвѣтственности все превозможетъ... Членовъ Думы ничто укрыть не въ силахъ. Ни на кого они не могутъ перенести отвѣтственности за то, что будетъ совершаться послѣ 27 апрѣля.

«XX Вѣкъ» 27 апрѣля 1896 г.,
№ 30.

27-ое апрѣля.

Навсегда будетъ памятенъ этотъ день.

Давняя мечта горячаго патріотизма и давнее требованіе спокойнаго разсудка сбылись: народу возвращено его естественное право. Право прямого, активнаго участія въ направленіи судебъ родины. Право—безъ котораго когда-то встарь еще возможно было государственное общеніе, а затѣмъ все уклонилось на ложный путь.

Ложный путь привелъ въ тупикъ...

Пока государственная организація слагалась, быть можетъ, и нужно было усиленіе власти за счетъ свободы гражданъ. Когда она сложилась, власть должна была сойти съ мистическаго искусственнаго пьедестала, опуститься на землю и стать слугой народа.

Власть этого не хотѣла... Не хотѣла—и пережила самое себя. Неограниченная верховная власть обратилась въ самовластіе чиновниковъ...

Сорокъ пять лѣтъ назадъ болѣзненно ожидали сегодняшняго дня, какъ увѣнчанія зданія обновленной реформами страны. День наступилъ — чтобы начать обновленіе. Реформы, данныя извнѣ, въ жизнь не проникли: свобода и право народа безсильны противъ стоящей надъ народомъ власти.

Власть должна принадлежать самому народу. Иначе немыслимо прочное обновленіе.

Сегодня пала стѣна между Россіей и Западомъ. И тамъ формы участія народа во власти несовершенны! Что же въ томъ, что при несовершенныхъ формахъ предстоитъ начать работу первому представительству въ Россіи?! Не формы создаютъ людей, а люди создаютъ формы. Въ несовершенныхъ формахъ труднѣе работать. Но что дается безъ труда, безъ напряженія?..

Сегодняшній день завоеванъ, онъ стоилъ жертвъ и крови...

Какое будетъ завтра? Быть безцвѣтнымъ оно не можетъ. Но завтра—или конецъ революціи, или ея начало...

«ХХ Вѣкъ» 27 апрѣля 1906 г.,
№ 30.

За мѣсяцъ.

1 мая 1906.

Результаты выборовъ въ Государственную Думу. — Что ими опредѣлилось?—Кто побѣдилъ на выборахъ и кто побѣжденъ?—Крестьяне и партійныя программы. — Къ вопросу о прямомъ и степенномъ голосованіи.— «Разгонятъ» ли Думу?

Намъ приходится начать если не съ признанія своей о шибки то съ признанія чрезмѣрнымъ того скептицизма, съ которымъ мы отнеслись, мѣсяцъ назадъ, въ оцѣнкѣ степени возможности опредѣлить политическую физіономію Государственной Думы до ея открытія, на основаніи результатовъ выборовъ. Мы писали: «и послѣ завершенія второй выборной стадіи нельзя будетъ съ вѣроятностью гадать не только о судьбѣ министерства 17 октября, но рѣшительно ни о чемъ». Дѣйствительность показала, что не съ вѣроятностью даже, а съ увѣренностью можно говорить и до начала занятій Думы о многомъ.

Выборы безповоротно опредѣлили отношенія подавляющаго большинства членовъ Думы какъ къ министерству, которое правило Россіей полгода, такъ и къ тому—еще болѣе откровенно-реакціонному, которое приняло власть за четыре дня до открытія Думы. Выборами окончательно опредѣлился тонъ настроенія первыхъ представителей народа—по выраженію рескрипта 18 февраля 1905 г., «достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ людей». Этотъ тонъ служитъ несомнѣннымъ залогомъ того, что царству *безотвѣтственной и* самовластной бюрократіи фактически при-

шелъ конецъ, и что Дума приложитъ всѣ усилія, дабы конецъ царства бюрократіи получилъ и юридическое выраженіе. Тонъ настроенія не обнаруживаетъ столь же рельефно характера созидательной дѣятельности Думы, но кое-что и въ этомъ отношеніи опредѣлилось. Дума едва ли пойдетъ по пути, рекомендуемому крайними лѣвыми элементами. Едва ли она останется въ предѣлахъ созданія условій для разрѣшенія всѣхъ наболѣвшихъ жизненныхъ вопросовъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ—когда на смѣну нынѣшнему ея составу получатъ возможность придти люди, инымъ, болѣе совершеннымъ порядкомъ и при иныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ избранные, и когда дѣятельность представительства не будетъ имѣть юридическихъ преградъ, поставленныхъ законами 20 февраля. Едва ли Дума перваго созыва не попытается сама ихъ преодолѣть, не только замѣною одной бумаги другою, а на живомъ дѣлѣ обновленія родины. Едва ли она не сдѣлаетъ активныхъ шаговъ къ скорѣйшему удовлетворенію жгучихъ потребностей минуты...

Русское общество въ полтора года революціи поразительно выросло въ политическомъ смыслѣ. Не менѣе поражаетъ, какъ окрѣпъ духъ протеста противъ насилія, гнета и безправія, и въ какія законченныя формулы онъ вылился. Духъ рѣшительнаго протеста охватилъ всѣ слои населенія. Особенно характерно это показали выборы въ городахъ, выдѣленныхъ въ отдѣльныя избирательныя единицы. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Одессѣ, даже въ выборщики не прошло не только ни одного реакціонера, но и ни одного октябриста. И съ какимъ блескомъ проходили кандидаты конституціонно-демократической партіи! За нихъ вотировали тысячи, гдѣ за противниковъ ихъ — сотни. Чиновничій Петербургъ слился съ дворянско-купеческой Москвой и съ разноплеменной Одессой. Аристократическая литейная часть въ Петербургѣ съ торгово-промышленной—спасской, съ мелко-домовладѣльческой — коломенской и съ чиновничьей — Петербургской Стороной. За «кадетовъ» подавали голоса: крадучись отъ начальства—чиновники; крадучись отъ хозяевъ—приказчики и, какъ говорятъ, придворные конюха и лакеи... Даже среди нихъ «крамола» свила гнѣздо. Если такъ, то какія нужны еще доказательства, что именуемое «крамолой», въ дѣйствительности, не «крамола», а отраженіе мысли и воля народа?..

При окончательныхъ выборахъ въ городахъ, шансы кандидатовъ были прямо пропорціональны степени завѣренной репрессіями политической «неблагонадежности». Сопоставьте двѣ послѣдовательныя телеграммы изъ Харькова, напечатанныя въ «Двадцатомъ Вѣкѣ» (№№ 17 и 20). Отъ 11-го апрѣля: «Высланный въ Пинегу профессоръ Н. А. Гредескулъ судебной палатой приговоренъ сегодня по литературному дѣлу къ 15-рублевому штрафу. Кандидатура его въ Государственную Думу обезпечена. Г. Дурново сдѣлалъ все для торжественнаго успѣха уважаемаго всѣмъ Харьковомъ ученаго». Отъ 14-го апрѣля: «Выборы члена Думы не состоялись. Явилось 12 выборщиковъ. Отложены до 21 апрѣля. Причина — ожиданіе выборщиками отвѣта на кассаціонную жалобу въ сенатъ по поводу исключенія изъ списковъ профессора Гредескула»... Выборщики прибѣгли къ послѣднему средству, чтобы провести въ Думу проф. Гредескула — не явились и «сорвали» производство выборовъ въ назначенный день.

Первый департаментъ сената, вопреки заключенію оберъ-прокурора и, прибавимъ точному, разуму закона, жалобы харьковскихъ выборщиковъ не уважилъ. 21-го апрѣля выборы состоялись — и вотъ что оповѣстила агентская телеграмма: «Членомъ Государственной Думы отъ Харькова избранъ профессоръ Гредескулъ, получившій изъ 74 голосовъ 73. Затѣмъ баллотировался присяжный повѣренный Булгаковъ, получившій 71 голосъ. Баллотировка Гредескула состоялась по требованію выборщиковъ, несмотря на заявленіе городского головы, что баллотировка эта незаконна въ виду исключенія Гредескула изъ числа выборщиковъ»... Могъ ли проф. Гредескулъ разсчитывать на такую исключительную популярность въ Харьковѣ — въ городѣ, въ которомъ мѣстные интересы никогда не концентрировались вокругъ университета и профессорской коллегіи, — если бы онъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ не подвергался аресту и двукратному сужденію, завершившемуся ссылкой въ административномъ порядкѣ?! Скажутъ: его популярность раздула и сдѣлала печать. Отчасти—пожалуй, да. Но главная доля заслуги принадлежитъ безспорно чинившемуся въ отношеніи его насилію и произволу.

Большее, что можно относить въ результатахъ выборовъ на счетъ вліянія печати, въ частности газетъ, и вообще политиче-

ской агитаціи,—это разницу между силою, съ которою оппозиціонное отношеніе населенія къ нынѣшнему правительству отразилось въ городскихъ избирательныхъ собраніяхъ и въ губернскихъ. Разница есть, но она не велика. По исходу выборной кампаніи для не-крестьянъ и крестьянъ, такъ сказать паспортныхъ, т.-е. числящихся только землепашцами, губерніи центральной Россіи, въ которыхъ не было борьбы на національной почвѣ, можно раздѣлить на три группы: въ одной избраны сплошь конституціоналисты-демократы, въ другой — тоже сплошь представители правыхъ партій, въ третьей — смѣшанный составъ. Послѣдняя группа численно больше первой и второй. И это показываетъ, что баллотировались не столько партійные списки, сколько конкретные мѣстные люди. Но если внимательно прочесть ихъ имена и начавшія уже появляться въ газетахъ краткія біографіи, то окажется, что у значительнаго большинства такое прошлое, которое на языкѣ жандармовъ и департамента полиціи именуется «запятнаннымъ».

На выборахъ побѣдилъ духъ протеста и побѣжденъ режимъ, объявленный 17 октября уничтоженнымъ и, пожалуй, никогда не дававшій себя такъ рѣзко чувствовать, какъ именно послѣ манифеста о дарованіи незыблемыхъ основъ гражданской свободы, о введеніи конституціонной формы правленія и объ отвѣтственности министерства. Эксцессы революціи, особенно московское вооруженное возстаніе, вызвали въ декабрѣ и въ январѣ поворотъ въ общественномъ настроеніи. И если бы избраніе членовъ Думы производилось не въ мартѣ, а тогда же, то можно съ полнымъ основаніемъ думать, что исходъ былъ бы другой. Четыре мѣсяца безудержныхъ эксцессовъ правительственной власти затмили впечатлѣніе насильственныхъ революціонныхъ актовъ и вернули настроеніе, слагавшееся въ теченіе перваго періода развитія освободительнаго движенія. Что это такъ — характерныхъ доказательствъ весьма много.

Во всѣхъ указаніяхъ, которыя избиратели дѣлали избранникамъ, въ первую голову повсемѣстно ставились: амнистія и отмѣна смертной казни. Арестами, судебными и административными карами и разстрѣлами — по суду и безъ суда — всего болѣе злоупотребляло въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ правительство. Если бы главнымъ рычагомъ на выборахъ служили отвлеченно-теорети-

ческія положенія, то и указанія, конечно, ихъ бы преимущественно касались. Разъ такія положенія заняли второе мѣсто, а впередъ выдвинулись столь конкретныя требованія — освободить лишенныхъ свободы и вырвать изъ рукъ власти самое страшное орудіе — закономѣрное убійство,—то очевидно, что главный рычагъ составлялъ именно духъ протеста, покрывавшій различіе теоретическихъ убѣжденій.

При такихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, побѣда внѣ большихъ городовъ конституціоналистовъ-демократовъ, какъ политической партіи, представляется далеко не въ томъ видѣ, какъ ее рисуютъ партійные органы. И пораженіе октябристовъ также не означаетъ, въ сущности, того, что населеніемъ отвергнута ихъ программа. Бѣда союза 17 октября была въ томъ, что въ него влились всѣ вообще консервативно-реакціонные элементы. Монархисты типа «Московскихъ Вѣдомостей», «союза истинно-русскихъ людей» и «Русскаго Собранія» были въ большинствѣ губерній слишкомъ малочисленны для образованія самостоятельныхъ группъ. Другого выхода для нихъ не было, и они слились съ октябристами. Но слившись — отняли отъ октябристовъ ихъ политическую физіономію и на ея мѣсто поставили свои имена, хорошо знакомыя по дѣятельности въ земствѣ, въ дворянскихъ собраніяхъ и въ мѣстномъ городскомъ самоуправленіи. Эти элементы искренно могли усвоить только два полемическихъ тезиса программы союза 17 октября: отрицаніе автономіи Польши и учредительнаго собранія. И почти исключительно ими они аргументировали доводы противъ избранія «кадетовъ». Не нужно быть тонкимъ психологомъ, чтобы предсказать, на чьей сторонѣ окажется побѣда, когда людей, ежедневно и на каждомъ шагу видящихъ произволъ и ощущающихъ всѣ слѣдствія подневольнаго существованія, одни призываютъ къ свободѣ, праву и равенству, а другіе предваряютъ отъ возможности слишкомъ, быть можетъ, рѣшительнаго разрыва съ прошлымъ... Съ декабря правительствомъ разстрѣляно и повѣшено болѣе пятисотъ человѣкъ и арестовано и сослано двадцать что-ли тысячъ — это факты. А расчлененіе Россіи изъ-за предоставленія полякамъ самостоятельности въ области удовлетворенія національно-мѣстныхъ потребностей и интересовъ и провозглашеніе учредительнымъ собра-

ніемъ республики — это только условныя и весьма проблематическія возможности...

Насколько ослабили положеніе октябристовъ слившіеся съ ними реакціонеры, настолько же усилилъ положеніе конституціоналистовъ-демократовъ бойкотъ выборовъ, объявленный соціалистическими партіями. Бойкотъ, по своей явной нецѣлесообразности и по полному несоотвѣтствію настроенію минуты—скорѣй и безъ крови свергнуть ненавистный режимъ — не былъ популяренъ. И какъ для реакціонныхъ элементовъ не было другого выхода, кромѣ сліянія съ октябристами, такъ элементы оппозиціонные не имѣли иного флага, подъ которымъ могли объединиться, кромѣ флага партіи народной свободы.

Выше мы исключили изъ распредѣленія членовъ Думы по политическимъ партіямъ крестьянъ-землепашцевъ, т.-е. «коренныхъ» крестьянъ, какъ они сами себя называютъ. Насъ вынуждаютъ такъ поступать и личныя впечатлѣнія, и то, что приходится слышать и читать.

Всѣ выбранные крестьяне, конечно, читали не одну, а навѣрное по нѣскольку главныхъ партійныхъ программъ, и содержаніе программъ несомнѣнно руководило ими при баллотировкѣ «господъ». Собственные же ихъ положительные идеалы во многомъ стоятъ отъ программъ особнякомъ и до момента выборовъ не имѣли формулировки. Къ этой формулировкѣ крестьянскіе представители Думы приступили только теперь и — что весьма характерно—ведутъ дѣло совершенно самостоятельно. Съѣхавшіеся въ Петербургъ крестьяне собираются и толкуютъ между собой, ничуть не обнаруживая желанія имѣть какихъ бы то ни было руководителей, хотя бы изъ числа будущихъ товарищей по Думѣ.

Мы полагаемъ, что одною изъ причинъ, по которымъ крестьяне могутъ и, съ своей точки зрѣнія, должны считать всѣ партійныя программы «господскими», является отсутствіе въ нихъ отвѣтовъ на религіозные запросы. Тезисъ объ абсолютной свободѣ вѣроисповѣданія имѣетъ не положительный, а отрицательный характеръ. Имъ устраняются всякія стѣсненія совѣсти, исповѣданія вѣры и пропаганды религіозныхъ убѣжденій. Средства же и способы удовлетворенія религіозной потребности оставляются

имъ вопросомъ открытымъ. Онъ, напротивъ, отвергаетъ всякую регламентацію ихъ. Тезисъ объ отдѣленіи церкви отъ государства имѣетъ тотъ же характеръ. Въ связи съ предыдущимъ, онъ раскрываетъ для вѣрующаго полную возможность свободно удовлетворять религіозныя потребности, но въ то же время, въ сущности, лишаетъ его этой возможности. Ибо, разрушая государственную организацію средствъ отправленія христіанскаго культа, онъ на мѣсто разрушенной никакой иной не создаетъ. Наконецъ, уже прямо обрекаетъ на то, что должна оставаться вовсе безъ удовлетворенія одна изъ основныхъ религіозныхъ потребностей — обученіе дѣтей Закону Божію — тезисъ объ отдѣленіи церкви отъ школы. Легко сказать крестьянину, что обученіе дѣтей молитвамъ, сообщеніе имъ понятій о таинствахъ и христіанскихъ догматахъ и т. д. онъ можетъ, если желаетъ, вести у себя дома, въ семьѣ, или черезъ посредство какого хочетъ учителя!..

Запросы и нужды крестьянства въ области религіозныхъ потребностей чрезвычайно интенсивны и идутъ еще дальше, захватывая отношенія къ духовенству, ненормальность которыхъ мало ощутима для религіозно-индифферентной интеллигенціи и столь сильно даетъ себя чувствовать крестьянамъ въ деревнѣ. 19-го апрѣля партіей демократическихъ реформъ было устроено въ Петербургѣ публичное собраніе для обсужденія ближайшихъ задачъ Государственной Думы. Въ преніяхъ между прочими принялъ участіе членъ Думы Д. И. Назаренко—крестьянинъ харьковской губерніи, типичный малороссъ, по всѣмъ признакамъ коренной хлѣборобъ. Говорившими ранѣе его были подробно развиты правовая и экономическая стороны крестьянскаго вопроса. А потому Д. И. Назаренко началъ съ оговорки, что онъ поведетъ собраніе еще только въ одинъ уголокъ нужды крестьянъ. И этимъ уголкомъ оказались именно отношенія къ духовенству.

Въ чрезвычайно образной рѣчи, ораторъ — этотъ терминъ вполнѣ приложимъ къ Д. И. Назаренко—очертилъ то общее недоумѣніе, смѣшанное съ возмущеніемъ, которое невольно возникаетъ у крестьянъ, какъ только они начинаютъ вникать въ отношенія, сложившіяся между ними и служителями алтаря. Родился младенецъ, надо совершить таинство, окрестить — плати. Заболѣлъ человѣкъ, надо пособоровать—опять плати. Умеръ—плати.

Молебенъ захочешь отслужить—плати. Жениться собрался—тутъ ужъ плати тридцать рублей, «а не то хоть къ вѣдьмѣ вѣнчаться ступай». Давала земля урожай, были деньги—и платили. «А теперь не въ моготу!» «Пошли мы—разсказывалъ Д. И. Назаренко—къ священнику и спрашиваемъ: такъ и такъ, молъ, — какъ же это таинства христіанскія и торговля — все только за деньги?» А священникъ отвѣчаетъ: «А духовенство чѣмъ будетъ жить?—Жалованья мы не получаемъ, доходовъ другихъ не имѣемъ»... «Да, дѣйствительно, чѣмъ же имъ жить», смекнули крестьяне. «И вотъ, когда, послѣ избранія, я,—такъ закончилъ Д. И. Назаренко,—спрашивалъ крестьянъ, чего мнѣ должно добиваться въ Думѣ, они сказали:—Иди, братъ, ты на своей спинѣ узналъ все горе и всю нужду крестьянскую. Земли намъ, конечно, надо, прежде всего, — потому безъ земли жить стало совсѣмъ невозможно;—еще, чтобы права были; еще, чтобы и мы могли дѣтей всему обучать; а еще—чтобы духовенству отъ казны жалованье положили». «Нельзя такъ оставлять, что священники по дворамъ ходятъ, у нищихъ милостыню выпрашиваютъ и таинства продаютъ»...

Рѣчь Д. И. Назаренко напомнила намъ, какъ на предвыборныхъ собраніяхъ въ уѣздѣ, гдѣ мы лично принимали участіе въ выборахъ, а затѣмъ въ губернскомъ городѣ, одинъ крестьянинъ-выборщикъ, пожилой старикъ, настойчиво пытался вызвать интересъ къ тѣмъ же самымъ вопросамъ и противорѣчіямъ. Лишенный дара слова и умѣнья ясно формулировать мысли, онъ путался и успѣха не имѣлъ. И «господа», и «мужики» его не слушали. Послѣдніе даже останавливали и какъ будто конфузились за него. Мы не довѣрялись тогда впечатлѣнію, но намъ казалось, что крестьянами, не слушавшими и останавливавшими старика, руководила мысль: «они», т.-е. господа, этого не поймутъ...

Когда обнаружились еще первые результаты выборовъ, въ газетахъ промелькнулъ слухъ, что будто въ правительственныхъ сферахъ стали циркулировать толки о преимуществахъ всеобщаго и прямого голосованія передъ системой законовъ 6-го августа и 11-го декабря 1905 г. Былъ ли этотъ слухъ плодомъ фантазіи газетныхъ репортеровъ—не знаемъ. Но что у бюрократіи, поте-

рявшей послѣднюю надежду на сохраненіе своего существованія, могло и должно было явиться желаніе дискредитировать составъ членовъ Думы—это болѣе, чѣмъ возможно и вѣроятно. Утопающій хватается за соломину, хотя бы ее приходилось принимать изъ рукъ врага. Такъ и правительственныя сферы готовы были, думаемъ, особенно въ первую минуту растерянности, соединиться съ бойкотировавшими выборы соціалистами и опрокинуть результаты избранія, во имя строгаго соблюденія четырехчленной формулы, ранѣе казавшейся имъ такой опасной. Умирать никому не охота! И такъ страстно желаніе умирающаго продлить жизнь, хоть не надолго... А смерть отжившаго режима уже витаетъ въ воздухѣ. Еще немного—и онъ безповоротно отойдетъ въ прошлое...

Мы никогда не были безусловными сторонниками прямыхъ выборовъ. Годъ назадъ, когда еще работала Булыгинская комиссія, не была окончена война и мечталось, что новый государственный строй получитъ осуществленіе въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, мы, въ виду ускоренія разрѣшенія кризиса и слабой тогда подготовленности всѣхъ классовъ населенія къ политическимъ выборамъ, на первый разъ категорично высказывались за степенное избраніе, какъ внѣ городовъ, такъ и въ городахъ. Дальнѣйшій ходъ освободительнаго движенія заставилъ насъ въ отношеніи городовъ признать возможнымъ и даже болѣе цѣлесообразнымъ примѣнить прямое голосованіе. Въ отношеніи же внѣ-городскихъ избирательныхъ единицъ, только-что прошедшіе выборы, по нашему мнѣнію, обнаружили такія достоинства степеннаго избранія, съ которыми, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ считаться.

Во-первыхъ, получилась тѣснѣйшая органическая связь между членами Думы и населеніемъ такихъ крупныхъ территоріальныхъ единицъ, какъ губернія. При прямыхъ выборахъ, членъ Думы былъ бы представителемъ уѣзда—ста или двухсотъ тысячъ населенія. Теперь—онъ одинъ изъ представителей милліона, двухъ и даже трехъ. Его, черезъ посредство степеней, послали всѣ эти милліоны; они его знаютъ, за его дѣятельностью будутъ слѣдить, и онъ принялъ на себя отвѣтственность не передъ тысячами, а передъ милліонами. Вмѣстѣ съ тѣмъ образовалось простое и вѣрное средство общенія. Образовалась пирамида: избиратели самой глухой деревни знаютъ уполномоченныхъ, уполномоченные—вы-

борщиковъ, выборщики—избранныхъ. И всѣ другъ друга знаютъ, какъ конкретныхъ, вполнѣ опредѣленныхъ лицъ. Дать отчетъ члену Думы деревенскимъ избирателямъ, если бы онъ былъ выбранъ прямымъ голосованіемъ, безконечно трудно. Газетъ деревня не читаетъ; собрать уѣздный митингъ — невозможно. Для избирателей потребовать отъ него отчетъ нелегче. При существованіи же промежуточныхъ степеней трудности устраняются. Выборщики члену Думы поименно извѣстны. И онъ можетъ ихъ собрать, и они могутъ, собравшись, его пригласить. Также точно выборщикъ всегда можетъ устроить собраніе тѣхъ, кто его уполномочилъ. Уполномоченный — оповѣстить все населеніе своего околотка. Будетъ ли практиковаться общеніе народныхъ избранниковъ съ избирателями — впередъ сказать гадательно. Но что оно желательно — врядъ ли кто станетъ возражать. Крестьяне-выборщики той губерніи, гдѣ мы участвовали въ выборахъ, и до избранія, и послѣ, настойчиво просили, чтобы представители организовали періодическіе съѣзды, выражая полную готовность пріѣзжать въ губернскій городъ по первому зову.

Во-вторыхъ, степенное избраніе расширило кругъ кандидатовъ въ члены Думы. Приведемъ примѣръ. Въ той же губерніи двѣнадцать уѣздовъ; избрано восемь лицъ; по уѣздамъ эти восемь членовъ Думы распредѣляются такъ: отъ трехъ уѣздовъ выбрано по два и отъ двухъ по одному. Объективно разсуждая, въ подобномъ распредѣленіи нельзя не видѣть того, что болѣе подходящихъ кандидатовъ, чѣмъ избранные, въ семи уѣздахъ не оказалось. И этимъ устранена случайность проживанія въ уѣздѣ не одного, а двухъ популярныхъ политическихъ дѣятелей. Подобную случайность могла бы и при прямыхъ выборахъ устранить система, называемая scrutin de liste, по которой нѣтъ ограниченія права быть избраннымъ правомъ участія въ выборахъ по данному избирательному округу. Но насколько населеніе—подчеркиваю: не городское, а уѣздное—воспользовалось бы при первыхъ выборахъ этой поправкой къ прямому голосованію — большой вопросъ. И среди кандидатовъ своего уѣзда въ начальныхъ стадіяхъ выборовъ голоса страшно разбивались, и тутъ давало себя чувствовать отсутствіе общеизвѣстныхъ именъ—мыслимо ли думать, чтобы голоса могли сосредоточиться на чужомъ человѣкѣ.

Далѣе, наконецъ, степенные выборы отняли отъ представителей

узко-мѣстную окраску. Опытъ Запада учитъ, что чѣмъ дробнѣе избирательныя единицы, тѣмъ болѣе торжествуютъ въ палатахъ мѣстные интересы. Наоборотъ: чѣмъ единицы крупнѣе, тѣмъ выше поднимается значеніе интересовъ общихъ. Помнимъ, на городскихъ выборахъ въ Петербургѣ, осенью 1903 г., избиратели не столько требовали отъ кандидатовъ въ гласные обѣщаній о постановкѣ городского хозяйства на новыя начала, сколько обѣщанія добиться постройки пѣшеходнаго моста черезъ Екатерининскій каналъ или устройства сквера вокругъ церкви Михаила Архангела и т. п. На нынѣшнихъ выборахъ мы слышали, какъ одинъ выборщикъ-крестьянинъ, выражая удовольствіе по поводу успѣшнаго избранія его земляка, говорилъ: «Ну, теперь у насъ земская школа будетъ преобразована въ двухклассную министерскую — «онъ» добьется». Едва-ли справедливо было бы упрекать наивнаго выборщика въ отсутствіи способности подняться надъ эгоистичными интересами родного села. Но едва ли онъ самъ былъ бы полезнымъ и желательнымъ членомъ Думы.

Мы далеки отъ мысли преувеличивать значеніе приведенныхъ положительныхъ сторонъ системы степеннаго избранія и, на основаніи ихъ, возводить систему въ принципъ. Мы отмѣчаемъ ихъ только какъ фактъ, несомнѣнно оказавшій вліяніе на результатъ. А потому предлагаемъ считаться съ ними при практической оцѣнкѣ послѣдовательнаго проведенія теоріи всеобщаго, равнаго и прямого голосованія. Первый опытъ, по нашему мнѣнію, рельефно показалъ, что эта теорія необходимо предполагаетъ широкое развитіе политически-партійныхъ организацій и средствъ политической пропаганды. До тѣхъ поръ, слѣдовательно, пока ни организація, ни средства пропаганды не проникли въ глубь крестьянской деревни изъ десятка дворовъ, принятіе теоріи во всемъ ея объемѣ заставляетъ быть крайне осторожнымъ. Лица, участвовавшія въ выборахъ по петербургской губерніи, передавали намъ, что они вынесли обратное впечатлѣніе и что послѣ выборовъ ихъ скептическое отношеніе къ прямому голосованію не усилилось, а ослабѣло. Это различіе впечатлѣній тѣмъ болѣе вынуждаетъ возражать противъ прямого голосованія, какъ общаго шаблона, равно примѣнимаго, при настоящихъ обстоятельствахъ, повсемѣстно. Петербургская и московская губерніи находятся въ исключительныхъ условіяхъ. Достаточно вспомнить, что и въ Лугѣ, и

въ Нарвѣ, и въ Гдовѣ, и въ Царскомъ-Селѣ, агитацію непосредственно велъ центральный комитетъ конституціонно-демократической партіи. Устраивались собранія, при участіи выдающихся ораторовъ, широко распространялись воззванія и другая партійная литература и т. д. Возможно ли что-либо подобное въ пермской, тамбовской, орловской и во всѣхъ другихъ губерніяхъ? Когда это станетъ возможно, только тогда можно будетъ со спокойной совѣстью замѣнить степенное избраніе прямымъ.

Еще оговорка. Мы отнюдь не рекомендуемъ отлагать принятіе для внѣ-городского населенія системы прямого голосованія на многіе годы. Если ростъ сознательной политической жизни пойдетъ и дальше тѣмъ же темпомъ, какимъ онъ идетъ сейчасъ, то возможность такой реформы избирательнаго закона наступитъ, по всей вѣроятности, раньше истеченія срока полномочій нынѣшнихъ членовъ Думы. Но до ея наступленія отказываться отъ системы степеней было бы рискованно.

Какъ безконечно часто оправдывается старая истина: крайности сходятся! Съ обоихъ нашихъ политическихъ полюсовъ упорно раздается и повторяется зловѣщее предсказаніе: «Думу разгонятъ»... Именно «разгонятъ», а не распустятъ. На вопросъ: почему?—отвѣчаютъ: «станетъ грубить государю или войску—и разгонятъ».

Сколько въ этомъ предсказаніи и въ этомъ объясненіи слышится злорадства и стремленія унизить Думу! Чего съ ней церемониться — «разогнать» штыками и больше ничего!.. Одни желали бы видѣть разгонъ Думы изъ-за того, что она собрана не по четырехчленной формулѣ и безъ ясно выраженнаго признанія за нею правъ учредительнаго собранія. Другіе — дабы если не вовсе устранить обновленіе государства, то хоть отдалить конецъ столь любезнаго ихъ сердцу режима. Одни хотѣли бы, чтобы дѣйствительность доказала невозможность мирнаго разрѣшенія кризиса и тѣмъ вызвала насильственную революцію. Другіе— чтобы о штыки разбились «безпочвенныя» мечтанія о свободѣ, правѣ, равенствѣ и народномъ благѣ. Во всякомъ случаѣ, и тѣмъ, и другимъ диктуетъ зловѣщее предсказаніе не спокойная оцѣнка реальныхъ фактовъ и обстоятельствъ, а желаніе...

Сопоставьте теперь это предсказаніе съ тѣмъ, всѣми одинаково завѣряемымъ, подъемомъ духа и молитвеннымъ настроеніемъ, съ которымъ крестьянская Россія шла на выборы, съ тѣми ожиданіями и надеждами, которыя она возлагаетъ на Думу. Сопоставьте это карканье съ такой картинкой съ натуры, какую мы заимствуемъ изъ «Правды Божіей» (№ 94). Зарисована она въ Черниговѣ. «Сильное впечатлѣніе произведено такимъ заявленіемъ. Всталъ Н. Миклашевскій и въ глубокомъ волненіи призвалъ избранныхъ поклясться—*пожертвовать въ борьбѣ за свободу* всѣмъ, даже *жизнью, если будетъ надо*... Дальше рѣчь оборвалась и говорившій ораторъ разрыдался. Въ отвѣтъ ему одинъ изъ выборщиковъ сказалъ, что защищать свободу должны не только избранные въ Думу, а и оставшіеся дома, и призвалъ *всѣхъ присутствующихъ* «поклясться въ готовности *умереть за свободу*... Вставъ съ своихъ мѣстъ и поднявъ руки вверхъ, все собраніе прокричало:

— «*Клянемся*»!

Или вотъ выдержка изъ рѣчи Д. И. Назаренко, часть которой мы уже приводили («Страна» № 52). ...«Пріѣхалъ я въ Петербургъ... Съ разныхъ сторонъ я слышу теперь: ты, молъ, не очень... того...

— «Что «того»?—спрашиваю.

— «А то,—говорятъ,—разгонятъ вашего брата... Господа! Не вѣрьте этому... Скажите имъ, что этого не будетъ... Не знаютъ они, что такое Дума для крестьянскаго народа... Какъ Мессію ждали евреи, такъ и народъ ждетъ Думу и всякихъ благъ отъ нея: Дума—наша сила, наша воля, наша честь. И ее разогнать? Этого нельзя сдѣлать!

— «Но если случится такое, я знаю душу крестьянина и скажу вамъ; исторія не знаетъ еще такого взрыва народнаго гнѣва, какой будетъ у насъ, если посягнутъ на представителей народа...

— «Я знаю, много есть людей, которые скажутъ царю:— Распни ее!—и укажутъ на Думу... Но гдѣ Пилатъ? Кто возьметъ на себя его роль? Если же кто и согласится на это, то придется ему обмыть свои руки не въ простой водѣ, а въ крови народа... Нѣтъ, этого не будетъ, не можетъ быть»...

Только безумный, при подобномъ отношеніи къ Думѣ всего *народа, могъ бы употребить* противъ нея силу...

Но... безусловно, все-таки, нельзя отвергать возможности, что за первымъ конфликтомъ между Думой и правительствомъ послѣдуетъ попытка ее распустить, и когда попытка не удастся—въ этомъ мы глубоко убѣждены: Дума добровольно не откажется отъ данныхъ ей избраніемъ полномочій, — то въ Таврическомъ дворцѣ раздадутся выстрѣлы и роскошныя залы обагрятся кровью... Что потомъ наступитъ—вопросъ другой... Кто, обращаясь къ народному представительству, говоритъ: «не смѣй *грубить* войску»—отъ того можно ожидать всего...

Еще въ мартовской хроникѣ мы отмѣчали тенденцію въ правительственныхъ сферахъ поставить дѣятельность Думы въ зависимость отъ настроенія и желаній войска. Мы указывали всю чудовищность предоставленія войску роли самостоятельной, самоопредѣляющейся власти въ государствѣ. Если, на-ряду съ монархомъ и народомъ въ лицѣ его представителей, въ положеніи источника власти хоть на одинъ моментъ поставить войско, то владычествовать, само собою разумѣется, будетъ только оно. Когда и какъ право можетъ устоять противъ независимой отъ него силы?

Даже мысли о возможности конфликта между Думой и войскомъ не можетъ и не должно возникать. Конфликтъ у народнаго представительства можетъ имѣть мѣсто или внутри его самого—между палатами,—или съ монархомъ. Все остальное въ государствѣ,—не исключая министерства и войска,—суть органы, подчиненные верховной власти государства, раздѣляемой монархомъ съ народными представителями. Стараться провести въ жизнь противное—значитъ разрушать весь смыслъ государственной организаціи...

А признаки подобнаго стремленія существуютъ. Взять хотя бы то исключительное положеніе, которое создано для войска въ отношеніи печати послѣдними дополненіями къ временнымъ правиламъ 24-го ноября. Вѣдь въ сущности, по буквѣ закона, кромѣ панегириковъ войску и отдѣльнымъ военнослужащимъ, ничего другого, безъ риска попасть въ тюрьму, нельзя ни писать, ни печатать. Почему нѣтъ такихъ же ограниченій относительно другихъ органовъ государства?.. Это, пожалуй, еще частность. А вотъ что уже прямо противопоставляетъ Государственную Думу и войско. Основные законы исключаютъ изъ вѣдѣнія Думы всю

область военнаго законодательства, войскового хозяйства, организаціи войска, комплектованія и т. д. Конкуррирующими съ Думою учрежденіями поставлены архаическіе военный и адмиралтействъ-совѣты и даже—этому не всякій и повѣритъ—главные военный и военно-морской суды.

Военная диктатура, проявлявшаяся въ разстрѣлахъ, совершавшихся лейтенантами и поручиками, измѣнила нѣсколько форму, но не измѣнила содержанія. Куда дальше идти, когда севастопольскій комендантъ отказалъ привести въ исполненіе распоряженіе перваго министра о предоставленіи члену Государственной Думы г. Сипягину права пріѣхать въ Севастополь?!

Мало будутъ различаться послѣдствія, какъ если Думу «разгонятъ» правительственныя войска, такъ и если ее «разгонятъ» боевыя дружины революціи. Выборы показали громадную высоту подъема въ населеніи духа протеста. Но противъ чего главнымъ образомъ?—Противъ насилія, безправія и крови. Откуда бы насиліе ни пришло—оно не встрѣтитъ въ массахъ сочувствія. Напротивъ: оно встрѣтитъ рѣшительный отпоръ. Съ другой стороны, выборы показали, что реальныя потребности народа такъ насущны, что для него все равно: произведено ли избраніе по правильной или неправильной системѣ, достаточно ли опредѣленно и полно написано въ законѣ о правахъ и предѣлахъ власти представителей. Для народа важно, чтобы Дума немедленно приступила къ рѣшенію практическихъ задачъ минуты, чтобы она работала, не покладая рукъ, и чтобы она свято помнила клятву умереть за свободу...

«Вѣстникъ Европы» 1906 г.,
№ 5.

Гдѣ правда?

Первымъ словомъ, раздавшимся съ ораторской трибуны въ осударственной Думѣ, было: амнистія. Оно раздалось еще прежде, ѣмъ успѣлъ выразить благодарность за избраніе предсѣдатель умы, С. А. Муромцевъ. Раздалось — и встрѣтило единодушный ›рячій откликъ всѣхъ безъ исключенія избранниковъ народа.

Амнистія же составила центральный вопросъ перваго дѣлоэго засѣданія Думы — 29 апрѣля. И въ отвѣтномъ адресѣ на ронную рѣчь амнистіи удѣлено особое мѣсто... Въ преніяхъ по оводу адреса противъ амнистіи не слышно было ни одного голоса. Были голоса, осуждавшіе политическія убійства, но и они е отвергали настоятельной необходимости забыть прошлое и ѣровать амнистію.

Второй лозунгъ минуты, столь же ясно, точно и единодушно ормулированный Думой: отмѣна смертной казни. Дума съ исклюительной отзывчивостью приняла предложеніе комиссіи, согавлявшей адресъ, включить въ обращеніе къ монарху призывъ ъ отмѣнѣ наказанія лишеніемъ жизни и просьбу о немедленомъ пріостановленіи исполненія состоявшихся смертныхъ при›воровъ.

И опять въ стѣнахъ Таврическаго дворца не слышно было и серьезныхъ возраженій, ни даже глубокихъ сомнѣній. Ибо, онечно, нельзя считать за таковыя заявленія, что требованіе гмѣны смертной казни диктуется противорѣчивымъ сантимен-

тализмомъ людей, которые боятся крови, проливаемой за преступленіе, и въ то же время ѣдятъ мясо или глотаютъ живыхъ устрицъ...

А черезъ стѣны, оглашавшіяся рукоплесканіями единственно правомочныхъ представителей страны, пытаются достигнуть до слуха монарха иные голоса, иныя желанія, иныя требованія... Объ этихъ иныхъ голосахъ раньше представленія адреса Государю оповѣстилъ «Правительственный Вѣстникъ» 6 мая—въ тотъ самый день, когда первый предсѣдатель первой русской Государственной Думы въ первый разъ былъ приглашенъ къ Высочайшему двору...

За тремя тысячами восемью стами тремя подписями одесскій отдѣлъ союза русскаго народа «умоляетъ» Государя, «неограниченнаго самодержца», «не давать политическимъ преступникамъ амнистіи и не уничтожать за ихъ дѣянія смертной казни, которую (чего?) не проситъ и не желаетъ русскій народъ, а *дерзаетъ* требовать именемъ народа лишь настоящая Дума».

Отдѣлъ того же союза въ г. Рузѣ грозитъ народнымъ «ожесточеніемъ» и «самосудомъ», къ чему поведутъ «непримѣненіе» смертной казни и «дарованіе» амнистіи.

Тульская дружина «за вѣру и Царя» и члены «союза за Царя и порядокъ» протестуютъ противъ Думы, которая «*осмѣлилась*» обратиться съ *требованіемъ* объ амнистіи и объ отмѣнѣ смертной казни. Они раскрываютъ козни «дерзкихъ измѣнниковъ», «теперь захватившихъ въ свои руки Государственную Думу», увѣряютъ, что членами Думы руководитъ «только желаніе довести дѣло революціи до конца» и «слезно молятъ» не отмѣнять смертной казни и не давать амнистіи, угрожая, въ противномъ случаѣ, «страшнымъ взрывомъ патріотическаго негодованія».

Однородныя телеграммы прислали до 6 мая члены «патріотическаго общества» изъ Тифлиса и отдѣлъ «русскаго собранія» изъ Казани. Затѣмъ телеграммы посыпались, какъ изъ рога изобилія: каждый день «Правительственный Вѣстникъ» ими заполняетъ по нѣсколько столбцовъ.

Гдѣ же дѣйствительная народная правда? Желаетъ ли народъ амнистіи и отмѣны смертной казни? И что гораздо важнѣе: нужны ли въ настоящій моментъ для блага Россіи отмѣна смертной казни и амнистія.

Голоса, пытающіеся говорить именемъ народа помимо Думы, стремятся опорочить вѣрность отраженія Думой настроенія и воли населенія. Особенно характерна въ этомъ отношеніи, напечатанная рядомъ съ приведенными, телеграмма екатеринославскаго союза русскаго народа.

Екатеринославскій союзъ пишетъ, что «вѣрноподданные» съ нетерпѣніемъ ждали созыва «лучшихъ людей», «но жестоко ошиблись: не лучшіе люди, не выразители интересовъ всего народа попали въ Думу, а люди властолюбивые и гордые, заботящіеся о захватѣ большей власти въ свои руки въ интересахъ своей партіи». Истинные «лучшіе люди», — откровенно, но безъ скромности, заявляетъ союзъ—это «мы», и тутъ же объясняетъ причину своего пораженія на выборахъ. «Мы не могли провести лучшихъ людей въ Думу потому, что бороться съ побѣдившей теперь партіей тѣми средствами, какія употребляла она, намъ запрещала наша совѣсть». Въ заключеніе союзъ молитъ распустить «эту Думу» и собрать «вѣрныхъ русскихъ людей на земскій соборъ».

Не будемъ становиться на ту же зыбкую почву, хотя безъ сомнѣнія имѣемъ для того неизмѣримо большія основанія. Не будемъ вскрывать анонимовъ единичныхъ и тысячныхъ подписей. Не будемъ заподозривать искренности приславшихъ телеграммы.

Не станемъ сопоставлять пассивности, вообще столь свойственной нашимъ реакціонерамъ, съ изумительной быстротой, проявленной ими въ собираніи тысячъ подписей и въ отправленіи телеграммъ. Забудемъ близость содержанія заявленій, граничащую съ тождественностью.

Забудемъ также явно сквозящую въ телеграммѣ изъ Екатеринослава горечь партійной обиды, подсказавшую не то кивокъ въ сторону противниковъ, не то доносъ...

Мы не сомнѣваемся, что въ стотридцатимилліонномъ населеніи Россіи есть люди того образа мыслей и настроенія, которое такъ выпукло и ярко выразилось въ мольбѣ и угрозахъ не давать амнистіи и не отмѣнять смертной казни. Но что же изъ этого слѣдуетъ?

Результатъ выборовъ въ Думу есть фактъ, а предположеніе, что въ «земскомъ соборѣ» окажутся другіе люди, которые станутъ говорить на другомъ языкѣ, есть надежда, — соломина, за

которую хватается утопающій. Члены «дружины за вѣру и Царя», «союза русскаго народа», «русскаго собранія» и т. д., и т. д.— вѣдь они участвовали въ выборахъ. Вѣдь они баллотировали и баллотировались. Почему же ни одного изъ нихъ нигдѣ не выбрали? Какое основаніе думать, что при новыхъ выборахъ изъ числа ихъ пройдутъ не единицы, а тѣ сотни, которыя необходимы для образованія большинства въ Думѣ или въ земскомъ соборѣ? Вѣдь нельзя же серьезно утверждать, что во всѣхъ безъ исключенія губерніяхъ результатъ выборовъ опредѣлили противныя совѣсти средства проведенія кандидатовъ...

Отвѣтъ можетъ быть одинъ: подобный образъ мыслей, подобные политическіе и правовые идеалы и подобное настроеніе присущи нѣкоторой части населенія, но эта часть численно не велика, и ея авторитетъ и значеніе ничтожны.

Выборы совершенно объективно показали основной тонъ настроенія подавляющаго большинства народа. И если настроеніе массъ не вполнѣ вѣрно выражено Думой, то эта невѣрность скорѣе касается крайнихъ лѣвыхъ, нежели крайнихъ правыхъ элементовъ: послѣдніе отъ выборовъ не уклонялись, а первые ихъ бойкотировали.

Результатъ выборовъ есть фактъ, съ которымъ не могутъ конкуррировать никакія заявленія, отъ кого бы они ни исходили и сколько бы они ни имѣли подписей. Если бы у насъ была свобода печати, то навѣрное мы читали бы теперь столь же осуждающія Думу телеграммы и резолюціи, прямо противоположнаго содержанія. Напомнимъ октябрскіе и ноябрскіе «дни свободы». Почти ежедневно въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» и въ «Новомъ Времени» печатались вѣрноподданническіе приговоры сельскихъ обществъ. И тоже почти ежедневно въ «Сынѣ Отечества» печатались приговоры объ образованіи изъ сельскихъ обществъ и волостей чуть что не маленькихъ республикъ. И тѣ, и другіе очевидно имѣли весьма небольшую цѣну.

Если еще можетъ быть споръ, то только о господствующихъ въ данный моментъ положительныхъ идеалахъ народа. Рѣзко отрицательное же отношеніе къ правительственной дѣятельности стоитъ внѣ спора. Народъ, начинающій политическую жизнь, иначе бы не могъ дать настолько оппозиціонно-однородный составъ Думы. Никакіе милліоны, никакая пропаганда не въ силахъ

были бы провести въ Думу, по терминологіи авторовъ телеграммы изъ Тулы, сплошь однихъ «дерзкихъ измѣнниковъ». И всѣ сужденія объ искусственности и случайности выборовъ устраняются тѣмъ, что отрицательное отношеніе народа къ правительству имѣетъ полное фактическое и логическое объясненіе.

Это отношеніе сложилось на почвѣ общаго сознанія, что режимъ безправія и произвола привелъ жизнь страны въ безвыходный тупикъ. Опредѣленность же и законченность его явились слѣдствіемъ эксцессовъ правительственной власти въ послѣднее время.

Сознаніе массъ всего сильнѣе реагируетъ на эксцессы. Тонъ революціоннаго настроенія, такъ систематично повышавшійся въ теченіе всего прошлаго года, сразу замѣтно понизился послѣ ноябрскихъ и декабрскихъ событій. Но когда за ними послѣдовали еще большіе эксцессы со стороны власти, впечатлѣніе отъ этихъ событій изгладилось. Его затмили безпримѣрныя казни и безчисленные аресты. Сопоставленіе торжественно провозглашенной свободы съ повседневной и повсемѣстной дѣйствительностью напрашивалось въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ помимо воли каждый день, каждый часъ. Могла ли эта простая работа мысли, доступная самому малокультурному уму, не отразиться въ равной мѣрѣ на психикѣ и города, и деревни?

Казни, аресты и ссылки тяжелымъ кошмаромъ давятъ мысль народа. Пойдите въ глухую заброшенную деревню и тамъ прежде всего васъ спросятъ: «когда это кончится?» Впечатлѣнія разстрѣловъ и тысячъ людей, томящихся въ тюрьмахъ, истомили народъ. Мысль устала. Она болѣзненно жаждетъ покоя и мира. Амнистія и прекращеніе казней изъ желанія обратились въ потребность.

Не научныя соображенія руководили, конечно, избирателями, требовавшими отъ избранниковъ, чтобы они добивались отмѣны смертной казни. И не въ силу научныхъ доводовъ Дума единодушно вотировала включеніе въ адресъ словъ: «смертная казнь никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть назначаема». Въ избирателяхъ и въ большинствѣ членовъ Думы говорила жгучая потребность минуты.

Не оправданіе дѣйствій политическихъ преступниковъ заставляетъ Думу говорить и повторять: амнистія, амнистія!—а также

жгучая потребность минуты. Потребность сбросить кошмаръ и сказать прошлому: «довольно, конецъ»...

Глубоко вѣрны заключительныя слова адреса: «есть требованія народной совѣсти, въ которыхъ нельзя отказывать, съ исполненіемъ которыхъ нельзя медлить».

Амнистія и прекращеніе казней не навѣянныя народу извнѣ желанія. Это дѣйствительныя потребности народа,—потребности, вытекающія изъ данныхъ конкретныхъ обстоятельствъ. Въ переживаемый критическій моментъ удовлетвореніе ихъ настолько же необходимо для блага Россіи, насколько необходимы народному сознанію покой и миръ...

«XX вѣкъ» 12 мая, 1906 г.
№ 44.

Надо же кончить...

Надо же кончить съ той юридической нелѣпицей, которая явилась слѣдствіемъ провозглашенія «незыблемыхъ основъ гражданской свободы» безъ одновременнаго облеченія этихъ основъ въ формулы закона...

Надо же кончить съ вопіющей несправедливостью и съ тѣмъ непримиримымъ противорѣчіемъ между житейской правдой и правдой бездушнаго закона, которыя въ устахъ тысячъ заключенныхъ, сосланныхъ, осужденныхъ и подлежащихъ осужденію выливаются въ словахъ: «да, мы виновны только въ томъ, что повѣрили манифесту 17 октября»...

Надо же кончить со всѣмъ тѣмъ, къ чему привели эксцессы революціи, съ одной стороны и во стократъ ихъ превзошедшіе эксцессы правительственной реакціи—съ другой...

Нельзя теперь, въ маѣ, въ іюнѣ, подъ угломъ зрѣнія уголовнаго уложенія и уложенія о наказаніяхъ, оцѣнивать дѣйствія и поступки, совершавшіяся во время сумятицы октябрьскихъ, ноябрьскихъ декабрьскихъ и январскихъ дней.

Тогда была именно сумятица—юристу иного термина не подыскать.

Кодексы и ихъ безчисленныя дополненія не были ни отмѣнены, ни измѣнены. Но власть въ октябрѣ и въ ноябрѣ бездѣйствовала—законовъ не примѣняла. Что страннаго въ томъ, что населеніе тоже перестало считаться съ закономъ?! Когда же оно

утвердилось въ сознанiи отсутствiя правового регулятора всѣхъ проявленiй общественности, и когда отдѣльные его слои и классы стали добиваться торжества своихъ интересовъ революцiоннымъ путемъ, или, какъ тогда говорилось, «явочнымъ порядкомъ»,—то власть также перешла на революцiонный путь. Она также стряхнула съ себя путы закона и начала разстрѣливать безъ суда, сѣчь, выжигать деревни, бросать людей въ тюрьмы безъ всякаго основанiя и предъявленiя какого бы то ни было обвиненiя.

Располагая такой силой, какъ войско, власть, конечно, побѣдила. Но, побѣдивъ революцiонныя вспышки революцiонными же средствами, она не сказала: «довольно, теперь миръ». Нѣтъ, власть вспомнила, что существуютъ карательныя нормы уголовныхъ кодексовъ, и стала возстановлять нарушенную побѣжденными правду законодательныхъ запретовъ и приказовъ.

И вотъ, въ настоящiй моментъ мы частью вступили, частью вступаемъ въ полосу судебныхъ процессовъ. Уже получился клубокъ безконечныхъ противорѣчiй и безконечной нелѣпицы. Клубокъ все растетъ и все больше и больше запутывается. Разобрать его по ниточкамъ *невозможно*. Его можно только разрубить, поставивъ на недавнее прошлое крестъ и произнеся столь страстно всѣми ожидаемое слово «амнистiя».

Передо мной письмо со станцiи Тулунъ сибирской желѣзной дороги, написанное 12 мая. Письмо прислала мать одного изъ «политическихъ преступниковъ», г-жа Крушинская. 9 января ея сынъ вмѣстѣ съ другими шестнадцатью лицами былъ арестованъ на станцiи Тулунъ. Въ тотъ же день на станцiи Зима было арестовано нѣсколько десятковъ человѣкъ. Всѣ арестованные до начала мая содержались въ центральной Александровской каторжной тюрьмѣ, при исключительно тяжелыхъ условiяхъ и обстановкѣ, безъ предъявленiя имъ обвиненiя. Теперь таковое предъявлено по ст. 102, 126 и 129 уголовнаго уложенiя.

Фактически всѣ эти лица обвиняются, по словамъ письма, «за желанiе якобы устроить вооруженное возстанiе и за принадлежность къ стачечному комитету». «На дѣлѣ же,—пишетъ г-жа Крушинская,—вина ихъ состояла въ желанiи устроить профессiональный союзъ». Съ этою цѣлью они собирались на митинги, на которыхъ, между прочимъ, обсуждали вопросъ о *всеобщемъ избир*ательномъ правѣ и призывали къ бойкоту противъ

мѣстнаго жандармскаго офицера и одного служащаго, заподозрѣннаго въ провокаторствѣ.

Г-жа Крушинская весьма подробно излагаетъ интимную, такъ сказать, сторону дѣла: почему именно арестованы данныя лица, изъ которыхъ нѣкоторыя даже не участвовали въ забастовкѣ, почему свидѣтели дали неблагопріятныя показанія и т. д. Здѣсь есть указанія и на личную злобу, и на месть, и на интриги менѣе счастливой супруги одного служащаго въ отношеніи соперницы и ея мужа. Все это не безразличныя обстоятельства, если перенестись мысленно на глухую желѣзнодорожную станцію далекой Сибири. Но трагизмъ положенія не въ нихъ.

Трагизмъ положенія въ томъ, что по точному смыслу 102, 126 и 129 ст. угол. улож. обвиненія предъявлены правильно. Если въ отношеніи ст. 102 еще могутъ быть сомнѣнія, ибо для состава дѣянія необходимо участіе въ сообществѣ, составившемся для *насильственнаго* посягательства на измѣненіе образа правленія или отторженіе отъ Россіи какой либо ея части, то въ отношеніи ст. 126 и 129 сомнѣній нѣтъ. Желѣзнодорожные профессіональные союзы всѣ безъ исключенія имѣли цѣлью измѣнить экономическія отношенія между трудомъ и капиталомъ на началахъ «вреднаго ученія соціализма», какъ выражается цензурный уставъ,—и именно это предусматриваетъ статья 126. На митингахъ, когда предлагалось бойкотировать жандармскаго офицера, конечно, не къ повиновенію его распоряженіямъ призывали ораторы. Они иного не могли говорить, какъ убѣждать, въ оказаніи ему противодѣйствія, а если такъ, то нарушили статью 129.

Трагизмъ въ томъ, что уголовное уложеніе составлено въ предположеніи, что въ Россіи существуетъ самодержавный неограниченный образъ правленія и нѣтъ ни свободы слова, ни свободы собраній и союзовъ. Отсюда вытекаетъ, при всякомъ примѣненіи любой статьи уложенія о государственныхъ преступленіяхъ, въ глазахъ гражданъ — произволъ и несправедливость, въ глазахъ юриста—нелѣпость.

Дѣйствительно, почему сидятъ въ тюрьмахъ и ожидаютъ суда *только* тысячи? Почему не сидятъ милліоны? Въ одномъ Петербургѣ союзъ союзовъ насчитывалъ свыше десяти тысячъ примкнувшихъ къ нему лицъ. Изъ нихъ, пожалуй, до сотни привлечены къ отвѣтственности. Но почему не всѣ? Всѣ поголовно

однимъ фактомъ принадлежности къ организаціямъ, объединившимся въ союзъ союзовъ, совершили дѣяніе, предусмотрѣнное 126 статьей.

Кромѣ малолѣтнихъ и древнихъ стариковъ, вся Россія безъ малаго перебывала въ послѣдніе полгода на митингахъ, собраніяхъ и съѣздахъ. И безъ всякаго риска можно сказать, что изъ каждаго десятка рѣчей навѣрное девять были преступнымъ нарушеніемъ 129 статьи. Вспомните отчеты о московскомъ съѣздѣ союза 17 октября, на которомъ М. А. Стаховичъ подвергалъ уничтожающей критикѣ дѣйствія правительства, вспомните отчеты о засѣданіяхъ союза землевладѣльцевъ или русскаго собранія, о митингахъ, устраивавшихся въ Петербургѣ «истинно-русскими людьми» съ г. Дубровинымъ во главѣ, вспомните о словахъ г. Грингмута о графѣ Витте—уже я не говорю о собраніяхъ и рѣчахъ кадетовъ и соціалъ-демократовъ. Почему однимъ на выдержку назначена или грозитъ крѣпость, тюрьма, ссылка или каторга; а другіе — подавляющее большинство — ходятъ на свободѣ и даже засѣдаютъ въ Государственной Думѣ или въ Государственномъ Совѣтѣ? Почему?...

Отвѣтъ простой: всю Россію посадить въ тюрьму или сослать нельзя. А это значитъ, что карательныя правила о политическихъ правонарушеніяхъ, не отмѣненныя и не измѣненныя формально, частью отмѣнены, а часть измѣнены жизнью. Это значитъ, что, лишившись опоры въ условіяхъ жизненной правды, они повисли въ воздухѣ. Эти значитъ, что логически необходимо и юридически неизбѣжно прекратить судебныя преслѣдованія и актомъ амнистіи погасить отбываемыя наказанія. Иного исхода нѣтъ. Иначе сила и значеніе закона окончательно рухнутъ. Изъ правосознанія народа никогда не выкинуть, что примѣненіе отставшей отъ жизни нормы закона есть произволъ. И оно дѣйствительно произвольно, ибо послѣдовательнымъ абсолютно быть не можетъ.

Есть признаки, что эта безспорная истина стала проникать въ сознаніе органовъ, стоящихъ на стражѣ закона. Суды начали выносить оправдательные приговоры. Когда судъ отвѣчаетъ въ конкретномъ случаѣ: «нѣтъ, не виновенъ», то такой вердиктъ вызываетъ удовлетвореніе нравственнаго чувства—однимъ несчастнымъ меньше, одна бывшая возможною судебная ошибка устра-

нена. Но когда оправдательные вердикты обращаются въ явленіе обычное, то нравственное чувство протестуетъ. Предъ нимъ встаютъ ненужныя ограниченія и страданія, вынесенныя подсудимыми. Предъ нимъ встаетъ во всей наготѣ противорѣчіе между жизнью и тѣмъ, что должно ее регулировать и очевидно регулировать перестало.

Въ Читѣ судили высшаго мѣстнаго администратора, генерала Холщевникова. Ему грозила смертная казнь. Ему назначено исключеніе изъ службы или заключеніе въ крѣпости по правиламъ воинскаго устава о наказаніяхъ. Онъ не вовсе оправданъ и потому неспеціалистамъ можетъ казаться, что онъ все-таки признанъ виновнымъ въ государственномъ преступленіи, только меньшей важности. Это невѣрно. Размѣръ наказанія и назначеніе его по воинскому уставу свидѣтельствуютъ, что судъ обвиненіе въ государственномъ преступленіи отвергъ совершенно.

Тамъ же, въ Читѣ, судили совмѣстно нѣсколько человѣкъ офицеровъ и чиновниковъ также по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Телеграфъ оповѣстилъ, что на основаніи 104 статьи воинскаго устава о наказаніяхъ они присуждены къ аресту на разные сроки. Ст. 104 устава никакого отношенія къ государственнымъ преступленіямъ не имѣетъ. Она предусматриваетъ низшую форму нарушенія воинской подчиненности—неисполненіе приказанія. Слѣдовательно, всѣ они въ совершеніи государственнаго преступленія признаны безусловно невиновными.

Петербургская судебная палата въ теченіе недѣли вынесла оправдательные вердикты цѣлому ряду редакторовъ газетъ и журналовъ, обвинявшихся по ст. 129 уголовнаго уложенія за напечатаніе извѣстнаго «манифеста» совѣта рабочихъ депутатовъ, за что ранѣе судившіеся журналисты уже отбываютъ наказаніе. Одинъ изъ редакторовъ, Л. В. Ходскій, оправданъ даже послѣ кассаціи первоначальнаго о немъ рѣшенія сенатомъ, который призналъ въ дѣяніи наличность состава 129 статьи.

Слѣдовательно, черезъ посредство суда, жизнь уже стала корректировать законъ. Но тѣмъ сильнѣе чувствуется неотложная потребность въ скорѣйшей амнистіи.

Возможно ли такъ жестоко играть судьбой людей, отдавая ихъ въ руки случайности? Случайно — не заболѣлъ, не уклонился отъ суда въ мартѣ—сиди въ тюрьмѣ годъ. Случайно—былъ

боленъ, дѣло отложили, судили въ маѣ — свободенъ. Случайно судъ не рискнулъ отступить отъ буквы закона — и отъ кассаціонныхъ разъясненій—иди въ каторгу. Чувство справедливости превозмогло въ судьяхъ страхъ отвѣтственности—ты полноправный гражданинъ...

«XX вѣкъ» 28 мая 1906 г.,
№ 59.

Къ вопросу о погромахъ.

Въ статьѣ «Надо же кончить!» я приводилъ выдержки изъ письма г-жи Крушинской, полученнаго мною со станціи Тулунъ, сибирской жел. дороги. Но я использовалъ при этомъ далеко не все содержаніе письма.

Въ немъ, между прочимъ, имѣются слѣдующія строки. «Сынъ мой, Викторъ Крушинскій, десятникъ пути, возмущенный тѣмъ, что ротмистръ Б. велѣлъ стрѣлять въ арестованныхъ на станціи Зима рабочихъ, находившихся въ запертомъ помѣщеніи, причемъ были нѣсколько человѣкъ убиты, предложилъ на митингѣ объявить ротмистру Б. бойкотъ. Бойкотъ былъ принятъ и распространился на другія станціи, подчиненныя ротмистру. Все это было въ ноябрѣ. Тогда же пріѣхалъ на станцію Тулунъ провокаторъ, запасный агентъ желѣзной дороги, нѣкій N [1]), который сначала агитировалъ въ пользу учредительнаго собранія, ораторствовалъ на митингѣ, нападалъ на правительство и только послѣ полученія на станціи телеграммы, копію которой я прилагаю, сбросилъ маску и сталъ возбуждать чернь къ погрому. Три недѣли жители станціи и села Тулунъ, имѣющаго десять тысячъ жителей, не раздѣвались ночью, ожидая нападенія. То же самое происходило и на сосѣднихъ станціяхъ, и вотъ тогда-то интел-

---

[1]) Въ письмѣ, какъ это лицо, такъ и жандармскій ротмистръ названы полными фамиліями.

лигенція устроила въ желѣзнодорожной школѣ еще одинъ митингъ, на которомъ были выяснены дѣйствія N, и было рѣшено его бойкотировать и хлопотать, чтобы его убрали со станціи»...

Изъ приложенной копіи видно, что телеграмма подана на станціи Тулунъ 8-го ноября и адресована на станцію Зима. Написана она карандашемъ, на казенномъ бланкѣ и съ внѣшней стороны не вызываетъ никакихъ сомнѣній въ точности воспроизведенія подлинника.

Вотъ буквальный текстъ телеграммы: «Жандармскому унт.-оф., начальнику станціи, ревизору движенія 18 участка, командиру 2 батальона подполковнику С. Объявить служащимъ и рабочимъ на ст. Зима, что по полученнымъ и провѣреннымъ свѣдѣніямъ никакой рѣзни и погрома не предполагается. При малѣйшей попыткѣ учинить забастовку, всѣ участники и затѣявшіе забастовку будутъ вырѣзаны. Это постановленіе состоялось 4-го ноября среди партіи черной сотни, делегаты которой 4-го ноября выѣхали изъ Иркутска по линіи сибирской ж. д. и окрестнымъ селеніямъ. № 557. Ротм. Б.»

Итакъ, слѣдовательно, не въ одномъ гор. Александровскѣ мѣстной жандармской властью подготовлялся въ «дни свободы» черносотенный погромъ. Приведенная телеграмма служитъ, въ этомъ отношеніи, иллюстраціей къ опубликованному въ газетахъ оффиціальному рапорту статскаго совѣтника Макарова на имя бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ—рапорту, по поводу котораго Государственной Думою сдѣланъ запросъ.

Если въ одномъ направленіи и одними средствами дѣйствовали жандармскіе офицеры въ г. Александровскѣ, екатеринославской губ. и на станціи Тулунъ, сибирской жел. дор., несмотря на раздѣлявшія ихъ пять тысячъ верстъ, то слишкомъ наивно думать, что каждый изъ нихъ поступалъ по своей иниціативѣ, безъ общаго для обоихъ руководства, которое могло исходить только отъ центральнаго органа полицейской власти.

Съ другой стороны, сопоставленіе документовъ помимо воли раскрываетъ, гдѣ кроется истинная причина погромовъ, отъ которыхъ погибли тысячи жертвъ—въ Одессѣ, въ Томскѣ, въ Гомелѣ и т. д., и т. д. Если ихъ подготовляли агенты власти въ г. Александровскѣ и на ст. Тулунъ, то было бы чѣмъ-то *невѣроятнымъ*, что на всемъ пространствѣ Россіи нашлось лишь

два исполнителя, вѣрныхъ—не буду говорить прямымъ приказаніямъ или предписаніямъ, а скажу—камертону.

Лично на меня рапортъ г. Макарова и телеграмма ротмистра Б. произвели тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что я принадлежалъ къ числу тѣхъ скептиковъ—и въ этомъ теперь каюсь,—которые не довѣряли слухамъ и толкамъ о дѣйствительномъ происхожденіи контръ-революціоннаго или черносотеннаго движенія. Я допускалъ со стороны представителей мѣстной власти преступное невмѣшательство—не больше. Несомнѣнные факты теперь убѣждаютъ, что была цѣлая система подстрекательства.

И велось дѣло не безъ умѣнья! Ротмистръ Б. въ первой половинѣ телеграммы, такъ сказать оффиціальной, предлагаетъ «объявить», что ни рѣзни, ни погрома не предполагается. А во второй — офиціозной — сообщаетъ о постановленіи «партіи черной сотни» вырѣзать участниковъ забастовки. Онъ отлично понималъ, что населенію станціи вторая часть телеграммы, хотя и безъ объявленія, станетъ немедленно извѣстна и что на однихъ изъ обывателей она подѣйствуетъ угнетающе, а въ другихъ вызоветъ кровожадные инстинкты. Недостатка въ хулиганахъ разнаго ранга и наименованія не бываетъ нигдѣ. Но они обыкновенно пассивны и ждутъ, чтобы переходъ къ насилію имъ былъ подсказанъ. Подсказать это и было, конечно, цѣлью телеграммы...

Но если погромы имѣли столь систематично и умѣло поставленную организацію, то удивляться приходится не тому, что они были, а тому, что ихъ было мало.

Какъ безконечно глубоко проникнута вся страна жаждой полнаго обновленія на началахъ свободы, права и экономической справедливости, если и усилія власти не могли создать пугачевщины...

«XX вѣкъ» 2 іюня 1906 г.,
№ 64.

За мѣсяцъ.

1 іюня 1906.

Открытіе Государственной Думы.—Впечатлѣнія первыхъ дней.—Пренія по аграрному вопросу.—Нежелательные пріемы партійной борьбы.—Первые запросы.—Допустима ли для Думы забастовка?—Тонъ деклараціи министерства. — Иллюстрація къ «диктатурѣ пролетаріата».

Навѣрное, никогда невиданную картину представляли собою залы Зимняго дворца 27-го апрѣля. Не туалеты дамъ, не залитые золотомъ мундиры и не украшенные боевыми наградами высшіе и низшіе чины войска приковывали всеобщее вниманіе. И даже не національные костюмы, не крестьяне-великороссы и малороссы, литовцы, поляки, татары. Всевозможные живописные кафтаны въ стѣнахъ Зимняго дворца бывали не разъ... Въ нихъ не бывали только черные фраки, сюртуки и пиджаки, надѣтые на плечи людей, которые до этого дня, подъ придворнымъ угломъ зрѣнія, если не всѣ поголовно считались формально преступными, то всѣ—«неблагонадежными». И эти люди—что-то среднее между «вѣрноподданными» и открытыми «внутренними врагами» — пришли не одинъ, не два, а пришли въ числѣ сотенъ. Пришли и составили одну массу съ крестьянами въ національныхъ одеждахъ, съ двумя-тремя православными священниками, съ католическими ксендзами и съ представителями родового и служилаго дворянства. Пришли, какъ выбранные народомъ «лучшіе люди», для того, чтобы раздѣлить съ Царемъ бремя власти и

бремя отвѣтственности... Присутствующими придворными не могло не чувствоваться, что съ приходомъ во дворецъ этой чуждой дворцу массы прошлое — однимъ столь любезное, другимъ, быть можетъ, тяжелое, но всѣмъ равно привычное—должно неизбѣжно оборваться. На лицахъ, мимо которыхъ дефилировали члены Думы изъ николаевскаго зала въ георгіевскій тронный, не столько видѣлось изумленіе и любопытство, сколько отражалась мучительная работа мысли надъ роковымъ вопросомъ: «что будетъ?»

Къ часу дня, по Морской, Невскому, черезъ площадь и по набережной Невы тянулись вереницы извозчичьихъ дрожекъ и пѣшеходовъ, обгоняемые каретами и колясками. Не обгоняемые вглядывались въ лица обгоняющихъ, а наоборотъ. Изъ рѣдкаго окна кареты не выглядывало внимательныхъ глазъ. И публика, стоявшая на панеляхъ, не замѣчая каретъ и колясокъ, слѣдила за дрожками и пѣшеходами, называя имена, до сихъ поръ бывшія извѣстными по литературѣ, по митингамъ, пожалуй по преслѣдованіямъ со стороны администраціи, но уже никакъ не по участію въ рѣшеніи судебъ государства и въ высшемъ управленіи... За іорданскимъ подъѣздомъ придворные и полицейскіе чины предупредительно-вѣжливо повѣряли входные билеты и направляли на величественную лѣстницу. Въ залѣ входившіе поступали въ распоряженіе церемоніймейстеровъ съ жезлами. По стѣнамъ николаевскаго зала стояли почетные караулы отъ военно-учебныхъ заведеній. Любители остротъ говорили, что это сдѣлано умышленно: изъ вниманія къ «кадетамъ».

Среди оппозиціоннаго большинства членовъ Думы, до болѣзненности недовѣрчиво настроеннаго въ отношеніи бюрократіи и двора, передавались опасенія, что во время церемоніи распредѣленіемъ мѣстъ для присутствующихъ будетъ подчеркнута второстепенная роль народныхъ представителей. Говорили, что на первыхъ мѣстахъ вблизи трона будутъ стоять члены государственнаго совѣта, министры, генералитетъ, а что членамъ Думы придется затеряться въ глубинѣ залы. Опасенія не оправдались. Распорядители торжества, напротивъ, сумѣли ясно показать, что государь призвалъ выборныхъ представителей народа, чтобы имъ непосредственно сказать слово привѣтствія. Для членовъ Думы была отведена цѣлая половина зала, тогда какъ на другой половинѣ, имѣя передъ собой духовенство и пѣвчихъ, стояли и

члены государственнаго совѣта, и сенаторы, и свита, и военные генералы... Въ ожиданіи начала церемоніи, столичные депутаты удовлетворяли любопытство провинціальныхъ, показывая и называя по фамиліямъ сановниковъ. Особенно интересовались провинціалы видѣть своими глазами дѣятелей послѣдняго времени—графа Витте, П. Н. Дурново и генерала Трепова. Одинъ священникъ все просилъ ему показать К. П. Побѣдоносцева и выражалъ недоумѣніе, что среди духовенства нѣтъ о. Іоанна Кронштадтскаго. Съ противоположной стороны зала еще съ большимъ интересомъ, навѣрное, вглядывались въ лица членовъ Думы. Никто только не могъ въ той же мѣрѣ удовлетворять любопытство. Эта сторона имѣла передъ собой людей будущаго, прозрѣвать которое смертнымъ не дано. А передъ пришедшими впервые во дворецъ стояли законченные образы людей настоящаго, наканунѣ его обращенія въ прошлое...

Пронесли регаліи, вошли Государь и Императрицы. Началось молебствіе. Многіе ли молились? Слишкомъ неотступно у всѣхъ работала мысль надъ разгадкой раскрывающагося новаго и неизвѣстнаго, чтобы возможно было отрѣшаться отъ реальной жизни и подниматься надъ нею въ высь неземного... Больше всѣхъ, конечно, испытывалъ всю важность минуты Тотъ, кто до этого дня былъ единымъ повелителемъ народа и единымъ отвѣтчикомъ за судьбы народа передъ Богомъ—Тотъ, за кѣмъ стояли долгіе вѣка неограниченной власти съ неразрывной преемственностью помазанія на царство... Онъ снималъ съ себя часть бремени отвѣтственности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уступалъ часть данной Богомъ власти. Онъ дѣлалъ это для блага народа. Наступитъ ли оно?..

Онъ стоялъ спокойно... Взоръ не могъ оторваться отъ лица, стоявшаго рядомъ. За внѣшнимъ спокойствіемъ виднѣлись на этомъ лицѣ муки тревоги любящей души, нечеловѣческія страданія, ужасъ. Съ такимъ выраженіемъ глазъ стоятъ предъ неизбѣжно-роковой, страшной и громадной опасностью не для себя, а для дорогого, близкаго, любимаго... Этого выраженія нельзя забыть... Кто видѣлъ его, у того оно врѣзалось въ память на всю жизнь... Хотѣлось закричать слово успокоенія. Хотѣлось сказать: «мы не враги, не изверги; не для злого дѣла мы пришли; насъ привело горячее желаніе добра, покоя и счастья на-

рода, насъ привело сознаніе, что иначе нельзя, и искренняя вѣра, что станетъ лучше»...

Тронная рѣчь произвела сильное впечатлѣніе. Но извѣрившійся умъ не спѣшилъ ему отдаться. Извѣрившійся умъ боялся сразу рѣшить, такъ ли онъ воспринялъ сказанныя слова, нѣтъ ли въ нихъ скрытаго, недоговореннаго смысла. Раздалось «ура»... Регаліи двинулись обратно. За ними — Государь, великіе князья и княгини, свита и придворные... Церемонія окончилась. Народные представители направились къ выходу... Говорятъ, что на набережной противъ дворца стояла толпа искусственная—агенты охраны и дворники по особымъ билетамъ. Если — да, то и ихъ, значитъ, захватило величіе минуты. Толпа привѣтствовала членовъ Думы и провожала восторженными кликами до пароходной пристани...

Одинъ за другимъ стали отходить по Невѣ къ Таврическому дворцу пароходы. Со всѣхъ мостовъ встрѣчали ихъ привѣтствія уже настоящей толпы. Изъ оконъ домовъ махали платками... Угрюмые разгрузчики барокъ оставляли работу и снимали шапки. Когда пароходы проходили мимо Выборгской тюрьмы, во всѣхъ безчисленныхъ окнахъ появлялись бѣлые платки... Въ общемъ гулѣ привѣтственныхъ возгласовъ явственно выдѣлялось слово: «амнистія»... Отъ пристани у городского водопровода первымъ избранникамъ народа приходилось пробираться сквозь густые ряды мужчинъ, женщинъ, офицеровъ, студентовъ, рабочихъ и грубо и изящно одѣтыхъ людей всякаго званія и возраста, еле сдерживаемые полиціей. Здѣсь депутатамъ пожимали руки и ихъ обнимали. Здѣсь былъ неподдѣльный бурный восторгъ и здѣсь уже могучими раскатами воздухъ оглашался крикомъ: «амнистія»... Массамъ всегда нуженъ внѣшній символъ. Массы хотѣли, чтобы — 27-ое апрѣля было концомъ прошлаго, и лучшимъ символизированіемъ конца, конечно, ничто иное не могло служить, какъ широкая, полная, всепрощающая ликвидація счетовъ стараго строя съ тѣми, кто во имя готовящагося наступить новаго уклада жизни въ пылу борьбы перешелъ грани формальнаго закона...

Въ большой залѣ Таврическаго дворца опять служили молебствіе. Здѣсь крестьяне-депутаты были «дома», у себя. Они густой стѣной окружали духовенство и искренно, горячо молились. Отвыкшіе молиться—ходили, стояли, сидѣли... Чувствовалось что-

мленіе... Сейчасъ должно открыться первое засѣданіе. Сейчасъ долженъ наступить моментъ, за которымъ возврата нѣтъ и быть не можетъ. Что наступитъ: начало ли конца или конецъ начала? Начало ли конца кроваваго зарева революціи положитъ день 27-го апрѣля? Или имъ кончится начало попытки мирнаго рѣшенія историческаго кризиса, высоко поднявшаго на поверхность и обнажившаго вѣками копившіяся несправедливость, горе и нужду?.. Что ждетъ изстрадавшуюся страну? Что ждетъ только въ надеждѣ на Думу затихшую народную бурю? Справятся ли посланные народомъ представители съ невѣроятно тяжелой задачей? Хватитъ ли у нихъ силъ, умѣнья, спокойствія и выдержки? Удастся ли имъ сломить внѣшнія препятствія? Или имъ суждено погибнуть отъ руки палача?... Ужели ничто не предотвратитъ пугачевщины?!.. Отъ этихъ мыслей безконечно трудно было отрѣшиться...

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ, въ годовомъ собраніи петербургскаго юридическаго общества, А. Ѳ. Кони дѣлился воспоминаніями и впечатлѣніями о первыхъ дняхъ судебной реформы. Въ печати не разъ появлялись также статьи и разсказы другихъ авторовъ, посвященные этимъ памятнымъ днямъ. Слушать и читать воспоминанія, какъ велись первыя публичныя засѣданія судовъ, особенно съ участіемъ впервые занявшихъ свои скамьи присяжныхъ засѣдателей, какъ длинно и съ постоянными отступленіями въ область общихъ вопросовъ и теоретическихъ разсужденій говорили прокуроры и защитники, какъ неувѣренны были предсѣдатели—чрезвычайно любопытно. Получается впечатлѣніе чего-то неумѣлаго, порой безпомощнаго и суетливаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ священнодѣйственнаго. За сорокъ лѣтъ сложились судебные обычаи, выработались традиціи и привычки и появилась рутина, со всѣми ея положительными и отрицательными сторонами. Въ первые же дни былъ только законъ, буква котораго не можетъ различать наиболѣе важнаго отъ второстепеннаго, и который никогда не въ силахъ раскрыть тайну воздѣйствія на чужую мысль.

Такъ, навѣрное, черезъ десятки лѣтъ будутъ вызывать въ *новомъ поколѣніи* удивленіе, граничащее съ усмѣшкой, отчеты о

первыхъ шагахъ Государственной Думы. Дай только Богъ, чтобы они не вызывали сожалѣнія о скоро утраченномъ благоговѣйномъ отношеніи къ дѣлу... Пока такое отношеніе несомнѣнно есть. Оно выражается въ посѣщеніи засѣданій всѣмъ наличнымъ составомъ Думы, во вниманіи, съ которымъ выслушиваются каждая рѣчь и каждое заявленіе, въ обдумываніи списка лицъ, предлагаемыхъ къ избранію въ комиссіи, и т. д. Но на-ряду съ нимъ и отсутствіе обычаевъ и привычекъ даетъ себя чувствовать. Какъ отдѣльные ораторы, такъ нерѣдко и вся Дума, не могутъ забыть, что засѣданіе Государственной Думы не митингъ, и что принимаемыя Думою рѣшенія ничего не имѣютъ общаго по значенію, а потому и не могутъ быть повтореніемъ по содержанію и по формѣ, резолюцій и постановленій всевозможныхъ митинговъ, собраній и съѣздовъ. Безконечно много времени уходитъ на общія разсужденія и на произнесеніе болѣе или менѣе талантливыхъ или болѣе или менѣе безталанныхъ зажигательныхъ рѣчей.

Справедливость, впрочемъ, требуетъ отмѣтить, что послѣднихъ гораздо меньше, чѣмъ первыхъ. Откуда что взялось! Неумѣнье наше, русскихъ, говорить считалось всегда избитой истиной. Оказывается, что намъ только негдѣ было говорить. Какъ полтора года освободительнаго движенія дали высокую степень политической зрѣлости всѣхъ классовъ населенія, не исключая крестьянства, такъ менѣе года участія на митингахъ и въ собраніяхъ выработали ораторовъ. Но слѣды дурной школы, конечно, съ переходомъ съ митинга въ Думу сразу исчезнуть не могли. Фразистая крикливость формы и бойкость мысли въ ущербъ ея продуманной обоснованности — вотъ основныя черты весьма многихъ рѣчей. Къ сожалѣнію, «митинговые» ораторскіе пріемы принесли съ собою въ Думу и нѣкоторые изъ тѣхъ, кто задолго до начала движенія пользовались извѣстностью краснорѣчивыхъ ораторовъ — въ судѣ, въ земскихъ собраніяхъ и на профессорской каѳедрѣ. Что касается предложеній, дѣлаемыхъ съ трибуны, то они зачастую сводятся къ требованію постановить или вынести резолюцію, безъ указанія, къ кому, зачѣмъ и какъ направить резолюцію или постановленіе. И предсѣдателю не разъ приходилось разъяснять, что парламенты ничего въ пространство не постановляютъ.

Отсутствіе установившихся парламентскихъ нравовъ рѣзко проявлялось въ первые дни въ дѣйствіяхъ партій, особенно въ пріемахъ партіи конституціоналистовъ-демократовъ, единственно крупной и сплоченной въ Думѣ. Эти пріемы, быть можетъ не всегда сознательно для примѣнявшихъ ихъ, явно обнаруживали, въ глазахъ сторонняго наблюдателя, стремленіе къ диктаторскому господству. Въ первое дѣловое засѣданіе, 29 апрѣля, однимъ изъ членовъ партіи было внесено предложеніе о порядкѣ избранія товарищей предсѣдателя Думы, секретаря и его товарищей, причемъ «попутно» проектировалось распредѣленіе обязанностей между товарищами предсѣдателя и секретаря. Прочитанное передъ четырьмя стами пятьюдесятью лицами, предложеніе естественно—какъ ни маловажно оно было — вызвало желаніе отнестись съ сознаніемъ и съ добросовѣстностью къ голосованію каждаго изъ его девяти параграфовъ. Открылись пренія, стали высказываться сомнѣнія и посыпались поправки. Очень скоро сдѣлалось очевидно, что главная цѣль предложенія—ускорить мѣшкотный порядокъ двойного избранія, записками и шарами, — не можетъ быть достигнута, ибо на споры о способѣ выигрыша времени уйдетъ больше часовъ, чѣмъ на соблюденіе требованія закона. Пришлось предложеніе снять. Но прежде, чѣмъ это сдѣлать, «кадеты» пытались бесѣдами въ кулуарахъ убѣдить возражавшихъ отказаться отъ сомнѣній и поправокъ, повѣривъ имъ на слово, что предложеніе практично и что лучшаго порядка выборовъ, чѣмъ предлагаемый, не выдумать. Какъ аргументъ, приводилось то, что «мы» предложеніе уже обсуждали и приняли.

То же повторялось затѣмъ не разъ и особенно рѣзко проявилось въ отношеніи внесеннаго сорока двумя членами партіи предложенія образовать комиссію для разработки и представленія Думѣ законопроекта по земельному дѣлу. Авторы предложенія включили въ заявленіе предположенія о рѣшеніи аграрнаго вопроса, принятыя на апрѣльскомъ съѣздѣ конституціонно-демократической партіи, и, ссылаясь на то, что они просятъ передать заявленіе въ комиссію лишь какъ матеріалъ, потребовали образованія комиссіи вовсе безъ предварительнаго обмѣна мнѣній по существу вопроса. Дума не согласилась, и это вызвало въ кулуарахъ *опять упреки* по адресу наиболѣе рѣшительно возра-

жавшихъ противъ молчаливаго образованія комиссіи въ намѣренномъ затягиваніи такого исключительно важнаго дѣла.

Мы не склонны становиться на скользкій путь разгадыванія тайныхъ партійныхъ замысловъ и готовы вѣрить, что партія въ данномъ случаѣ отнюдь не имѣла въ виду обезпечить торжество своимъ воззрѣніямъ. Мы согласны, что многое изъ того, что говорилось въ продолженіе нѣсколькихъ дней въ Думѣ, было бы высказано въ комиссіи. Но для насъ несомнѣнно, что въ теченіе неизбѣжно долгаго времени комиссіонной работы все общество было бы подъ впечатлѣніемъ единодушнаго отношенія Думы къ главнымъ основамъ рѣшенія аграрнаго вопроса и именно въ смыслѣ кадетской партійной программы. И комиссія приступила бы къ занятіямъ подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ. Наконецъ, самый выборъ комиссіи, при незнакомствѣ членовъ Думы другъ съ другомъ и при незнаніи, кто какихъ взглядовъ держится по вопросу, былъ бы произведенъ въ свѣтлую лишь для партіи, а для непринадлежащихъ къ ней онъ былъ бы совершенно случайнымъ. Подписи подъ предложеніемъ создали бы естественное представленіе о подписавшихся, какъ о лицахъ, болѣе другихъ изучившихъ вопросъ, и не было бы ничего страннаго, если бы при всѣхъ способахъ избранія именно изъ нихъ сложилось большинство комиссіи. Такимъ образомъ, даже помимо воли руководителей партіи, партійныя воззрѣнія получили бы большіе шансы на торжество.

Пренія, между тѣмъ, показали, что Дума единодушно относится только къ одному: къ принципу принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ и другихъ разнаго наименованія земель въ пользу крестьянъ и вообще лицъ, обрабатывающихъ землю своимъ трудомъ. Во всемъ же остальномъ существуетъ самое крайнее различіе взглядовъ, начиная отъ требованія безвозмезднаго отчужденія всѣхъ земель и вплоть до возмездной уступки отрѣзковъ, необходимыхъ для нуждъ ближайшихъ къ отчуждаемой землѣ крестьянъ. Изъ преній выяснилось, что среди самихъ членовъ конституціонно-демократической партіи нѣтъ единства воззрѣній въ отношеніи формы передачи крестьянамъ земли—въ пользованіе или въ собственность.

Сообразно съ этимъ оказалось, что идея образованія государственнаго земельнаго запаса далеко не такъ популярна, какъ можно было ранѣе думать. Всѣ представители польскихъ, остзейскихъ, западныхъ и малороссійскихъ губерній категорически высказывались противъ нея, утверждая, что мѣстное сельское населеніе полученіемъ земли на арендномъ правѣ удовлетворено не будетъ. Тѣ же представители раскрыли весьма важную обратную сторону системы образованія единаго для всей имперіи земельнаго запаса. Необходимость эксплоатаціи запаса повлечетъ немедленную организацію переселенія на свободныя земли, которыя въ настоящій моментъ будутъ за предѣлами нормъ потребности мѣстнаго населенія. Въ минскую, напримѣръ, губернію вольется избытокъ землепашцевъ изъ тульской или курской. Но когда, черезъ 20—40 лѣтъ, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, мѣстнымъ бѣлоруссамъ станетъ тѣсно, то для нихъ не окажется иного исхода, какъ бросать вѣками насиженныя мѣста и идти куда-либо на востокъ. Удовлетворивъ справедливости въ данный моментъ, система, слѣдовательно, тѣмъ самымъ нарушитъ ее въ близкомъ будущемъ. И нарушитъ весьма грубо, такъ какъ приведетъ къ нивеллировкѣ и подавленію культурно-національныхъ особенностей.

Съ другой стороны, однако, пренія же показали полную невозможность признать установленіе способовъ рѣшенія аграрнаго вопроса дѣломъ не обще-государственнымъ, а всецѣло мѣстнымъ, на чемъ такъ упорно настаиваютъ представители царства польскаго и юго-западнаго края. Ихъ страстность и готовность идти на все, только бы не допустить опредѣленія обязательныхъ для всей страны началъ земельной реформы, даютъ полное основаніе опасаться, что, если окажется малѣйшая возможность, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ реформа будетъ сужена до послѣдней степени. Словомъ, пренія были утомительны и безполезны только для узко-партійныхъ доктринеровъ, надѣвшихъ на себя шоры программъ, принесенныхъ со съѣзда и изъ клуба и составленныхъ безъ выслушанія людей другого образа мыслей. Коммиссіи же они не позволятъ отнестись къ вопросу односторонне.

При преніяхъ по аграрному вопросу Думѣ довелось выслушать отправныя положенія, которыхъ держится правительство. Ихъ подробно развивали въ засѣданіяхъ 19 и 23 мая главноуправ-

ляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ г. Стишинскій и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ г. Гурко. Первый началъ съ оригинальнаго полемическаго пріема. Онъ разобралъ дѣйствующія статьи гражданскихъ законовъ и положеній о крестьянахъ, и изъ текста ихъ вывелъ «полную неправильность юридической постановки началъ», предложенныхъ въ заявленіи 42 членовъ Думы. Этотъ пріемъ былъ обычнымъ средствомъ междувѣдомственной полемики передъ прежнимъ государственнымъ совѣтомъ. Его принесъ г. Стишинскій и въ Думу, очевидно полагая, что и на народныхъ представителей можно воздѣйствовать страхомъ противорѣчія между законодательнымъ предположеніемъ и тѣми законами, которые это предположеніе имѣетъ въ виду отмѣнить или измѣнить. Да какъ же тутъ не быть противорѣчію? И можно ли людей, желающихъ отмѣны дѣйствующаго закона и, слѣдовательно, признающихъ заключающіяся въ немъ нормы неправильными, убѣдить въ невѣрности предложенной ими новой юридической конструкціи ссылкою на старую? Далѣе г. Стишинскій развивалъ идею интенсификаціи хозяйства, признавая ее единственнымъ способомъ коренного разрѣшенія аграрнаго вопроса. На той же точкѣ зрѣнія отчасти стоялъ и г. Гурко. Въ основу своихъ соображеній онъ положилъ слѣдующія цифровыя данныя. Всей удобной земли въ губерніяхъ Европейской Россіи имѣется 318 милліоновъ десятинъ. Изъ нихъ 109 милліоновъ находятся въ губерніяхъ архангельской, вологодской, олонецкой, вятской и пермской, т.-е. въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ условія для занятія земледѣліемъ хуже, чѣмъ во всей остальной Россіи, и даже хуже, чѣмъ во многихъ мѣстахъ Сибири. Остается 209 милліоновъ десятинъ. Изъ нихъ 91 милліонъ надѣльной земли и 118 милліоновъ всѣхъ иныхъ земель, въ томъ числѣ 19 милліоновъ крестьянской купленной земли, 56 милліоновъ находятся подъ лѣсомъ и лишь остатокъ въ 43 милл. составляетъ ту удобную землю, которая принадлежитъ церквамъ, монастырямъ, удѣламъ, кабинету, частнымъ собственникамъ, государству. Иначе говоря, при полномъ, абсолютномъ отчужденіи имѣется всего-на-всего 43 милл. десятинъ на 44 милл. душъ населенія. Такимъ образомъ, на каждую душу приходится немногимъ менѣе 1 десятины. Если присоединить сюда крестьянскую купленную и надѣльную земли, то получится всего 4 десят. на

душу. «Очевидно—вывелъ изъ послѣдней цифры ораторъ—этого недостаточно». Затѣмъ онъ продолжалъ: «Вотъ результатъ провозглашенія того принципа, что земля должна принадлежать трудящемуся населенію. Этотъ принципъ приведетъ къ тому, что крестьяне, которые обладаютъ болѣе 4 дес. земли, должны будутъ весь свой излишекъ уступить другимъ крестьянамъ. Я говорю это, поскольку имѣю въ виду чисто-землевладѣльческое населеніе, но записка гг. 42 членовъ Думы говоритъ о надѣленіи и тѣхъ крестьянъ и рабочихъ, которые покинули землю въ силу различныхъ условій, но желаютъ къ ней вернуться». Затѣмъ г. Гурко разбиралъ предложеніе съ точки зрѣнія соціализма и упрекалъ его авторовъ въ недоговоренности и половинчатости проектируемыхъ мѣропріятій. Вслѣдъ за упрекомъ былъ сдѣланъ и намекъ. «Я убѣжденъ, что если встать на личную точку зрѣнія землевладѣльцевъ, то исходъ, предлагаемый въ запискѣ 42 членовъ Думы, представляется для нихъ очень выгоднымъ. Чтó предлагается въ запискѣ? Купить у помѣщиковъ землю по справедливой оцѣнкѣ! Да они всѣ къ этому стремятся! Врядъ ли кто-нибудь скажетъ, что владѣніе землей представляетъ теперь больше удобствъ, чѣмъ владѣніе деньгами. Что касается усадебъ, къ которымъ у помѣщиковъ можетъ сохраниться личное чувство, личная привязанность, то вѣдь усадьбы имъ оставляютъ. Итакъ, для помѣщиковъ эта реформа не страшна. Не для нихъ она тлетворна и пагубна, а для всей Россіи, и прежде всего для сельскихъ народныхъ массъ. Не землевладѣльцевъ вы обездолите, а тѣхъ самыхъ крестьянъ, о которыхъ вы заботитесь. Землевладѣльцевъ приходится теперь убѣждать не въ томъ, чтобы они разставались со своими имѣніями, а въ томъ, чтобы они не разставались съ ними, въ томъ, что патріотическій долгъ — сохранять свою землю и вкладывать въ нее свои средства».

Сильную рѣчь въ отвѣтъ произнесъ г. Герценштейнъ, искусно парировавшій игру со средними цифрами. «Вы насчитали,—говорилъ онъ,—43 милл. десятинъ и заявляете: подѣлимъ равномѣрно среди всѣхъ крестьянъ и на душу выйдетъ одна десятина. Вѣдь это ариѳметика. Вы говорите о политической экономіи, и если бы вы сколько-нибудь внимательно отнеслись къ вопросу, то отбросили бы ариѳметику. Для этого нужно имѣть познанія четырехъ *правилъ ариѳметики* и больше ничего, а отъ государственныхъ

людей мы можемъ требовать бо̀льшаго». Шагъ за шагомъ разбивалъ г. Герценштейнъ доводы представителей правительства и закончилъ словами: «народъ разберетъ, гдѣ землею пахнетъ и гдѣ земли не даютъ»...

Мы отмѣчали неправильность пріемовъ конституціонно-демократической партіи въ Думѣ отнюдь не въ цѣляхъ дискредитиронія принциповъ, на которыхъ объединились вошедшія въ ея составъ лица. Эти принципы намъ дороги не меньше, чѣмъ имъ. Но именно поэтому мы желали бы, чтобы средства проведенія принциповъ были безупречны, ибо въ безупречности средствъ парламентской борьбы—одинъ изъ вѣрнѣйшихъ залоговъ успѣха.

По нашему мнѣнію, партіи на первыхъ порахъ не удалось справиться съ выпавшей на ея долю задачей. Люди, всегда бывшіе въ рядахъ критикующей оппозиціи, вдругъ оказались въ положеніи руководящаго парламентскаго большинства. Критиковать этому большинству въ первые дни засѣданій Думы было рѣшительно нечего, потому что министерство сразу отказалось отъ иниціативы — къ открытію Думы имъ не было изготовлено и не было внесено ни одного законопроекта. Только въ засѣданіи 13-го мая, когда правительство представило свою декларацію, была благодарная почва для критики, и ею «кадеты» умѣло воспользовались. Во всѣхъ же другихъ разсматривались предложенія, проекты и запросы, редактированные и одобренные въ клубѣ на Сергіевской. Весьма откровенна и характерна была рѣчь представителя Одессы, Е. Н. Щепкина, во время преній объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь. Хотя проектъ адреса былъ представленъ коммиссіей, имѣвшей въ своемъ составѣ далеко не однихъ «кадетовъ» и во многомъ измѣнившей первоначальный набросокъ, но ораторъ съ этимъ не считался и, рекомендуя принять проектъ, называлъ его «нашъ». Въ его сознаніи, очевидно, сильнѣе всего запечатлѣлись сужденія, происходившія въ клубѣ; тамъ было настоящее обсужденіе, а Дума должна дать только формальную санкцію. Одинаковая нота звучала въ рѣчи другого оратора, который передъ передачей въ коммиссію законопроекта объ обезпеченіи личной неприкосновенности—кстати сказать, болѣе чѣмъ слабаго

въ отношеніи технической разработки — заявлялъ, что вопросъ простъ и что коммиссіи никакихъ трудностей не предстоитъ. Онъ не договаривалъ своей мысли до конца, но этотъ конецъ былъ ясенъ: «мы» вопросъ всесторонне обсудили, и «вамъ», т.-е. Думѣ, остается только приложить санкціонирующій штемпель.

Кто считаетъ, что у него по вопросу уже рѣшеніе принято, тотъ естественно долженъ смотрѣть на пренія и споры, какъ на ненужную трату времени. Отсюда естественно же вытекало стремленіе «кадетовъ» подвергать пренія гильотинѣ, и они неоднократно пользовались правомъ вносить предложеніе, за подписью тридцати лицъ, о прекращеніи записи ораторовъ и объ ограниченіи рѣчей пятью минутами. Былъ даже такой случай: ранѣе оглашенія предложенія заявили желаніе говорить семь ораторовъ—и сейчасъ же было подано предсѣдателю заявленіе о прекращеніи записи. Такимъ образомъ, еще не была извѣстна сущность предложенія, еще не были выслушаны представившіе его, а ножъ гильотины уже готовъ былъ опуститься на право свободнаго слова. Подобныхъ пріемовъ борьбы съ «инако мыслящими» не допускаютъ даже городскія думы, не говоря уже о земскихъ собраніяхъ.

Первый запросъ министерству Думою былъ сдѣланъ по поводу кровавыхъ событій въ Вологдѣ, Калязинѣ и Царицынѣ и обнаруженнаго печатью формальнаго участія чиновъ корпуса жандармовъ и департамента полиціи въ составленіи «черносотенныхъ» прокламацій и въ организаціи еврейскихъ погромовъ.

Обнаруженіе состояло въ помѣщеніи на страницахъ «Рѣчи» (№ 63) рапорта завѣдующаго особымъ отдѣломъ департамента полиціи, ст. сов. Макарова, отъ 15 февраля 1906 года, на имя министра внутреннихъ дѣлъ. Рапортъ начинается со ссылки на «доложенныя вашему высокопревосходительству 6-го числа текущаго мѣсяца свѣдѣнія о составленіи, отпечатаніи и распространеніи департаментомъ полиціи воззваній, возбуждающихъ одни классы населенія противъ другихъ», после чего въ немъ излагаются результаты разслѣдованія, «не организовано ли, *дѣйствительно, ожидаемое въ* гор. Александровскѣ избіеніе евреевъ долж-

ностными лицами и не дѣйствовали ли послѣднія подъ руководствомъ или съ вѣдома чиновъ департамента полиціи».

«Разсмотрѣвъ,—писалъ г. Макаровъ,—дѣла особаго отдѣла департамента полиціи по екатеринославской губерніи, я обнаружилъ въ нихъ два донесенія департаменту помощника начальника екатеринославскаго губернскаго жандармскаго управленія по александровскому и павлоградскому уѣздамъ, ротмистра Б., отъ 27-го ноября и 5-го декабря 1905 года, за №№ 1054 и 1061, не оставляющія никакого сомнѣнія въ томъ, что избіеніе евреевъ въ г. Александровскѣ подготовляется, что преступная агитація съ этой цѣлью ведется по иниціативѣ ротмистра Б. и что чинами департамента полиціи, которые о семъ были своевременно освѣдомлены, не только не было принято мѣръ къ прекращенію означенной агитаціи, но дѣятельность ротмистра Б. даже поощрялась». Далѣе приведены подробныя выписки изъ представленныхъ ротмистромъ Б. шести литографированныхъ и двухъ печатныхъ воззваній, дающихъ полный составъ дѣянія, именуемаго возбужденіемъ къ насилію однихъ классовъ населенія противъ другихъ, и заключающихъ въ себѣ прямой призывъ «подыматься», «образовывать дружины», «запасаться оружіемъ, косами, вилами» и идти «на защиту царя, родины и вѣры православной» противъ «революціонеровъ, соціалъ-демократовъ и жидовъ».

«Представляя вышеописанныя воззванія,—доносилъ, затѣмъ, ст. сов. Макаровъ,—департаменту полиціи, ротмистръ Б. въ донесеніяхъ своихъ за №№ 1054 и 1061 сообщаетъ, что воззванія эти разбрасываются «Александровскимъ союзомъ 17-го октября» въ г. Александровскѣ и въ сосѣднихъ деревняхъ «въ значительномъ количествѣ», что они «приносятъ существенную пользу въ дѣлѣ борьбы съ революціоннымъ движеніемъ», что весь составъ означеннаго патріотическаго союза ему, ротмистру Б., извѣстенъ и что онъ «употребляетъ все свое вліяніе на выпускъ подобныхъ же воззваній и въ селахъ своего района», что, по его мнѣнію, благотворно повліяетъ на крестьянъ и удержитъ ихъ отъ насилій надъ помѣщиками. Подобныя донесенія поступали въ департаментъ полиціи отъ ротмистра Б. и ранѣе, какъ то видно изъ помѣты на его донесеніи за № 1054, сдѣланной прикомандированнымъ къ особому отдѣлу департамента чиновникомъ особыхъ порученій П., но донесеній этихъ я въ дѣлахъ особаго отдѣла

не нашелъ. Несмотря на то, что чиновникомъ особыхъ порученій П., при представленіи донесенія ротмистра Б. за № 1054 завѣдывавшему политической частью департамента полиціи Рачковскому, а донесенія за № 1061 завѣдывавшему особымъ отдѣломъ департамента полиціи Тимофееву (нынѣ чиновнику для порученій при дворцовомъ комендантѣ) были сдѣланы на донесеніи помѣты: на первомъ — «прилагаемыя воззванія Александровскаго союза 17 октября безусловно заключаютъ въ себѣ натравливаніе противъ евреевъ», а на второмъ — «еще рядъ воззваній, направленныхъ противъ евреевъ», донесенія эти не вызвали по поводу означенныхъ воззваній никакихъ распоряженій ни со стороны д. с. с. Рачковскаго, ни со стороны с. с. Тимофеева, а вмѣстѣ съ тѣмъ ротмистръ Б. былъ представленъ къ награжденію».

Слухи о томъ, что «черносотенная» агитація ведется полиціей, ходили давно. Но мы—теперь въ этомъ приносимъ повинную—относились къ нимъ скептически. Мы допускали со стороны полицейскихъ агентовъ, притомъ преимущественно низшихъ, преступное невмѣшательство—не больше. О томъ же, что агитація, вплоть до подготовки погромовъ, велась подъ руководствомъ центральнаго органа, вѣдующаго всей полиціей въ имперіи, и что объ этомъ было извѣстно министру внутреннихъ дѣлъ—мы не допускали мысли. Такое издѣвательство надъ закономъ казалось намъ слишкомъ чудовищнымъ, чтобы къ нему могли прибѣгать люди, имѣющіе прошлое, занимающіе высшіе посты въ государственномъ управленіи и не вовсе безумные. Тѣмъ сильнѣе ошеломилъ насъ рапортъ г. Макарова... При принятіи запроса, министра внутреннихъ дѣлъ въ Думѣ не было. Его товарищъ по кабинету, государственный контролеръ, заявилъ, что г. Столыпинъ дастъ отвѣтъ въ установленный закономъ мѣсячный срокъ. Что̀ онъ скажетъ? Положеніе бывшаго министра, г. Дурново, было бы, конечно, во сто кратъ тяжеле, но и на мѣстѣ г. Столыпина, когда ему придется войти на трибуну, едва ли кто пожелалъ бы быть. Гг. Рачковскій, Тимофеевъ и ихъ вдохновители продолжаютъ оставаться на своихъ мѣстахъ, а съ ними—и вся система...

Второй запросъ былъ сдѣланъ предсѣдателю совѣта министровъ по поводу утвержденія прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ *приговора* къ смертной казни, состоявшагося въ Ригѣ

надъ восемью лицами. И. Л. Горемыкинъ, черезъ день, письменно извѣстилъ предсѣдателя Думы, что запросъ имъ переданъ, по принадлежности, военному министру. А еще черезъ сутки стало извѣстно изъ газетъ, что приговоръ приведенъ въ исполненіе. Дума отвѣтила принятіемъ предложенія поручить особой комиссіи составить и представить въ пятидневный срокъ проектъ закона объ отмѣнѣ смертной казни.

Возможности другого достойнаго Думы отвѣта не было, такъ какъ генералъ-губернаторъ, съ формальной точки зрѣнія, ничѣмъ не нарушилъ предѣловъ своей дискреціонной власти, и въ случаѣ повторенія запроса военный министръ могъ бы коротко сослаться на подлежащія статьи военно-судебнаго устава и правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи. Но въ кулуарахъ, передъ началомъ засѣданія 18-го мая, говорили, что нѣкоторые члены Думы имѣютъ въ виду потребовать увольненія прибалтійскаго генералъ-губернатора и смѣны министерства и, впредь до удовлетворенія этихъ требованій, прекратить занятія. По счастью, никто такого неосторожнаго предложенія не сдѣлалъ. Лишь одинъ ораторъ намекнулъ, что если такъ будетъ продолжаться, то членамъ Думы ничего другого не останется, какъ разъѣхаться по домамъ. Хотя намекъ этотъ замѣтнаго сочувствія не встрѣтилъ, и вообще Дума, пока что, не склонна на забастовку, мы, все-таки говоримъ: «по счастью».

При рѣзко поднятомъ настроеніи Думы и въ виду широкой пропаганды крайними лѣвыми партіями идей бойкота и забастовочнаго способа борьбы, еще неизвѣстно, какія послѣдствія могъ бы имѣть талантливо выраженный призывъ бросить вызовъ правительству и сказать рѣшительно: «или мы, или вы». Между тѣмъ, такой вызовъ былъ бы грубой политической ошибкой. Если правительство намѣренно закрываетъ глаза и не хочетъ видѣть дѣйствительнаго положенія дѣлъ, то Дума ни на минуту не должна забывать, что кризисъ дошелъ до послѣдней степени развитія. Видимое спокойствіе создало сначала ожиданіе созыва Думы, затѣмъ — ожиданіе результата ея дѣятельности. Эта психологія ожиданія образовала какъ бы корку, но тонкую и далеко не прочную, подъ которой все продолжается и даже усиливается кипѣніе. Малѣйшая неосторожность можетъ разрушить корку и залить кипящей лавой всю страну. Реакціонное министерство

тогда, конечно, будетъ сметено въ первую голову, но вмѣстѣ съ нимъ погибнетъ и многое другое, равно дорогое реакціонерамъ и радикаламъ, консерваторамъ и либераламъ...

Съ другой стороны, какой непосредственный, ближайшій результатъ дала бы забастовка Думы? Едва ли министерство сразу и добровольно пошло бы на уступки: объективная оцѣнка его отношеній къ народному представительству показываетъ обратное. Министерство, прежде всего, попыталось бы, безъ сомнѣнія, использовать ошибочный шагъ Думы и дискредитировать въ глазахъ населенія ея первый составъ, какъ не обнаружившій ни надлежащаго спокойствія, ни выдержки, ни работоспособности, ни сознанія отвѣтственности, а попутно попыталось бы дискредитировать самую идею конституціонализма. Немедленно послѣдовалъ бы рядъ указовъ въ порядкѣ верховнаго управленія. Руки министерства оказались бы развязанными и до революціоннаго взрыва опять бы началось безудержное торжество реакціи... Нельзя забывать, что какъ бы министерство ни относилось къ Думѣ, сейчасъ распустить ее оно не рискнетъ. За роспускомъ по иниціативѣ правительства должны немедленно послѣдовать новые выборы. А что они дадутъ — краснорѣчиво свидѣтельствуютъ происходящіе теперь выборы на окраинахъ. Въ Тифлисѣ въ выборщики прошли 71 соціалъ-демократъ и только 9 кадетовъ. Совсѣмъ другое дѣло, если Дума разойдется сама. Тогда можно съ выборами и повременить...

Тонъ и характеръ первой деклараціи перваго русскаго конституціоннаго министерства поражаютъ въ чтеніи и поразили Думу своей странностью, чтобы не сказать болѣе. Чувствовалось, что какъ будто не представители исполнительной власти пришли къ избранникамъ народа, призваннымъ участвовать въ осуществленіи высшей власти законодательной, дабы объявить свою программу и испросить ея одобренія, а всемогущіе и всевѣдущіе носители всей полноты государственной власти на мигъ оставили свои министерскія канцеляріи, чтобы дать урокъ государственной мудрости неразумной толпѣ. Совѣтъ министровъ сперва вѣжливо, но твердо подвергъ уничтожающей критикѣ заявленія и пожеланія Думы, включенныя въ адресъ, затѣмъ изложилъ въ общихъ

чертахъ свои предположенія и закончилъ призывомъ Государственной Думы къ спокойной созидательной работѣ, которою она «поможетъ *ему* (т.-е. совѣту министровъ) внести столь необходимое для страны успокоеніе во всѣ слои населенія».

По отношенію къ принудительному отчужденію частновладѣльческой земли, совѣтъ министровъ счелъ своей обязанностью заявить, «что разрѣшеніе земельнаго вопроса на предположенныхъ Государственною Думою основаніяхъ *безусловно недопустимо*». Не мнѣніе свое выразилъ совѣтъ министровъ, не затрудненія выставилъ практическаго приведенія въ исполненіе мысли Государственной Думы, а категорично отрѣзалъ: это безусловно недопустимо. Гдѣ и когда въ парламентской практикѣ Запада были примѣры, чтобы министры на такомъ языкѣ говорили съ народными представителями? Какое надо имѣть слабое представленіе о конституціонномъ строѣ, чтобы имѣть смѣлость, ссылаясь «на лежащую на правительствѣ отвѣтственность за сохраненіе общественнаго порядка передъ монархомъ и *русскимъ народомъ*», призывать уполномоченныхъ этого народа быть *помощниками* правительства?!

Такъ говорить, очевидно, можетъ только властный съ подвластнымъ, разумный съ неразумнымъ, умудренный знаніями и опытомъ съ невѣждой. И министерство до конца выдержало роль учителя. Въ полномъ составѣ оно оставалось въ Думѣ очень недолго послѣ объявленія деклараціи. Послѣ перерыва предсѣдатель совѣта и большая часть министровъ на скамьи не вернулись. Вернулись только двое или трое. И они, однако, задолго до окончанія преній и принятія формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ удалились. Въ залѣ Думы остались, какъ бывало и раньше, пустующія министерскія мѣста. Да и зачѣмъ на нихъ сидѣть тѣмъ, кто считаетъ возможнымъ говорить народнымъ представителямъ: «это безусловно недопустимо», кто требуетъ отъ нихъ помощи себѣ, кто считаетъ себя призваннымъ ихъ «вразумлять» и «учить»!?..

Если бы министры оставались, то имъ пришлось бы выслушать, правда, нѣсколько рѣчей болѣе страстныхъ, чѣмъ содержательныхъ. Но они услышали бы также изъ устъ М. М. Ковалевскаго слѣдующіе полезные для нихъ уроки. «Какого правительства министры приходятъ напомнить намъ о неприкосновенности соб-

ственности и утверждать, что этой неприкосновенности противорѣчитъ выкупъ ея государствомъ? Приходятъ министры того государства, которое въ 1861 году произвело самый грандіозный актъ выкупа земли въ интересахъ общественной пользы и общественной необходимости. Еслибы мы отвѣчали господамъ министрамъ тѣми же назиданіями, какими они удостоили насъ, то мы сказали бы: какъ вы смѣете выступать противъ воли царя-освободителя, какъ вы смѣете порицать самый великій актъ русской исторіи — освобожденіе крестьянъ съ землею!»... «Я удивляюсь,—говорилъ далѣе ораторъ,—почему господамъ министрамъ нужно было напомнить намъ о томъ, что право помилованія есть прерогатива Государя Императора; никто здѣсь этого не отрицалъ. Я полагаю, что такое напоминаніе въ высшей степени неумѣстно. Неумѣстно на томъ основаніи, что, подчеркивая то, что это есть прерогатива Государя, лица, засѣдающія на этихъ скамьяхъ, открываютъ намъ то, чего они не вправѣ открывать. Они даютъ намъ понять, что если амнистія не даруется, то такова воля Государя Императора. Министерство конституціоннаго монарха, сдѣлавшее подобнаго рода поступокъ, оскорбило монарха, и не мы должны требовать его отставки — верховная власть сама имѣетъ для этого достаточное основаніе»...

Чрезвычайно силенъ былъ въ аргументаціи В. Д. Набоковъ, съ тяжелымъ чувствомъ констатировавшій, что «мы не имѣемъ и зачатковъ конституціоннаго министерства, мы имѣемъ все тѣ же бюрократическіе лозунги и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устраняется всякая надежда наша на то, чтобы это министерство могло вывести страну изъ того положенія, въ которомъ она находится, и могло бы осуществить тѣ задачи, которыя на него возложитъ народное представительство». Онъ закончилъ рѣчь слѣдующими словами: «Мы думаемъ, что выходъ изъ положенія можетъ быть только одинъ: разъ насъ призываютъ къ борьбѣ, разъ намъ говорятъ, что правительство является не исполнителемъ требованій народнаго представительства, а ихъ критикомъ и отрицателемъ, то съ точки зрѣнія принципа народнаго представительства мы можемъ сказать одно:—исполнительная власть да покорится власти законодательной»!!..

Членъ Думы Аникинъ нарисовалъ яркую картину, какъ *правительство заботится* о крестьянахъ и печется о ихъ интересахъ,

какъ оно во имя охраненія права собственности сжигаетъ цѣлыя деревни и разстрѣливаетъ изъ пушекъ дома. А. Р. Ледницкій и М. М. Винаверъ очертили краснорѣчивое умолчаніе декларацiи объ инородцахъ и о необходимости уничтоженія національныхъ и религіозныхъ правоограниченій... Закончилось памятное засѣданіе единодушнымъ вотированіемъ недовѣрія «безотвѣтственному передъ народнымъ представительствомъ министерству».

Съ точки зрѣнія правовѣрной соціалъ-демократіи, весь міръ дѣлится на пролетаріатъ и эксплоататоровъ. Первый составляютъ люди физическаго труда. Въ категорію вторыхъ входятъ всѣ остальные классы населенія, каковы бы ни были ихъ экономическое положеніе и роль въ существующемъ строѣ капиталистическихъ производственныхъ отношеній.

Такая, болѣе чѣмъ простая, конструкція вполнѣ понятна, какъ протестъ или какъ боевой лозунгъ. Люди физическаго труда занимаютъ въ современномъ обществѣ дѣйствительно исключительно приниженное положеніе, и эта исключительность, объединяя чернорабочаго съ получающимъ сотни рублей въ мѣсяцъ мастеромъ, рѣзко отдѣляетъ ихъ не только отъ владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ или отъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, но также отъ людей науки, писателей, врачей, адвокатовъ и т. д. Ихъ отдѣляетъ необезпеченность заработка, зависимость, иной уровень образованія, а въ Россіи, сверхъ того, все то сложное и многое, что создаетъ людямъ, не занимающимся физическимъ трудомъ, кличку и положеніе «господъ». Но какъ основной принципъ строя общественной жизни, подобная конструкція вызываетъ, мало сказать, сомнѣнія—она вызываетъ полное недоумѣніе.

Это недоумѣніе невольно обращается въ громадный вопросительный знакъ всякій разъ, когда приходится сталкиваться съ практическимъ осуществленіемъ, путемъ созданія факта, тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ требованій соціалъ-демократической программы. Идейное значеніе даннаго требованія въ приложеніи къ жизни и обратная сторона его проведенія внѣ связи со всѣми явленіями и условіями, отъ которыхъ оно зависитъ и которыя зависятъ отъ него, — все это или умышленно игнорируется, или просто не принимается въ соображеніе. Требованіе соотвѣтствуетъ

интересамъ борьбы рабочаго пролетаріата — и этого довольно. Никакая критика, никакой споръ — не допускаются. Какою цѣною покупается осуществленіе требованія, какія слѣдствія оно ведетъ за собой — все равно. Получается впечатлѣніе какой-то невѣроятной узкости. На мѣсто торжества капитала ставится такое же гнетущее, подавляющее торжество физическаго труда... У Льва Толстого есть сказка, въ которой проводится мысль, что царства небеснаго достоинъ только тотъ, у кого ладони рукъ покрыты мозолями. Неужели возможно мозоли на рукахъ понимать не какъ символъ труда вообще, въ противоположность праздности, а въ буквальномъ смыслѣ реальнаго показателя занятія физическимъ трудомъ? Что сталось бы съ человѣчествомъ, если бы исчезъ трудъ умственный или если бы онъ былъ низведенъ на степень лишь допустимой забавы? Жизнь, ея условія и запросы, неизмѣримо сложнѣе, чѣмъ это кажется прямолинейнымъ отрицателямъ всего во имя поднятія положенія рабочаго класса...

Давно уже ведется агитація въ пользу воскреснаго отдыха приказчиковъ, сидѣльцевъ, ремесленниковъ и другихъ группъ рабочихъ, и едва ли можно найти принципіальныхъ противниковъ разрѣшенія вопроса въ смыслѣ предоставленія права каждому трудящемуся отдыхать одинъ день въ недѣлю. Но едва ли можно найти оправданіе тѣмъ, кто, добиваясь отдыха, не останавливаются ни передъ какими неоспоримыми доводами разсудка. Провести всеобщій отдыхъ въ воскресенье во всѣхъ областяхъ приложенія труда такъ же невозможно, какъ невозможно остановить на воскресенье движеніе земли, теченіе рѣкъ—словомъ, все, что живетъ. Если такъ, то почему въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ абсолютное прекращеніе работъ въ воскресные дни возможно, но вызываетъ серьезныя неудобства, не допустить отдыха частичнаго и условнаго? Почему не замѣнить, для части работающихъ и по очереди, воскресный отдыхъ отдыхомъ въ другой любой день недѣли? Вѣдь нельзя же серьезно разсуждать такъ, какъ разсуждала одна газета, поддерживавшая требованія наборщиковъ, чтобы никакія повременныя изданія не выходили въ свѣтъ по понедѣльникамъ. Нельзя говорить и вѣрить своимъ словамъ, что если не всѣ наборщики поголовно будутъ свободны отъ работы по воскресеньямъ, то современному движенію наступитъ конецъ и реакція восторжествуетъ, ибо движеніе лишится

«передовыхъ борцовъ». Вѣдь, несомнѣнно, гораздо большую опасность для движенія представляетъ то, что каждый седьмой день въ недѣлю настроеніе населенія лишается поддержки въ извѣстномъ направленіи и общество знакомится съ фактами и событіями въ освѣщеніи офиціозной прессы.

Всѣ эти мысли снова пришли намъ въ голову по поводу бойкота, объявленнаго союзомъ рабочихъ печатнаго дѣла газетѣ «Двадцатый Вѣкъ». Бойкотъ объявленъ за «противодѣйствіе рѣшенію рабочихъ печатнаго дѣла провести съ 16 апрѣля 1906 года воскресный отдыхъ въ газетѣ». Вчитайтесь въ эту фразу. Союзъ рабочихъ печатнаго дѣла *рѣшилъ* провести воскресный отдыхъ *въ газетѣ*. А спросилъ ли о томъ союзъ другихъ людей труда, вкладывающихъ въ газету трудъ умственный, идейный?—Такъ и слышится отвѣтъ, стереотипно повторявшійся на подобный вопросъ въ октябрѣ и ноябрѣ: «это насъ не касается». Да развѣ такое рѣшеніе не насиліе? Развѣ оно не раскрываетъ того же гнета надъ свободой и правомъ, противъ котораго возстала вся Россія, только съ другого конца?.. И неисполненіе этого «рѣшенія» именуется «противодѣйствіемъ», которое выразилось въ томъ, что администрація выкинула всѣхъ своихъ рабочихъ на улицу! Что же — идейные руководители газетъ должны только молча и безпрекословно повиноваться тѣмъ, кто механически воспроизводятъ ихъ мысли!?

«Вѣстникъ Европы» 1906 г.,
№ 6.

Государственная Дума, военно-уголовные законы и смертная казнь.

Въ изданныхъ 23-го апрѣля «основныхъ государственныхъ законахъ» имѣется ст. 55, которая гласитъ:

«Постановленія по военно-судебной и военно-морской судебной частямъ издаются въ порядкѣ, установленномъ въ сводахъ военныхъ и военно-морскихъ постановленій».

Нисколько не рискуя впасть въ ошибку, можно смѣло сказать, что даже среди юристовъ немногіе вполнѣ точно отвѣтятъ на вопросъ: что скрывается за этими словами, которыя вмѣсто изъясненія порядка изданія военно-уголовныхъ законовъ дѣлаютъ ничего не говорящую ссылку на своды военныхъ и военно-морскихъ постановленій?

Для широкихъ же слоевъ общества, область военнаго законодательства вообще и военно-уголовнаго, въ частности, представляетъ собою нѣчто совершенно неопредѣленное. Ею общество никогда не интересовалось, считая вопросы военнаго права узко-спеціальными и малозначащими съ точки зрѣнія обще-гражданскихъ юридическихъ отношеній.

Припоминаю слѣдующій характерный эпизодъ. Лѣтъ двѣнадцать назадъ, въ засѣданіи петербургскаго юридическаго общества, во время преній по поводу какого-то доклада, одинъ изъ оппонентовъ сталъ аргументировать свою мысль ссылками на доктрины военно-уголовнаго права и на опредѣленія дѣйствующаго военно-уголов-

наго законодательства. Предсѣдатель, извѣстный профессоръ криминалистъ, сейчасъ же его остановилъ, сказавъ, что оппонентъ касается того, что, быть можетъ, весьма интересно и существенно, но изъ присутствующихъ извѣстно ему одному. И сказалъ это предсѣдатель, отнюдь не сожалѣя о невѣжествѣ присутствующихъ, а напротивъ ясно давая понять оппоненту безполезность траты времени на знакомство съ ненужными спеціальными мелочами.

Теперь эти «ненужныя мелочи» себя показали. Цитируя и произвольно толкуя ихъ въ приказахъ, распоряженіяхъ и рѣшеніяхъ временные и постоянные генералъ-губернаторы, начальники карательныхъ отрядовъ и экспедицій и военные суды повѣсили и разстрѣляли въ теченіе полугода многія сотни виновныхъ и невинныхъ. И ссылкою на нихъ же основные законы изъяли изъ рукъ народныхъ представителей законодательную регламентацію тѣхъ нормъ, которыми живетъ цвѣтъ населенія во время прохожденія через ряды арміи, и по которымъ, вмѣстѣ съ военнослужащими, граждане лишаются жизни, отправляются въ каторгу и заключаются въ тюрьмы...

«Полевые» суды въ импровизированномъ составѣ, не считавшіеся ни съ какими формами и обрядами судопроизводства, невѣдомые закону и, однако, дѣйствовавшіе и подъ Москвой, и въ Остзейскомъ краѣ, и ст. 55 основныхъ законовъ — расплата за многолѣтнее высокомѣрное отношеніе людей науки къ области военнаго законодательства. Люди науки не вызвали въ обществѣ интереса къ этой области и не сдѣлали ничего, чтобы широко проникли истинныя о ней представленія.

Если бы было общеизвѣстнымъ фактомъ, что никакихъ «полевыхъ» судовъ, скоропалительно разсматривающихъ дѣла, «въ 24 часа», безъ предварительнаго изслѣдованія, безъ преданія суду и врученія обвинительнаго акта и безъ участія прокуратуры и защиты, по русскимъ законамъ не существуетъ, то несомнѣнно ихъ не рискнулъ бы образовать ни одинъ генералъ-губернаторъ и ни одинъ начальникъ отряда. Если бы было общеизвѣстнымъ фактомъ, какой именно порядокъ установленъ въ сводахъ военныхъ и военно-морскихъ постановленій для изданія законовъ по военной и военно-морской судебнымъ частямъ, то столь же несомнѣнно, что не было бы статьи 55 основныхъ законовъ.

Едва ли самый радикальный составитель ихъ допустилъ бы изъятіе всѣхъ измѣненій, дополненій и отмѣны опредѣленій, касающихся общаго уголовнаго правосудія, изъ вѣдѣнія органовъ законодательной власти съ передачей уголовному кассаціонному департаменту сената. Составителямъ основныхъ законовъ и въ голову, навѣрное, не приходило поставить общій кассаціонный судъ въ положеніе, конкуррирующее съ Государственной Думой и съ Государственнымъ Совѣтомъ. А спеціальные кассаціонные суды—главные военный и военно-морской—они въ это положеніе поставили.

Въ сводѣ военныхъ постановленій о «порядкѣ разсмотрѣнія законодательныхъ вопросовъ» трактуютъ ст. 1075—1089 военно-судебнаго устава (XXIV книга свода). Аналогичныя правила повторены въ военно-морскомъ судебномъ уставѣ (XVIII книга свода).

Право возбужденія законодательныхъ вопросовъ принадлежитъ военному (или морскому) министру. Возбужденные вопросы вносятся въ главный военный (или военно-морской) судъ главнымъ военнымъ (или военно-морскимъ) прокуроромъ. Судъ постановляетъ «заключеніе», на основаніи котораго изготовляется всеподданнѣйшій докладъ, представляемый министромъ «съ его заключеніемъ» на Высочайшее усмотрѣніе. Законодательные вопросы, общіе для военнаго и морского вѣдомствъ, разсматриваются тѣмъ же порядкомъ въ соединенномъ собраніи обоихъ главныхъ судовъ.

Вотъ болѣе чѣмъ упрощенныя формы, замѣняющія сложную систему прохожденія законопроектовъ черезъ два представительныхъ учрежденія. Главному военному суду, въ его законосовѣщательной дѣятельности, не принадлежитъ даже той доли самостоятельности, которая принадлежала прежнему государственному совѣту. Въ сущности главный военный судъ составляетъ только «предварительное» заключеніе, которое министръ снабжаетъ заключеніемъ «окончательнымъ». И послѣ долгихъ лѣтъ изученія законодательныхъ матеріаловъ по вопросамъ матеріальнаго и процессуальнаго военно-уголовнаго права, у меня не сохранилось въ памяти ни одного случая, когда получило утвержденіе предварительное, а не окончательное заключеніе. На практикѣ главный военный судъ является простой законосовѣщательной комиссіей при министрѣ.

Любопытный примѣръ можно привести изъ «соображеній соединеннаго собранія главныхъ судовъ», относящихся къ 1874 г. Соединенное собраніе, желая положить конецъ кулачной расправѣ въ арміи, признало необходимымъ повысить наказанія за нанесеніе побоевъ нижнимъ чинамъ устраненіемъ дисциплинарныхъ взысканій и, слѣдовательно, возможности оканчивать дѣла, безъ преданія суду, т.-е. «домашнимъ порядкомъ». За признаніе этой мѣры въ отношеніи начальниковъ изъ офицеровъ собраніе высказалось единогласно; въ отношеніи же начальниковъ изъ нижнихъ чиновъ—по большинству голосовъ. Въ результатѣ объемъ примѣненія дисциплинарныхъ взысканій къ начальникамъ изъ нижнихъ чиновъ былъ оставленъ прежній, а къ офицерамъ—даже расширенъ.

Такихъ примѣровъ, впрочемъ, немного. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ главный военный судъ никогда и не стремился къ представленію своего собственнаго мнѣнія. Обычно имъ принимается внесенное предложеніе съ одними развѣ редакціонными измѣненіями.

И иначе быть не можетъ. Хотя предсѣдатели и члены главныхъ военнаго и военно-морского судовъ пользуются по закону независимостью, близкой къ праву несмѣняемости, но эта ихъ независимость только бумажная. Лѣтомъ прошлаго 1905 года былъ назначенъ новый военный министръ, а вскорѣ затѣмъ—новый главный военный прокуроръ. И странная вещь! Весь составъ главнаго военнаго суда вдругъ почувствовалъ разстройство здоровья и въ теченіе какихъ нибудь двухъ мѣсяцевъ предсѣдатель и всѣ члены оказались уволенными отъ службы «по прошеніямъ» и по «болѣзни». Они, правда, были людьми преклоннаго возраста, однако, все-таки, одновременное ихъ заболѣваніе вызываетъ невольно сомнѣнія и подозрѣнія...

Итакъ, порядокъ изданія постановленій, о которыхъ говоритъ ст. 55 основныхъ законовъ, состоитъ въ прохожденіи законодательныхъ предположеній черезъ одинъ изъ главныхъ судовъ или черезъ ихъ соединенное собраніе. Для какихъ же именно законодательныхъ предположеній этотъ порядокъ сохраненъ? Другими словами: что такое «постановленія по военно-судебной и военно-морской судебной частямъ?»

Вопросъ этотъ имѣетъ существенно-важное значеніе и является

очереднымъ въ виду того, что Государственная Дума категорично признала необходимость полной отмѣны смертной казни и надняхъ предстоитъ окончательное обсужденіе выработаннаго комиссіей Думы законопроекта.

Смертная казнь установлена, какъ общимъ уголовнымъ уложеніемъ, такъ равно воинскимъ и военно-морскимъ уставами о наказаніяхъ. Относятся ли опредѣленія о ней этихъ уставовъ къ числу постановленій по военно-судебной и военно-морской судебной частямъ? Если да—Государственная Дума лишена формальнаго права сказать: «смертная казнь во всѣхъ случаяхъ ея примѣненія отмѣняется». И вопросъ останется не разрѣшеннымъ, ибо опытъ учитъ, что если наказаніе лишеніемъ жизни сохраняется хоть гдѣ-нибудь въ законодательствѣ, для самыхъ рѣдкихъ исключительныхъ случаевъ, то въ дѣйствительности, путемъ изъятій, оно, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, получаетъ широкое примѣненіе.

Гдѣ въ уголовномъ уложеніи и въ уложеніи о наказаніяхъ сказано, что могутъ быть караемы смертью общія, не политическія, правонарушенія? А на Кавказѣ уже тринадцать лѣтъ, «въ видѣ временной мѣры», карается смертью разбой. Въ раіонѣ Закаспійской и Закавказской желѣзныхъ дорогъ — «всякое» нападеніе на служащихъ дорогъ и на пассажировъ, повлекшее убійство или покушеніе на него или нанесеніе ранъ. Въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на положеніи усиленной охраны—по усмотрѣнію административной власти можетъ быть караемо смертью, при тѣхъ же послѣдствіяхъ, нападеніе на чиновъ войска и полиціи и на должностныхъ лицъ вообще, внѣ всякой связи съ мотивомъ дѣянія... Какъ злокачественная язва, смертная казнь должна быть съ корнемъ вырвана изъ всѣхъ уголовныхъ кодексовъ...

При толкованіи ст. 55 основн. закон. необходимо, прежде всего, помнить, что она есть ограниченіе общаго начала законодательной дѣятельности въ государствѣ, а потому не можетъ быть понимаема иначе, какъ строго ограничительно.

Ст. 1075 и послѣдующія военно-судебнаго устава говорятъ о законодательныхъ вопросахъ, вообще неимѣющихъ «связи съ общими въ государствѣ законами», т.-е. о вопросахъ не только *процессуальнаго*, но и матеріальнаго военно-уголовнаго права.

Статья же 55 основн. зак.—о постановленіяхъ по военно-судебной части.

Понятія очевидно различныя. Второе гораздо тѣснѣе перваго. Уставъ уголовнаго судопроизводства содержитъ правила «по судебной части». Но кто назоветъ сборникомъ постановленій по судебной части уложеніе о наказаніяхъ или уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями? Одинаково не суть «постановленія по военно-судебной части» воинскій и военно-морской уставы о наказаніяхъ. Они относятся къ «военно-судебной части» столько же, сколько и къ части общесудебной, такъ какъ примѣненіе ихъ обязательно и для общихъ судовъ—напр., когда военнослужащій, въ случаяхъ смѣшанной подсудности, судится у мирового судьи или въ окружномъ судѣ.

Съ другой стороны, нельзя забывать, что разбираемая 55 статья есть законъ основной, самымъ фактомъ изданія котораго отмѣняются противорѣчащіе ему законы не основные. А отсюда вытекаетъ, что съ 23-го апрѣля спеціальный порядокъ разсмотрѣнія законодательныхъ вопросовъ, установленный въ кн. XXIV свода военныхъ постановленій и въ книгѣ XVIII свода постановленій военно-морскихъ, сохранилъ силу лишь въ отношеніи процессуальнаго военно-уголовнаго законодательства. Всѣ же вопросы военно-уголовнаго законодательства матеріальнаго—о преступныхъ дѣяніяхъ и наказаніяхъ — подлежатъ разсмотрѣнію, утвержденію и изданію на общемъ основаніи.

Такимъ образомъ, *формальныхъ препятствій для отмѣны Думою смертной казни по военно-уголовнымъ законамъ не существуетъ*. Язва можетъ быть вырвана. Не найдется словъ привѣтствовать тотъ день, когда это совершится...

«XX вѣкъ» 16 іюня 1906 г., № 78.

Что вамъ отвѣтить, Маша?

Я получилъ на-дняхъ городское письмо за подписью «Маша» и безъ адреса.

«Маша»—служитъ прислугой у «господъ» и невѣста городового.

Вотъ содержаніе письма. Мною разставлены только знаки препинанія, которыхъ Маша, хотя она и кончила школу съ отличіемъ, вообще не любитъ, и исправлены нѣкоторыя ошибки.

«И какое вамъ спасибо за то, что вы отмѣнили казнь смертную, а то я просто измучилась, глядючи на своего жениха. Онъ у меня городовой и каждый день, уходя на дежурство, прощается, какъ передъ смертью: «прощайте, Машенька, не поминайте меня лихомъ, ежели казнятъ меня господа соціалисты».

«Я извелась совсѣмъ, слушаючи такія его рѣчи, да за то ужъ сегодня какъ обрадовалась-то, какъ господа прочли, что казнь смертная отмѣнена. Урвалась на минуточку, да и побѣжала на уголъ, обрадовать своего. А онъ и говоритъ:

— Эхъ, Маша, Маша, какая же вы легковѣрная, да малоопытная, а еще школу съ отличіемъ кончили; читаете вы съ господами газеты, да ничего не понимаете. Смертная казнь отмѣняется—это вѣрно, да не для нашего брата. Вѣдь мы что городовые: мужики неотесанные, —и господинъ Кузьминъ-Караваевъ говоритъ, что городовыхъ жалѣть нечего, ихъ убивать можно и слѣдуетъ, а вотъ господъ-то, что зовутъ народъ на смуту и на *живодерство, что кровью* Россію залить собираются,—тѣхъ надо

простить совсѣмъ. А ты, что собака, хоть и никого не тронулъ за всю жизнь, все едино конецъ-то тотъ же выйдетъ: подсунутъ тебѣ бомбу подъ носъ — и прости-прощай жизнь молодая, да и невѣста милая»...

«Тутъ я не выдержала, разревѣлась отъ жалости, ну а потомъ и обозлилась—и говорю:

— «Нѣтъ ужъ, это кто непонятный, такъ вы; и нечего меня школой-то попрекать: каждому ребенку ясно, что если господа въ Думѣ отмѣнили смертную-то казнь, то ужъ никто никого убивать не станетъ, развѣ разбойникъ какой на чей-нибудь капиталъ позарится»...

«А онъ, женихъ-то мой, прочтите, говоритъ, сколько за эти дни городовыхъ по разнымъ городамъ ухлопали. Я — спорить: вѣдь въ этихъ городахъ еще не знали, что казнь отмѣнена, а вотъ узнаютъ—такъ не будутъ больше бить».

«Такъ вѣдь мой Иванъ обозлился даже: пойдите отъ меня, говоритъ; видно, правду говорятъ, что у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ»...

«И такъ-то меня разобидѣлъ, что я и надумала: пойду сама къ господину Кузьмину-Караваеву, узнаю все, да и заткну глотку своему дураку. Да потомъ страшновато стало: а вдругъ и меня ухлопаютъ за то, какъ я невѣста городового. Я и рѣшилась писать вамъ и попросить объяснить въ газетахъ — мои господа много газетъ получаютъ и даютъ и мнѣ читать:—точно ли смертная казнь совсѣмъ отмѣнена»?

Всякаго рода писемъ, преимущественно бранныхъ, члены Думы получаютъ въ послѣднее время великое множество. Про письмо Маши читавшіе его выражали сомнѣніе, не иронія ли его продиктовала. Но мнѣ оно кажется искреннимъ и не поддѣльнымъ. Да если бы это и была поддѣлка подъ искренность прислуги, радующейся отмѣнѣ смертной казни потому, что ей не придется болѣе страшиться за жизнь жениха-городового, то она все-таки заслуживаетъ вниманія.

Ежедневно совершаются убійства городовыхъ, стражниковъ и солдатъ—и ежедневно же телеграфъ сообщаетъ о новыхъ судебныхъ приговорахъ къ смертной казни.

Дума рѣшила: смертную казнь отмѣнить—фактически же ничего не измѣнилось. Въ глазахъ очень и очень многихъ это не

можетъ не быть сцѣпленіемъ рѣжущихъ противорѣчій. Если и министры считаютъ, что прежде революціонеры должны прекратить убійства, а потомъ только законъ можетъ отмѣнить смертную казнь, то возможно ли думать, что эта самая мысль не приходитъ въ голову городовымъ? Если и не для всѣхъ прошедшихъ университетъ вполнѣ ясна роль Государственной Думы въ теоріи и въ условіяхъ настоящей минуты, то легко представить себѣ, какая путаница существуетъ въ головахъ тѣхъ, кто прошелъ начальную школу или не прошелъ никакой. Если газеты, вплоть до «Новаго Времени», не различаютъ террористовъ и членовъ Думы, то какъ не смѣшивать ихъ городовымъ или женамъ и невѣстамъ городовыхъ?

Пусть написавшая мнѣ «Маша» — миѳъ. Какъ мыслитъ этотъ миѳъ, мыслятъ многія тысячи. Пусть они прочтутъ, что я могу сказать на ихъ сомнѣнія и могу ли дать имъ возможность возразить тѣмъ, кто говоритъ, какъ «Иванъ».

Стыдитесь прежде всего, Маша, думать, что если бы вы пришли ко мнѣ или написали за полной подписью и съ указаніемъ адреса, то васъ ухлопали бы потому, что вы невѣста городового. Я, какъ и вашъ женихъ, «никого не тронулъ за всю жизнь». И ничего общаго не имѣемъ съ убійствами и съ убійцами не я одинъ, а мы всѣ, требовавшіе и требующіе отмѣнить смертную казнь.

Скажите, затѣмъ, вашему жениху, что я никогда не говорилъ, что городовыхъ жалѣть нечего и что ихъ убивать можно и слѣдуетъ. И опять — не я одинъ. У всѣхъ насъ кровью обливается сердце при каждомъ новомъ извѣстіи объ убійствѣ городового. И если мы требуемъ отмѣны смертной казни для «господъ, что зовутъ народъ на смуту и на живодерство», то именно для того, чтобы прекратились убійства и городовыхъ.

Сразу ли эти убійства прекратятся, когда будетъ отмѣнена смертная казнь?—Конечно, нѣтъ. Сразу, изданіемъ закона, можно остановить или измѣнить только то, что дѣлается по закону. Убивающіе же городовыхъ — преступники и поступаютъ они вопреки закону, за что и съ отмѣною смертной казни ихъ будутъ наказывать, только не смертью, а каторгой.

Зачѣмъ и почему они убиваютъ городовыхъ—причинъ много. *Но одна* изъ нихъ — озлобленіе за то, что ихъ единомышленни-

ковъ вѣшаютъ и разстрѣливаютъ. Не будетъ этой причины—и убійства городовыхъ,—если не совсѣмъ и не сразу прекратятся, то сразу же станутъ рѣже. А затѣмъ, Богъ дастъ, наступитъ миръ и убивать безвинныхъ городовыхъ больше не будутъ вовсе.

Государственная Дума 19-го іюня рѣшила отмѣнить смертную казнь по закону, т.-е. по приговору судовъ. Однако, радоваться еще рано. Надо еще, чтобы согласился съ этимъ Государственный Совѣтъ и чтобы потомъ отмѣна смертной казни была утверждена Государемъ.

Станемте, Маша, надѣяться, что такъ и будетъ, и что отмѣна смертной казни положитъ начало для другихъ мѣръ, за которыми, наконецъ, настанетъ такое время, когда, отправляясь на дежурство, вашему жениху не придется прощаться съ вами, «какъ передъ смертью»...

«XX вѣкъ» 28 іюня 1906 г.,
№ 89.

Отвѣтъ г. Калинину.

Читатели «XX Вѣка», быть можетъ, помнятъ, что мною было получено письмо отъ прислуги «Маши», которое, какъ показавшееся мнѣ характернымъ и искреннимъ, я напечаталъ вмѣстѣ съ нѣсколькими словами въ разъясненіе естественно возникшихъ въ головѣ «Маши» недоумѣній и сомнѣній.

Это обстоятельство, далеко не первостепенной важности, дало мнѣ возможность обогатить свои знанія. Во-первыхъ, я узналъ, что въ Москвѣ издается газета «Русская Земля». Во-вторыхъ — что есть на свѣтѣ нѣкто, пишущій въ этой газетѣ подъ псевдонимомъ «Калининъ». Въ-третьихъ — что этотъ нѣкто — большой мастеръ браниться и измышлять новыя бранныя слова, вродѣ «словоблудъ».

Г. Калининъ въ № 99 газеты помѣстилъ посвященную мнѣ статью и снабдилъ ее слѣдующимъ post-scriptum'омъ:

«Этотъ № я отправляю въ Петербургъ, на имя члена Государственной Думы Кузьмина-Караваева. Онъ долженъ отвѣтить печатно и возбудить противъ меня судебное преслѣдованіе. Имя и званіе свое я открою по первому требованію».

Исполняю въ первой половинѣ желаніе г. Калинина.

— Не бранитесь. Если вы сторонникъ сохраненія въ уголовномъ законодательствѣ смертной казни, то оспаривайте мои доводы чѣмъ хотите, только не бранью. Бранныя слова неубѣдительны. Согласитесь сами: что изъ того, что я, по вашей терми-

нологіи, «прихвостень жидовъ», «предатель родины», «жалкій думскій болтунъ», «опытный словоблудъ» и «заштатный профессоръ»? Развѣ отъ этого моя аргументація въ пользу отмѣны смертной казни дѣлается слабѣе?

— Что же касается второй половины вашего желанія, то я ее не исполню: судебнаго преслѣдованія противъ васъ возбуждать не буду. Именемъ и званіемъ вашимъ я нисколько не интересуюсь. Общественное значеніе подобнаго процесса было бы совершенно ничтожно. Не вы первый пользуетесь печатнымъ станкомъ для употребленія выраженій, употреблять которыя вообще не принято. А какъ частный человѣкъ, я, прочитавъ вашу статью, оскорбленнымъ себя не почувствовалъ.

«ХХ вѣкъ» 3 іюля 1906 г.,
№ 95.

За немедленную отмѣну смертной казни.

I.

Рѣчь въ засѣданіи Государственной Думы 3 мая 1906 г. при обсужденіи отвѣтнаго адреса.

Какъ криминалистъ, я не безъ волненія вхожу на каѳедру. Я не могу говорить безъ волненія потому, что въ адресѣ, который будетъ представленъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь, есть рѣшеніе одного изъ самыхъ больныхъ, самыхъ жгучихъ вопросовъ научной мысли. Здѣсь сказано: смертная казнь никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть назначаема. Эта мысль волнуетъ людей науки уже болѣе ста лѣтъ—и она сейчасъ близка къ осуществленію. То сдержанное негодованіе, которымъ были встрѣчены вчера Государственною Думою слова представителя г. Екатеринослава, члена Государственной Думы, Способнаго,—это сдержанное негодованіе свидѣтельствуетъ о томъ, что слова эти никоимъ образомъ не будутъ выкинуты изъ адреса, и что Государственная Дума на первую очередь поставитъ вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни, не въ формѣ словъ, не въ формѣ заявленія или требованія, а въ формѣ опредѣленнаго законопроекта.

Что мы слышали вчера отъ г. Способнаго? Мы слышали, что будто бы тѣ, кто требуетъ отмѣны смертной казни, стоятъ на

почвѣ какой-то сантиментальности, что они не могутъ видѣть крови. Мы слышали сравненіе могущественнаго государства, которое закономѣрно убиваетъ людей, которое убиваетъ ихъ рукой палача, по судебному приговору, съ тѣмъ гражданиномъ, который ѣстъ устрицы или употребляетъ непрожаренный ростбифъ. Но было въ словахъ г. Способнаго и другое. Онъ говорилъ намъ: а что вы скажете, когда вамъ придется столкнуться съ измѣнникомъ отечества? Г. Способному кажется, что на измѣну отечеству нѣтъ и не можетъ быть иного отвѣта, какъ смертная казнь. Когда наступитъ такъ страстно мною желаемое время, и мы будемъ разсматривать уже законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, тогда я — и многіе другіе вмѣстѣ со мною — мы докажемъ г. Способному и всѣмъ сомнѣвающимся, что смертная казнь ни при какихъ условіяхъ не должна и не можетъ быть назначаема. *(Апплодисменты).*

Мы докажемъ, что нельзя, убивая человѣка по суду, ставить вопросъ: за что?—а надо ставить вопросъ: зачѣмъ? И когда вы поставите такъ вопросъ, то вамъ станетъ ясна вся ненужность кары смертью. Я спрашиваю васъ, зачѣмъ убивать, зачѣмъ вѣшать измѣнниковъ отечества? Неужели государство такъ слабо, что не можетъ обезвредить ихъ на будущее время? Нѣтъ, оно безконечно сильно, и если оно вѣшаетъ, то въ немъ говоритъ только остатокъ очень, очень стараго — остатокъ кровожадной мстительности... Въ смертной казни всего отвратительнѣе кровожадная мстительность. Въ ней всего ужаснѣе безповоротность. Мстительность требуетъ безповоротной кары, и въ томъ, что смертная казнь безповоротна, въ этомъ и коренится источникъ торжества для мстительнаго чувства человѣка.

Зачѣмъ людей вѣшаютъ, разстрѣливаютъ? Какой въ этомъ смыслъ? Что бы человѣкъ ни совершилъ, вѣдь то, что онъ совершилъ,—это уже отошло въ прошлое; въ данный моментъ онъ или уже безвреденъ, или отъ государства зависитъ его обезвредить. А намъ говорятъ, что мы требуемъ отмѣны смертной казни по соображеніямъ сантиментализма! Нѣтъ, господа, лишеніе жизни вообще есть одно, а смертная казнь — другое. До тѣхъ поръ, пока будетъ война,—будутъ убійства. Но тамъ—убійство равными равныхъ, тамъ убійство тѣми, которые и сами могутъ быть убитыми. А въ смертной казни ужасно то, что властный убиваетъ

подвластнаго. Властный уже захватилъ человѣка, онъ можетъ съ нимъ сдѣлать, что хочетъ. Онъ его убиваетъ со спокойнымъ разсчетомъ, онъ его убиваетъ черезъ палача, по судебному приговору. Какъ можно сравнить это убійство съ какой бы то ни было иной формой лишенія жизни? Тутъ нѣтъ аналогіи, тутъ нѣтъ никакого подобія необходимой обороны...

Всѣ эти соображенія такъ ясны и просты. Но почему же вопросъ до сихъ поръ не рѣшенъ? — Причинъ много. Я не буду, конечно, останавливаться на изложеніи вопроса во всемъ его объемѣ. Но я не могу не отмѣтить, что въ Россіи смертная казнь, какъ наказаніе, всегда встрѣчала отпоръ. 25 лѣтъ тому назадъ покойный философъ Соловьевъ въ своей извѣстной рѣчи сказалъ: смертная казнь претитъ духу русскаго народа.

Да, вспомните русскую литературу, вспомните, наконецъ, то, что на Западѣ кое-когда появляются и теперь научныя теоріи, стремящіяся возродить смертную казнь, какъ правовой институтъ. Въ Россіи же съ тѣхъ поръ, какъ мы можемъ считать, что у насъ есть научное уголовное право, не было ни одного сколько-нибудь замѣтнаго криминалиста, который не стремился бы вложить и свою лепту для того, чтобы въ общественное сознаніе глубже и глубже проникала мысль о необходимости скорѣйшей отмѣны смертной казни. Въ 1882 году приступлено было къ составленію уголовнаго уложенія. Редакціонная комиссія, состоявшая изъ 5—6 крупнѣйшихъ криминалистовъ, — между ними нѣкоторые живы еще до сихъ поръ, — единогласно признала, что наступило время, когда Россія можетъ отказаться навсегда отъ смертной казни. Но комиссія поступила такъ, какъ поступали всѣ бюрократическія комиссіи: она не рискнула построить проектъ на отмѣнѣ смертной казни. Казнь осталась, она существуетъ и еще никогда такъ не давала себя чувствовать, какъ въ послѣднее время. Кто-то сосчиталъ, что съ декабря мѣсяца въ Россіи— не убито при вооруженномъ сопротивленіи, нѣтъ — но разстрѣляно и повѣшено, безъ суда или по судебнымъ приговорамъ, болѣе 600 человѣкъ. Эта цифра ужасающая, и эта цифра вамъ показываетъ лишній разъ, что въ смертной казни главный руководящій мотивъ, — именно кровожадная мстительность. Ея хотятъ; борющійся хочетъ сдѣлать свое рѣшеніе безповоротнымъ; *но что изъ* этого получается? Получается, какъ и при всякой

смѣнѣ государственнаго строя, вотъ что: тотъ, кто вчера былъ убитъ, сегодня не былъ бы уже преступникомъ, не подлежалъ бы никакому наказанію. Вѣдь вспомните, господа: если одна сторона такъ дѣйствовала, то и другая сторона такъ же дѣйствуетъ. Вспомните французскаго короля, который во время революціи погибъ, погибъ не отъ руки убійцъ, а на основаніи формальнаго закона, погибъ отъ руки палача, погибъ въ силу и по рѣшенію той законной власти, которая была таковой въ данный моментъ.

Но намъ говорятъ: прежде, чѣмъ отмѣнить смертную казнь, пусть прекратятся политическія убійства. Постоянно приходится слышать, что смертная казнь стоитъ въ причинной связи съ политическими убійствами. Я этого не оспариваю, я это признаю; но гдѣ причина, и гдѣ слѣдствіе—еще вопросъ и вопросъ очень большой. Не въ политическихъ убійствахъ причина сохраненія смертной казни, а съ гораздо большимъ правомъ можно сказать, что причина политическихъ убійствъ въ смертной казни. Сохраняя за собою право на кровожадное мщеніе, государство при своемъ могуществѣ не можетъ не вліять на нравы общества. Оно поддерживаетъ тѣ же кровожадные инстинкты, развитые въ обществѣ. Кто долженъ начать, съ чего надо начать? Неужели же можно такъ ставить вопросъ: пусть прекратятъ частныя лица, люди, признаваемые закономъ преступниками, пусть они прекратятъ свои убійства,—и тогда государство уничтожитъ смертную казнь. Да можно ли, господа, такъ ставить вопросъ? Государство должно дѣйствовать совершенно независимо отъ этого. Государство должно знать и помнить каждую минуту, что его опредѣленія имѣютъ воспитательное значеніе для всего общества, и если государство считаетъ, что смертная казнь не нужна, то этого уже достаточно для того, чтобы ее отмѣнить, вовсе не думая о томъ, существуютъ или нѣтъ политическія убійства.

Я крайне опасаюсь, что нашему заявленію въ адресѣ, которое, по моему мнѣнію, такъ вѣрно выражаетъ настроеніе народа, будутъ противопоставлены ссылки на недавно пролитую кровь, на недавно вновь совершенныя политическія убійства. Не потому я горячо высказываюсь за отмѣну смертной казни, чтобы я не былъ подъ впечатлѣніемъ убійства командира петербургскаго порта, убійства екатеринославскаго генералъ-губернатора и даже, прибавлю, убійства Георгія Гапона. Нѣтъ, я нахожусь подъ силь-

нѣйшимъ впечатлѣніемъ пролитой крови. Я всей душой, всѣмъ сердцемъ готовъ протестовать противъ этихъ убійствъ, но съ тѣмъ большей горячностью я призываю къ отмѣнѣ смертной казни. (*Апплодисменты*).

II.

Рѣчь въ засѣданіи Государственной Думы 18 мая 1906 г. при первоначальномъ обсужденіи законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни.

Законопроектъ, представленный на обсужденіе Государственной Думы членомъ ея Набоковымъ, не былъ для Думы неожиданнымъ. Еще при обсужденіи адреса въ отвѣтъ на тронную рѣчь не разъ высказывалось, что законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни будетъ внесенъ въ ближайшее время. И не только въ законопроектъ предполагалось внести указаніе на необходимость немедленной пріостановки смертныхъ приговоровъ, но это же прямо было занесено въ отвѣтный адресъ. Но, конечно, если намъ приходится обсуждать или касаться обсужденія этого законопроекта сегодня, то ускореніе внесенія его вызвано тѣмъ ужаснымъ событіемъ, которое имѣло мѣсто 16 мая около Риги. Тамъ разстрѣляно 8 человѣкъ, тамъ опять пролилась кровь по закону, по приговору суда, тамъ опять совершено закономѣрное убійство. Государственная Дума рѣшительно высказалась противъ смертной казни, и, казалось, что лишеніе жизни по суду, если не отошло уже въ прошлое, то наступилъ перерывъ въ примѣненіи этой высшей уголовной кары. Съ 27 апрѣля ни одинъ приговоръ къ смерти не получалъ утвержденія. Напротивъ, постоянно приходилось читать, что приговоръ смягченъ, и наказаніе смертью замѣнено другимъ. А теперь, въ первый разъ послѣ 27 апрѣля, приведенъ въ исполненіе приговоръ надъ 8 лицами. Гдѣ причина этого явленія?

Мы не знаемъ подробностей дѣла, мы не знаемъ фактической обстановки дѣянія, въ которомъ признаны виновными эти 8 лицъ; *но едва ли* можетъ быть сомнѣніе, что то убійство, за которое

они судились и осуждены, мало чѣмъ отличается отъ другихъ однородныхъ, совершавшихся въ Россіи. Скорѣе можно думать, что настоящая смертная казнь явилась отвѣтомъ на участившіяся за послѣдніе дни политическія убійства, что она была намѣреннымъ отвѣтомъ на политическія убійства, совершившіяся за послѣднее время въ Варшавѣ, Тифлисѣ, Кутаисѣ, Севастополѣ и еще во многихъ, многихъ городахъ. Связь тутъ существуетъ, и даже необходимость этой связи какъ будто усматривалась нѣкоторыми членами Государственной Думы, тѣми ея членами, которые требовали включенія въ отвѣтъ на тронную рѣчь рядомъ съ амнистіей и требованіемъ отмѣны смертной казни — осужденія политическихъ убійствъ.

Я позволилъ себѣ затруднить ваше вниманіе именно для того, чтобы попытаться разбить этотъ миражъ, разбить то заблужденіе, которое заставляетъ нѣкоторыхъ людей связывать оба явленія и говорить такъ: «да, пусть не будетъ смертной казни, но пусть не будетъ и политическихъ убійствъ. Пусть тогда не будетъ смертной казни, когда не будетъ политическихъ убійствъ». Глубокое заблужденіе! Глубокое заблужденіе думать, что смертная казнь можетъ прекратить политическія убійства. Это такое же глубокое заблужденіе, какъ и то, если утверждать, что Государственная Дума, вынося свои рѣшенія о томъ, что включать и чего не включать въ отвѣтный адресъ, не содрогалась передъ кровью, проливаемой на улицахъ всѣхъ нашихъ городовъ. Можно ли безъ содроганія читать телеграмму изъ Севастополя: было покушеніе на коменданта, брошена бомба, нѣсколько человѣкъ убито, нѣсколько ранено; убиты и ранены люди, случайно находившіеся на мѣстѣ? Можно ли безъ содроганія читать телеграмму съ Кавказа: было покушеніе на генерала Алиханова, одинъ сопровождавшій его казакъ убитъ, два казака ранены? Можно ли безъ содроганія читать извѣстія объ убійствахъ городовыхъ, низшихъ агентовъ полицейской власти? Вѣдь эти городовые — чѣмъ они повинны? Вѣдь они повинны только тѣмъ, что у нихъ тоже есть семьи, что они тоже голодны, что они тоже хотятъ ѣсть. Политическія убійства, какъ мы ихъ видимъ въ настоящее время, это не то явленіе, которымъ были тѣ же убійства, длинный ихъ рядъ, начавшійся съ 60-хъ годовъ. Въ 60-хъ и до начала 80-хъ годовъ мы видѣли передъ собою рядъ отдѣльныхъ политическихъ

убійствъ. Это были отдѣльные, спорадическіе случаи. Въ каждомъ изъ нихъ, въ каждомъ такомъ фактѣ, проанализировавъ его, можно было видѣть спокойный, холодный разсчетъ, обдуманное, сознательное дѣйствіе. Но тѣ убійства, которыя сейчасъ совершаются, представляютъ собой явленія иного порядка. Когда убиваютъ городовыхъ, когда убиваютъ солдата, стоящаго на посту, когда стрѣляютъ и бросаютъ бомбы дѣти, гимназисты, тогда нельзя не признать, что мы стоимъ предъ явленіемъ эпидемическимъ, предъ формой массоваго психоза. Какъ бываютъ эпидеміи самоубійствъ, такъ бываютъ эпидеміи убійствъ. И если нецѣлесообразно бороться смертной казнью противъ холодныхъ, разсчитанныхъ, обдуманныхъ убійствъ, то бороться смертной казнью противъ той крови, которая проливается въ силу эпидеміи, охватившей страну — вдвойнѣ нецѣлесообразно. Между тѣмъ вотъ на эту-то кровь отвѣтомъ и служитъ убійство отъ руки палача, отвѣтомъ и служатъ сплошныя смертныя казни... Устрашеніе? Да гдѣ справедливость, гдѣ правда, когда человѣка убиваютъ и наказываютъ смертью не за то, что онъ совершилъ, а для того, чтобы другіе впослѣдствіи не совершали преступленій? Гдѣ здѣсь намекъ на правду, на справедливость? Да и можно ли устрашить того, кто идетъ на политическое убійство? Его устрашить казнью нельзя: въ его сознаніи создается представленіе о мученичествѣ, онъ дѣлается героемъ въ своихъ глазахъ. Человѣческая психологія ясно говоритъ, что борьба съ политическими убійствами смертной казнью нецѣлесообразна до послѣдней степени.

Бороться съ ужаснымъ явленіемъ, свидѣтелями котораго мы бываемъ каждый день, нужно инымъ способомъ: устраненіемъ причинъ, вызвавшихъ это явленіе, устраненіемъ того, что обусловливаетъ собой и вызываетъ политическія убійства, что обусловливаетъ существованіе ненормальныхъ явленій въ нашемъ отечествѣ. Такихъ причинъ, конечно, много, но одна изъ нихъ и не послѣдняя, а едва ли не первая — смертная казнь. Вспомните, господа, дѣло Спиридоновой! Что заставило ее убить Луженовскаго?—Тѣ звѣрства и тѣ казни, которыя совершалъ Луженовскій. Они явились непосредственнымъ импульсомъ, заставившимъ ее пойти на убійство. И если съ этой точки зрѣнія вы проанализируете каждый случай, вы непремѣнно всегда устано-

вите преемственную связь и зависимость. Вамъ ясно представится каждое совершенное политическое убійство, какъ слѣдствіе, какъ результатъ. А говорятъ, что тогда можно отмѣнить смертную казнь, когда прекратятся политическія убійства! Да они не могутъ прекратиться, пока не будетъ отмѣнена смертная казнь!..

Не въ этихъ стѣнахъ, но за стѣнами Государственной Думы поднялись и поднимаются голоса протеста противъ отмѣны смертной казни. Намъ приходится читать требованія о ея сохраненіи. Я не буду входить въ разборъ телеграммъ, печатаемыхъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Да, есть люди извѣстнаго образа мыслей, извѣстнаго настроенія; и было бы странно, если бы у насъ не было людей именно такого настроенія, такого образа мыслей. Но что же изъ этого? Можно ли говорить, что требованіе страны: сохраненіе смертной казни и отказъ отъ амнистіи? Можно ли это утверждать? Вся страна, которая посылала насъ, нашими устами единогласно сказала: долой смертную казнь! конецъ страданіямъ! конецъ мукамъ! конецъ заключеніямъ и ссылкамъ!..

Смертная казнь должна быть немедленно отмѣнена: но возможно ли это сдѣлать сегодня или завтра, какъ здѣсь предлагалось? Господа народные представители! Мы вѣдь не въ общественномъ собраніи, мы въ Государственной Думѣ. Государственная Дума можетъ выносить только обоснованныя рѣшенія; Государственная Дума можетъ принимать только обоснованный законопроектъ, а отнюдь не краткую, сжатую резолюцію. Законопроектъ долженъ быть разработанъ и долженъ быть твердо обоснованъ. А что дальше? Удастся ли нашему законопроекту пробить брешь,— гадать не приходится. Но невозможно заранѣе не признавать за нашимъ рѣшеніемъ громаднаго нравственнаго авторитета. Мы пользуемся этимъ авторитетомъ, мы имъ пользуемся въ странѣ, и его не признаютъ только внѣшнимъ образомъ, можетъ быть, министры, но они не могутъ съ нимъ не считаться. Но дальше? Государственный Совѣтъ не убѣдится нашими доводами, или онъ убѣдится, но въ концѣ концовъ законъ не получитъ осуществленія—что тогда? Членъ Государственной Думы Поярковъ говорилъ: «а дальше надо ѣхать домой». «Дальше, выразился онъ, намъ не честно получать деньги и здѣсь оставаться». Не для того,

чтобы получать деньги, собрались мы сюда. И когда мы задаемся вопросомъ, оставаться намъ или не оставаться, тогда, конечно, деньги не могутъ склонить нашего рѣшенія ни въ ту, ни въ другую сторону. Можемъ ли мы уйти домой? — Нѣтъ, мы уйти домой не можемъ! Мы не можемъ нарушить того обѣщанія, которое дали нашимъ избирателямъ. Мы не можемъ уйти домой и мы не уйдемъ, не смѣемъ уйти! Господа народные представители! Насъ посылали для работы, и кто изъ насъ въ день избранія мечталъ, что работа будетъ легка, что не придется постоянно видѣть передъ собой стѣну, которую надо пробивать и которую сразу вдругъ пробить нельзя? Намъ надо работать и, опираясь на свой нравственный авторитетъ, направлять нашу дѣятельность на то, чтобъ изъ этой стѣны выбивался одинъ камень за другимъ. И насъ должна охватывать вѣра, что эта стѣна въ концѣ концовъ рухнетъ, что правда восторжествуетъ. Но правда торжествуетъ не скоро и торжествуетъ не безъ труда. Если мы уйдемъ отсюда, если мы рѣшимся на самоубійственный актъ, то мы совершимъ глубочайшую, грубѣйшую историческую ошибку. Мы совершимъ то, за что придется расплачиваться ужасами всей странѣ, всей родинѣ. Я искренно вѣрю, что мы не забыли и не забудемъ клятвы, которую давали своимъ избирателямъ, и что мы отсюда никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не уйдемъ. (*Продолжительные апплодисменты*).

III.

Рѣчь въ засѣданіи Государственной Думы 1-го іюня 1906 г. по поводу объясненій представителя военнаго министра.

Господа народные представители! Я просилъ слова, не для того, конечно, чтобы полемизировать съ представителемъ военнаго министра или убѣждать его въ чемъ-либо. Я просилъ слова для того, чтобы попытаться объективно выяснить, какое значеніе съ юридической точки зрѣнія имѣетъ выслушанный нами сейчасъ отвѣтъ представителя военнаго министра и какую цѣну имѣетъ этотъ отвѣтъ.

Въ сущности, что мы выслушали? Развѣ мы выслушали отвѣтъ на запросъ? Государственная Дума спрашивала военнаго министра, какія имъ приняты мѣры для того, чтобы было пріостановлено исполненіе смертной казни. А что мы услышали въ отвѣтъ? Часть отвѣта мы услышали передъ началомъ засѣданія. Я думаю, вы помните—у меня осталась въ памяти фамилія Рубинштейна. По дѣлу Рубинштейна военный министръ сообщилъ предсѣдателю Думы, что запросъ имъ переданъ по принадлежности министру внутреннихъ дѣлъ, и просилъ, чтобы Дума впредь съ подобнаго рода запросами къ нему не обращалась. А сейчасъ представитель военнаго министра давалъ по этому запросу объясненія. Вы обратили на это вниманіе? Представитель военнаго министра сказалъ,—его слова можно формулировать очень кратко: все сдѣлано по закону, генералъ-губернаторъ дѣйствовалъ по закону, и военный министръ въ утвержденіе приговоровъ никакого права вмѣшательства не имѣетъ. Да, и Государственная Дума знала, что судъ дѣйствовалъ по закону и что генералъ-губернаторъ, утверждая приговоръ и отмѣняя право кассаціоннаго обжалованія, тоже дѣйствовалъ по закону. Мы это знали. Но, вѣдь, если бы мы считали, что они дѣйствуютъ и дѣйствовали не по закону, — развѣ такъ былъ бы формулированъ нашъ запросъ? Вѣдь, если бы генералъ-губернаторъ отмѣнилъ право подачи кассаціонной жалобы, не будучи на то уполномоченъ закономъ,— мы спросили бы не о мѣрахъ, принятыхъ военнымъ министромъ, а мы спросили бы, преданъ ли генералъ-губернаторъ суду и казненъ ли онъ уже? Я, именно, подчеркиваю, *казненъ ли онъ уже*, потому что въ огражденіе населенія отъ злоупотребленій, именно, со стороны военно-служащихъ въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, установлено усиленное наказаніе, и за убійство положена смертная казнь. Между тѣмъ, если бы тотъ администраторъ, который, не будучи уполномоченнымъ отмѣнять право кассаціонной жалобы, сдѣлалъ это и вопреки закону распорядился привести въ исполненіе смертную казнь, то онъ совершилъ бы то дѣяніе, которое называется на юридическомъ языкѣ «предумышленнымъ убійствомъ посредствомъ превышенія своей власти». И мы въ этомъ случаѣ сказали бы: генералъ-губернаторъ не имѣлъ права утверждать приговора, онъ совершилъ убійство, всѣ сроки на сужденіе его уже истекли—сокращенные

сроки, установленные для военнаго времени, — почему же надъ нимъ приговоръ о смертной казни не приведенъ въ исполненіе?

Мы знали законъ, но мы знали также и то, какой внутренній смыслъ имѣетъ право высшей военной власти отмѣнять кассаціонное обжалованіе. Это право установлено для судовъ въ военное время, подъ которымъ разумѣется время войны съ иностраннымъ государствомъ. Представьте себѣ условія Портъ-Артура въ прошломъ году. Вотъ условія, для которыхъ написанъ этотъ законъ. Тамъ, если бы не было права отмѣнять кассаціоннаго производства, то вѣдь ни одинъ преступникъ ни за какое дѣяніе не могъ бы никогда понести наказанія. Крѣпость была отрѣзана отъ всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ. Тамъ былъ судъ для разсмотрѣнія дѣлъ по существу, а судъ кассаціонный находился въ Харбинѣ. И если бы за мѣстной военной властью не было права отмѣнять кассаціоннаго производства или не было права пользоваться спеціальными формами такового производства, то за восемь мѣсяцевъ ни одинъ приговоръ не былъ бы приведенъ въ исполненіе. А что, спрошу я, въ Ригѣ тѣ же самыя условія? Что, Рига—тоже сейчасъ отрѣзана отъ сообщенія со всѣмъ міромъ? Что, изъ Риги нельзя переслать въ Петербургъ кассаціонную жалобу?

Съ другой стороны, еще нѣкоторое оправданіе можетъ имѣть такого рода порядокъ въ быстротѣ производства военно-судебныхъ дѣлъ, въ быстротѣ, которая на войнѣ необходима. Но и тамъ, конечно, необходима быстрота постольку, поскольку она не нарушаетъ элементарной справедливости. Но вѣдь преступленіе, за которое судили въ Ригѣ 8 человѣкъ, повѣшенныхъ или разстрѣлянныхъ, было совершено три или четыре мѣсяца тому назадъ, а на все кассаціонное производство потребовалась бы какая-нибудь недѣля, самое большее двѣ недѣли.

Далѣе, военный министръ не можетъ не знать, что право отмѣны кассаціоннаго производства давало уже не одинъ разъ примѣры грубѣйшихъ судебныхъ ошибокъ. Еще въ 1894-мъ году въ Иркутскѣ были преданы суду для сужденія по законамъ военнаго времени нѣкіе Дмитріевъ и Степановъ, и одинъ изъ нихъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Приговоръ состоялся явно незаконно, ибо подсудимый былъ признанъ виновнымъ въ *покушеніи на убійство*, за что смертная казнь не можетъ быть на-

значена. Генералъ-губернаторъ, онъ же мѣстный командующій войсками, отмѣнилъ право кассаціоннаго обжалованія, и приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Въ то время смертныхъ казней было немного; случай обратилъ на себя вниманіе печати, и дѣло стало извѣстно въ Петербургѣ. Была выяснена полная неправильность судебнаго рѣшенія, весь составъ суда былъ привлеченъ къ дисциплинарной отвѣтственности и понесъ служебное взысканіе. Этотъ фактъ былъ извѣстенъ военному министру, и онъ не могъ не знать, что судебная ошибка всегда возможна. Опытъ показалъ, что такія ошибки бываютъ. Я привелъ одинъ примѣръ, но могъ бы привести десятокъ.

Я спрашиваю, развѣ приведенныя мною юридическія основанія не были достаточны для военнаго министра, чтобы вмѣшаться въ данномъ случаѣ въ дѣйствія органовъ судебной власти? Я подчеркиваю: юридическія основанія, — принимая во вниманіе не букву закона, а духъ его, смыслъ. Власть, когда ей это удобно, чрезвычайно любитъ прикрываться непоколебимостью судебныхъ приговоровъ и рѣшеній: «мы не имѣемъ право вмѣшиваться». Вы слышали, какъ это съ каѳедры говорилъ представитель военнаго министерства. А я бы спросилъ, имѣлъ ли право вмѣшиваться военный министръ въ недавно состоявшійся приговоръ военно-окружного суда, которымъ солдатъ былъ присужденъ къ заключенію въ военную тюрьму за низшую форму нарушенія воинской дисциплины? Приговоръ вошелъ въ силу, и подсудимый уже былъ отправленъ для отбытія наказанія. Военный министръ нашелъ нужнымъ вмѣшаться въ это дѣло. Было предписано возстановить кассаціонный срокъ и представить протестъ, и главный военный судъ, въ порядкѣ исправленія приговора, вмѣсто военной тюрьмы отправилъ осужденнаго въ исправительное арестантское отдѣленіе съ лишеніемъ правъ. Это—фактъ, имѣвшій мѣсто всего 2—3 мѣсяца тому назадъ. А почему забылъ представитель военнаго министра, какъ онъ вмѣшивался въ вошедшій въ силу судебный приговоръ, присудившій лицо къ каторжнымъ работамъ за политическое преступленіе? Дѣло было вытребовано въ Петербургъ, и здѣсь каторга была замѣнена смертной казнью. Это—тоже фактъ. Пускай не прикрываются тѣмъ, что вмѣшиваться въ рѣшеніе суда министерская власть не можетъ и что она не вмѣшивается. Она вмѣшивается, когда требованіе посту-

паетъ къ министерству со стороны ли мѣстной власти, со стороны ли какихъ-нибудь вліятельныхъ лицъ. А въ данномъ случаѣ? Въ данномъ случаѣ высшій законодательный органъ въ Имперіи высказалъ свой взглядъ на смертную казнь. Дума указала въ отвѣтномъ адресѣ Государю Императору на необходимость немедленной пріостановки исполненія смертныхъ приговоровъ. Что мы услышали въ отвѣтъ на это? Военный министръ прикрылся закономъ: «законъ мнѣ не даетъ права вмѣшиваться». Нѣтъ, онъ не только давалъ право вмѣшаться, но военный министръ обязанъ былъ снестись съ мѣстнымъ генераломъ-губернаторомъ. Препятствій для этого онъ не имѣлъ, и онъ только показалъ своею дѣятельностью... я не смѣю назвать, какое отношеніе къ Государственной Думѣ... *(Долго не смолкающіе аплодисменты).*

IV.

Рѣчь въ засѣданіи Государственной Думы 16-го іюня 1906 г. при обсужденіи запроса по дѣлу Папая.

Я прошу позволенія отнять нѣсколько времени у васъ, очень немного — для того, чтобы выяснить юридическую сторону настоящаго случая. Вы выслушали уже изъ запроса, что Папай присужденъ главнымъ военнымъ судомъ къ смертной казни, что онъ несовершеннолѣтній, и вы слышали также, что судъ, разсматривавшій дѣло по существу, мѣстный военно-окружный судъ, назначилъ ссылку въ каторжныя работы, а главный военный судъ, въ порядкѣ исправленія приговора, примѣнилъ смертную казнь. Да, дѣйствительно, въ нашемъ военно-судебномъ уставѣ, кстати сказать, никогда не разсматривавшемся ни въ какомъ законодательномъ учрежденіи, въ уставѣ, который не проходилъ ни черезъ государственный совѣтъ, ни даже черезъ военный совѣтъ, въ уставѣ, который былъ выработанъ спеціальной комиссіей подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Гурко и далѣе никакому разсмотрѣнію не подвергался,—въ этомъ уставѣ, дѣйствительно, существуетъ правило, на основаніи котораго главный *военный судъ,* въ порядкѣ исправленія приговора, можетъ самъ

мѣнять наказанія, не обращая дѣла, для новаго разсмотрѣнія, въ мѣстный военно-окружный судъ.

Но и тутъ все-таки есть существенное ограниченіе, и здѣсь все-таки говорится о правѣ главнаго военнаго суда, путемъ исправленія приговора, мѣнять наказанія лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстный военно-окружный судъ сдѣлалъ явную ошибку. Между тѣмъ, по закону, военно-окружный судъ, приговорившій Папая, вмѣсто смертной казни, къ ссылкѣ въ каторжныя работы, безусловно никакой ошибки не сдѣлалъ, онъ сдѣлалъ только то, что въ силу закона былъ обязанъ сдѣлать. Правда, у насъ есть законъ и есть къ нему толкованія. Совершенно безспорно, что военный законъ не допускаетъ примѣненія смертной казни къ несовершеннолѣтнимъ, но главный военный судъ, въ порядкѣ толкованія, еще въ августѣ прошлаго года — это было тогда впервые—призналъ, что можно и должно и несовершеннолѣтнихъ приговаривать къ смертной казни. И вотъ теперь главный военный прокуроръ, если онъ придетъ отвѣчать на нашъ запросъ, уже не въ правѣ будетъ сказать, что всѣ дѣйствовали по закону. Главный военный судъ, исправлявшій приговоръ и замѣнившій каторгу смертной казнью, дѣйствовалъ явно противозаконно. Это я утверждаю сейчасъ, и это я, со статьями закона въ рукахъ, готовъ доказать тогда, когда мы будемъ слушать отвѣтъ на нашъ запросъ. Главный военный судъ дѣйствовалъ на основаніи имъ самимъ даннаго произвольнаго толкованія. Въ августѣ прошлаго года онъ далъ произвольное толкованіе, а теперь, въ силу этого произвольнаго толкованія, примѣнилъ смертную казнь къ несовершеннолѣтнему Папаю.

Насколько, господа, здѣсь грубо юридическое нарушеніе, я вамъ сейчасъ покажу. У насъ одновременно существуютъ три уголовныхъ кодекса, назначающихъ смертную казнь: уголовное уложеніе, уложеніе о наказаніяхъ и воинскій уставъ о наказаніяхъ. Уголовное уложеніе самымъ категоричнымъ образомъ опредѣляетъ, что смертная казнь къ несовершеннолѣтнимъ примѣняема быть не можетъ; значитъ, когда подсудимый судится по уголовному уложенію, онъ не можетъ быть подвергнутъ смертной казни. Уложеніе о наказаніяхъ—старое — такого категоричнаго опредѣленія въ себѣ не содержитъ, но однако криминалисты, съ покойнымъ Неклюдовымъ во главѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ

доказывали, что и по уложенію о наказаніяхъ смертная казнь къ несовершеннолѣтнимъ примѣняема быть не можетъ. Сенатъ держался иного взгляда и, какъ извѣстно, Рысаковъ въ 1881 году и Ульяновъ въ 1887 г., несовершеннолѣтніе, были преданы смертной казни. Что касается воинскаго устава о наказаніяхъ, то онъ, въ данномъ случаѣ, слѣдуетъ не старому уголовному уложенію, а еще въ 1867 году усвоилъ то воззрѣніе на вопросъ, которое теперь усвоено новымъ уголовнымъ уложеніемъ. По воинскому уставу о наказаніяхъ, несовершеннолѣтніе ни въ какомъ случаѣ къ смертной казни присуждаемы быть не могутъ. Подсудимый Папай судился по 279 статьѣ воинскаго устава о наказаніяхъ: ясно, что къ нему надлежало примѣнить и общую часть того же самаго устава, поскольку карательныя мѣры въ особенной части стоятъ въ неразрывной связи съ опредѣленіями общей части; а въ общей части статья 81 говоритъ, что несовершеннолѣтнему каждое наказаніе смягчается на одну степень, а потому судъ, назначивши, какъ нормальное наказаніе, смертную казнь, обязанъ былъ это наказаніе понизить, хотя бы на одну степень, и перейти къ ссылкѣ въ каторжныя работы. Вы видите, кто былъ въ данномъ случаѣ правъ съ юридической точки зрѣнія: несомнѣнно, былъ правъ варшавскій военно-окружный судъ, а главный военный судъ, исправившій приговоръ и замѣнившій каторгу смертной казнью, поступилъ явно противозаконно *(Дружные аплодисменты).*

V.

Рѣчь (докладъ) въ засѣданіи Государственной Думы 19 іюня 1906 г. при обсужденіи по существу законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни.

Господа народные представители! На мою долю выпала высокая честь быть докладчикомъ по первому законопроекту, разсматриваемому Думой не въ порядкѣ направленія дѣла, а по существу. Намъ предстоитъ теперь высказать не предварительное сужденіе, а вынести уже окончательное рѣшеніе, то рѣшеніе, которое, пройдя черезъ дальнѣйшія инстанціи, должно вылиться *въ окончательную* форму закона.

Законопроектъ касается вопроса исключительной важности въ научномъ, теоретическомъ отношеніи и еще болѣе—въ отношеніи практическомъ. Народъ въ лицѣ нашихъ избирателей, посылая насъ сюда, говорилъ намъ: «требуйте, добивайтесь и дайте намъ землю и волю; дайте права; установите равенство; стряхните все прежнее, всю вѣками накопившуюся пыль съ русской государственной жизни; приложите всѣ мѣры къ ея полному, коренному обновленію». Вмѣстѣ съ тѣмъ народъ вамъ говорилъ: «добивайтесь амнистіи и отмѣните смертную казнь».

Государственная Дума, свято помня наказъ народа, ни на іоту не отступаетъ отъ его требованій. Первое слово, раздавшееся съ этой каѳедры, было слово: «амнистія». Хотя тогда не произнесено было словъ «отмѣна смертной казни», но эти послѣднія уже сами собой входили въ слово «амнистія». Затѣмъ, въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь Государя Императора, Государственная Дума прямо указала, что считаетъ настоятельной необходимостью отмѣнить смертную казнь и пріостановить немедленно приведеніемъ въ исполненіе состоявшіеся смертные приговоры.

Ровно мѣсяцъ тому назадъ, подъ впечатлѣніемъ новыхъ казней, въ средѣ Государственной Думы возникла мысль о необходимости, по своей иниціативѣ, разработать и внести законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Работа была недолгая, она была выполнена быстро, но пришлось ждать для соблюденія формальнаго срока цѣлый мѣсяцъ. Срокъ истекъ вчера, и въ первый затѣмъ день мы приступаемъ къ разсмотрѣнію законопроекта по существу. Въ проектѣ всего двѣ статьи, онъ отличается исключительной краткостью, но эта краткость отнюдь не свидѣтельствуетъ о легкости, съ которой отнеслись къ вопросу какъ лица, внесшія первоначальное заявленіе, такъ и комиссія, разсматривавшая это заявленіе. Несмотря на краткость формулировки проекта, онъ заключаетъ въ себѣ чрезвычайно глубокое и чрезвычайно полное содержаніе, и моя задача сводится къ тому, чтобы выяснить и устранить всякую возможность сомнѣній въ томъ, что комиссія отнеслась къ вопросу легко, диллетантски и не обсуждала его со всѣхъ сторонъ.

Уже не разъ раздавались голоса, что Государственная Дума принимаетъ тѣ и другія рѣшенія, руководствуясь, главнымъ обра-

зомъ,—а нѣкоторые говорили, что почти исключительно, — чувствомъ, что Государственная Дума поступаетъ такъ или иначе, слѣдуя влеченіямъ сердца, а не холоднаго разсудка. Въ данномъ случаѣ, если Государственной Думой будетъ принятъ предлагаемый законопроектъ, то несмотря на то, что онъ заключаетъ въ себѣ всего двѣ статьи, это будетъ рѣшеніе, не подсказанное чувствомъ, а это будетъ рѣшеніе на основаніи спокойной, разсудочной работы.

Что такое смертная казнь? Лишеніе жизни, отнятіе жизни однимъ человѣкомъ у другого—старо, какъ міръ. Человѣкъ, находящійся внѣ условій правовой жизни, имѣетъ въ своемъ распоряженіи два способа воздѣйствія на другого человѣка: причиненіе ему физическихъ страданій и причиненіе смерти. И внѣ условій правовой жизни человѣкъ широко пользуется этими способами воздѣйствія, причиняя другому страданія и даже смерть: они даютъ торжество его внутреннему чувству, его «я»; они показываютъ, что тотъ, кто причиняетъ страданія или смерть, покорилъ другого, и въ силу этого онъ несомнѣнно испытываетъ чувство удовлетворенія, онъ торжествуетъ, торжествуетъ его «я». Вмѣстѣ съ тѣмъ эти воздѣйствія обосновываются и объективно. Причиненіемъ болевыхъ ощущеній и страданій человѣкъ, такъ сказать, отучаетъ своего врага, предупреждаетъ на будущее время возможность причиненія себѣ непріятностей, нарушенія своихъ интересовъ и т. п. Когда одинъ убиваетъ другого, онъ не только предупреждаетъ возможность причиненія себѣ вреда, но онъ совершенно прекращаетъ возможность наступленія вреда, по крайней мѣрѣ, со стороны даннаго обидчика.

Государство, съ первыхъ же моментовъ своего образованія, становится на путь воспрещенія отдѣльному человѣку подобнаго рода расправъ, но этихъ расправъ государство не отвергаетъ однако въ принципѣ: оно переноситъ лишь на себя право расправы. Оно само и причиняетъ страданія, само и лишаетъ жизни провинившихся, тѣмъ самымъ ставя себя на положеніе первобытнаго человѣка, находящагося внѣ условій правовой жизни. Вотъ тутъ-то и заключается глубокое внутреннее противорѣчіе: то, что во имя права отвергается для частнаго лица, то правовой институтъ—государство присвоиваетъ себѣ. И въ теченіе долгихъ столѣтій развитія государственной жизни тѣлесныя наказанія въ *разнообразныхъ* формахъ и видахъ и смертная казнь остаются

основой карательной системы. Эта система живетъ чрезвычайно долго, и исторія намъ показываетъ, что она на много, много столѣтій пережила христіанство, пережила Евангеліе. Въ средніе вѣка мы встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, когда убиваютъ массами во имя христіанскаго ученія, когда во славу Божію убиваютъ еретиковъ. По образному выраженію одного автора, «въ средніе вѣка дымъ костровъ застилалъ всю Европу», дымъ костровъ, на которыхъ сжигали еретиковъ. Только съ конца XVIII вѣка начинается мощный научный протестъ противъ смертной казни. Монтескье возсталъ противъ жестокихъ карь вообще, указывая, что есть страны, гдѣ наказанія жестоки, есть страны, гдѣ они легки; и тамъ, гдѣ наказанія жестоки, преступленій совершается вовсе не меньше, чѣмъ тамъ, гдѣ наказанія легки. Самымъ сильнымъ противникомъ въ частности смертной казни выступилъ Беккарія. Съ тѣхъ поръ можно сказать, что смертная казнь является въ кодексахъ и въ наукѣ институтомъ вымирающимъ. Это вымираніе идетъ, но оно идетъ постепенно и чрезвычайно медленно. Еще въ началѣ XIX столѣтія въ Англіи, по подсчету одного автора,—было 160 случаевъ примѣненія смертной казни въ годъ, по подсчету другого до 240. Сейчасъ смертная казнь сдѣлалась явленіемъ единичнымъ, и если есть еще значительное число приговариваемыхъ къ казни,—я говорю о Европѣ, а не о Россіи,— то число дѣйствительно казнимыхъ совершенно ничтожно.

Процессъ идетъ медленно и еще не законченъ. Какъ извѣстно, въ настоящее время смертная казнь отмѣнена совершенно въ Румыніи, Португаліи, Италіи и Голландіи. Теоретиковъ, крупныхъ, сторонниковъ смертной казни нѣтъ, но въ кодексахъ она существуетъ, и это заставляетъ и до настоящаго времени останавливаться на доводахъ, обычно приводимыхъ сторонниками этого наказанія. Прежде всего указываютъ, что единственно смертная казнь, своей безповоротностью, реальнымъ образомъ ограждаетъ государство отъ преступниковъ. Да, совершенно вѣрно,—что можетъ быть реальнѣе, чѣмъ убійство вреднаго человѣка? Убитый уже никому никогда никакого вреда причинить не можетъ. Но развѣ современное государство такъ слабо, что оно должно прибѣгать къ этому средству? Развѣ въ распоряженіи современнаго государства нѣтъ тюремъ, нѣтъ органовъ исполнительной власти, нѣтъ всего того механизма, который можетъ обезвредить чело-

вѣка и не лишая жизни? Далѣе, отмѣчается значеніе смертной казни, какъ средства устрашенія. Много объ этомъ ужъ говорилось, упоминалось объ этомъ и съ этой каѳедры, говорилось много и о томъ, насколько это средство недѣйствительно. Сейчасъ едва ли приходится серьезно останавливаться на этомъ доводѣ. Несмотря на сплошныя казни, которыя совершаются у насъ съ декабря или съ ноября мѣсяцевъ, развѣ прекратились политическія убійства? Развѣ число ихъ сократилось? Развѣ эти казни кого-либо устрашили? Для насъ, я говорю, въ настоящее время этотъ доводъ слишкомъ очевидно несостоятеленъ. Еще приводятся доводы несерьезные, но которымъ, однако, придается серьезное значеніе. Говорятъ, что смертная казнь дешева и что она совершается скоро. На это я отвѣчу словами покойнаго криминалиста Неклюдова, сказавшаго ихъ, правда, не по поводу смертной казни, но по поводу родственнаго ей тѣлеснаго наказанія. Неклюдовъ говорилъ: «да, тѣлесное наказаніе дешево: довольно нѣсколькихъ десятинъ лѣса, чтобы перепороть всѣхъ гражданъ государства». «Да,—говорилъ онъ,—тѣлесное наказаніе быстро: легъ, отсѣкся, всталъ и ушелъ». Невозможно сильнѣе вышутить всей несостоятельности такихъ доводовъ въ пользу тѣлеснаго наказанія, чѣмъ этими ироническими замѣчаніями. Совершенно то же и въ отношеніи смертной казни.

Съ другой стороны остаются никѣмъ не опровергнутыми глубокіе доводы противъ смертной казни, хотя бы съ точки зрѣнія непоправимости ея, непоправимости судебной ошибки, всегда и вездѣ возможной,—за послѣднее время мы имѣли множество подобныхъ примѣровъ. Мы знаемъ, какъ на станціи Перово было разстрѣляно одно лицо, фамилію котораго сейчасъ я не припомню, и тутъ же оказалось, что желали разстрѣлять не разстрѣляннаго, а его брата. Разстрѣлянъ онъ былъ по ошибкѣ. Такія ошибки — неизбѣжное дѣло рукъ человѣческихъ. Ошибки всегда возможны, и нѣтъ отъ нихъ гарантій. А при смертной казни, когда человѣкъ лишенъ жизни, ошибка уже непоправима. Остается никѣмъ не опровергнутымъ еще тотъ существенно важный фактическій доводъ, что существованіе смертной казни отнюдь не уменьшило преступленій, а, наоборотъ, замѣчается даже, что, несмотря на смертную казнь, тѣ или иныя категоріи преступленій продолжаютъ расти. Но если такъ явно несостоя-

тельны, если такъ легко разлетаются въ прахъ отъ перваго прикосновенія научной критики всѣ доводы за смертную казнь, то почему же она сохраняется еще въ кодексахъ? Она сохраняется не на основаніи доводовъ разсудка, и вотъ здѣсь-то мы и видимъ чувство, — она сохраняется на основаніи чувства, по доводамъ сердца, а не по доводамъ разума. Чтобы иллюстрировать эту мысль, приведу такой примѣръ: я иду по улицѣ, на моихъ глазахъ прохожій наноситъ побои женщинѣ или ребенку. Какое первое ощущеніе я буду испытывать? Схватить его, но не только отстранить, прекративъ нанесеніе ударовъ, нѣтъ, — невольно у каждаго изъ насъ будетъ желаніе его самого ударить, причинить ему вредъ. И нужны извѣстныя усилія воли, извѣстныя усилія мысли, для того, чтобы сказать себѣ: — этого не нужно, это безцѣльно, это безполезно, по меньшей мѣрѣ, и это неправильно,—довольно, если я отстраню того, кто бьетъ, и прекращу возможность дальнѣйшаго нанесенія ударовъ. Но первое ощущеніе, первый импульсъ будетъ направленъ къ причиненію зла. И государство, въ своихъ дѣйствіяхъ и въ своей законодательной дѣятельности, какъ показываетъ фактъ сохраненія смертной казни въ кодексахъ, не свободно еще отъ такого импульса, оно не свободно отъ того, чтобы поступать не на основаніи доводовъ разсудка, и оно дѣйствуетъ на основаніи чувства.

Въ этомъ мы видимъ пережитокъ. Мы видимъ своего рода атавизмъ въ томъ, что государство, сохраняя смертную казнь, руководствуется чувствомъ, а не доводами разума. Это вдвойнѣ видно изъ сохраненія казни за политическія преступленія. Здѣсь уже, несомнѣнно, смертная казнь явно несостоятельна; здѣсь уже абсолютно не можетъ быть никакого логическаго оправданія. Въ то время, когда политическіе перевороты имѣли династическій характеръ, когда они велись во имя одного опредѣленнаго лица, или не одного, а нѣсколькихъ, но во всякомъ случаѣ лицъ, — тогда, конечно, лишеніе жизни даннаго лица или данныхъ лицъ— въ значительной мѣрѣ способствовало прекращенію движенія. Но теперь, когда въ основѣ движенія лежатъ не лица, а идеи, — можно ли съ идеей бороться смертью, можно ли, убивая людей, искоренять идеи? Неужели не ясно, что получаются въ громадномъ большинствѣ случаевъ, скажу, получаются всегда, — неизбѣжно обратные результаты, что отъ этого негоднаго средства

искорененія идей идеи получаютъ все бóльшую и бóльшую силу, все болѣе и болѣе крѣпнутъ, все болѣе и болѣе увеличивается число ихъ адептовъ? Государство, устанавливая для гражданъ начала права, не можетъ само себя освобождать отъ этихъ же началъ. Государство, воспрещая гражданамъ руководствоваться въ ихъ дѣйствіяхъ относительно другихъ людей импульсами и непосредственными ощущеніями, не можетъ само руководствоваться только чувствомъ. А тутъ я даже не скажу, чтобы чувство руководило государствомъ. Я позволю себѣ привести слова покойнаго Ивана Аксакова, сказанныя имъ по другому поводу. Онъ говорилъ: «Насъ упрекаютъ, что мы въ области внѣшней политики руководствуемся чувствами, а сами тѣ, которые насъ упрекаютъ, руководствуются чувствицами». Такъ и здѣсь; и здѣсь мы видимъ, что государство не руководится чувствомъ справедливости, гуманности, любви къ ближнему—всѣми тѣми широкими чувствами, которыя заставляютъ иной разъ забывать о правовыхъ началахъ, — нѣтъ, государство руководствуется мелкими чувствами — злобой, мстительностью. Вспомните, господа: съ этой каѳедры мы уже слышали одинъ разъ указанія на то, что тѣ восемь человѣкъ, которые были повѣшены въ Усть-Двинскѣ, совершили особенно гнусное преступленіе — убійство коварнымъ способомъ изъ засады. Потомъ мы слышали здѣсь, какъ будто велькомъ сказанную фразу, о тѣхъ сотняхъ полицейскихъ чиновъ, которые за послѣднее время погибли отъ руки революціонеровъ. Что видно въ этихъ сопоставленіяхъ, въ приведеніи этихъ примѣровъ, на ряду съ требованіемъ Государственной Думы объ отмѣнѣ смертной казни и о пріостановленіи состоявшихся отдѣльныхъ смертныхъ приговоровъ, — что здѣсь видно? Здѣсь видно ясно, что говорящіе руководствуются непосредственными ощущеніями, непосредственными чувствами. Убиваютъ служителей власти—и этимъ они объясняютъ сохраненіе смертной казни. Но гг. народные представители, если такъ могутъ поступать отдѣльные люди, если каждый изъ насъ, какъ человѣкъ, конечно, слабъ, конечно, не можетъ отрѣшиться,—одинъ больше, другой меньше, но абсолютно никто не можетъ отрѣшиться отъ чувствованій,— то государство должно стоять выше этого. Государство не можетъ и не имѣетъ права идти за цивилизаціей, оно должно идти впереди гражданъ, ведя ихъ къ праву, правдѣ и свободѣ. Государ-

ство должно руководиться въ своей законодательной дѣятельности только доводами спокойнаго, холоднаго разсудка. Поддаваться чувствованіямъ, особенно такимъ, какъ мщеніе, оно не можетъ, оно не должно.

У насъ въ Россіи вопросъ о смертной казни шелъ и развивался такъ же, какъ и во всемъ мірѣ. Если у насъ не было средневѣковыхъ инквизиторовъ, то у насъ было другое, свое, мѣстное, но то другое, что давало также несмѣтное число человѣческихъ жертвъ. У насъ въ Россіи, въ концѣ XVIII вѣка, тоже былъ проблескъ въ пользу отмѣны смертной казни; смертная казнь за общія преступленія была даже формально отмѣнена. Но эта отмѣна имѣла бумажный характеръ и въ жизнь не вошла. По своду законовъ 1832 года въ Россіи смертная казнь полагалась за преступленія противъ двухъ первыхъ пунктовъ — такъ назывались тогда главнѣйшія изъ государственныхъ преступленій—въ тѣхъ случаяхъ, когда виновные по особой важности дѣла подлежали преданію верховному уголовному суду. Если они не предавались этому суду, то имъ не назначалась смертная казнь. Вы видите, было нѣчто подобное тому, что мы имѣемъ теперь, когда подсудность военному или общему суду также опредѣляетъ примѣненіе или непримѣненіе къ дѣянію смертной казни. Далѣе, по своду полагалась смертная казнь за карантинныя преступленія и еще по законамъ военно-уголовнымъ. Въ тѣхъ же, приблизительно, предѣлахъ сохранилась смертная казнь въ уложеніи о наказаніяхъ 1845 г.: за государственныя преступленія, карантинныя и по особому кодексу—сначала по военно-уголовному уставу, а потомъ по воинскому уставу о наказаніяхъ, — но только въ военное время. Дѣйствующее нынѣ по отношенію къ государственнымъ преступленіямъ уголовное уложеніе 1903 г. облагаетъ смертной казнью четыре случая: ст. 99—посягательство на жизнь, здравіе, свободу и т. д. царствующаго императора и наслѣдника престола, посягательство на низверженіе императора съ престола и на лишеніе его верховной власти; затѣмъ ст. 100 назначаетъ смертную казнь за насильственное посягательство на измѣненіе въ Россіи или въ какой-либо ея части установленнаго основнымъ закономъ образа правленія и т. д. Засимъ опредѣляютъ смертную казнь ст. 105-я за посягательство на жизнь членовъ императорскаго дома и ст. 108-я—въ случаѣ квалифицированной го-

сударственной измѣны, но измѣны только по отношенію къ непріятелю, т.-е., слѣдовательно, во время войны съ иностраннымъ государствомъ. Вы видите, что перечень весьма ограниченный, и, стоя на этомъ перечнѣ, пожалуй, можно утверждать, что въ Россіи существуетъ смертная казнь только за цареубійство и измѣну. Еще годъ назадъ приходилось доказывать противное положеніе. Въ 1905 г., въ январѣ, въ Кіевѣ происходилъ съѣздъ русской группы международнаго союза криминалистовъ. На этомъ съѣздѣ была принята резолюція, осуждавшая смертную казнь и требовавшая ея отмѣны. Въ отвѣтъ на это въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилась статья, которая проводила ту мысль, что въ Россіи смертная казнь существуетъ только за цареубійство и измѣну, и что поэтому въ Россіи говорить противъ смертной казни — значитъ прославлять цареубійство. Тогда, годъ назадъ, приходилось доказывать, что это неправда. Теперь этого доказывать не приходится. Мы знаемъ, что за послѣднее время не было случая цареубійства и не была, пожалуй, ни разу примѣнена ни одна изъ поименованныхъ мною четырехъ статей. Несмотря на это, многія сотни лицъ подвергнуты смертной казни,— смертной казни по суду, по судебнымъ приговорамъ, т.-е. на основаніи какого-нибудь закона, потому что вѣдь это не были противозаконныя лишенія жизни. Мы слышали здѣсь, въ этомъ залѣ, что суды, приговаривающіе къ смертной казни, дѣйствуютъ формально правильно, дѣйствуютъ на основаніи закона. Да, въ общемъ, это вѣрно: у насъ въ Россіи смертная казнь по дѣйствующему законодательству поставлена такъ широко, какъ нигдѣ, какъ ни въ одномъ цивилизованномъ государствѣ. Развѣ только Китай можетъ конкуррировать съ Россіей въ отношеніи широты примѣненія по закону смертной казни.

Но у насъ эта широкая постановка смертной казни прикрыта. Если вы будете читать законы, вы не найдете нигдѣ, кромѣ четырехъ статей уголовнаго уложенія, чтобы стояли слова: «назначается смертная казнь». Но вы найдете другое, вы найдете: «подвергается наказанію, положенному въ 279 статьѣ XXII книги свода военныхъ постановленій». Нашъ законодатель вообще не любитъ часто упоминать о смертной казни и вмѣсто откровеннаго признанія — виновный подвергается смертной казни — употребляетъ *ссылочную* санкцію. Эта ссылочная санкція стоитъ въ

положеніи о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія; эта же ссылочная санкція стоитъ въ законѣ 1893 года, спеціально изданномъ, впредь до искорененія разбойничества на Кавказѣ; эта же ссылочная санкція стоитъ въ цѣломъ рядѣ еще другихъ спеціальныхъ постановленій. У насъ въ Россіи смертная казнь существуетъ и за общія правонарушенія, путемъ преданія виновныхъ военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени, т.-е. по статьѣ 279 воинскаго устава о наказаніяхъ, которая предусматриваетъ разбой, грабежъ, умышленное убійство, зажигательство, поджогъ, изнасилованіе. Вы видите, какой широкій перечень общихъ правонарушеній можетъ быть караемъ у насъ смертью. Далѣе, смертная казнь охватываетъ безконечное множество разнообразныхъ по формѣ и по содержанію преступныхъ дѣяній, за которыя она назначается по положенію объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, или, наконецъ, на основаніи правилъ военнаго положенія. Можно смѣло сказать, что подъ смертную казнь у насъ могутъ быть подводимы политическія преступленія въ самомъ широкомъ смыслѣ понятія — вплоть до причиненія увѣчья или нанесенія ранъ городовому, околоточному, стражнику, воинскому нижнему чину и т. д., и т. д. Мотивъ тутъ не играетъ никакой роли. Скажемъ: простой воръ, который былъ застигнутъ городовымъ на мѣстѣ преступленія, если онъ этому городовому, желая уклониться отъ задержанія, причинитъ раны, увѣчье или смерть,—то, на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, онъ можетъ быть преданъ военному суду и по статьѣ 18 будетъ тогда подвергнутъ смертной казни, ибо 18 статья политическихъ мотивовъ не выставляетъ.

Повторяю, и повторяю съ полной увѣренностью, что меня нельзя опровергнуть, что нигдѣ, ни въ одномъ цивилизованномъ государствѣ нѣтъ такой широкой постановки смертной казни въ данную минуту, какъ именно въ Россіи. Вносимымъ въ Государственную Думу и сегодня обсуждаемымъ Думой законопроектомъ все это предлагается отмѣнить. Первою статьею, имѣющей декларативный характеръ, указывается объ отмѣнѣ смертной казни; второю статьею, которая въ сущности и заключаетъ въ себѣ законопроектъ въ техническомъ смыслѣ понятія, опредѣляется порядокъ назначенія наказаній въ тѣхъ случаяхъ, когда по дѣйствующимъ законамъ виновный подлежалъ бы смертной казни.

Мы предлагаемъ этими двумя статьями отмѣнить смертную казнь въ уголовномъ уложеніи, отмѣнить въ тѣхъ статьяхъ уложенія о наказаніяхъ, которыя формально не замѣнены еще уголовнымъ уложеніемъ; мы предлагаемъ отмѣнить ее въ спеціальныхъ узаконеніяхъ—въ положеніи объ усиленной и чрезвычайной охранѣ и въ постановленіяхъ о военномъ положеніи, когда это положеніе вводится въ мирное время. Мы предлагаемъ отмѣнить также возможность назначенія въ мирное время смертной казни военнослужащимъ за нарушенія воинской дисциплины. Въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ есть статья 91, которая даетъ право главнымъ начальникамъ военныхъ округовъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда преступленіе совершено хотя и въ мирное время, но по особенной важности обстоятельствъ, которыми оно сопровождалось, представляется необходимымъ, для охраненія воинской дисциплины, судить виновныхъ по всей строгости военно-уголовныхъ законовъ,—предавать виновныхъ суду для примѣненія наказаній, опредѣленныхъ уставомъ для военнаго времени. Мы знаемъ, какъ широко примѣняется это правило. Еще сегодня въ газетахъ была телеграмма, если мнѣ память не измѣняетъ изъ Кременчуга, что нижній чинъ присужденъ къ смертной казни на основаніи этого правила.

По разбираемому теперь мною вопросу необходимо прежде всего устранить возможность отвода. Въ основныхъ законахъ имѣется статья 55, которая гласитъ слѣдующее: «постановленія по военно-судебной и по военно-морской судебной частямъ издаются въ порядкѣ, установленномъ сводами военныхъ и военно-морскихъ постановленій». Знаніе военно-уголовныхъ законовъ у насъ развито весьма слабо, и едва ли всѣмъ представляется яснымъ, что такое за порядокъ изданія законовъ, который установленъ въ военномъ и морскомъ сводахъ постановленій. Этотъ порядокъ совершенно исключительный. Онъ опредѣляетъ, что законодательные вопросы разсматриваются главнымъ военнымъ судомъ или главнымъ военно-морскимъ судомъ по принадлежности, а когда тотъ или иной вопросъ имѣетъ отношеніе къ военно-сухопутному и военно-морскому вѣдомствамъ, то въ соединенномъ собраніи этихъ судовъ.

Порядокъ опредѣляетъ, что главные суды выносятъ заключеніе, и это заключеніе военный или морской министръ, по при-

надлежности, представляютъ на Высочайшее утвержденіе съ своимъ заключеніемъ. Такимъ образомъ, вы видите здѣсь какія-то болѣе чѣмъ упрощенныя формы, которыя замѣняютъ собой общій законодательный порядокъ для весьма обширной области законодательства, для тѣхъ правовыхъ нормъ, которыми живетъ цвѣтъ населенія, когда оно проходитъ черезъ ряды арміи. Эти формы— разсмотрѣніе законодательныхъ вопросовъ судебной инстанціей, притомъ только для предварительнаго заключенія, которое потомъ военный или морской министры снабжаютъ окончательнымъ заключеніемъ. Получается даже не законосовѣщательный органъ, въ смыслѣ прежняго Государственнаго Совѣта, а просто совѣщательная комиссія при министрѣ — и больше ничего. Я не сомнѣваюсь, что даже среди составителей основныхъ законовъ не всѣмъ было ясно, какой это порядокъ. Не сомнѣваюсь потому, что какъ бы они ни были радикальны, у нихъ не могло, навѣрное, возникнуть и мысли о томъ, чтобы въ отношеніи правилъ отправленія общаго уголовнаго правосудія на ряду съ Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ поставить уголовный кассаціонный департаментъ сената. Не могла придти мысль о такомъ смѣшеніи судебной власти съ законодательной. Въ отношеніи же спеціальныхъ постановленій, касающихся тоже уголовнаго правосудія, только военнаго, — именно эта система и принята.

Мы обязаны, однако, толкуя всякій законъ, какъ бы онъ ни былъ неудовлетворителенъ, искать въ немъ внутренній разумъ, искать смыслъ. Поэтому, толкуя ст. 55 основныхъ законовъ, мы должны помнить, что это есть изъятіе изъ общаго порядка разсмотрѣнія законодательныхъ вопросовъ, а разъ это изъятіе, то оно можетъ быть понимаемо только ограничительно. О какихъ правилахъ здѣсь говорится, что они изъемлются отъ разсмотрѣнія Государственной Думы? О постановленіяхъ по военно-судебной и военно-морской судебной частямъ. Правда, статья 1075 и послѣдующія военно-судебнаго устава,—совершенно аналогичныя правила повторены въ военно-морскомъ судебномъ уставѣ,—говорятъ о законодательныхъ вопросахъ вообще, т.-е. о вопросахъ, какъ матеріальнаго военно-уголовнаго права — о преступленіи и наказаніи,—такъ и права процессуальнаго. Но что такое, спрашиваю васъ, «постановленія по судебной части» вообще? Неужели

найдется юристъ, который скажетъ, что уложеніе о наказаніяхъ или уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, или новое уголовное уложеніе,—что это все—постановленія по судебной части? Такого юриста, конечно, не найдется. Всякій отлично понимаетъ, что постановленіями по судебной части можно называть только постановленія, относящіяся къ законодательству процессуальному, а отнюдь не къ матеріальному. Воинскій уставъ о наказаніяхъ—тотъ кодексъ, который содержитъ правила о назначеніи смертной казни,—есть кодексъ матеріальныхъ военно-уголовныхъ законовъ. Это не есть собраніе постановленій по военно-судебной части, хотя бы потому, что этотъ кодексъ есть, въ такой же точно мѣрѣ, собраніе постановленій по судебной части общей, ибо не только военный судъ, но и судъ общій обязанъ его примѣнять при смѣшанной, напримѣръ, подсудности и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ.

Итакъ, я утверждаю, что подъ постановленіями по военной и военно-морской судебной частямъ можно понимать только правила процессуальныя, а поэтому нѣтъ никакого формальнаго препятствія для того, чтобы Государственная Дума разсмотрѣла и разрѣшила вопросъ о смертной казни по военно-уголовнымъ законамъ. Прошу прощенія, господа, что я, и безъ того отнявши у васъ много дорогого времени, не могу еще закончить своей рѣчи. Но вопросъ, нами обсуждаемый, исключительно важенъ. Я не могу не остановиться съ нѣкоторыми подробностями на данной части вопроса, потому что эта область законодательства наименѣе извѣстна, и, однако, именно здѣсь наиболѣе сурово и наиболѣе послѣдовательно примѣняется смертная казнь. Въ военно-уголовныхъ законахъ, нынѣ дѣйствующихъ, смертная казнь полагается только въ военное время; но понятіе военнаго времени, путемъ примѣненія исключительныхъ правилъ, распространяется и на такое время, когда никакой войны съ иностранными государствами не ведется. Мы предлагаемъ уничтожить примѣненіе смертной казни въ мирное время для кого бы то ни было на территоріи Россійскаго государства, въ томъ числѣ и для военнослужащихъ, а для этого отмѣнить статью 91 воинскаго устава о наказаніяхъ. Но какъ поступать во время фактической войны? Комиссія внимательно и детально обсудила этотъ вопросъ и пришла къ тому заключенію, что если бы Государ-

ственная Дума сейчасъ постановила о полной отмѣнѣ смертной казни въ военное время, т.-е. во время настоящей войны съ иностраннымъ государствомъ, то, можетъ быть, она услышала бы указанія на нѣкоторую поспѣшность и на нѣкоторую малую продуманность рѣшенія. Нельзя забывать и скрывать отъ себя, что смертная казнь въ военное время существуетъ рѣшительно во всѣхъ военно-уголовныхъ кодексахъ европейскихъ государствъ. Слѣдовательно, если мы встанемъ на новый путь, то мы явимся новаторами, а разъ мы являемся новаторами въ какомъ-нибудь вопросѣ, то онъ долженъ быть особо тщательно изученъ.

По вопросу о смертной казни вообще имѣется необъятная литература; по вопросу о смертной казни въ военное время почти никакой литературы нѣтъ, и занимающіеся этимъ вопросомъ, даже выдающіеся криминалисты, обыкновенно либо обходятъ его молчаніемъ, либо говорятъ: «а въ военное время смертная казнь должна быть сохранена». Комиссія предлагаетъ Государственной Думѣ вопросъ этотъ разработать самостоятельно и отдѣльно, а сейчасъ никакого рѣшенія не принимать. И надобности практической нѣтъ въ немедленномъ принятіи рѣшенія: войны съ иностраннымъ государствомъ сейчасъ нѣтъ, а когда она будетъ, то выработать законопроектъ не представитъ исключительно большихъ усилій. Но я долженъ сказать, что самъ лично держусь того мнѣнія, что и въ военное время смертная казнь не только не необходима, но совершенно не нужна *(Продолжительные аплодисменты слѣва)*. Я держусь того мнѣнія, что смертная казнь въ военное время тоже не имѣетъ ни малѣйшаго оправданія, но, повторяю, какъ спеціалистъ вопроса, обязанъ сказать, что это мнѣніе далеко не является общепризнаннымъ и что его нужно доказывать. Я не позволю себѣ съ большой подробностью останавливать вашего вниманія на всѣхъ деталяхъ вопроса, но въ общихъ чертахъ считаю нужнымъ намѣтить его. Въ военное время смертная казнь имѣетъ различное основаніе. Прежде всего, она назначается за общія правонарушенія для огражденія гражданъ отъ произвольнаго нарушенія закона военнослужащими. Я имѣю въ виду ту самую 279 статью, которая написана въ огражденіе гражданъ и которая сейчасъ оказалась оружіемъ въ рукахъ военнослужащихъ или военныхъ начальниковъ противъ гражданъ *(Аплодисменты)*. Дѣйствительно, при исключительныхъ

условіяхъ военнаго времени нельзя не считаться съ тѣмъ, что, можетъ быть, необходимо въ извѣстныхъ случаяхъ повышать карательныя воздѣйствія, но зачѣмъ же это повышеніе доводить до смертной казни? Какая здѣсь надобность? Грабящій мѣстное населеніе военнослужащій въ военное время чрезвычайно опасенъ, онъ противенъ, его дѣйствія глубоко безнравственны. Но до какого момента онъ опасенъ? — До того момента, когда онъ на свободѣ, когда онъ можетъ грабить, а когда его схватили, когда его уже судятъ, когда совершенный имъ грабежъ или разбой ушелъ въ прошлое,—развѣ этотъ грабитель опасенъ? Опасности отъ него нѣтъ никакой. Почему нельзя подвергнуть его лишенію свободы—самому суровому, я не говорю о мягкомъ наказаніи,— но зачѣмъ, какая необходимость лишать его жизни? Точно также въ отношеніи другихъ преступныхъ дѣяній, совершаемыхъ на войнѣ военнослужащими. Нельзя отвергать, что въ военное время всякое нарушеніе воинской дисциплины можетъ быть исключительно опасно; нельзя отвергать, что отказъ исполнить приказаніе начальника, а тѣмъ болѣе активное противодѣйствіе начальнику въ моментъ боя или во время, предшествующее бою, можетъ нерѣдко повлечь за собой проигрышъ сраженія, тысячи смертей и непоправимыя послѣдствія. Этого никакъ нельзя отрицать. Но опять-таки, когда является такая опасность?

Я понимаю, что когда я, солдатъ, не исполняю приказанія начальника идти въ бой, отправиться туда-то, сдѣлать въ бою то-то, когда я противодѣйствую ему активно, совершаю сопротивленіе или наношу ему ударъ, причиняю насиліе,—то въ данное время я, дѣйствительно, совершаю дѣйствіе, исключительно опасное, ибо примѣръ заразителенъ, а всѣмъ извѣстно, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ приводятъ подобнаго рода примѣры на войнѣ. Но вѣдь опасность существуетъ только въ тотъ моментъ,—и вотъ совершенно логично въ 5 и 6 статьяхъ дисциплинарнаго устава изложены правила, которыя не только даютъ право, но обязываютъ начальника употребить силу противъ неповинующагося подчиненнаго и въ извѣстныхъ случаяхъ даже лишить его жизни. Вотъ совершенно логичное правило, заключающееся въ 277 статьѣ воинскаго устава о наказаніяхъ, которое освобождаетъ отъ отвѣтственности за смертоубійство, совершенное начальникомъ при такихъ обстоятельствахъ. Но если въ

данный моментъ неповинующійся не былъ убитъ, если онъ былъ схваченъ и его судятъ, — судятъ, можетъ быть, черезъ мѣсяцъ, когда обстоятельства совершенно измѣнились и отъ него уже опасности нѣтъ рѣшительно никакой, — какой же смыслъ примѣнять къ нему смертную казнь? Скажутъ, что здѣсь имѣется въ виду значеніе устрашающаго момента смертной казни. О теоріи устрашенія едва ли возможно съ спеціальной точки зрѣнія сказать хотя бы одно лишнее слово, кромѣ того, что высказывается съ точки зрѣнія общей. Далѣе, въ военное время смертная казнь полагается за такія дѣянія, которыя въ мирное время абсолютно невозможны,—напримѣръ, бѣгство съ поля сраженія. Совершенно вѣрно, что солдатъ или офицеръ, бѣгущій съ поля сраженія, можетъ вызвать панику и тѣмъ причинить невѣроятный вредъ, невѣроятную опасность. А потому логично опредѣленіе 263 ст. воинскаго устава о нак., обязывающее начальника убить, при извѣстныхъ условіяхъ, бѣгущаго съ поля сраженія. Но когда такого бѣглеца будутъ потомъ судить — уже вреда отъ него не можетъ быть никакого. Совершенно тѣ же соображенія приложимы, по моему глубокому убѣжденію, и къ самому гнусному изъ преступныхъ дѣяній,— къ шпіонству со стороны своего подданаго,—т. е. къ военной измѣнѣ. Свой шпіонъ безконечно вреденъ, но онъ вреденъ только до тѣхъ поръ, пока находится на свободѣ.

Наконецъ, примѣняется смертная казнь къ непріятельскимъ шпіонамъ. Я былъ на войнѣ, былъ въ Манчжуріи и долженъ сказать, что никогда на меня не производило такого гнетущаго, тяжелаго впечатлѣнія наказаніе смертью, какъ именно въ примѣненіи къ непріятельскимъ шпіонамъ, — здѣсь есть ужасное противорѣчіе. Помню, я проѣзжалъ станцію Турчихэ,—это было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ,—тамъ, какъ разъ, когда подошелъ поѣздъ, только что задержали двухъ японскихъ офицеровъ; они, несомнѣнно, были шпіоны. Едва я успѣлъ пріѣхать въ Харбинъ—прошло два, три дня,—какъ узнаю, что уже назначенъ судъ, и не успѣлъ я доѣхать до Мукдена, какъ оказалось, что они уже разстрѣляны. Зачѣмъ еще понадобилось нарушить законъ, зачѣмъ понадобилось отнимать дѣло отъ слѣдователя, который производилъ предварительное изслѣдованіе, зачѣмъ понадобилось предавать суду безъ слѣдствія, по телеграфу утверждать приговоръ, зачѣмъ

понадобились всѣ нарушенія — объ этомъ не будемъ говорить.... Японцы послѣ суда съ полнымъ достоинствомъ заявили, что они просятъ о помилованіи, потому что исполняли свой воинскій долгъ, приказаніе своего начальства. Скажите, развѣ это не правда? Несомнѣнно же, что правда: они въ отношеніи своихъ исполняли долгъ... Я невольно вспомнилъ этихъ двухъ офицеровъ, когда узналъ потомъ, что нашъ русскій рядовой Рябовъ былъ казненъ японцами, будучи пойманъ въ районѣ расположенія японской арміи, посланный туда по приказанію своего, нашего русскаго, начальства. Вѣдь это безконечное противорѣчіе: не попался—герой, попался—смертная казнь! Неужели мы на войнѣ не можемъ сказать: или шпіонство не должно быть допускаемо и ни одна армія не должна пользоваться услугами шпіоновъ, или задержаннаго чужого шпіона — шпіона военнослужащаго, дѣйствующаго не по найму, а по своему военному долгу—нельзя казнить?

Итакъ, по военно-уголовнымъ законамъ необходимости въ смертной казни нѣтъ. Но сегодня мы не предлагаемъ Государственной Думѣ принять это. Сегодня мы предлагаемъ сказать, что смертная казнь всегда и для всѣхъ, внѣ случаевъ дѣйствительной войны съ иностраннымъ государствомъ, должна быть отмѣнена; и въ этихъ случаяхъ смертная казнь тоже должна быть отмѣнена, но по особому закону. Чтобы кончить мой затянувшійся докладъ, мнѣ остается отмѣтить еще одну сторону вопроса. Я до сихъ поръ стоялъ на почвѣ соображеній юридическихъ; теперь надо сказать нѣсколько словъ о соображеніяхъ политическихъ. Надо отвѣтить, своевременно ли сейчасъ отмѣнять въ Россіи смертную казнь. Въ этомъ вопросѣ слышится старый бюрократическій принципъ, тотъ принципъ, который привелъ Россію къ нынѣшнему положенію — «сперва успокоеніе, а потомъ реформы». Вѣдь даже графъ Толстой, когда онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, не отрицалъ необходимости реформъ; онъ говорилъ, что реформы необходимы, но только онѣ несвоевременны. Онъ говорилъ: «сперва должно наступить успокоеніе, а потомъ можно дать реформы». Вѣдь здѣсь полное отсутствіе логики! Вѣдь когда движеніе ведется во имя реформъ, то какъ же можно сказать, что вотъ вы успокойтесь, не ждите *реформъ, не желайте ихъ,—и* тогда вамъ ихъ дадутъ! Вѣдь это же

совершенный абсурдъ!.. То же самое и по отношенію къ смертной казни. Сейчасъ движеніе въ пользу отмѣны смертной казни охватило все населеніе, вплоть до глухой деревни. Эта мысль неотступно преслѣдуетъ каждаго русскаго гражданина. И можно ли въ это время сказать: «пусть не будетъ политическихъ убійствъ,— тогда мы отмѣнимъ смертную казнь?» Я имѣлъ уже случай съ этой каѳедры говорить о той причинной связи, которая существуетъ между политическими убійствами и смертной казнью; я имѣлъ случай отмѣчать, что не политическія убійства являются причиной, а казнь слѣдствіемъ, а какъ разъ наоборотъ,—что политическія убійства вызываются безудержнымъ примѣненіемъ смертной казни. Я не буду повторять этого аргумента, но я спрошу: когда же наступитъ тотъ моментъ, что будетъ своевременнѣе, чѣмъ сейчасъ, отмѣнить смертную казнь? Мы живемъ въ эпоху революціи. Что будетъ завтра, что будетъ черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ,—никто на это отвѣтить не въ состояніи. Смѣна настроеній, смѣна теченій, смѣна личнаго торжества,—она можетъ наступить каждую минуту. Кто будетъ вынесенъ на верхъ власти, кто будетъ низвергнутъ, мы не знаемъ. И въ этотъ моментъ неужели не своевременно отмѣнить смертную казнь? Неужели исторія не даетъ намъ достаточно примѣровъ того, что именно въ этотъ-то моментъ и нужно сдѣлать такъ, чтобы впредь не было убійствъ по закону, закономѣрныхъ убійствъ? Болѣзненно нужно, чтобы отнынѣ при всей той неизвѣстности, которая предстоитъ русской жизни, не было уже закономѣрныхъ убійствъ, чтобы каждое убійство, кѣмъ бы оно ни было совершено, было только преступнымъ дѣяніемъ.

1 декабря 1789 года французское учредительное собраніе, по предложенію доктора Гильотена, постановило, что отнынѣ смертная казнь состоитъ въ простомъ лишеніи жизни. Это постановленіе тогда вызвало возраженія. Говорили, что, отмѣняя квалифицированную смертную казнь, подрываютъ основы правосудія, что правосудіе неизбѣжно должно погибнуть, расшататься, и что наступитъ анархія. Этого не произошло, но французская революція омрачила себя множествомъ приведенныхъ въ исполненіе смертныхъ приговоровъ. Пусть наша русская Государственная Дума начнетъ свою дѣятельность съ полной отмѣны смертной казни! Это не расшатаетъ устоевъ правосудія, но это га-

рантируетъ то, что отнынѣ смертной казни у насъ, т.-е. лишенія жизни закономѣрнаго, лишенія жизни властнымъ безвластнаго,—что такого лишенія жизни больше не будетъ... *(Громъ аплодисментовъ).*

VI.

Заключительная рѣчь докладчика въ томъ же засѣданіи.

Позвольте мнѣ, въ качествѣ докладчика, сказать весьма немного. Моя задача чрезвычайно упростилась. Ни одного принципіальнаго возраженія противъ внесеннаго нами законопроекта мы здѣсь не слыхали, ибо нельзя же считать серьезными возраженіями то, что мы выслушали отъ морского министра и отъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Представитель морского министра пришелъ—и что же онъ сказалъ намъ? Министръ полагаетъ, что о смертной казни по военно-морскому уголовному закону можно разсуждать только у себя, въ главномъ морскомъ судѣ. Онъ такъ полагаетъ,—это его дѣло. Но зачѣмъ г. главный военно-морской прокуроръ пришелъ сюда говорить объ этомъ? Если бы онъ пришелъ оспаривать нашъ взглядъ, если онъ имѣетъ въ этомъ отношеніи какое-либо опредѣленное сужденіе, такъ вѣдь я, въ качествѣ докладчика, представлялъ разборъ статьи 55 основныхъ законовъ и приводилъ свои доводы, на основаніи которыхъ полагаю, что ст. 55 основныхъ законовъ не изъемлетъ разсмотрѣнія вопроса о смертной казни по военно-уголовному законодательству изъ вѣдѣнія Государственной Думы. Никакихъ доводовъ противъ я не слышалъ; мы слышали только то, что морской министръ думаетъ, — ну, и Богъ съ нимъ, пускай думаетъ иначе *(Аплодисменты)*... Заявленіе, выслушанное нами отъ представителя министра внутреннихъ дѣлъ, было основано на явномъ недоразумѣніи: развѣ я говорилъ, что даннымъ законопроектомъ мы отмѣняемъ статью 18 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка? Я этого не говорилъ, а говорилъ, что тѣмъ самымъ отмѣняется смертная казнь, положенная въ этой статьѣ, положенная не самостоятельно, а путемъ *ссылки на 279 статью* воинскаго устава о нак. Слѣдовательно,

вы видите, что здѣсь были только слова со стороны представителя министра внутреннихъ дѣлъ, но не было рѣшительно никакихъ возраженій по существу. Что касается заявленія, сдѣланнаго министромъ юстиціи, то оно уже достаточно было отмѣчено и не требуетъ моего дальнѣйшаго разъясненія; я полагаю, что всѣмъ намъ вполнѣ ясно, какую небольшую цѣну имѣетъ это возраженіе.

Прежде, чѣмъ кончить, я не могу не снять упрека, сдѣланнаго мнѣ членомъ Государственной Думы Масловымъ. Господинъ Масловъ не упрекалъ меня,—онъ выразилъ чувство удовлетворенія, что я, испытавшій, что значитъ приговаривать къ смерти и т. д. Я долженъ сказать Государственной Думѣ, что руки мои отъ крови чисты; никогда въ жизни я не участвовалъ въ смерти ни одного лица; я никогда не былъ прокуроромъ, не былъ ни предсѣдателемъ суда, ни членомъ,—я занималъ должность профессора въ двухъ военныхъ академіяхъ и по этой должности не могъ никого приговаривать къ смерти.

Вопросы наказа.

I.

Рѣчь въ засѣданіи Государственной Думы 12-го мая 1906 г.

Членъ Государственной Думы фонъ-Рутценъ закончилъ свою рѣчь указаніемъ на то, что комиссіи, которая будетъ выбрана Государственной Думой, не предстоитъ большой работы, что комиссіи и Думѣ придется продѣлать лишь ту работу, которую продѣлали авторы первоначальнаго законопроекта, и вопросъ, такъ сказать, скоро можно будетъ вылить въ форму законопроекта, принятаго Государственной Думой. Да, если судить по объему законопроекта, содержащаго всего шесть страницъ, то, какъ будто, работа небольшая. Но это только такъ кажется, потому что авторы законопроекта сдѣлали однѣ ссылки на статьи законовъ, а текста статей не привели. Это не только было бы необходимо для членовъ Государственной Думы, какъ справедливо указывалъ членъ Думы Жуковскій, но это было бы необходимо и для самихъ авторовъ, которымъ тогда стало бы ясно, что многое и очень многое изъ проекта не можетъ быть рѣшено столь просто.

Прочтите вотъ хотя бы на страницѣ 3-й параграфъ 4-й, пунктъ 6. Въ перечнѣ статей, которыя здѣсь указаны, предлагается сдѣлать одни редакціонныя исправленія, не касаясь измѣненія существа. Я не только юристъ по образованію, но спе-

ціально криминалистъ. Большинство этихъ законовъ относится къ моей спеціальности, но и я на память могу сказать только одно, что всѣ ссылки подлежатъ тщательному пересмотру, такъ какъ многія изъ нихъ оказываются неточными. Вотъ еще пунктъ 5-й на страницѣ 4-й. Вопреки общему смыслу заголовка на страницѣ 3-й, здѣсь говорится не объ отмѣнѣ, а объ измѣненіи статьи 219 устава уголовнаго судопроизводства и предлагается изложить ее въ новой редакціи. Мало знакомый съ вопросомъ можетъ подумать, что измѣняется только редакція одной статьи устава, а между тѣмъ въ дѣйствительности измѣняется вся военно-судебная организація, которая на три четверти упраздняется. Я далеко не защитникъ и не сторонникъ сохраненія военно-судебной организаціи въ нынѣшнемъ ея видѣ. Какъ близко стоявшій къ этому дѣлу, я сознаю отлично, что она крайне неудовлетворительна, но разрѣшать вопросъ путемъ измѣненія редакціи статьи 219 устава уголовнаго судопроизводства—невозможно. Авторы проекта говорятъ, что нужно измѣнить, въ связи съ новой редакціей 219 статьи, также всѣ другія соотвѣтственныя постановленія. Да, нужно измѣнить весь военно-судебный уставъ, который и одного дня не можетъ сохранять своего дѣйствія при такомъ измѣненіи 219 статьи устава уголовнаго судопроизводства. Въ законопроектѣ охвачено чрезвычайно много такихъ вопросовъ, которые никоимъ образомъ не могутъ быть измѣнены однимъ закономъ.

Комиссіи предстоитъ громадная работа. Комиссіи предстоитъ сдѣлать тщательную провѣрку предположеній авторовъ законопроекта, выбрать то, что можетъ быть разрѣшено сепаратнымъ закономъ, и отдѣлить все то, что не можетъ быть разрѣшено иначе, какъ путемъ коренного измѣненія уложенія о наказазаніяхъ, судебныхъ уставовъ и спеціальныхъ кодексовъ. Если стать на точку зрѣнія авторовъ проекта, то придется зарыться въ дебри и изъ нихъ едва ли когда-нибудь удастся выбраться. Комиссіи, я не сомнѣваюсь, придется, въ силу необходимости, сузить рамки вопроса. Въ узкихъ рамкахъ, конечно, окажется возможнымъ разрѣшить вопросъ. Но думать, что мы создадимъ законъ о неприкосновенности личности и проведемъ его въ жизнь въ теченіе короткаго времени, — нельзя. Эта работа огромная. Многіе изъ ораторовъ указывали, что авторами проекта руко-

водило, главнымъ образомъ, то, какъ бы чего либо не забыть, какъ бы полнѣе, такъ сказать, отмѣнить тѣ наслоенія въ законодательствѣ, которыя нарушаютъ идею неприкосновенности личности. При этомъ забывалось, однако, что таковы не одни наслоенія, а вся конструкція цѣлыхъ кодексовъ. Цѣлые кодексы подлежатъ измѣненію, ибо они сплошь построены на началахъ, отрицающихъ дѣйствительную неприкосновенность личности. То, что я говорилъ, я отнюдь не имѣлъ въ виду сейчасъ облекать въ какое-либо конкретное предложеніе, параллельное съ предложеніями авторовъ законопроекта. Я хотѣлъ только показать Государственной Думѣ, что предстоитъ рѣшеніе чрезвычайно трудной задачи. Задачу эту предстоитъ разрѣшить сперва комиссіи, затѣмъ самой Государственной Думѣ. И вотъ почему осторожность, проявленную Думой, я съ своей стороны особенно привѣтствую и предлагаю избрать комиссію не ранѣе завтрашняго дня.

Независимо отъ этого, я, поддерживая предложеніе члена Государственной Думы Жуковскаго, готовъ внести предложеніе,— можетъ быть, предсѣдатель найдетъ возможнымъ поставить его на голосованіе, — просить всѣхъ, вносящихъ законопроекты, непремѣнно включать въ свои предположенія текстъ подлежащихъ отмѣнѣ законовъ. Это, дѣйствительно, необходимо. И юристу, когда онъ читаетъ этотъ законопроектъ, надо обложить себя десятками книгъ и рыться въ нихъ. Я вполнѣ понимаю г. Жуковскаго, который говоритъ, что, читая это, онъ рѣшительно ничего не понялъ. *(Апплодисменты).*

Послѣ возраженій: Я не затрудню вниманія Государственной Думы и, по возможности, буду кратокъ. Мнѣ пришлось выслушать нѣсколько упрековъ. Между прочимъ меня упрекали въ томъ, что я опрометчиво указалъ на неточность ссылки, сдѣланной авторами проекта. Если упрекъ относится къ стр. 3-й, то да, я извиняюсь, но въ этомъ не моя вина, потому что я не имѣлъ подъ руками кодекса. Но если онъ относится къ тому, что напечатано на страницѣ 7-й, то я, и не имѣя подъ руками кодекса, могу заявить, что ссылки невѣрны и ошибочны. Статья 346-я пропущена, вѣроятно, по недоразумѣнію (ст. 346-я или 344-я—на память, вѣдь, сказать чрезвычайно трудно). Затѣмъ меня упрекаютъ въ неточности относительно того значенія, которое я придаю измѣненію редакціи 219-й статьи устава уголов-

наго судопроизводства. Смѣю увѣрить, что когда проектъ вернется изъ комиссіи, то я представлю весьма и весьма вѣскія доказательства того, что авторы проекта, вѣроятно, сдѣлали не то, что они хотѣли сдѣлать: они распространили дѣйствіе военной подсудности на состоящихъ въ запасѣ, потому что сказали «состоящихъ на дѣйствительной службѣ», а по нашему закону состояніе въ запасѣ есть тоже дѣйствительная служба. Затѣмъ они были неточны въ конечномъ выводѣ. Далѣе, я не замедлю тогда же доказать, что здѣсь не простое сокращеніе военной подсудности, а полная реформа.

Хотя членъ Государственной Думы Винаверъ направлялъ свои возраженія противъ меня, но я сознаюсь, что и я его рѣчи апплодировалъ и апплодировалъ совершенно сознательно, потому что понимаю, какое значеніе имѣетъ законодательная иниціатива Думы, какъ важно это право членовъ Думы, и какъ важно намъ его беречь и ужъ никакъ не затруднять его осуществленія. Моя мысль была понята не такъ, какъ я хотѣлъ. Само собою разумѣется, я не хотѣлъ сказать, чтобы, когда предлагаютъ отмѣнить законъ, весь этотъ законъ печатали. Нѣтъ, какъ совершенно справедливо указалъ членъ Государственной Думы Жуковскій, лучше не упоминать никакихъ статей, чѣмъ только приводить ихъ номера. Равнымъ образомъ, я далекъ былъ отъ мысли о томъ, что когда вносятъ, напр., законопроектъ объ отмѣнѣ IX тома свода законовъ, то надо перепечатать весь IX томъ. Само собой разумѣется, я далекъ былъ отъ мыслей подобнаго рода. Я говорилъ о другомъ: когда напечатанъ номеръ статьи, то подъ этимъ номеромъ надо напечатать и ея текстъ. Могу увѣрить присутствующихъ, что, кромѣ авторовъ-составителей этого законопроекта, никто не разберется въ фразахъ, которыя я позволю себѣ сейчасъ прочесть. На страницѣ 4-й, пунктъ в, «глава первая и вторая, раздѣлъ второй книги 3-ей уст. гр. суд., кромѣ ст. 1316 (съ исключеніемъ словъ «съ изъятіями, установленными въ нижеслѣдующихъ статьяхъ») и ст. 1330[1] (съ замѣною словъ «въ статьяхъ 1316, 1318 — 1330, съ соблюденіемъ притомъ нижеслѣдующихъ особенностей» (ст. 1330[2]—1330[7]) словами «въ ст. 1316»). При бѣгломъ чтеніи, не будучи авторомъ написаннаго, можно ли здѣсь что либо понять или усвоить? Само собою разумѣется, что прочитанныя 5 или

6 строкъ ничего не говорятъ. Я юристъ и съ судебными уставами обращался; но что значитъ, когда пишутъ, что отмѣняется рядъ статей, кромѣ 1316 ст., въ которой, однако, надо исключать «съ изъятіями, установленными въ нижеслѣдующихъ статьяхъ»? Да, позвольте спросить, какія эти изъятія? О чемъ въ нихъ говорится? Или не дѣлайте ссылокъ на статьи закона вовсе, а если сдѣлали ссылку, то надо написать, что это за статьи. На предшествующей страницѣ 1074 ст. предлагается сохранить, но съ замѣною словъ «въ С.-Петербургской Судебной Палатѣ» словами «въ судебныхъ мѣстахъ С.-Петербургскаго Судебнаго Округа». Я спрошу присутствующихъ, да не только присутствующихъ, но всѣхъ самыхъ опытныхъ юристовъ,—что это такое? Рѣшительно ничего нельзя понять! Повторяю, я далекъ отъ мысли о какомъ бы то ни было стѣсненіи законодательной иниціативы. Дай Богъ, чтобы это право нами развивалось и примѣнялось какъ можно шире. Я рѣшительно однако не вижу препятствій къ тому, чтобы составители законодательныхъ предположеній имѣли въ виду тѣ затрудненія, которыя обнаружились сегодня.

II.

Рѣчь въ засѣданіи Государственной Думы 15-го мая 1906 г.

Работы у насъ чрезвычайно много, задача передъ нами по своей важности огромная, время безконечно дорого. Это отправное положеніе, само собой разумѣется, не вызываетъ ни споровъ, ни возраженій. Но едва ли также можетъ вызвать возраженіе и то, что быстрота работы отнюдь не должна идти въ ущербъ ея правильности и основательности. Мы не имѣемъ наказа, мы только начинаемъ нашу дѣятельность, намъ необходимо самимъ вырабатывать то, что на Западѣ давно уже выработалось и установилось путемъ обычая, путемъ практики.

Что мы имѣемъ сейчасъ передъ собой? По аграрному вопросу внесено законодательное предположеніе 42 лицами. Намъ предлагаютъ, не давая никакихъ указаній комиссіи, не обсуждая *этого* законопроекта, хотя бы въ общихъ чертахъ, сейчасъ пере-

дать его въ комиссію. Князь Волконскій совершенно правильно, по моему мнѣнію, указалъ, что комиссія иначе не можетъ понять даннаго ей порученія, какъ въ томъ смыслѣ, что директивами ея работы должны служить тѣ тезисы, которые приведены во внесенномъ законопроектѣ. Подобное же предложеніе, какъ то, которое сдѣлалъ членъ Думы Петражицкій, было сдѣлано въ предпослѣднемъ засѣданіи по поводу законопроекта о неприкосновенности личности. Этотъ законопроектъ неизмѣримо проще, неизмѣримо яснѣе и не вызвалъ ни въ комъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ своей основѣ. Въ принципѣ никто не можетъ спорить противъ того, что личность должна быть неприкосновенна. Я васъ спрашиваю: развѣ мы безъ пользы провели полтора засѣданія, которыя были посвящены обсужденію этого законопроекта? Я не знаю, быть можетъ, и я войду въ составъ комиссіи, подсчетъ членовъ которой теперь производится. Если да, и мнѣ суждено будетъ работать въ этой комиссіи, то я скажу большое спасибо всѣмъ тѣмъ, кто разъяснилъ въ преніяхъ основныя черты законопроекта. По такому же вопросу, какъ аграрный, вы требуете, чтобы онъ былъ переданъ безъ преній въ комиссію, а комиссія или пускай работаетъ, какъ сама знаетъ, или принимаетъ за основу то, что внесено за подписью 42 лицъ. Третьяго дня графъ Гейденъ просилъ большинство Думы,—обращался не по праву, а подчеркивая, что обращается съ просьбой, — не закрывать преній и дать возможность членамъ Государственной Думы высказаться, дабы каждый могъ сознательно произвести выборы. Предъ нами чрезвычайно важная задача — избрать комиссію по аграрному вопросу. Чтобы исполнить свою обязанность добросовѣстно, намъ нужно, если не всесторонне, то хотя бы въ общихъ чертахъ, познакомиться съ разнообразіемъ мнѣній, существующихъ въ Государственной Думѣ. Называютъ комиссію въ 33 лица, называютъ комиссію въ 88 лицъ. Если мнѣ придется писать хоть 33 фамиліи, то я не знаю, кого писать. Если же хотя одинъ день будутъ пренія, то я на основаніи этихъ преній, могу себѣ составить мнѣніе о тѣхъ лицахъ, которыя такъ или иначе смотрятъ на вопросъ, и мы не безполезно потеряемъ одно засѣданіе на пренія по поводу законопроекта.

Между тѣмъ, что же предлагается? Начались пренія по вопросу около 7-ми часовъ, когда члены Государственной Думы

естественно уже утомлены, и въ это время вносится предложеніе о томъ, чтобы немедленно передать дѣло въ комиссію вмѣсто того, чтобы открыть пренія. Я повторяю просьбу, обращенную третьяго дня къ Государственной Думѣ гр. Гейденомъ; повторяю ту же просьбу: не стѣснять членовъ Думы, не принадлежащихъ къ большинству, и дать имъ возможность сознательно прозвести выборы въ комиссію. А для этого, не закрывая сегодня преній, предлагаю просить предсѣдателя сдѣлать перерывъ, а завтра съ 11 час. утра заняться обсужденіемъ предположеній 42 лицъ.

III.

Рѣчь въ засѣданіи Государственной Думы 29-го мая 1906 г.

Какъ видно изъ представленнаго проекта, у насъ будутъ существовать три комиссіи, довольно близкія по роду ихъ дѣятельности: финансовая, бюджетная и комиссія по исполненію государственной росписи. Но вы видите, что по составу эти комиссіи представляются различными. Особенность комиссіи по исполненію государственной росписи заключается въ томъ, что, по соглашенію съ государственнымъ контролеромъ, эта комиссія приглашаетъ для участія въ своихъ трудахъ, съ совѣщательнымъ голосомъ, чиновъ государственнаго контроля. Вообще говоря, участіе представителей контрольнаго вѣдомства въ работахъ комиссій Думы по вопросамъ, связаннымъ съ финансами и бюджетомъ, представляется, не скажу только желательнымъ, но я бы сказалъ— прямо необходимымъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не считаться съ тѣмъ, что Государственная Дума только впервые приступаетъ къ своей дѣятельности. У всѣхъ насъ не образовалось еще привычки, нѣтъ техническихъ знаній, достаточныхъ для того, чтобы разбираться во всѣхъ сложныхъ, мелочныхъ и порой чрезвычайно запутанныхъ вопросахъ финансовыхъ и особенно бюджетныхъ. Въ другихъ парламентахъ, дѣйствительно, возможно, чтобы комиссіи работали безъ привлеченія чиновъ какого бы то ни было вѣдомства. Сами члены комиссій являются людьми опытными, *людьми, имѣющими за собой* прошлое въ рѣшеніи аналогичныхъ

вопросовъ. Кромѣ того, въ парламентахъ есть сложившаяся и образовавшаяся канцелярія, обладающая нужными документами и имѣющая въ своемъ распоряженіи всѣ необходимыя данныя. Государственная Дума—я въ этомъ глубоко убѣжденъ—на первыхъ порахъ, особенно при разсмотрѣніи перваго, а пожалуй, второго и третьяго бюджетовъ, будетъ поставлена въ крайнее затрудненіе и не только потому, что у насъ нѣтъ надлежащей опытности: затрудненія создаются самой системой нашего русскаго бюджета. У насъ бюджетъ построенъ не по предметамъ расхода, а по вѣдомствамъ, по министерствамъ. Расходъ одинъ и тотъ же, а предметы оказываются разбросанными въ нѣсколькихъ параграфахъ смѣты. Напримѣръ, расходъ на содержаніе полиціи. Вѣдь, взять бюджетъ министерства внутреннихъ дѣлъ—не значитъ еще узнать, сколько тратится на полицію въ годъ. Для этого надо взять еще бюджетъ военнаго министерства, куда вносятся всѣ расходы по корпусу жандармовъ, и бюджетъ министерства финансовъ, ибо всѣ расходы по содержанію пограничной стражи проводятся по этой смѣтѣ. Я привелъ одинъ примѣръ, но ихъ можно привести безконечное множество. И вотъ, Государственная Дума, которая должна будетъ оцѣнивать значеніе даннаго расхода не потому, что это расходъ даннаго вѣдомства, а по его содержанію, т.-е. по суммѣ всѣхъ ассигнованій на данный предметъ,—будетъ поставлена въ чрезвычайное затрудненіе.

Контроль у насъ въ Россіи имѣетъ двоякую задачу. Онъ не только провѣряетъ произведенные расходы, не только провѣряетъ отчеты, но и даетъ предварительныя заключенія. Эти заключенія, если бы ихъ получала Государственная Дума, были бы для нея чрезвычайно цѣнны. Только въ контролѣ сосредоточиваются данныя, касающіяся всѣхъ вѣдомствъ, только тамъ имѣются всѣ необходимые документы для того, чтобы можно было вполнѣ, какъ оцѣнить прошлую дѣятельность министерства,—при повѣркѣ отчета,—такъ и съ открытыми глазами высказаться за или противъ новаго предполагаемаго расхода.

Представьте себѣ, что какое-либо министерство испрашиваетъ новый кредитъ въ размѣрѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей на тотъ или другой предметъ. Что знаемъ мы объ испрашиваемомъ кредитѣ? Имѣетъ ли вопросъ исторію, требовалось ли по данному предмету когда-нибудь въ прошломъ тоже открыть кредитъ,

было ли это отклонено и т. д., и т. д.? Мы рѣшительно не разберемся въ вопросѣ. Министры, вносящіе предложеніе, конечно, будутъ заинтересованы въ томъ, чтобы не обнаружить намъ всѣхъ данныхъ. Итакъ, по моему мнѣнію, представляется безусловно желательнымъ участіе контроля — съ правомъ, конечно, совѣщательнаго голоса—въ работахъ всѣхъ трехъ комиссій: бюджетной, финансовой и по исполненію росписи. Но здѣсь мы наталкиваемся на непреоборимое органическое препятствіе, заключающееся въ томъ, что у насъ, въ сущности говоря, въ общей организаціи министерствъ есть явный юридическій абсурдъ. Государственный контролеръ входитъ въ общую организацію, онъ является членомъ совѣта министровъ, и такимъ образомъ тотъ, кто долженъ провѣрять, тотъ, кто долженъ контролировать, и тотъ, кто долженъ давать заключенія по представленіямъ отдѣльныхъ министерствъ, самъ участвуетъ въ министерствѣ и, конечно, тѣмъ принимаетъ на себя отвѣтственность за то, что онъ впослѣдствіи будетъ провѣрять. Вѣдь это абсурдъ! Предположимъ, что какое-либо ассигнованіе предлагается Думѣ сдѣлать не отъ лица отдѣльнаго министерства, а отъ всего совѣта министровъ. По этому ассигнованію заключеніе долженъ дать государственный контролеръ; онъ будетъ повѣрять исполненіе даннаго смѣтнаго назначенія, и онъ же, оказывается, участвовалъ въ той самой коллегіи, которая была иниціаторомъ представленія о данномъ расходѣ. Это несомнѣнно, повторяю, юридическій абсурдъ, и мы, къ сожалѣнію, должны съ нимъ считаться. Въ силу этого не могутъ быть приняты соображенія о включеніи или приглашеніи съ правомъ совѣщательнаго голоса представителей контроля при работахъ финансовой и бюджетной комиссій.

Для этого необходима реорганизація государственнаго контроля. Что же касается комиссіи по исполненію росписи, то тутъ безусловно нельзя фактически обойтись безъ содѣйствія государственнаго контроля, потому что разобраться въ исполненіи росписи, свести изъ отчетовъ разныхъ министерствъ расходы по ихъ предметамъ, чтобы Государственная Дума могла, напримѣръ, сказать, сколько въ Россіи тратится на народное образованіе, сколько тратится на полицію и сколько тратится на любой предметъ, — для этого данныхъ нельзя нигдѣ найти, кромѣ государ-

ственнаго контроля, гдѣ всѣ отчетныя свѣдѣнія централизуются, и гдѣ, дѣйствительно, только и есть ключъ къ раскрытію загадокъ, представляющихся при чтеніи отчета по исполненію росписи. Комиссія 19-ти, признавая эти соображенія, включила указаніе въ пунктъ д § 33-го, что сюда приглашаются для участія чины государственнаго контроля.

Правда, есть общее правило, по которому въ комиссію могутъ быть приглашаемы представители вѣдомствъ—или сами министры, или ихъ товарищи, — но прямое указаніе въ наказѣ по этому предмету подскажетъ комиссіи по исполненію государственной росписи необходимость приглашенія чиновъ контроля. Итакъ, я свожу то, что говорилъ: безусловно желательно, скажу болѣе — необходимо, участіе чиновъ контроля въ работахъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса, въ комиссіяхъ бюджетной, финансовой и по исполненію росписи. Но въ настоящее время это представляется невозможнымъ, въ виду включенія государственнаго контролера въ совѣтъ министровъ. Желательна и необходима реорганизація государственнаго контроля, его выдѣленіе изъ общей системы министерствъ и установленіе органической связи между контролемъ и Государственной Думой. Только въ такомъ случаѣ упорядочится исполненіе росписей и вообще финансовое дѣло. Такъ какъ сейчасъ мы вырабатываемъ наказъ и такъ какъ сейчасъ мы не имѣемъ передъ собою проекта о реорганизаціи контроля, то я думаю, что было бы полезно, если Государственная Дума утвердитъ пункты в, г и д § 33-го въ редакціи, предложенной комиссіей 19-ти, утвержденіе это мотивировать занесеніемъ въ протоколъ слѣдующаго постановленія:

«Находя, что для успѣшности работъ комиссій финансовой, бюджетной и по исполненію государственной росписи было бы вообще желательно участіе, съ правомъ совѣщательнаго голоса, чиновъ государственнаго контроля, но въ то же время принимая во вниманіе, что государственный контролеръ входитъ въ составъ совѣта министровъ, и это, являясь рѣзкимъ нарушеніемъ существа положенія государственнаго контроля въ ряду другихъ вѣдомствъ, лишаетъ Государственную Думу возможности прибѣгать въ вопросахъ финансовыхъ и бюджетныхъ къ содѣйствію контроля,—Государственная Дума, признавая необходимою реорганизацію государственнаго контроля въ смыслѣ выдѣленія его

изъ общей системы министерствъ, впредь до осуществленія сего, допускаетъ участіе чиновъ контроля лишь въ комиссіи по исполненію государственной росписи».

Послѣ возраженій:

Въ виду тѣхъ формальныхъ затрудненій, которыя, по заявленію предсѣдателя Думы и докладчика комиссіи 19-ти, встрѣчаетъ внесенное мною предложеніе, я отъ него отказываюсь, какъ и представитель Харьковской губ. М. М. Ковалевскій, и буду считать себя удовлетвореннымъ, если мои слова будутъ внесены въ протоколъ. А затѣмъ, быть можетъ, въ Государственной Думѣ и возникнетъ вопросъ о внесеніи законопроекта о реорганизаціи государственнаго контроля.

IV.

Рѣчь въ засѣданіи Государственной Думы 29 мая 1906 г.

Хотя мы имѣемъ и небольшой опытъ до настоящаго времени, но я думаю, что этотъ опытъ уже показалъ всю необходимость редакціонной комиссіи для исполненія чисто редакторскихъ обязанностей. Я напомню вамъ, какъ шла работа по составленію адреса въ отвѣтъ на тронную рѣчь. Была комиссія изъ 33-хъ лицъ, комиссія засѣдала много часовъ и потомъ она вынуждена была изъ своей среды выбрать 5 лицъ для установленія окончательной редакціи замѣчаній, исправленій, поправокъ и т. д. Послѣ, когда Государственная Дума приняла проектъ отвѣтнаго адреса, онъ былъ возвращенъ въ комиссію, и въ комиссіи опять выдѣлилось нѣсколько лицъ для того, чтобы окончательно проредактировать его. Въ засѣданіи Государственной Думы всѣ предложенія комиссій измѣняются, исправляются, и чѣмъ болѣе этого дѣлается, тѣмъ лучше, ибо этимъ Государственная Дума показываетъ свое активное отношеніе къ дѣлу. Вносится рядъ поправокъ, написанныхъ различными лицами, и ихъ надо средактировать вмѣстѣ со стороны стилистической или со стороны точности выраженій. Поручать эту работу той комиссіи, отъ которой *поступилъ данный законопроектъ*, мнѣ кажется, едва ли будетъ

цѣлесообразно. Комиссіи наши чрезвычайно многолюдны, вести же редакторскую работу въ многолюдной комиссіи очень тяжело и трудно. Наконецъ, для исполненія этихъ обязанностей нужны особые спеціалисты, и неужели мы при выборѣ комиссій будемъ руководствоваться не столько готовностью лицъ работать по данному вопросу, ихъ компетентностью въ существѣ даннаго вопроса, сколько привычкой къ редакторской дѣятельности? Вотъ почему я цѣликомъ поддерживаю предложеніе комиссіи 19-ти о томъ, чтобы непремѣнно была учреждена редакціонная комиссія.

Необходимо, чтобы эта комиссія была немноголюдна. Редактированіе въ составѣ 30-ти или 20-ти лицъ рѣшительно невозможно; 7 лицъ совершенно достаточный составъ. Наконецъ, послѣднее. Я цѣликомъ присоединяюсь также и поддерживаю предложеніе комиссіи 19-ти, чтобы редакціонная комиссія выбиралась общимъ собраніемъ Думы по предложенію бюро. Здѣсь слишкомъ много говорилось, что когда комиссія, какая бы то ни было, выбирается общимъ собраніемъ Думы, то фактически происходитъ избраніе по предложеніямъ, формирующимся внѣ думской залы. Въ данномъ случаѣ будетъ то же, но предложеніе будетъ исходить, во-первыхъ, исключительно отъ членовъ Государственной Думы, во-вторыхъ, отъ тѣхъ членовъ, которыхъ вся Дума удостоила особымъ довѣріемъ. Мнѣ кажется, что, по характеру дѣятельности редакціонной комиссіи, именно бюро должно указать изъ числа членовъ Думы тѣхъ лицъ, которыя, независимо отъ ихъ политическихъ убѣжденій, обладаютъ навыкомъ и способностями для точнаго редактированія принимаемыхъ Государственной Думой рѣшеній.

V.

Рѣчь въ засѣданіи Государственной Думы 26 іюня 1906 г.

По поводу дѣлаемаго мною доклада объ ассигнованіи кредита въ 15 милліоновъ я долженъ объяснить Государственной Думѣ, что редакціонная комиссія до настоящаго времени не имѣетъ прямыхъ указаній, какъ именно ей поступать: слѣдуетъ ли редакцію, предлагаемую комиссіей, всякій разъ представлять на

окончательное утвержденіе Государственной Думы, или редакціонная комиссія можетъ дѣлать необходимыя редакціонныя исправленія, не докладывая о нихъ Думѣ. Не найдя по этому предмету никакихъ указаній въ стенографическомъ отчетѣ того засѣданія Государственной Думы, гдѣ было положено образовать редакціонную комиссію, послѣдняя пришла къ тому заключенію, что было бы чрезвычайно нежелательно устанавливать, какъ общее правило, право редакціонной комиссіи самой дѣлать какія бы то ни были исправленія текста безъ представленія объ этомъ Государственной Думѣ, ибо въ законѣ иной разъ и одна запятая, поставленная или вычеркнутая, можетъ измѣнять существеннымъ образомъ смыслъ текста. Въ настоящемъ случаѣ редакціонной комиссіи пришлось сдѣлать нѣсколько исправленій редакціоннаго характера, не измѣняющихъ, по мнѣнію комиссіи, воли Государственной Думы, поскольку она выразилась въ принятомъ 23 іюня законопроектѣ. Но повторяю, что, не имѣя никакихъ указаній, комиссія не рискнула дать законопроекту дальнѣйшаго движенія, не представивъ на благоусмотрѣніе Государственной Думы выработанной редакціи. Комиссія предлагаетъ представляемую редакцію утвердить, а вмѣстѣ съ тѣмъ на будущее время, впредь до выработки наказа, установить: законопроекты передаются въ редакціонную комиссію по принятіи ихъ во второмъ чтеніи и докладываются при третьемъ чтеніи въ предлагаемой комиссіей редакціи. Такое постановленіе, если оно будетъ принято Государственной Думой, въ экстренныхъ случаяхъ отнюдь не замедлитъ теченія законопроекта, ибо редакціонной комиссіей экстренный законопроектъ можетъ быть разсмотрѣнъ въ пять минутъ, какъ это было съ законопроектомъ объ отмѣнѣ смертной казни. Но это сохранитъ тотъ принципъ, что Государственная Дума сама устанавливаетъ редакцію законопроектовъ, а не комиссія дѣлаетъ это за своей отвѣтственностью.

Обращеніе отъ Государственной Думы.

I.

Рѣчь въ засѣданіи Государственной Думы 26 іюня 1906 г.

Только что выслушанный нами запросъ заключаетъ въ себѣ три части: во-первыхъ, на какомъ основаніи сдѣлано сообщеніе отъ имени правительства; а затѣмъ непосредственно спрашивается: во-вторыхъ, приняты ли мѣры къ тому, чтобы означенное сообщеніе, какъ не исходящее отъ правительства и т. д., и въ-третьихъ, сдѣлано ли распоряженіе и т. д. Авторы запроса исходили изъ той точки зрѣнія, что правительство у насъ составляетъ не министерство, а совокупность всѣхъ главнѣйшихъ центральныхъ организацій государственной жизни. Но если эта точка зрѣнія можетъ быть представляется правильной, такъ сказать, теоретически, то отнюдь нельзя сказать того же съ формальной стороны. Мы въ законѣ не имѣемъ нигдѣ опредѣленія понятія «правительство». Единственный разъ, когда это слово было употреблено въ законодательномъ актѣ—это въ манифестѣ 17 октября прошлаго года, гдѣ было сказано: «а по сему признали Мы за благо образовать правительство, на обязанность котораго возлагаемъ»... Вотъ почему, если министерство Горемыкина будетъ стоять на формальной почвѣ, то оно будетъ имѣть возможность отвѣтить на запросъ: данное сообщеніе сдѣлано отъ имени правительства потому, что подъ правительствомъ разумѣется мини-

стерство. Въ манифестѣ 17 октября это было именно такъ указано. Тамъ, вѣдь, говорилось: Мы возлагаемъ на обязанность правительства установленіе незыблемыхъ основъ гражданской свободы и т. д. Все это возлагалось на обязанность правительства въ лицѣ объединеннаго министерскаго кабинета.

Поэтому я считаю, что настоящій запросъ, чтобы быть твердо обоснованнымъ, долженъ быть передактированъ; долженъ быть передактированъ его выводъ, и это, можетъ быть, согласятся сдѣлать сами авторы запроса, или, можетъ быть, Дума поручитъ это коммиссіи 33-хъ. Высказываясь, такимъ образомъ, противъ немедленнаго принятія запроса, я очень боюсь быть заподозрѣннымъ въ томъ, что почему-либо хочу оттянуть дѣло. Напротивъ, я считаю, что до сихъ поръ едва ли когда въ Думѣ возбуждался столь громадной, принципіальной важности запросъ, какъ именно настоящій, и этотъ запросъ необходимо сдѣлать, какъ можно скорѣе. Но его необходимо въ то же время обосновать, чтобы Государственная Дума не могла получить уклончиваго отвѣта, уклончиваго въ силу того, что формально министерство будетъ право. По существу, обстоятельства, вызвавшія запросъ, представляются совершенно исключительными. Вы помните, господа, какъ, при обсужденіи деклараціи министерства, членъ Государственной Думы М. Ковалевскій говорилъ, что министерство своей деклараціей нарушило не только свои обязанности по отношенію къ Государственной Думѣ, но еще больше нарушило ихъ по отношенію къ верховной власти. Да, оно прикрылось верховной властью, прикрылось именемъ Монарха въ вопросѣ объ амнистіи и тѣмъ сняло съ Монарха безотвѣтственность, которая лежитъ въ основѣ конституціоннаго строя. А здѣсь, что дѣлаютъ министры въ правительственномъ сообщеніи? Вспомните, оно начинается именемъ Государя Императора и оканчивается тѣмъ же именемъ. Получается такое впечатлѣніе, что въ сообщеніи излагается воля Государя Императора, воля верховной власти. Это прямо не сказано, но впечатлѣніе, несомнѣнно, получается такое, и оно получается, главнымъ образомъ, потому, что правительственное сообщеніе изложено въ поразительно категорической формѣ. Министерство перечисляетъ, какія предлагаются имъ реформы, и затѣмъ говоритъ, что эти реформы суть тѣ мѣры, которыя *только и могутъ удовлетворить* земельную нужду. Даже, если

мнѣ не измѣняетъ память, тамъ нѣтъ словъ «по мнѣнію министерства». Говорится въ совершенно категорической формѣ и въ столь же категорической формѣ вообще излагается то, что съ нескрываемымъ полемическимъ тономъ говорили намъ съ этой каѳедры сперва г. Стишинскій, затѣмъ г. Гурко. Это именно ихъ слова. Они, конечно, могутъ имѣть извѣстныя убѣжденія—это ихъ дѣло, но ихъ слова здѣсь вызвали возраженія, а между тѣмъ, въ правительственномъ сообщеніи, подъ прикрытіемъ воли Монарха, объявляется населенію, что только вотъ такимъ способомъ можетъ быть устранена земельная нужда. И, наконецъ, чѣмъ они кончаютъ? Вспомните перечень тѣхъ мѣропріятій, которыя примѣнялись при существованіи прежняго неограниченно-самодержавнаго строя для облегченія положенія крестьянъ. Этотъ перечень заключается такъ: а теперь предлагается то-то и то-то, и крестьянство должно помнить, что оно можетъ получить дѣйствительное удовлетвореніе своихъ потребностей только въ силу исключительныхъ о немъ заботъ Государя Императора.

Когда я, человѣкъ уравновѣшенный и уже не молодой, прочелъ это сообщеніе, то, не скрою, я впалъ въ состояніе бѣшенства,—иначе я не могу назвать того душевнаго состоянія, которое охватило меня въ тотъ моментъ. Въ конституціонномъ государствѣ министерство противополагаетъ Монарха народному представительству, волю Монарха и его заботы противополагаетъ волѣ и заботамъ народа въ лицѣ его представителей! Вѣдь это такое дикое непониманіе, которое можетъ быть свойственно только людямъ абсолютно невѣжественнымъ! Но тутъ я увидѣлъ не одно непониманіе. Тотъ, кто писалъ правительственное сообщеніе, очень хорошо понималъ, въ какую сторону «они» направляютъ удары. Они умѣло и ловко—вѣдь это правительственное сообщеніе придетъ на мѣста—передъ населеніемъ полемизируютъ съ Государственной Думой и полемизируютъ отъ имени Монарха. Это абсолютно недопустимо. Они пишутъ: пусть Государственная Дума говоритъ, что ей угодно, а рѣшеніе земельной нужды придетъ къ вамъ, но только не отъ Государственной Думы. Это прямой призывъ къ возстанію. Я иначе этого не могу понять,—это возбужденіе населенія къ ниспроверженію существующаго порядка, потому что, послѣ прочтенія сообщенія, невольно возникнетъ среди крестьянъ вопросъ: зачѣмъ же суще-

ствуетъ Государственная Дума? Отсюда естественно, логически будетъ требовать ниспроверженія ея, и это даетъ составъ ст. 129 угол. улож., такъ часто примѣняемой правительствомъ. Я никогда, ни съ этой каѳедры, ни въ печати, ни даже въ жизни, не употреблялъ и не употребляю слова «провокація», но когда я прочелъ правительственное сообщеніе 20 іюня, то я увидѣлъ, что нѣтъ такихъ словъ, которыхъ нельзя употреблять по отношенію къ нынѣшнему министерству...

Послѣ рѣчей другихъ ораторовъ:

Я буду очень кратокъ. Членъ Государственной Думы Обнинскій закончилъ свою рѣчь словами, что онъ не знаетъ, какъ выйти изъ положенія. Создалось, дѣйствительно, чрезвычайно трудное положеніе, исключительно тяжелое для Государственной Думы. Мнѣ кажется, однако, что выходъ есть. Если бы у насъ былъ утвержденъ наказъ... виноватъ, если бы были у насъ утверждены предположенія издательской комиссіи, то выхода и не нужно было бы искать. Въ проектѣ комиссіи, внесенномъ на разсмотрѣніе Государственной Думы, значится въ отдѣлѣ Б., въ статьѣ первой, что когда Дума признаетъ необходимымъ поставить населеніе Имперіи въ извѣстность о своемъ постановленіи или о принятомъ мотивированномъ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ, или объ отдѣльной рѣчи, то она постановляетъ о распубликованіи ихъ. И такая мѣра отнюдь не представляетъ чего-нибудь антиконституціоннаго или незаконнаго. Государственная Дума имѣетъ возможность и сейчасъ, не ожидая разсмотрѣнія всего доклада издательской комиссіи, обсудить только данное предложеніе и вынести рѣшеніе. А потому я предлагаю передать запросъ въ комиссію 33-хъ для передактированія, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручить той же комиссіи, или комиссіи аграрной, какъ болѣе компетентной въ настоящемъ дѣлѣ, выработать проектъ мотивированнаго постановленія Государственной Думы,—постановленія или формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, это все равно,—во всякомъ случаѣ, по содержанію проектъ контръ-сообщенія, такого контръ-сообщенія, которое могло бы быть распубликовано отъ лица Государственной Думы. Это, мнѣ кажется, единственно дѣйствительный способъ противодѣйствія тѣмъ безконечно вреднымъ послѣдствіямъ, которыя, несомнѣнно, могутъ проистечь отъ распубликованія правительственнаго сообщенія отъ 20 іюня.

II.

Рѣчь въ засѣданіи Государственной Думы 4 іюля 1906 г.

Еще до начала преній по существу, при обсужденіи вопроса о томъ, отложить пренія или нѣтъ, членами Государственной Думы Петражицкимъ и Стаховичемъ указывалось на исключительную и громадную важность того шага, на который предполагаетъ вступить Государственная Дума. Шагъ этотъ, несомнѣнно, исключительно важный, но представляется ли онъ крайне рискованнымъ, какъ говорилъ профессоръ Петражицкій, мнѣ кажется сомнительнымъ. Нельзя забывать условія и обстоятельства, въ которыхъ мы живемъ. Мы живемъ не въ мирное время, не при нормальномъ теченіи государственной жизни, а въ такія минуты приходится нерѣдко дѣлать и рискованные шаги, — рискованные потому, что съ математической точностью исчислить и опредѣлить послѣдствія тѣхъ или иныхъ совершающихся соціальныхъ явленій совершенно невозможно. Шагъ, который имѣетъ въ виду сдѣлать Государственная Дума, исключительно важный. Онъ, не буду оспаривать, быть можетъ, не находитъ полнаго оправданія въ теоретическомъ конституціонализмѣ, но не въ этомъ дѣло. Опять-таки, вѣдь мы живемъ въ такую исключительную минуту, когда необходимость заставляетъ отступать, быть можетъ, другой разъ отъ теоріи.

Этотъ шагъ, по моему мнѣнію, безусловно необходимъ, и Государственная Дума сдѣлать его обязана. Государственная Дума обязана обратиться къ населенію. Исходнымъ положеніемъ этой обязанности, по моему глубокому убѣжденію, служитъ отвѣтственность, лежащая на Государственной Думѣ. Что бы ни говорили, какъ бы ни старались перенести эту отвѣтственность на министерство или на революціонныя организаціи, но въ дѣйствительности отвѣтственность за совершающееся теперь въ Россіи лежитъ на Государственной Думѣ и на каждомъ изъ насъ въ отдѣльности. Этимъ сознаніемъ отвѣтственности должна быть проникнута вся дѣятельность Государственной Думы, и это сознаніе отвѣтственности никогда не должно насъ покидать ни на одну минуту. Да, мы отвѣтственны за совершающееся! Если мы не имѣемъ реальной возможности измѣнить совершаю-

щееся, такъ вспомните, господа, какое мы брали на себя обязательство передъ населеніемъ, которое насъ посылало въ Государственную Думу. Государственная Дума въ глазахъ всего населенія въ теченіе долгаго времени, долгихъ мѣсяцевъ, была той свѣтлой точкой вдали, по мѣрѣ приближенія къ которой все усиливались вѣра и надежда,—усиливалась вѣра въ то, что эта свѣтлая точка разрастется и освѣтитъ свѣтомъ всю нашу родину. Такъ смотрѣло населеніе. При выборахъ тѣ люди, которые не были убѣждены, что Государственной Думѣ удастся справиться съ кризисомъ, отказывались идти на выборы, они бойкотировали Думу и бойкотировали выборы. Мы этого не дѣлали. Тотъ фактъ, что мы находимся здѣсь, служитъ свидѣтельствомъ, что мы сознательно шли въ Государственную Думу. Мы возлагали на Думу надежду и принесли съ собою вѣру въ возможность мирнаго улаженія кризиса, въ возможность для Государственной Думы внести въ нашу страну миръ, спокойствіе и обновить государственную жизнь. Мы брали на себя обязательство и на насъ лежитъ отвѣтственность за совершающееся.

Эта отвѣтственность, съ другой стороны, коренится въ той исключительной авторитетности въ глазахъ населенія, которою пользуется Государственная Дума. Вспомните,—народъ, выбирая насъ, дѣйствовалъ, я скажу, въ молитвенномъ настроеніи. Народъ относился къ выборамъ, какъ къ исполненію святого долга, онъ вѣрилъ въ Думу, и авторитетъ Думы, еще прежде, чѣмъ она собралась, былъ въ глазахъ народа чрезвычайно силенъ. И авторитетъ Думы остается таковымъ до настоящаго времени. Если еще сейчасъ все кое-какъ держится на мѣстахъ, если еще гроза не разразилась, если мы еще стоимъ только передъ грозой, то удерживаетъ населеніе не что иное, какъ авторитетъ Государственной Думы. 130-ти-милліонное населеніе не можетъ жить безъ авторитета, — не авторитета ружей, штыковъ и пулеметовъ, — оно не можетъ жить безъ нравственнаго авторитета. Вспомните впечатлѣнія, которыя каждый изъ насъ вынесъ изъ времени выборовъ; вспомните выборы въ первой стадіи, — я говорю о выборахъ не городскихъ, а о деревенскихъ, внѣгородскихъ. Вспомните выборы во второй стадіи. Скажите, кто не вынесъ впечатлѣнія, что населеніе анархизировано? Оно анархизировано до послѣдней степени. Нѣтъ уваженія къ власти—къ

власти, какъ къ таковой. Отрицательное отношеніе къ даннымъ представителямъ власти—создало на мѣстахъ идейное отрицаніе власти вообще.

Это явленіе глубоко важно и чрезвычайно знаменательно. Я не буду подробно останавливаться на томъ, гдѣ корень этого явленія. Для меня важно отмѣтить его, какъ фактъ. Даже министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Толстой, этотъ, въ сущности говоря, единственный въ нашемъ прошломъ теоретически сильный реакціонеръ, и онъ вѣдь, когда вводилъ земскихъ начальниковъ, вовсе не желалъ насаждать въ населеніи страхъ передъ властью для страха. Онъ разсуждалъ такъ: я долженъ вызвать въ населеніи страхъ передъ властью для того, чтобы потомъ этотъ страхъ естественнымъ образомъ перешелъ въ уваженіе, и чтобы на почвѣ уваженія выросъ нравственный авторитетъ власти. Его предположеніе оказалось ошибочнымъ: страхъ не можетъ создать уваженія, и онъ его не создалъ. Авторитета нѣтъ, и это, господа, явленіе, повторяю, исключительно важное. Съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на Россію, на все населеніе, на все совершающееся—въ основаніи лежитъ, несомнѣнно, отрицаніе авторитета. Съ этимъ надо считаться, и этого никогда нельзя забывать. Авторитета нѣтъ, и только если есть еще кое-какое довѣріе, то исключительно къ Государственной Думѣ. Положеніе столь важное и столь исключительное, что въ жертву ему весьма много и много можно и должно приносить — и соображенія теоретическаго характера и даже возможность риска.

Говорятъ, что аграрныя волненія, нынѣ охватившія многія губерніи, есть результатъ дѣйствій революціонеровъ, результатъ агитаціи. Какой это, въ сущности, близорукій взглядъ на положеніе дѣла! Вѣдь вездѣ въ мірѣ существуютъ теоретическіе и практическіе анархисты. Они имѣются въ Германіи, Франціи, Швейцаріи, — гдѣ угодно, но, однако, революція тамъ не совершается въ настоящее время. Съ другой стороны, исторія намъ показываетъ, что никогда и нигдѣ революція искусственно не была вызвана. Да и можетъ ли она быть искусственно вызвана? Революцію совершаютъ прежде идеи, а лишь потомъ дѣйствія.

И вотъ, въ идейно-анархизированное населеніе, въ населеніе, въ которомъ нѣтъ авторитета власти и въ которомъ теплится вѣра только въ Государственную Думу, въ населеніе, которое

своей мыслью опирается исключительно на Государственную Думу — въ это населеніе искусная рука вноситъ стремленіе дискредитировать Думу, поколебать ея авторитетъ. На другой или на третій день послѣ того, какъ мы собрались, меньше чѣмъ черезъ недѣлю, въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» стали появляться телеграммы; въ нихъ не важно то, что нарушалось достоинство Государственной Думы; это имѣетъ второстепенное значеніе. Важно то, что совокупность этихъ телеграммъ явно колебала авторитетъ Государственной Думы. Далѣе, поколебать авторитетъ Государственной Думы стремилась декларація министерства, сообщенная съ этой каѳедры 13 мая. Высшее учрежденіе въ Имперіи, высшее законодательное учрежденіе, образованное изъ представителей народа, единственное пользующееся авторитетомъ, выслушало, что разрѣшеніе земельнаго вопроса такъ, какъ оно находитъ нужнымъ, «безусловно недопустимо». Народные представители выслушали совѣтъ: «помогайте органамъ исполнительной власти въ ихъ отвѣтственномъ дѣлѣ—внести въ страну успокоеніе».

Теперь колеблетъ авторитетъ Государственной Думы правительственное сообщеніе отъ 20-го іюня. Что же дѣлать? Дѣйствительно, Государственная Дума работаетъ медленно, въ этомъ нельзя не признаться. Въ теченіе двухъ слишкомъ мѣсяцевъ реальныхъ результатовъ ея работы почти нѣтъ. Причинъ много; не буду на нихъ останавливаться. Мы знаемъ, что всякій конституціонный механизмъ есть механизмъ чрезвычайно сложный и приводить его въ быстрое движеніе не представляется возможнымъ. Такъ и Государственная Дума. Но населеніе иначе смотритъ; оно считаетъ или что намъ не даютъ дѣлать, или что мы не можемъ дѣлать. Всѣ наши усилія должны быть направлены въ настоящую минуту къ поднятію авторитета Государственной Думы и не только наши усилія, но я полагаю, что и усилія органовъ исполнительной власти, ибо единственное учрежденіе, которое въ населеніи пользуется авторитетомъ, это есть Государственная Дума. Если вырвать у населенія этотъ авторитетъ, то тогда все неизбѣжно должно рухнуть и долженъ произойти крахъ. Крахъ, изъ котораго что выйдетъ, какъ выйдетъ—догадаться чрезвычайно трудно. Нельзя забывать, что мы и здѣсь, въ Думѣ, отражая собою населеніе, чрезвычайно единодушны во всемъ,

что касается отрицанія; но есть ли въ насъ единодушіе въ положительныхъ идеалахъ? Разъ мы станемъ на почву положительныхъ идеаловъ, то наше единодушіе неизбѣжно само собой упадетъ.

Есть ли практическая надобность въ подобнаго рода обращеніи къ населенію? 27 іюня я получилъ телеграмму отъ одного изъ администраторовъ, стоявшаго во главѣ управленія одной изъ губерній, нынѣ охваченныхъ аграрнымъ движеніемъ. Въ этой телеграммѣ авторъ ея умоляетъ Государственную Думу издать воззваніе къ населенію, ибо, пишетъ онъ, необходимо во что бы то ни стало поддержать вѣру въ населеніи въ плодотворность работы Государственной Думы. Я получилъ свѣдѣнія, что авторъ телеграммы лишенъ душевнаго равновѣсія и потому полнаго текста ея не привожу. Но это для меня не имѣетъ значенія, потому что телеграмма служитъ только иллюстраціей положенія, которое, по моему глубокому убѣжденію, является неизбѣжнымъ логическимъ послѣдствіемъ всего совершающагося. Аграрныя волненія сами по себѣ явленіе весьма сложное, результатъ цѣлой массы факторовъ, но что тутъ, въ ряду другихъ факторовъ, занимаетъ не послѣднее мѣсто и правительственное сообщеніе отъ 20 іюня, мнѣ кажется, должно стоять внѣ сомнѣнія. Когда населеніе не вѣритъ правительству, то оно не вѣритъ и правительственнымъ сообщеніямъ, и такія сообщенія производятъ не прямое, а обратное дѣйствіе. Говорятъ: вотъ такъ-то и такъ-то будетъ разрѣшенъ крестьянскій вопросъ, будетъ устранена земельная нужда. Неужели вы думаете, что при данномъ настроеніи населенія появится впечатлѣніе, что именно такъ и будетъ устранена крестьянская земельная нужда? Гораздо больше основаній думать, что впечатлѣніе получится обратное, что здѣсь какая-то неправда, что здѣсь что-то скрываютъ, что здѣсь чего-то не додадутъ или не додѣлаютъ. И вотъ при такомъ настроеніи этотъ документъ не можетъ не произвести возбуждающаго дѣйствія! Успокоеніе должна внести Государственная Дума своимъ авторитетнымъ словомъ. Не забывайте, господа, что только одна Дума въ настоящее время въ глазахъ населенія пользуется авторитетомъ, и не забывайте никогда, что на насъ лежитъ отвѣтственность за все совершающееся, и что эту отвѣтственность мы ни на кого переложить не можемъ,—она остается всегда на совѣсти каждаго изъ насъ. *(Продолжительные аплодисменты).*

За мѣсяцъ.

1 іюля 1906.

«Передъ грозой».—Ожидаемое министерство изъ думскаго большинства.— Общее настроеніе Государственной Думы. — Правительственное сообщеніе по аграрному вопросу.—Инцидентъ съ генераломъ Павловымъ.—Отмѣна смертной казни.—Своевременна ли эта мѣра?—Бѣлостокскій погромъ въ обрисовкѣ правительственнаго сообщенія и доклада коммиссіи Государственной Думы.

Политическое положеніе данной минуты всего вѣрнѣе можно опредѣлить словами: «передъ грозой». Это уже не затишье передъ бурей—періодъ затишья ушелъ назадъ. Это моментъ, когда тучи нависли, когда вдали гудятъ раскаты грома, когда порывы вѣтра то тутъ, то тамъ вздымаютъ облака пыли, когда трудно дышется, когда не вмоготу становится ожиданіе, когда страхъ ужасовъ грозы начинаетъ вызывать желаніе, чтобы она скорѣе разразилась—чтобы налетѣла, смела то, чему суждено быть сметеннымъ, и прошла...

Открытаго вооруженнаго возстанія нигдѣ нѣтъ, но повсюду раздаются револьверные выстрѣлы и взрывы бомбъ. Повсюду и ежедневно убиваютъ городовыхъ, околоточныхъ, полицеймейстеровъ, стражниковъ. Въ помѣщичьихъ усадьбахъ нѣтъ сплошного пожара, не рѣжутъ лошадей и коровъ, какъ было осенью, но—то горитъ хуторъ въ одномъ углу черноземной полосы, то какая-либо отдѣльная постройка—въ другомъ. И вездѣ косятъ и увозятъ

чужую траву, самовольно обращаютъ луга и клеверныя поля подъ выпасъ, «снимаютъ» сельскихъ рабочихъ, обрекая на гибель и безъ того небогатый урожай. Нѣтъ общей забастовки, но въ рѣдкомъ промышленномъ центрѣ не бастуютъ — или булочники, или крючники, или наборщики какой-нибудь типографіи, или рабочіе какого-либо предпріятія. Низменные инстинкты черни еще не выбились сплошь наружу, но въ Бѣлостокѣ уже былъ еврейскій погромъ и—кто знаетъ!—быть можетъ, готовятся погромы и въ Кишиневѣ, и въ Гомелѣ, и въ Одессѣ. Нигдѣ войска не вышли явно изъ повиновенія, но броженіе среди солдатъ—вездѣ. Оно коснулось даже преображенцевъ — перваго полка русской гвардіи... Развѣ это не нависшія тучи и не приближающійся гулъ раскатовъ грома?

А ощущенія, испытываемыя всѣми и каждымъ? Чѣмъ отличаются они отъ томленія передъ надвигающейся грозой—томленія, бросающаго мысль отъ отчаянія къ безумной рѣшимости и наоборотъ? Разсказываютъ, что въ дни парижской коммуны городская жизнь текла своимъ обычнымъ порядкомъ. Въ театрахъ шли представленія, на бульварахъ фланировала публика, торговали кафе, магазины и рестораны. Такъ и у насъ: снаружи близкой грозы не видно. На коломяжскомъ ипподромѣ разыгрываютъ призы, и публика волнуется за успѣхъ своихъ фаворитовъ. Въ «Акваріумѣ», на «Крестовскомъ» и въ другихъ садахъ слушаютъ музыку и шансонетки, смотрятъ борьбу на поясахъ и безъ поясовъ и фокусы, продѣлываемые дрессированными слонами и собаками, ужинаютъ, пьютъ шампанское. На дачахъ — занимаются флиртомъ и играютъ въ карты. Обычно же идутъ уличныя строительныя работы, перестилка мостовыхъ, окраска домовъ и т. д. Внѣ Петербурга—ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, покупаютъ и продаютъ, пашутъ землю, плутуютъ и воруютъ—словомъ, всѣ заняты обыкновеннымъ будничнымъ дѣломъ. Но прислушайтесь къ разговорамъ. Прислушайтесь къ своимъ собственнымъ мыслямъ, когда вы не на-людяхъ и голова свободна отъ будничныхъ впечатлѣній. Всѣ безъ исключенія—отъ активныхъ революціонеровъ до самыхъ уравновѣшенныхъ людей — въ крайней тревогѣ. У всѣхъ нервы напряжены и взвинчены до послѣдней степени. Всѣ насторожились и ждутъ, теряясь въ догадкахъ, что̀ будетъ завтра, черезъ мѣсяцъ, черезъ годъ...

Въ такую критическую минуту и при такомъ общественномъ настроеніи, какъ-то странно читать въ газетахъ, что задача момента—замѣна министерства И. Л. Горемыкина министерствомъ изъ состава Думы—и только. Какъ просто было бы разрѣшеніе кризиса, если бы въ этомъ дѣйствительно была вся задача момента, если бы это была задача, а не ничтожная, мелкая задачка! Министерство И. Л. Горемыкина, конечно, обнаружило свою полную несостоятельность, утратило всякое довѣріе населенія и должно немедленно уйти — независимо отъ личныхъ качествъ входящихъ въ его составъ чиновниковъ. Кто участвовалъ въ составленіи декларации 13-го мая, мечтая начальническимъ или учительскимъ окрикомъ воздѣйствовать на психику народныхъ представителей, кто выслушалъ вотумъ недовѣрія и потомъ прекратилъ посѣщеніе думскихъ засѣданій, кто не сумѣлъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отвѣтить на жгучія потребности жизни внесеніемъ законопроектовъ по главнѣйшимъ вопросамъ — тому ни одного лишняго дня нельзя оставаться въ министерскомъ кабинетѣ конституціоннаго государства. Очевидно также, что послѣ опыта съ министерствомъ И. Л. Горемыкина безполезно на смѣну однихъ чиновниковъ ставить лицомъ къ лицу съ Думою другихъ чиновниковъ же, которые, быть можетъ, измѣнятъ тонъ деклараціи, но не измѣнятъ ея содержанія и которые еще болѣе замедлятъ, по старой бюрократической привычкѣ, подготовительную законодательную работу. Но думать, что истинное конституціонное министерство, отвѣтственное передъ народнымъ представительствомъ—если не по буквѣ закона, то по долгу совѣсти — и образованное изъ думскаго большинства, сразу внесетъ умиротвореніе въ умы и въ жизнь,— очень и очень рисковано.

Во-первыхъ, какъ образовать такое министерство? Русская революція и возникла, и течетъ безымянно. Ей минетъ скоро два года. За это время она разрушила всѣ старые авторитеты и не создала ни одного новаго. У насъ нѣтъ именъ—ни въ Думѣ, ни за ея стѣнами. Нѣтъ людей съ общепризнаннымъ авторитетомъ, опираясь на который они могли бы дѣйствовать смѣло, увѣренно и рѣшительно. Во-вторыхъ, у насъ нѣтъ въ данную минуту и идейнаго авторитета. Идейное единство исчерпывается отрицаніемъ бюрократическаго строя и всего того, что онъ породилъ.

Въ области же положительныхъ стремленій существуетъ безконечное разнообразіе непримиримыхъ теченій. И это точно отражаетъ на себѣ Государственная Дума. До сихъ поръ она поражаетъ единодушіемъ. Но прочно ли это единодушіе? Сохранится ли оно, когда общій врагъ кадетовъ и соціалъ-демократовъ, октябристовъ и трудовиковъ будетъ окончательно низвергнутъ и когда министерскія скамьи займутъ представители нынѣ внѣшними лишь обстоятельствами связаннаго воедино большинства членовъ Думы? Наконецъ, въ-третьихъ, нельзя скрывать отъ себя всей трудности фактическаго положенія, въ которомъ окажется новое министерство.

Первымъ условіемъ принятія имъ власти будетъ и несомнѣнно должна быть амнистія. Это—требованіе народа, требованіе справедливое, безъ удовлетворенія котораго ничего невозможно начать, ни въ области законодательной, ни въ области управленія. Съ одинаковой силой амнистія есть требованіе спокойнаго, холоднаго разсудка. Надо же кончить съ той юридической нелѣпицей, которая явилась слѣдствіемъ провозглашенія «незыблемыхъ основъ гражданской свободы» безъ одновременнаго облеченія этихъ основъ въ формулы закона!... Надо же кончить съ той вопіющей несправедливостью и съ тѣмъ непримиримымъ противорѣчіемъ между житейской правдой и правдой бездушнаго закона, которыя въ устахъ тысячъ заключенныхъ, сосланныхъ, осужденныхъ и подлежащихъ осужденію выливаются въ словахъ: «да, мы виновны; но виновны только въ томъ, что повѣрили манифесту 17 октября». Надо же кончить со всѣмъ тѣмъ, къ чему привели эксцессы революціи, съ одной стороны, и во стократъ ихъ превзошедшіе эксцессы правительственной реакціи—съ другой... Нельзя теперь, въ іюнѣ и въ іюлѣ, подъ угломъ зрѣнія уголовнаго уложенія и уложенія о наказаніяхъ, оцѣнивать дѣйствія и поступки, совершенныя во время сумятицы октябрьскихъ, ноябрьскихъ, декабрьскихъ и январьскихъ дней. Клубокъ безконечныхъ противорѣчій все больше и больше запутывается. Разобрать его по ниточкамъ немыслимо. Его можно только разрубить, поставивъ на недавнее прошлое крестъ и произнеся столь страстно всѣми ожидаемое слово...

Практически, однако, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ амнистіи будетъ усиленіе рядовъ тѣхъ, кто, въ сущности, отрицаетъ и самый

конституціонализмъ, считая Государственную Думу только первымъ этапомъ на пути соціальнаго переворота. Уже съ думской каѳедры раздавалось, что нечего ссылаться на одряхлѣвшія западныя конституціонныя формы и что соціалисты Запада теперь ждутъ новаго слова изъ Россіи. Едва ли могутъ быть сомнѣнія въ томъ, что взвинченные умы соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ не остановятся передъ неосуществимостью немедленнаго торжества соціалистическихъ идеаловъ, и что они во имя этихъ идеаловъ объявятъ войну кадетамъ, столь же страстную, какъ та, которую они два года вели вмѣстѣ съ кадетами противъ бюрократическаго строя. И министерству изъ думской среды придется принять на себя удары вчерашнихъ союзниковъ. Принять—и отвѣчать ударами же.

Съ другой стороны, этому министерству придется вести не менѣе тяжелую борьбу съ громадной арміей губернаторовъ, исправниковъ, жандармовъ и департаментскихъ чиновниковъ—со всей колоссальной организаціей центральной и мѣстной администраціи. Какъ свидѣтельствовалъ графъ Витте, эта армія не имѣетъ «навыковъ» правомѣрной дѣятельности, а чтобы освободиться отъ нея, нужно очень и очень много времени. Допустимъ даже, что, подъ руководствомъ новыхъ вождей, мѣстныя власти не будутъ устраивать погромовъ и не станутъ печатать и распространять возбуждающія къ беззаконію прокламаціи. Допустимъ, что на мѣстахъ вообще прекратится совершеніе администраціей формальныхъ правонарушеній, направленныхъ на свободу гражданъ. Но дѣлать то дѣло, для котораго существуютъ вездѣ и всюду мѣстныя власти, нынѣшніе чиновники тоже не будутъ — частью по неумѣнію, частью по нежеланію. Они скорѣе всего просто забастуютъ: будутъ смирно сидѣть, злорадно потирая руки. Наконецъ, министерству придется считаться съ тѣми темными, закулисными силами, которыя, — какъ говорилъ въ своей замѣчательной рѣчи князь Урусовъ,—стоя между верховной властью и министрами, отнимаютъ отъ представителей народа довѣріе верховной власти, и которыя представляются людьми, по воспитанію—вахмистрами и городовыми, а по убѣжденію—погромщиками...

Несмотря, однако, на всѣ невѣроятныя трудности, никто изъ членовъ Думы, сознательно принадлежащихъ къ большинству, *хотя бы случайному, не имѣетъ* нравственнаго права отказаться

отъ министерскаго портфеля, — конечно если таковой будетъ предложенъ не ему одному, а ему совмѣстно съ представителями другихъ парламентскихъ группъ. Есть моменты и есть условія, когда люди обязаны приносить себя въ жертву, дабы создать мостъ, по которому пройдутъ ихъ преемники. Что такой моментъ наступилъ—говорить не нужно. Такими условіями для членовъ Думы являются обстоятельства ихъ избранія и вѣра населенія въ то, что Дума можетъ вывести страну изъ тупика и выведетъ. Не о жертвѣ жизнью мы теперь говоримъ, а о жертвѣ именемъ и популярностью... Близко ли время образованія новаго министерства? Слухи и толки не прекращаются. Освѣдомленное «Новое Время» называетъ ихъ «упорными».

Государственная Дума точно отражаетъ не одну идейную разноголосицу политическихъ воззрѣній. Наблюдая Думу, видишь передъ собой правдивое отраженіе всей русской общественности—ея настроенія и даже ея поведенія. Не было и нѣтъ никого, ни справа, ни слѣва, кто признавалъ бы совершенной систему выборовъ, давшую первый составъ Думы. И она, конечно, несовершенна. Но дала она, въ смыслѣ фотографированія, поразительно вѣрную картину.

На фонѣ молчаливой и темной крестьянской массы, туго разбирающейся въ отвлеченныхъ понятіяхъ, но до самыхъ глубинъ проникнутой протестомъ противъ горя, нужды и безправія, а потому дружно голосующей за все, что̀ обѣщаетъ облегченіе и свободу,—рѣзко выдѣляются въ Думѣ вышедшія изъ этой массы единицы, въ которыхъ кипитъ злоба за вѣковыя обиды дѣдовъ и отцовъ, а вмѣстѣ съ злобой—страстное, порывистое желаніе полнѣе и скорѣе покончить съ прошлымъ. На фонѣ расплывчатой, любящей будировать, но только въ своемъ кругу и съ оглядкой, интеллигенціи, склонной ко всему доброму и свѣтлому, а также и къ пассивному покою, — если и менѣе рѣзко, то не менѣе опредѣленно, выдѣляются тоже немногіе активные работящіе люди. Большинство изъ нихъ — профессора, адвокаты и земцы... Или возьмемъ иной фонъ: фонъ господствующей численно великороссійской народности. Ея представители гораздо болѣе молчатъ, чѣмъ слушаютъ. Они ничего не требуютъ и не желаютъ

для себя такого, чего не требовали бы и не желали для всѣхъ. А поляки говорятъ: у себя, въ коренной Россіи, дѣлайте, что хотите, уничтожайте частную земельную собственность, обращайте принудительно отчужденную землю въ государственный земельный запасъ, но нашихъ формъ землепользованія не трогайте; мы не допустимъ къ себѣ переселенія, мы не хотимъ, чтобы наши земли получило ваше крестьянство. Евреи не устаютъ подчеркивать ихъ исключительную юридическую и экономическую приниженность. Кавказцы—особенно надъ ними тяготѣющій административный гнетъ... За всѣми этими спеціальными нуждами все болѣе и болѣе уходитъ въ тѣнь главная нужда и главное горе—нужда и горе голодающей, обезсиленной русской деревни... Развѣ не то же самое мы видимъ въ печати, слышимъ на митингахъ и лично наблюдаемъ каждый день? Развѣ не тѣ же фоны и не то же на нихъ выдѣляющееся даетъ дѣйствительность, не концентрированная степенными выборами, а разлитая?..

Говорятъ — и не безъ основанія, — что думскія засѣданія гораздо болѣе напоминаютъ митинги, чѣмъ дѣловыя собранія парламента. Здѣсь опять прямое отраженіе современной дѣйствительности, выражающейся въ общественномъ настроеніи. Для дѣловой работы нужны твердо сложившіеся положительные идеалы. Ихъ нѣтъ въ общественномъ сознаніи, нѣтъ и въ Думѣ. И какъ для того, чтобы они сложились въ обществѣ, не принимаютъ мѣръ руководители общественной мысли, такъ не дѣлаютъ ровно ничего, чтобы поставить на реальную почву работу Думы, тѣ, кто долженъ давать матеріалъ для этой работы. Первые слишкомъ охвачены борьбой и формулировкой отрицательныхъ стремленій. Вторые — министерство И. Л. Горемыкина — тоже занимается въ стѣнахъ Думы борьбой. Даже не борьбой, а мелкой полемикой; мелкой—по цѣли и ужасной, раздражающей—по средствамъ. Ибо ея средства—разстрѣлы и ссылка, вызывающій тонъ и упорство въ надеждѣ подчинить себѣ волю народа...

Всякая людская масса необходимо требуетъ руководительства. Въ парламентахъ руководительство естественно принадлежитъ министерству и осуществляется комбинаціей вносимыхъ законопроектовъ. Вездѣ и всюду собственная законодательная иниціатива членовъ парламента имѣетъ субсидіарное значеніе. И иначе *быть не можетъ, такъ какъ* депутаты не располагаютъ никакими

средствами, кромѣ личныхъ знаній, для детальной и дѣловой технической разработки вносимыхъ предложеній. Имъ можетъ принадлежать, въ буквальномъ смыслѣ, только иниціатива, т.-е. починъ, сопровождаемый самой общей формулировкой мысли. Какъ же выполнило свою естественную роль министерство И. Л. Горемыкина? Ко дню открытія Думы у него не оказалось ни одного готоваго законопроекта. Затѣмъ оно будто нарочно предложило Думѣ заниматься вопросомъ о прачешной и оранжереѣ при юрьевскомъ университетѣ и только на второй мѣсяцъ внесло законодательныя предположенія по министерству юстиціи болѣе важнаго характера. Оно опоздало и опоздало непоправимо. Въ теченіе мѣсяца мысль пятисотъ членовъ Думы, никогда не бывшихъ активными участниками законодательной дѣятельности, не могла не работать. Она работала, все выше и выше поднималась въ облака и долетѣла до признанія—пока что меньшинствомъ,—что никакой регламентаціи свободы собраній не нужно, что довольно сказать: «всѣ вольны собираться»—и поставить точку. Министръ юстиціи, между прочимъ, внесъ законопроектъ объ устраненіи исключительнаго права начальства предавать суду должностныхъ лицъ и о распространеніи на этихъ лицъ общихъ правилъ подсудности суду присяжныхъ. Но внесъ тогда, когда въ Думѣ вопросъ уже дебатировался и безъ возраженія многими говорилось, что не должно быть вовсе никакихъ особыхъ правилъ о сужденіи должностныхъ лицъ. Кромѣ того, онъ внесъ его тогда, когда Дума уже вотировала недовѣріе министерству. Въ результатѣ—законопроектъ, который 27-го апрѣля былъ бы привѣтствованъ, еще и не назначенъ къ слушанію и будетъ ли слушаться — весьма сомнительно.

По самому жгучему и больному вопросу — аграрному—министерство, какъ будто нарочно, дало сложиться самымъ радикальнымъ воззрѣніямъ, выждало, когда гг. Стишинскій и Гурко окончательно упадутъ въ глазахъ Думы, когда Дума выберетъ комиссію для самостоятельной разработки вопроса и комиссія уже начнетъ занятія,—и только тогда вошло со своимъ мотивированнымъ представленіемъ. Неужели оно полагаетъ, что Дума удостоитъ вниманіемъ это представленіе? Да, недаромъ два года говорилось, что русская бюрократія впала въ состояніе старческаго маразма...

Одновременно съ внесеніемъ аграрнаго законопроекта, министерство распубликовало «правительственное сообщеніе», читая которое, не знаешь, чему удивляться и какъ назвать этотъ актъ. Сообщеніе начинается ссылкой на «Высочайшее повелѣніе Государя Императора о немедленномъ принятіи мѣръ къ улучшенію быта земельнаго крестьянства». Оканчивается слѣдующими словами: «русское крестьянство должно знать и помнить, что не отъ смутъ и насилія оно можетъ ожидать удовлетворенія своихъ нуждъ, а отъ мирнаго своего труда и постоянныхъ о немъ заботъ Государя Императора». А все содержаніе, повторяющее доводы, которые въ Государственной Думѣ развивали гг. Стишинскій и Гурко, направлено противъ мнѣній, высказывавшихся членами Думы, причемъ эти мнѣнія выдаются за «распространяемые среди сельскаго населенія слухи». «Вотъ тѣ мѣры—авторитетно заявляетъ министерство о своихъ предположеніяхъ,—при помощи которыхъ несомнѣнно можетъ быть достигнуто прочное улучшеніе благосостоянія крестьянъ. Распространяемое среди сельскаго населенія убѣжденіе, что земля не можетъ составлять чьей-либо собственности, а должна состоять въ пользованіи только трудящихся на ней, и что поэтому необходимо произвести принудительное отчужденіе всѣхъ частновладѣльческихъ земель, правительство признаетъ совершенно неправильнымъ. Отчужденіе частновладѣльческихъ земель не увеличитъ крестьянскіе достатки, а наоборотъ, разоритъ все государство и обречетъ само земельное крестьянство на вѣчную нищету и даже голодъ»... «Въ народѣ распространяются слухи, будто правительство не соглашается на принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель, отстаивая выгоды помѣщиковъ. Это невѣрно. Правительство охраняетъ законныя права всѣхъ и каждаго, но въ данномъ случаѣ полагаетъ, что не землевладѣльцамъ нанесло бы ущербъ принудительное отчужденіе отъ нихъ земель, а самому крестьянству. Землевладѣльцы получатъ за свою землю выкупъ по справедливой оцѣнкѣ, т.-е. превратятъ свое земельное имущество въ деньги, которыя будутъ приносить имъ одинаковый и даже болѣе вѣрный доходъ, нежели хозяйство на землѣ. Пострадаетъ отъ предположенной мѣры земледѣльческое сословіе. Болѣе обезпеченные крестьяне лишатся части своей земли, малоземельные получатъ *незначительную прибавку. Все* крестьянство лишится заработковъ

во владѣльческихъ экономіяхъ и, слѣдовательно, лишится значительной части получаемыхъ имъ нынѣ денежныхъ средствъ. Такимъ образомъ, мѣра эта ввергла бы все населеніе страны въ безысходную нищету, а въ годы неурожая обрекла бы на вѣрный голодъ со всѣми его ужасными послѣдствіями»... «Сообщая нынѣ во всеобщее свѣдѣніе предположенныя мѣры для улучшенія земельнаго быта крестьянъ, правительство подтверждаетъ, что оно будетъ неуклонно охранять имущественныя права всѣхъ и каждаго, причемъ полагаетъ, что сохраненіемъ права собственности частныхъ владѣльцевъ на принадлежащія имъ земли земельное крестьянство должно дорожить, ибо если сегодня будутъ нарушены права землевладѣльцевъ прочихъ сословій, то завтра могутъ быть нарушены и права крестьянъ. Только владѣя землей на неотъемлемомъ правѣ собственности, можетъ трудовое крестьянство обезпечить плоды своего труда и быть ограждено отъ притязаній тѣхъ, которые землей не владѣютъ и ничего общаго съ нею не имѣютъ»...

Не для разбора по существу мы привели эти выдержки. Мы не рискнули ихъ передать своими словами, ибо сами никакой передачѣ не повѣрили бы. Въ правительственномъ сообщеніи конституціоннаго государства, отъ лица министерства, монархъ, его воля и его заботы противополагаются представителямъ народа, ихъ волѣ и ихъ заботамъ! Министерство, прячась за спину монарха, разрываетъ въ глазахъ народа единеніе между Государемъ и народными избранниками! И это не указъ о роспускѣ Думы и назначеніи новыхъ выборовъ—это только «правительственное сообщеніе»!.. Мы никогда не употребляли опошленнаго термина: «провокація». Неужели до этого дошелъ въ пылу борьбы умирающій чиновничій режимъ?!..

Передъ этимъ актомъ блѣднѣютъ всѣ эксцессы отдѣльныхъ депутатовъ, вплоть до грубыхъ выходокъ по адресу министровъ. Намъ противна всякая грубость и брань. Она недостойна уважающихъ свое высокое званіе и свои высокія обязанности представителей народа. И она не нужна: логика въ связи съ горячимъ, но сдержаннымъ чувствомъ гораздо сильнѣе и вѣрнѣе бьетъ парламентскаго противника. Но развѣ грубость поведенія вообще

и особенно въ отношенiи людей иного образа мыслей не является тоже одной изъ характерныхъ чертъ нынѣшняго состоянiя общества? Вспомните, какимъ языкомъ—высокомѣрнымъ, надменнымъ и грубымъ — говорили студенческie совѣты старостъ съ профессорскими коллегiями. Вспомните тонъ резолюцiй совѣта рабочихъ депутатовъ и союза союзовъ, или слова, съ которыми безработные обращались къ петербургской городской думѣ. Оглянитесь вокругъ на эти, повсюду встрѣчаемыя, разгоряченныя лица интеллигентовъ, готовыхъ каждую минуту на грубую выходку... Уваженiе къ чужому слову и мнѣнiю, какъ бы оно ни было несимпатично, даетъ лишь долгая практика правовой жизни. Первые же шаги на новомъ поприщѣ подбрасываютъ людей въ ту начальственную высь окриковъ, съ которой русскiй обыватель никогда ничего другого, кромѣ надменности и грубости, не слыхалъ. Къ тому же, толпа всегда возбуждаетъ и электризуетъ...

Особенно тяжелое впечатлѣнiе произвело поведенiе нѣкоторыхъ членовъ Думы въ засѣданiи 19-го iюня, когда крики: «вонъ», «долой», «палачъ» и т. д. встрѣтили генерала Павлова и непрерывно продолжались до тѣхъ поръ, пока онъ не сошелъ съ каѳедры и не оставилъ зданiя Думы. По этому поводу членъ Государственной Думы Аникинъ сказалъ, по возобновленiи засѣданiя, слѣдующее: «Несомнѣнно, то, что́ здѣсь сегодня произошло, волнуетъ не только насъ, но это волнуетъ и всю страну. Поэтому позвольте мнѣ сказать въ объясненiе нашего поведенiя. Чувство негодованiя, которое охватило всѣхъ насъ при видѣ людей, стоящихъ сейчасъ у кормила правленiя, чувство это насъ какъ будто сначала сковало. Здѣсь мы слышали вопiющее невѣжество, здѣсь мы слышали, какъ соцiализмъ сравнивали съ анархизмомъ, здѣсь мы видѣли, какъ выводили анархизмъ изъ соцiализма. Дѣлали это нарочно или по невѣжеству — я не знаю, но, несомнѣнно, это подготовлялось къ тому, чтобы взрывъ негодованiя проявился при появленiи на этомъ священномъ мѣстѣ человѣка, котораго вся жизнь есть кровь, есть убiйство. Пусть страна знаетъ, что Государственная Дума имѣетъ своей единственною цѣлью рѣшать дѣла миромъ, и всякiй видъ крови, всего кроваваго, ужаснаго, насъ возмущаетъ, и мы при этомъ не можемъ работать. Пусть страна знаетъ, что мы не терпимъ крови. Вотъ что означалъ тотъ порывъ негодованiя, который здѣсь былъ».

Тѣ же мысли повторилъ г. Аладьинъ, закончившій заявленіемъ отъ трудовой группы, что «г. Павловъ ни одного слова съ этой трибуны болѣе не произнесетъ».

Приведенныя слова объясняютъ психологически, почему произошелъ грубый взрывъ. Но сами говорившіе ихъ признаютъ современемъ, что создался и нежелательный, и опасный прецедентъ. «Я долженъ сказать — отвѣтилъ гг. Аникину и Аладьину князь Волконскій, — что ежели тотъ минимумъ требованій, которымъ долженъ удовлетворять всякій говорящій на этой каѳедрѣ, будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія лицъ, сидящихъ тамъ (налѣво) или какой бы то ни было группы, даже отъ всей Думы, а не отъ закона, то Дума будетъ неработоспособна. Нынѣ вы изгоняете одного, завтра другого. При такихъ условіяхъ работа не будетъ возможна. И вмѣсто порядка, вы зальете страну такой кровью, какой она до сихъ поръ не видѣла. Глубоко протестую противъ»... Шумъ заглушилъ конецъ фразы...

Инцидентъ съ генераломъ Павловымъ, само собою разумѣется, скоро забудется и не затмитъ всего значенія историческаго дня 19 іюня. Въ этотъ день Государственная Дума *единогласно* постановила отмѣнить смертную казнь. Дума сказала: отнынѣ въ Россіи не должно быть закономѣрныхъ убійствъ, не должно быть властнаго лишенія человѣческой жизни государствомъ—на основаніи закона и приговора суда, черезъ правительственнаго агента—палача. Великій день!..

Глубоко прочувствованными словами его привѣтствовала «Страна» (№ 103). «19 іюня первый парламентъ обширнѣйшей имперіи, вѣрный голосу своей совѣсти и желаніямъ страны, торжественно принялъ законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, какъ такой уголовной кары, которая несовмѣстима ни съ человѣческимъ достоинствомъ, ни съ безпрекословными велѣніями справедливости, ни съ насущными интересами общества. Никогда воля законодательнаго собранія не отвѣчала такъ близко, такъ точно глубочайшимъ движеніямъ нашего народнаго духа, всему нравственному складу русскаго народа; никогда зрѣло продуманное настроеніе не выражалось съ такой кристальной прозрачностью, съ такой безукоризненной отчетливостью, какъ въ этотъ

день освобожденія народной совѣсти отъ тяготѣвшаго надъ ней призрака кровавой, мрачной кары, грозившей за самыя различныя, глубоко несходныя по характеру дѣянія насильственнымъ отнятіемъ жизни. Государственная Дума исполнила свой долгъ»... «Но мы обязаны отмѣтить, что въ день, когда Государственная Дума приняла свой первый законопроектъ — и по какому вопросу!—правительство было противъ нея; что въ день, когда народъ, въ лицѣ своихъ представителей, «лучшихъ людей», сказалъ свое строго взвѣшенное и изъ глубинъ національнаго сознанія идущее слово: «смертной казни не быть»—это правительство было не съ народомъ»...

Необходимость немедленной отмѣны смертной казни была выражена Государственной Думой въ отвѣтномъ адресѣ Государю Императору. «Стремясь — говорилъ адресъ — къ освобожденію страны отъ связывающихъ ее путъ административной опеки и предоставляя ограниченіе свободы гражданъ единственно лишь независимой судебной власти, Государственная Дума считаетъ, однако, недопустимымъ примѣненіе даже и по судебному приговору наказанія смертью. Смертная казнь никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть назначаема. Государственная Дума считаетъ себя въ правѣ заявить, что она явится выразительницею единодушнаго стремленія всего населенія въ тотъ день, когда постановитъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни навсегда. Въ предвидѣніи этого закона страна ждетъ пріостановленія нынѣ же Вашею, Государь, властью исполненія всѣхъ смертныхъ приговоровъ».

17-го мая Думѣ стало извѣстно, что въ Усть-Двинскѣ разстрѣляно 8 человѣкъ, и на другой день за подписью пятидесятичетырехъ лицъ внесенъ былъ законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Законопроектъ всего изъ двухъ статей:

1. Смертная казнь отмѣняется.

2. Впредь до пересмотра уголовнаго законодательства, во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствующими законами установлена смертная казнь, она замѣняется непосредственно слѣдующимъ по тяжести наказаніемъ.

Авторы законопроекта и съ ними вся Дума потребовали спѣшнаго его обсужденія. Но... министры заявили, что они желаютъ *воспользоваться мѣсячнымъ* срокомъ, который имъ даетъ законъ

для приготовленія. Пришлось ждать томительный мѣсяцъ, унесшій еще новыя жертвы «вымирающаго карательнаго института». Наступило 19-е іюня. Законопроектъ поставленъ на повѣстку. Министры извѣщены и прибыли. Они приготовились! Они не даромъ заставили ждать цѣлый мѣсяцъ: они вышли съ бумажками въ рукахъ, по которымъ прочли то, что написали у себя дома въ теченіе десяти минутъ... Отъ рѣчей министра юстиціи и представителя морского министра осталось впечатлѣніе чего-то трусливаго и необычайно жалкого...

Устный докладъ продолжался почти два часа. Дошелъ ли докладъ до слуха министра юстиціи — его тайна. Но, выйдя непосредственно послѣ докладчика на каѳедру, г. Щегловитовъ, считавшійся до сихъ поръ въ ряду извѣстныхъ криминалистовъ и опытныхъ ораторовъ, и не пытался даже возражать и разбивать только-что высказанные доводы въ пользу отмѣны смертной казни. Онъ прочелъ по принесенной бумажкѣ нѣсколько общихъ мѣстъ, съ гордостью патріота заявилъ, что «если не считать попытки, сдѣланной въ 1747 г. въ Тосканѣ, Россія была первой страной, исключившей смертную казнь изъ числа наказаній за общія преступленія, не политическія», причемъ, по примѣру не менѣе горделивыхъ учебниковъ, забылъ о кнутѣ, о плетяхъ и о шести тысячахъ ударовъ шпицрутенами, равно забылъ о цѣломъ рядѣ законовъ спеціальныхъ, которыми въ концѣ XIX в. смертная казнь за неполитическія преступленія была возстановлена (напр. въ 1893 г. за разбой на Кавказѣ и др.),—далѣе развилъ новую теорію анархизма, выростающаго изъ соціализма, привелъ на справку четыре штата Сѣверной Америки, вытащилъ изъ архивной пыли отзывъ берлинскаго профессора Листа о первоначальномъ проектѣ нашего уголовнаго уложенія и закончилъ всегдашнимъ бюрократическимъ припѣвомъ на тему: сперва успокоеніе, а потомъ реформы. «Отмѣна смертной казни — сказалъ г. Щегловитовъ—за политическія преступленія требуетъ, прежде всего, наступленія въ государствѣ полнаго порядка и успокоенія страны; при отсутствіи этихъ условій, подобная мѣра едва ли можетъ быть признана своевременною». Но вмѣстѣ съ этимъ г. Щегловитовъ показалъ, что онъ не вовсе глухъ къ настойчивому требованію народной совѣсти: онъ призналъ возможнымъ

и своевременнымъ отмѣнить смертную казнь за карантинныя преступленія...

Когда мы услышали эти послѣднія слова, насъ взяла оторопь. Намъ показалось, что министръ юстиціи смѣется надъ Думой. Мы стали воскрешать въ памяти, когда былъ послѣдній случай примѣненія казни за карантинныя посягательства. Мы спрашивали себя: прошли ли съ этого момента двадцать лѣтъ или сорокъ, пятьдесятъ? Потомъ этотъ вопросъ сдѣлалъ съ трибуны г. Набоковъ, и товарищъ министра юстиціи — самъ г. Щегловитовъ очевидно счелъ, что слушать пренія не стоитъ, и что гораздо важнѣе отдать время своей канцеляріи — знаками показалъ, что онъ тоже не помнитъ... Такъ одинъ добродѣтельный богачъ въ духовномъ завѣщаніи не одѣлилъ бѣднаго брата. Разставаясь съ жизнью, онъ написалъ, что взятые у него братомъ взаймы тридцать лѣтъ назадъ десять рублей—онъ прощаетъ...

Еще загадочнѣе, зачѣмъ понадобились мѣсячныя приготовленія главному военно-морскому прокурору г. Матвѣенко. Онъ сказалъ, буквально, слѣдующее: «По порученію морского министра, считаю долгомъ доложить Государственной Думѣ, что отмѣна смертной казни по силѣ морского устава должна составить предметъ особаго вопроса, подлежащаго разсмотрѣнію законодательнымъ порядкомъ, опредѣленнымъ военно-морскимъ судебнымъ уставомъ, каковое направленіе этого вопроса опредѣляется, по мнѣнію морского министра, статьей 55 основныхъ законовъ. Съ толкованіемъ послѣдней, изложеннымъ г. членомъ-докладчикомъ, морской министръ согласиться не можетъ». Какъ стали извѣстны морскому министру соображенія докладчика, которыхъ отсутствовавшій министръ не слыхалъ — г. Матвѣенко не повѣдалъ. Почему министръ не можетъ согласиться, какія имѣетъ для того юридическія основанія — этого тоже г. Матвѣенко не объяснилъ. «Не согласенъ» и все тутъ — чего еще разсуждать!.. Не безъ основанія, по окончаніи этой любопытной «рѣчи», съ заднихъ скамей раздался вопросъ: «скоро ли въ отставку»?

Слова представителей министерства—очень жаль, что еще не былъ выслушанъ главный военный прокуроръ, генералъ Павловъ—сослужили немалую службу ораторамъ изъ членовъ Думы. Не по содержанію ихъ рѣчей, ибо противники оказались слишкомъ ничтожны для серьезнаго диспута, а съ внѣшней стороны — со

стороны впечатлѣнія. Казенная сухость чтенія однихъ особенно выдѣлила искренность тона свободной, богатой образами, устной рѣчи другихъ, нежеланіе или неумѣніе толковать законъ — спокойный и тщательный юридическій анализъ, повтореніе чужихъ словъ—самостоятельную работу мыслей... Мы не будемъ ни приводить, ни тѣмъ болѣе разбирать всего того, что говорилось въ Думѣ 19-го іюня. Мы остановимся только на одной части вопроса: дѣйствительно ли своевременно теперь отмѣнить смертную казнь въ Россіи? Оправдывается ли рѣшеніе Думы съ политической точки зрѣнія?

Глубокое заблужденіе думать, что смертная казнь можетъ прекратить политическія убійства! «Въ то время — справедливо говоритъ Н. С. Таганцевъ, — когда политическія движенія, революціи, имѣли личный, такъ сказать, династическій характеръ, являлись переворотомъ, передававшимъ власть отъ одного лица къ другому, отъ одной главы партіи къ другой, тогда, конечно, уничтоженіе главы или коноводовъ революціоннаго движенія могло похоронить и самое движеніе, ихъ смерть могла дѣйствительно обезпечить на время, а иногда и навсегда, спокойствіе правящей власти. Но эпоха подобныхъ движеній отошла въ прошлое. Нынѣ господствующее мѣсто заняли движенія идейнаго характера. Стремленія пересоздать государственный или экономическій строй, распространить то или другое религіозное вѣрованіе, какъ революціонные двигатели, не могутъ, по самому своему существу, сосредоточиваться въ опредѣленной личности, а уподобляются скорѣе гидрѣ Геркулеса съ ея саморастущими головами. Движенія, такъ сказать, демократизировались, а потому истребленіе, хотя бы и массами, ихъ кажущихся вожаковъ безсильно остановить самое движеніе и обезопасить отъ него общество. Лишь въ самомъ содержаніи этого движенія лежитъ залогъ его жизни или смерти»... Это такое же заблужденіе, какъ и то, что, вынося свое рѣшеніе, Государственная Дума не содрогалась видомъ крови, ежедневно проливаемой на улицахъ чуть не всѣхъ городовъ. Можно ли безъ содроганія читать извѣстія объ убійствахъ городовыхъ, околоточныхъ, стражниковъ и другихъ низшихъ агентовъ полицейской власти? Вѣдь они повинны только въ томъ, что у нихъ тоже есть семьи, что они тоже голодны, что они тоже хотятъ ѣсть...

Нынѣшнія политическія убійства — это не то явленіе, какое представляли изъ себя такія же убійства, начиная съ семидесятыхъ годовъ и до дня убійства В. К. Плеве. То были отдѣльные спорадическіе случаи. Въ каждомъ изъ нихъ, въ каждомъ террористическомъ фактѣ того времени, проанализировавъ его, можно было видѣть спокойный, холодный разсчетъ, обдуманное, сознательное дѣйствіе. Тѣ же убійства, которыя сейчасъ совершаются, представляютъ собой явленія иного порядка. Когда убиваютъ городовыхъ, когда убиваютъ солдата на посту, когда стрѣляютъ и бросаютъ бомбы дѣти, гимназисты, тогда нельзя не признать, что мы стоимъ предъ явленіемъ эпидемическимъ, передъ формой массового психоза. Какъ бываютъ эпидеміи самоубійствъ, такъ бываютъ эпидеміи убійствъ. И если нецѣлесообразно бороться смертной казнью даже съ холодными, разсчитанными, обдуманными убійствами, то бороться смертной казнью противъ той крови, которая проливается въ силу эпидеміи, охватившей страну, вдвойнѣ нецѣлесообразно. Бороться съ ужаснымъ явленіемъ, свидѣтелями котораго мы бываемъ теперь каждый день, нужно инымъ способомъ: устраненіемъ причинъ, вызвавшихъ это явленіе, устраненіемъ того, что обусловливаетъ и вызываетъ политическія убійства. Такихъ причинъ, конечно, много, но одна изъ нихъ и не послѣдняя — кровожадная жестокость закона, смертная казнь. Вспомните дѣло Спиридоновой. Ее побудили убить Луженовскаго тѣ звѣрства и казни, которыя онъ совершалъ. Они явились непосредственнымъ импульсомъ, толкнувшимъ ея руку взять револьверъ. И если проанализировать каждый новѣйшій случай, то въ громадномъ большинствѣ, если не всегда, установится преемственная связь между жестокостью закона и его исполнителей и даннымъ фактомъ убійства, и зависимость второго отъ первой. Кто же и чѣмъ долженъ начать? Властное ли и могущественное государство—отказомъ отъ кровавой мести, или охваченные психозомъ революціонные элементы — прекращеніемъ политическихъ убійствъ? Кто долженъ первый разорвать заколдованный кругъ?..

Съ другой стороны, мы живемъ въ эпоху революціи. Что̀ будетъ завтра, что̀ будетъ черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ— никто на это отвѣтить не въ состояніи. Смѣна настроеній, смѣна теченій, смѣна личнаго торжества,—они могутъ наступить

каждую минуту. Кто будетъ вынесенъ на верхъ власти, кто будетъ низвергнутъ, мы не знаемъ. И въ этотъ моментъ неужели не своевременно отмѣнить смертную казнь? Неужели исторія не даетъ достаточно примѣровъ того, что именно въ этотъ-то моментъ нужно сдѣлать такъ, чтобы впредь не было закономѣрныхъ убійствъ? Болѣзненно нужно, чтобы отнынѣ, при той неизвѣстности, которая предстоитъ русской жизни, не было уже убійствъ по закону, чтобы каждое убійство, кѣмъ бы ни было совершено, было преступнымъ дѣяніемъ.

1-го декабря 1789 года французское учредительное собраніе, по предложенію доктора Guillotin, постановило, что отнынѣ смертная казнь состоитъ въ простомъ лишеніи жизни. Это постановленіе тогда вызвало возраженія. Говорили, что, отмѣняя квалифицированную казнь, подрываютъ основы правосудія, что правосудіе неизбѣжно должно расшататься и что наступитъ анархія. Этого не наступило, но французская революція омрачила себя множествомъ приведенныхъ въ исполненіе смертныхъ приговоровъ. Русская Государственная Дума начала свою дѣятельность съ полной отмѣны смертной казни. Это не расшатаетъ устоевъ правосудія, но это гарантируетъ то, что лишенія жизни по закону—властнымъ безвластнаго—больше въ незаконченную эпоху русской революціи не будетъ...

Получитъ ли рѣшеніе Думы санкцію? Будемъ надѣяться, что да...

---

21 іюня въ газетахъ появилось правительственное сообщеніе по поводу погрома въ г. Бѣлостокѣ. 22 іюня Государственная Дума выслушала о томъ же погромѣ докладъ «комиссіи по изслѣдованію незакономѣрныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ», а на слѣдующій день начала его обсужденіе.

Правительственное сообщеніе, основанное на данныхъ, собранныхъ на мѣстѣ шталмейстеромъ Фришемъ, и на «другихъ, имѣющихся въ распоряженіи правительства», опредѣляетъ слѣдствія безпорядковъ слѣдующими цифрами: убито 7 христіанъ и 75 евреевъ; ранено 18 христіанъ и 60 евреевъ; разгромлено 169 квартиръ и лавокъ, принадлежащихъ еврейскому населенію, съ убыткомъ на сумму около 200 тыс. рублей. Далѣе, изъ фактическихъ свѣдѣній останавливаетъ вниманіе перечень полицей-

скихъ чиновъ, жандармовъ и солдатъ, бывшихъ жертвами революціонныхъ покушеній въ теченіе 1905 и 1906 гг. Общее ихъ число—33. Эти посягательства, а также насильственныя дѣйствія, направленныя противъ мирныхъ жителей, по словамъ сообщенія, «повергли населеніе Бѣлостока въ паническое состояніе», дошедшее до крайняго напряженія послѣ убійства 29 мая полиціймейстера Деркачева, и «породили то состояніе угнетенности и апатіи, въ которое пришла бѣлостокская полиція, не рѣшавшаяся даже показываться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ города». «Прослѣдить ходъ погрома — говорится далѣе, — то затихавшаго, то возобновлявшагося въ разныхъ частяхъ города, и различить въ заявленіяхъ пострадавшихъ лицъ истину отъ вольныхъ и невольныхъ измышленій можетъ, конечно, лишь судебное слѣдствіе, которое и ведется со всей возможной быстротой. Признавая до окончанія слѣдствія всякія утвержденія по этому предмету преждевременными, правительство можетъ пока считать установленнымъ лишь то обстоятельство, что погромъ производился по преимуществу отдѣльными небольшими кучками громилъ изъ среды городского и сельскаго населенія, нападавшими на еврейскіе дома и магазины въ тѣхъ по преимуществу мѣстахъ, гдѣ не имѣлось войскъ»... Въ заключеніе правительство отвергаетъ, «съ глубокимъ негодованіемъ, распространяемые въ обществѣ слухи о томъ, что еврейскій погромъ въ Бѣлостокѣ былъ подготовленъ съ вѣдома и при участіи мѣстной администраціи и войскъ, и считаетъ долгомъ выразить свое убѣжденіе въ томъ, что причину этого печальнаго событія слѣдуетъ искать, прежде всего, въ дѣятельности мѣстныхъ революціонныхъ организацій, которыя непрерывнымъ рядомъ преступныхъ посягательствъ, направленныхъ противъ властей и противъ частныхъ лицъ, довели мирное населеніе до крайняго озлобленія и разстроили полицію, не имѣвшую вслѣдствіе этого возможности предупредить и во-время остановить начавшіеся безпорядки».

Къ прямо противоположнымъ выводамъ пришла комиссія Государственной Думы на основаніи свѣдѣній и матеріаловъ, собранныхъ командированными ею въ г. Бѣлостокъ членами Думы: М. Е. Араканцевымъ, Е. Н. Щепкинымъ и В. Р. Якубсономъ. Эти матеріалы чрезвычайно обширны и заключаютъ въ себѣ такія *описанія фактовъ со словъ* очевидцевъ и потерпѣвшихъ, отъ ко-

торыхъ волосы становятся дыбомъ на головѣ. Впрочемъ, и безъ этихъ описаній однѣ голыя цифры показываютъ, какъ жестоко велся погромъ. Даже въ сраженіяхъ на войнѣ, при самыхъ усовершенствованныхъ средствахъ причиненія вреда, число раненыхъ всегда во много разъ превышаетъ число убитыхъ; въ Бѣлостокѣ же было убито 75 евреевъ (по свѣдѣніямъ комиссіи—82) и ранено только 60 (по свѣдѣніямъ комиссіи—70). Это значитъ, что били на смерть и добивали раненыхъ.

Комиссія признала, что, во-первыхъ, «никакой племенной, религіозной или экономической вражды между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ города Бѣлостока не существовало»; во-вторыхъ — что «нескрываемая вражда къ евреямъ существовала только у полиціи и внушалась также и войскамъ на почвѣ обвиненія евреевъ въ участіи въ освободительномъ движеніи». По мнѣнію комиссіи, болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе *планомѣрность* произведеннаго погрома. «О погромѣ знали, къ погрому готовились, погромомъ грозили и даже указывали день его; слѣдовательно онъ былъ не случайнымъ явленіемъ, не вспышкой на національной или религіозной почвѣ. Если принять во вниманіе, что низшіе органы полицейской власти распространяли выдумки о злодѣйствахъ евреевъ, то приходится признать, что эти выдумки входили въ планъ. Наконецъ, пріурочиваніе погрома ко дню христіанскихъ религіозныхъ процессій, когда фанатичная толпа особенно бываетъ чутка и религіозно настроена, является наилучшимъ выборомъ момента»... «Соображая всѣ данныя, приходится придти къ заключенію, что *погромъ былъ подготовленъ и организованъ*. Но кѣмъ же? Останавливаясь на образѣ дѣйствій г. начальника губерніи, нельзя не усмотрѣть, что еще до погрома представители еврейскаго общества сообщаютъ ему о тревожномъ состояніи города и предполагаемомъ погромѣ, указываютъ на пристава Шереметова, какъ на лицо, которое даже опредѣлило день начала погрома, на лицо, облеченное властью и враждебное еврейскому населенію. Но губернаторъ говоритъ представителямъ, настаивавшимъ на удаленіи Шереметова, что это единственный у него смѣлый и энергичный чиновникъ. Наступаетъ день погрома. Губернаторъ днемъ пріѣзжаетъ въ Бѣлостокъ и продолжительное время остается на вокзалѣ, затѣмъ ѣдетъ въ полицейское управленіе на свиданіе съ генераломъ Богаевскимъ, а

потомъ быстро исчезаетъ изъ Бѣлостока и направляется въ г. Вильну, къ генералъ-губернатору. Проѣзжая по городу, губернаторъ видитъ раненыхъ, трупы на улицѣ, и на вокзалѣ производится избіеніе хулиганами евреевъ, но онъ не предпринимаетъ ровно никакихъ мѣръ къ прекращенію; онъ точно чуждъ всему этому, онъ точно безсиленъ и не облеченъ властью»... «Сводя къ одному итогу дѣятельность губернатора и недѣйствительность «дѣйствительныхъ мѣръ» министра внутреннихъ дѣлъ (о принятіи которыхъ онъ говорилъ членамъ Думы Якубсону и Шефтелю), нужно признать, что въ организаціи погрома участвовала какая-то тайная власть, можетъ быть извѣстная, а можетъ быть и неизвѣстная явной власти»... Послѣ рѣчи князя Урусова этотъ послѣдній выводъ получаетъ особенное значеніе...

«Вѣстникъ Европы» 1906 г., № 7.

Оборвалось!..

Дума распущена...

Оборвалось то, чѣмъ жила Россія въ теченіе почти полныхъ двухъ лѣтъ.

Россія—отъ Петербурга и Москвы до послѣдней деревушки, заброшенной въ необъятной шири степей или въ непроходимой глуши лѣсовъ. Россія — черноземная, промышленная, польская, кавказская, сибирская. Россія образованная и неграмотная, богатая и бѣдная, управляющая и управляемая...

Стотридцатимилліонное населеніе не можетъ существовать безъ авторитета. Не авторитета ружей, штыковъ, нагайки и висѣлицы, а авторитета внутренняго, покоющагося на сознаніи долга и вѣрѣ. Не даромъ законъ требуетъ повиновенія не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Не даромъ представители идейнаго анархизма не столько направляютъ свои удары на силу, которою располагаетъ государственная власть, сколько на разрушеніе духовной связи между населеніемъ и властью...

Такимъ авторитетомъ, еще задолго до ея созыва, была Государственная Дума. Нравственный авторитетъ правительственной власти неудержимо падалъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Этого не было только замѣтно: отсутствіе возможности для народа проявлять открыто свое «я» создавало обманчивый призракъ показного спокойствія и благополучія. Но роковая ошибка реакціи восьмидесятыхъ годовъ не могла пройти безслѣдно и не прошла. Страхъ передъ «начальствомъ» не создалъ ни уваженія къ нему,

ни довѣрія. Чѣмъ послѣдовательнѣе насаждалось чувство страха, тѣмъ сильнѣе росло чувство протеста. И оно выросло до состоянія, граничащаго съ анархіей.

Идея народнаго представительства явилась якоремъ спасенія. Мысль всѣхъ классовъ общества за нее ухватилась и на нее оперлась. Хоть въ будущемъ обрисовался авторитетъ, которому народъ готовъ былъ нести повиновеніе «за совѣсть».

Идея слишкомъ долго оставалась нереализоаанной. Якорь то глубоко забиралъ въ землю, то срывался...

Наконецъ она реализовалась — сперва въ выборахъ, затѣмъ въ торжественно открытой Государственной Думѣ.

Прошло семьдесятъ два дня—и Думы нѣтъ... Провозглашенъ старый принципъ: нужно прежде всего успокоеніе. А когда оно наступитъ, тогда опять будутъ призваны народные представители.

Да какъ же наступитъ успокоеніе, если то, что вызвало тревогу и каждый день ее усиливаетъ, остается неизмѣннымъ?

«Быстрое, твердое и неуклонное возстановленіе порядка» и «неослабный отпоръ», «рѣшительный», «безъ всякихъ колебаній» большее, что могутъ дать—спокойствіе смерти. Но спокойствіе жизни—разумной и дѣятельной—развѣ въ силахъ они дать?..

Допустимъ, что спокойствіе смерти наступитъ. Такъ было въ 1881 году. Но тогда срока возврату къ жизни опредѣлено не было. Тогда не обѣщалось обновленія стараго строя. Тогда, напротивъ, былъ данъ обѣтъ — возродить «исконныя начала». И что же? — жизнь замерла, а черезъ двадцать три года произошелъ взрывъ.

Теперь назначенъ срокъ—20-е февраля. Теперь, какъ оповѣстилъ предсѣдатель совѣта министровъ, «правительство проникнуто твердымъ намѣреніемъ способствовать отмѣнѣ и измѣненію въ законномъ порядкѣ законовъ устарѣвшихъ и не достигающихъ своего назначенія». Теперь подтверждается, что «старый строй получитъ обновленіе».

Такъ развѣ 20 февраля не повторится то, что было съ 27-го апрѣля по 8-е іюля? Развѣ Дума новаго состава—если семь предстоящихъ мѣсяцевъ «пресѣченія», «отпора» и «борьбы не противъ общества, а противъ враговъ общества», какъ формулируетъ министерство задачу минуты, не убьютъ вѣры въ конституціонныя формы народнаго представительства—развѣ вторая Дума не

окажется въ положенiи первой? Развѣ ея законодательная дѣятельность не будетъ подавлена тѣми же непосредственно къ ней обращаемыми нуждами и обидами народа? Развѣ она не будетъ вынуждена сама говорить народу слова успокоенiя, производить разслѣдованiя и требовать отвѣтственнаго министерства?..

Тяжело и больно на душѣ. Третiй перiодъ русскаго освободительнаго движенiя оказался самымъ краткимъ. Оборвалась надежда на разрѣшенiе кризиса эволюцiей — болѣзненной и тяжелой, но мирной... Что впереди?.. Временная ли смерть для взрыва черезъ семь мѣсяцевъ, или революцiонный взрывъ сейчасъ, или, что еще ужаснѣе, взрывъ контръ-революцiонный—пугачевщина?..

Шестьсотъ «истинно-русскихъ людей» въ Москвѣ торжественно кричали «ура» и чествовали «великiй день» роспуска Думы.

Не знаемъ, гдѣ и какъ торжествовали, но навѣрное тоже въ приподнятомъ настроенiи были 9-го iюля и крайнiе лѣвые.

И тѣ и другiе не уставали говорить: «Думу разгонятъ». И въ этомъ было ихъ затаенное желанiе. Для однихъ — дабы о штыки разбились «безпочвенныя» мечтанiя о свободѣ, правѣ, равенствѣ и народномъ благѣ. Для другихъ — дабы дѣйствительность доказала невозможность мирнаго разрѣшенiя кризиса и тѣмъ вызвала насильственную революцiю.

Зловѣщее предсказанiе шло съ двухъ полюсовъ и оправдалось...

Конфликтъ между Думой и министерствомъ обострился до крайней степени и дальше продолжаться не могъ. Министерство взяло верхъ. Оно не остановилось передъ роспускомъ первыхъ представителей народа. Дѣятельность ихъ отнынѣ отошла въ прошлое, и ей вынесетъ приговоръ исторiя. Для свободной дѣятельности министерства поле чисто...

Министерство опять стоитъ непосредственно передъ лицомъ народа...

«XX Вѣкъ» 13 iюля 1906 г., № 105.

